

ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

К. В. Вертяев, С. М. Иванов, В. В. Макаренко

РОЖАВА: ФЕНОМЕН КУРДСКОЙ АВТОНОМИИ В СИРИИ

Москва
2023

УДК 323.22/.28
ББК 60.83
В35

Рекомендовано к печати
Ученым советом Института востоковедения РАН

Ответственные редакторы:

К. В. Вертяев, канд. полит. наук, ст. науч. сотр., ФГБУН ИВ РАН
И. А. Матвеев, канд. ист. наук, доц., МГИМО (У) МИД России

Рецензенты:

В. М. Ахмедов, канд. ист. наук, ст. науч. сотр., ФГБУН ИВ РАН
М. Э. И. Дюрре, канд. ист. наук, доц., МГЛУ ИМО и СПН

В35 Вертяев К. В., Иванов С.М., Макаренко В.В.

Рожава: феномен курдской автономии в Сирии : колл. монография /
К. В. Вертяев, С. М. Иванов, В. В. Макаренко ; Ин-т востоковедения РАН ; [Отв. ред. К. В. Вертяев, И. А. Матвеев]. — Москва : ИВ РАН, 2023. — 368 с., [8] с. цв. ил.

ISBN 978-5-907671-64-5

Коллективная монография посвящена становлению на северо-востоке Сирии самопровозглашенной Автономной администрации Северной и Восточной Сирии (ААСВС, курдское название — Рожава или Западный Курдистан), обладающей своей региональной спецификой и реализующей в своем развитии общественно-политический концепт демократического конфедерализма на основе декларируемого отказа от национальной государственности как инструмента осуществления власти.

Монография предназначена для историков, политологов, востоковедов и многих исследователей различных специальностей, а также для студентов, аспирантов и широкого круга читателей.

УДК 323.22/.28
ББК 60.83

В книге используются фото Томаса Шмидингера

Фото на обложке: Сирийские курды после освобождения деревень от джихадистов в районе Рас-эль-Айна в Сирии, 6 ноября 2013 года.

Источник: REUTERS

ISBN 978-5-907671-64-5

© Вертяев К. В., Иванов С. М.,
Макаренко В. В., 2023
© ФГБУН ИВ РАН, 2023

ОГЛАВЛЕНИЕ

Список сокращений	6
Тайм-линия основных событий становления Рожавы (Автономной администрации Северной и Восточной Сирии)	10
Введение	13
Глава 1. Исторический очерк сирийского Курдистана	29
Глава 2. Самоопределение сирийских курдов в условиях внутреннего вооруженного конфликта в Сирии	60
2.1. Курды Сирии до начала внутреннего вооруженного конфликта в Сирии (2011 г.)	60
2.2. Де-факто автономия как форма самоопределения сирийских курдов	64
2.3. Перспективы самопровозглашенной курдской автономии в Сирии	73
Глава 3. Сирийские курды и Партия арабского социалистического возрождения в Сирии	77
3.1. Курдский вопрос в Сирии после провозглашения независимости Сирии и в период объединенного египетско-сирийского государства (ОАР, 1958–1961 гг.)	83

3.2. Сирийские курды и баасисты: с 1963 г. до начала внутреннего вооруженного конфликта в Сирии	96
3.3. Положение курдов Сирии и их взаимоотношения с центральным правительством в период президентства Башара Асада.....	114
Глава 4. Феноменология «антигосударственности» Автономной администрации Северной и Восточной Сирии (ААСВС).....	134
4.1. Апологетика Рожавы в научной литературе.....	137
4.2. Теоретический подход к понятию повстанческого государства	152
4.3. Идеология ПРК как источник курдского повстанческого государства	160
4.4. Предпосылки возникновения курдской автономии в Сирии	186
Глава 5. Политика Турции в отношении сирийских курдов.....	192
5.1. Политика Турции в отношении северной Сирии в период французского мандата (1921–1946 гг.).....	192
5.2. Период после обретения Сирией политической независимости (1946 г.) до начала внутреннего вооруженного конфликта (2011 г.).....	206
5.3. Политика Турции в отношении сирийских курдов после 2011 г.....	214
Глава 6. Распад курдского мира и новые формы политического существования курдского этноса в Сирии	229
6.1. Курдский мир: понятие, функционирование и распад	234
6.2. Позиция Рожавы в рамках курдского мира. «Военно-полевая демократия».....	251

Глава 7. Революция в Рожаве: политическое переформатирование в рамках автономии	270
7.1. Партия Демократический союз (ПДС) как движущая сила преобразований в Рожаве.....	270
7.2. Самопровозглашенная автономия на севере и северо-востоке Сирии как рудимент повстанческого государства	282
7.3. ААСВС: новые вызовы и перспективы.....	302
Заключение	311
Приложение 1. Общественный договор Демократической федерации Северной Сирии.....	323
Приложение 2. Инициатива по разрешению сирийского кризиса (принята Демократическим Советом ААСВС 18 апреля 2023 г.).....	347
Литература	353

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- ААСВС — Автономная администрация Северной и Восточной Сирии
- АОНК — Армия Освобождения Народов Курдистана (ARGK, Artêşa Rizgariya gelên Kurdistan, запрещена в Турции)
- БМ — Братья-мусульмане, исламистская политическая организация (запрещена в Сирии, Египте, РФ)
- ВВК — внутренний вооруженный конфликт
- ВВС — Военно-воздушные силы
- ВВП — валовой внутренний продукт
- ВКС — Военно-космические силы РФ
- ВНСТ — Великое Национальное Собрание Турции
- ВОЗ — Всемирная организация здравоохранения
- ВПЛ — внутренне перемещенные лица
- ВПС — Временное правительство Сирии
- ВС — Вооруженные силы
- ВСТ — Вооруженные силы Турции
- ГЭС — гидроэлектростанция
- ДАО — Движение за Арабское освобождение, Сирия
- ДНР — Донецкая Народная Республика
- ДП — Демократическая партия, Турция
- ДПК — Демократическая партия Курдистана, Ирак
- ДПКС — Демократическая партия Курдистана в Сирии
- ДФСС — Демократическая Федерация Северной Сирии
- ЕС — Европейский союз

- ИВ РАН — Институт востоковедения Российской академии наук
- ИГИЛ — Исламское государство в Ираке и Леванте (запрещено в РФ)
- ИК — Иракский Курдистан, автономный Регион Курдистан в составе Ирака
- ИРНПС — Интернациональные революционные народные партизанские силы, Рожава
- КДЛПС — Курдская демократическая левая партия Сирии
- КДППС — Курдская демократическая прогрессивная партия Сирии
- КДПС — Курдская демократическая партия Сирии («Эль-Парти»)
- КМД — Курдское молодежное движение (ТСК, Tevgera Ciwanan Kurd, Сирия)
- КНАС — Курдский национальный альянс Сирии (HNKS, Hevbendiya Nîştimanî a Kurdî li Sûriyê)
- КНС — Курдский Национальный Совет (ENKS, Encûmana Nîştimanî ya Kurdî li Sûriyê, Сирия)
- КПП — контрольно-пропускной пункт
- ЛНР — Луганская Народная Республика
- МГПС — Международная группа посредников по Сирии
- МИД — Министерство иностранных дел
- НГА — негосударственные акторы
- НKK — Народный конгресс Курдистана (Kongra-Gel, запрещен в Турции, Германии, США, Франции, Дании, Испании, Швеции)
- НКОРС — Национальная коалиция оппозиционных и революционных сил, Сирия
- НПО — неправительственная организация
- НПФ — Национальный прогрессивный фронт, Сирия
- НРП — Народно-республиканская партия, Турция
- НСА — непризнанная самопровозглашенная автономия
- НСЗК — Народный совет Западного Курдистана, Сирия
- НСО — Народные силы обороны (HPG, Hezen Parastina Gel, Сирия).
- НСРК — Национальный Совет Революционного Командования, Сирия

- ОАР — Объединенная Арабская Республика
- ООН — Организация Объединенных Наций
- ПАСВ — Партия арабского социалистического возрождения (Баас)
- ПБС — Партия «Будущее Сирии»
- ПГ — повстанческое государство
- ПДБ — Партия «Движение к будущему», Сирия
- ПДН — Партия Демократии Народов (HDP, Halkların Demokratik Partisi; PDG, Partiya Demokratik a Gelan, Турция)
- ПДС — Партия Демократический Союз, Сирия (PYD, Partiya Yekitiya Demokrat, Сирия)
- ПНД — Партия националистического действия, Турция
- ПНФ — Прогрессивный национальный фронт, Сирия
- ПРК — Партия рабочих Курдистана (PKK, Partiya Karkaren Kurdistan, запрещена в Турции)
- ПСК — Патриотический союз Курдистана, Ирак
- ПСР — Партия справедливости и развития, Турция
- РЗР — Роты защиты революции («Сарайя ад-Дифа ас-Саура»), Сирия
- РФ — Российская Федерация
- САА — Сирийская арабская армия
- САНА — Сирийское арабское информационное агентство (SANA Syrian Arab News Agency)
- САР — Сирийская Арабская Республика
- СДС — Сирийские Демократические Силы
- СКП — Сирийская коммунистическая партия
- СНО — Силы национальной обороны, Сирия
- СНПС — Социал-националистическая партия Сирии
- СНС — Сирийский национальный совет
- СПС — Сирийское правительство спасения
- ССК — Союз Сообществ Курдистана (KCK, Koma Civakên Kurdistan, Турция)
- ССА — Свободная сирийская армия

- ТГМ — трансграничный механизм (доставки гуманитарной помощи в Сирию)
- ТТГ — территория транзитной государственности
- ФНОК — Фронт Национального Освобождения Курдистана (ERNK, Eniya Rizgariya Netewên Kurdistan, Турция)
- ХАМАС — Исламское движение сопротивления (Харакат аль-Мукавама аль-Исламия)
- ЦРУ — Центральное разведывательное управление, США
- ЧВК — частная военная компания
- COVID-19 — Коронавирусная инфекция 2019 г. (Coronavirus Disease 2019)
- ИСИ — Независимая международная комиссия по расследованию (Independent International commission of inquiry), ООН
- KRG — Региональное правительство Курдистана (Kurdish Regional Government), Ирак
- KADEK — Конгресс Свободы и Демократии
- MIT — Национальная разведывательная организация Турции (Milli İstihbarat Teşkilatı)
- PJAK — Партия свободной жизни в Курдистане (Partiya Jiyana Azad a Kurdistanê), Иран.
- R2P — международное обязательство о праве на защиту населения от массовых преступлений и гуманитарных катастроф (Responsibility to Protect)
- RAATA — Сектор Рас-эль-Айн — Эт-Телль-эль-Абьяд на севере Сирии, в 2019 г. оккупирован Турцией
- TEV-DEM — Движение за демократическое общество (Tevgera Civaka Demokratîk a Rojava), AACBC, Сирия
- TRT — Государственное турецкое радио и телевидение
- YBŞ — Силы сопротивления Синджара (Yekîneyên Berxwedana Şingal, Ирак)
- YPJ — Женские отряды народной обороны (Yekîneyên Parastina Jin, Сирия)
- YPG — Силы самообороны Рожавы (AACBC) (Yekîneyên Parastina Gel, Сирия)

ТАЙМ-ЛИНИЯ ОСНОВНЫХ СОБЫТИЙ СТАНОВЛЕНИЯ РОЖАВЫ (Автономной администрации Северной и Восточной Сирии)

1960-е годы. В Сирии вводится запрет на использование курдского языка

1962 г. В результате переписи населения сирийским правительством лишены гражданства страны более 120 тыс. курдов

1970-е годы: Баасистское правительство осуществляет попытки создания «Арабского пояса» в местах компактного проживания курдов на севере страны

2003 г. Создание партии Демократический Союз (ПДС)

Март 2004 г. Курдское восстание в Камышлы

Январь 2011 г. Создание Движения за демократическое сообщество (TEV-DEM) с целью установления автономного самоуправления

Июль 2011 г. Создание курдских сил самообороны (YPG)

19–20 июля 2012 г. В условиях внутреннего вооруженного конфликта в Сирии население Кобани, Африна и Джазире устанавливает самоуправление на севере страны через организацию советов, коммун и кооперативов

Апрель 2013 г. Создание женских сил самообороны (YPJ)

Июль 2013 г. Освобождение силами YPG-YPJ города Серекание (Расэль-Айн) от боевиков фронта «Аль-Нусра» (запрещен в РФ, признан террористической организацией ООН)

Январь 2014 г. Провозглашение автономии кантонов Африн, Кобани, Джазира под руководством TEV-DEM в окружении джихадистских группировок

Сентябрь 2014 г. — январь 2015 г. Атака ИГИЛ на Кобани. Силы самообороны отбили атаку джихадистов и приобрели мировую известность и поддержку

10 октября 2015 г. Создание Сирийских демократических сил (СДС или SDF)

9 декабря 2015 г. Создание Сирийского демократического совета (СДС или SDC)

Март 2016 г. Провозглашение Демократической федерации Рожавы — Северной Сирии

Август 2016 г. Освобождение Манбиджа от ИГИЛ силами SDF

Декабрь 2016 г. Изменение названия автономии на Демократическую федерацию Северо-Восточной Сирии

2017 г. Освобождение Табки (май) и Ракки (октябрь) от ИГИЛ и создание там гражданских советов в рамках Демократической федерации

Январь 2018 г. Вторжение турецкой армии и протурецких прокси в Африн. Вынужденное перемещение около 300 тыс. жителей из Африна, в основном курдов

Март 2018 г. Силы SDF выходят из Африна. В оккупированных регионах создается администрация Временного правительства Сирии (ВПС)

Сентябрь 2018 г. Провозглашение Автономной Администрации Северной и Восточной Сирии (ААСВС), состоящей из регионов Африн (оккупирован Турцией), Джазира, Евфрат, Манбидж, Ракка и Дейр эз-Зор

Март 2019 г. Победа SDF над силами ИГИЛ в Дейр эз-Зоре

Октябрь 2019 г. Интервенция Турции в Серекане (Рас-эль-Айн) и Гире Сипи (Эт-Телль-эль-Абьяд), оккупация сирийской территории (сектор RAATA)

24 октября 2019 г. Вступление в силу Сочинского соглашения между Россией и Турцией о режиме разграничения и совместном патрулировании на севере Сирии у границы с Турцией

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность анализа процессов в курдском этноареале Сирии связана с тем, что в этой стране сформировался один из острейших узлов противоречий на Ближнем Востоке, в который вовлечены интересы как региональных, так и крупных мировых держав. С тех пор как разразился сирийский кризис, именуемый внутренним вооруженным конфликтом (ВВК), а иногда — гражданской войной, прошло более десяти лет. За эти годы, по разным оценкам, погибли около 500 тыс. сирийцев. По данным Фонда ООН в области народонаселения, общая численность населения Сирии до начала ВВК в 2011 г. составляла 20,8 млн человек¹. В настоящее время половина из них являются беженцами, или ВПЛ. По оценкам заместителя специального посланника Генерального секретаря ООН по Сирии Рамзи Рамзи, национальный ВВП сократился на 60%; при этом 80% остающихся в Сирии граждан живут за чертой бедности, 14,2 млн жителей испытывают нехватку продуктов питания; 40% инфраструктуры лежит в руинах².

Преодоление последствий ВВК в Сирии заключается как в восстановлении, так и в совершенствовании политических институтов и идеологических парадигм в вопросах нациестроительства. Считается, что нынешние региональные, геополитические и экологические кризисы и конфронтации переплетаются, проявляясь в самых жестоких формах именно на современном Ближнем Востоке, где на протяжении долгого периода функционировали авторитарные и военно-бюрократические режимы. При этом строительство масштабных объектов — дамб

¹ Народонаселение мира в 2011 г. UNFPA. URL: <https://web.archive.org/web/20151123063646/http://www.un.org/ru/development/surveys/docs/population2011.pdf> (дата обращения: 02.02.2023).

² Рамзи. Р. Сирия и региональная перестройка. 22.09.2022. URL: <https://ru.valdaiclub.com/a/highlights/siriya-i-regionalnaya-perestroyka/> (дата обращения: 04.02.2023).

и плотин — вызывало в ряде случаев не только природные катаклизмы, но и демографические проблемы, связанные с перемещением населения в другие регионы, а также рост социальной, межэтнической и межконфессиональной напряженности. Несмотря на нередко воспринимаемую как консервативную региональную специфику Ближнего Востока, альтернативные, критические концепции развития и управления нередко возникают именно на местных или периферийных уровнях¹.

Вот уже более десяти лет на северо-востоке Сирии продолжает существовать самопровозглашенное политическое образование — «Автономная администрация Северной и Восточной Сирии» (ААСВС), не признанная на момент написания книги центральным сирийским правительством. В одновременно хрупкой и запутанной политической архитектуре современной Сирии ААСВС — это де-факто непризнанная самопровозглашенная автономия (НСА), иногда именуемая Рожава, что с курманджи переводится как «место, где садится солнце». Она обозначает, таким образом, западные территории этнического Курдистана, расположенные в границах Сирии, а точнее — её расширенную на историко-географический регион Заевфратья политическую эманацию в виде ААСВС, которая получает поддержку со стороны США и на которую приходилось на момент написания книги порядка 27% территории Сирии.

Помимо политической борьбы, проблемы выживания в условиях внутреннего вооруженного конфликта и реализации эксперимента одной из крайних форм демократии, близкой к анархическим идеям П. Кропоткина², имплементируемый в ААСВС принцип демократиче-

¹ *Hetcher M. Internal Colonialism: The Celtic Fringe in British Development. University of California, 1975. P. 12.*

² По мнению П. А. Кропоткина, «анархизм происходит из того же революционного протеста, того же людского недовольства, что и социализм; и результатом революции он видит установление “безгосударственного коммунизма”. Новый общественный строй виделся ему как вольный федеративный союз самоуправляющихся единиц (общин, территорий, городов), основанный на принципе добровольности и “безначалья”. Предполагалось коллективное ведение производства, коллективное распределение ресурсов и вообще коллективность всего, что относится к экономике, к сфере услуг, к человеческим взаимоотношениям. Коллектив представлял бы собой группу заинтересованных в своей деятельности людей, которые понимали бы, зачем и для кого они всё это делают, чего было бы достаточно для их добровольной деятельности». (Викторов В. Ю., Гусев А. А. Политология. М.: Директ-Медиа, 2016. С. 97–98; Кропоткин П. А. Государство и его роль в истории. СПб. 1896.)

ского конфедерализма связан с вопросом о судьбе всего курдского этноса, части которого, несмотря на расселённость в разных странах, до сих пор связаны между собой, а события в одной части Курдистана практически всегда отражаются на процессах и в его других частях.

Ещё совсем недавно при пересечении сирийско-иракской границы и въезде на территорию ААСВС в паспорт ставился штамп с надписью «Сирийская Республика», а не «Сирийская Арабская Республика»¹. При этом на штампе не были указаны ни Курдистан, ни Рожава². Этот штамп во многом отражает суть геостратегических противоречий как внутри страны, так и между курдами сопредельных стран. Он демонстрирует представление властей НСА о себе как о наднациональной автономии в «надэтнической» Сирии. Курдское обозначение «Рожава» ранее официально использовалось только в 2016 г. после провозглашения Демократической Федерации Северной Сирии (ДФСС), с 2018 г. — ААСВС. Однако и здесь мы находим ссылку на Сирию, тогда как Курдистан не упоминается напрямую. Таким образом, наднациональные требования де-факто автономии остаются неизменными на протяжении уже десяти лет.

Курды составляют крупнейшее этническое меньшинство Сирии. Однако в стране официальных статистических данных о численности курдского населения не существует. Связано это с тем, что на протяжении всего периода с момента выхода из ОАР в 1961 г. Сирия именуется Сирийской Арабской Республикой. Согласно конституции 1963 г. все её граждане считались арабами, и их этническое происхождение отодвигалось на второй план ради сирийской идентичности (араб. «аль-хавийя ас-сурийя»). По оценкам экспертов, до 2011 г. численность курдов Сирии составляла 2 млн человек, то есть примерно 10% от общей числен-

¹ *Schmidinger T., Schiffmann M. (trans.). Rojava: Revolution, War and the Future of Syria's Kurds. Pluto Press. 2018. P. 9.*

² В курдских регионах Ближнего Востока чаще используют словосочетание «Западный Курдистан», хотя географически Рожава — это скорее юго-запад Курдистана. Корректнее было бы использовать термин «Сирийский Курдистан», однако под контролем де-факто автономии, границы которой проходят практически вдоль всей реки Евфрат, находятся и районы расселения арабских племен. Поэтому использование названия Заевфратье (или Джазира) представляется наиболее уместным.

ности населения Сирии¹. В целом же местное население с момента провозглашения самоуправления и несмотря на присоединение к ААСВС новых территорий на востоке имело склонность к сокращению с 3,8 млн в 2014 г. до 2,6 млн в 2021 г., что было связано с потерей контроля над рядом территорий в результате турецкой де-факто оккупации территорий Сирии, миграцией курдов в ИК, Турцию, Европу, а также с оттоком арабов из Джазир (Заевфратья)².

Вооруженный конфликт в Сирии поместил сирийских курдов в самый центр региональных противоречий, поскольку им удалось установить контроль над некоторыми северными и восточными районами страны. Именно сирийские курды оказались наиболее эффективными и верными ближневосточными союзниками международной коалиции против Исламского государства (Исламского государства Ирака и Леванта — ИГИЛ). Как отметил философ Славой Жижек во время своего онлайн-выступления в университете Кобани в апреле 2021 г., «курды создали на севере Сирии реально существующую утопию интеллектуального сообщества, став символом не только сопротивления, но и устройства нового миропорядка»³.

Как политический феномен НСА на севере Сирии начала формироваться вокруг трех «курдских анклавов»⁴: в Хасеке (Джазира), Африне

¹ Gunter M. Out of Nowhere: The Kurds of Syria in Peace and War. L.: Hurst & Company, 2014. P. 14; Иванов С. М. О курдской проблеме Сирии // Курды Западной Азии (XX — начало XXI в.). Проблема курдского самоопределения. М.: ИВ РАН, 2012. С. 93.

² Мамеев И. А. Политэкономия Сирии в конфликте. В 2 т. Т. 2: Трудный путь к восстановлению. М.: ИВ РАН, 2022. С. 151.

³ Slavoj Žižek Teaches at Kobane University. Bianet. April 21, 2021. URL: <https://bianet.org/english/world/242693-slavoj-zizek-teaches-at-kobane-university> (дата обращения: 01.02.2023).

⁴ Согласно устоявшемуся определению, анклавными образованиями считаются части территории государства, полностью или частично окруженные территориями других государств и не имеющие географической связи с материнским государством. Используемое определение «анклавности» в отношении курдских кантонов Сирии, сформировавшихся в рамках самопровозглашенной автономии в 2012–2016 гг., носит довольно условный характер. Оно апеллирует не к материнскому государству, а, скорее, к воображаемому этническому Курдистану, географические «осколки» которого оказались в Сирии в результате раздела в 1920 г. населенной курдами территории между Сирией и Турцией по итогам Первой мировой войны. Таким образом, анклавность опосредована тем, что территории компактного проживания курдов Сирии отделены от основного массива расселения курдов на Ближнем Востоке турецко-сирийской границей, причем в Сирии их называли анклавами изначально, когда они были отделены друг от друга районами с арабским населением.

(Курд-Дар) и Кобани (Айн-эль-Араб), провозглашенных кантонами. 17 марта 2016 г. на севере и северо-востоке Сирии была провозглашена Демократическая федерация северной Сирии — Рожава, с 2018 г. именуемая «Автономная Администрация Северной и Восточной Сирии» (ААСВС). Это политическое образование, де-факто существующее с июля 2012 г., представляет собой структурный конгломерат органов (советов) местного самоуправления в сирийском Курдистане, который уже к 2018 г. в результате освобождения от ИГИЛ включал в себя и населенные арабами районы условного Заевфратья. Активную поддержку такому курдско-арабскому союзу оказывали США¹.

Лавирование местной автономной администрации между интересами внешних игроков, вовлеченных в войну и в интервенцию в Сирии, в первую очередь США, России, Турции, Ирана, позволило сформироваться здесь по сути альтернативной сирийской протогосударственности на почве идейного антагонизма с центральной властью в Дамаске, придерживающейся до сих пор, по мнению апологетов Рожавы, традиционно-националистической баасистской линии в отношении нацистроительства².

В результате заключенного между Россией и Турцией Сочинского меморандума 2019 г. на севере Сирии был установлен определённый статус-кво после военной оккупации Турцией и турецкими прокси сирийских территорий, находившихся в границах самопровозглашенной курдской автономии. В первую очередь, это Африн, захваченный в результате военной операции «Оливковая ветвь» в марте 2018 г. Затем интервенция, проведенная в октябре 2019 г. (операция «Источник мира»), привела к тому, что Турция установила контроль над четырехугольником Рас-эль-Айн — Телль-Тамер — Айн-Исса — Эт-Телль-эль-Абьяд (сектор RAATA) с явной целью не допустить перехода этой территории под контроль курдов из Партии Демократический союз (ПДС) и аффилированных с ними сил самообороны (YPG, обе запрещены в Турции) в рамках Сирийских Демократических Сил (СДС). Примечательно, что сектор RAATA, как следует из рис. 1, является одним из основных мест компактного проживания курдов Сирии.

¹ *Balanche F.* How to Preserve the Autonomy of Northeast Syria. TWI English. 15.03.2022. URL: <https://www.washingtoninstitute.org/policy-analysis/how-preserve-autonomy-northeast-syria> (дата обращения: 12.02.2023).

² Цветы пустыни. 10 лет революции в Рожаве. М.: Напильник, 2022. С. 105.

Рис. 1. Расселение курдов Сирии. Источник: McDowall D. A Modern History of the Kurds. 4th Edition. L.: I. B. Tauris, 2020. P. 454

Турция осуществила серию военных операций на севере Сирии с целью подавления Рожавы как повстанческого государства, находящегося под сильным влиянием идей Абдуллы Оджалана, лидера запрещенной в Турции Партии рабочих Курдистана (ПРК). С 2015 г. Турция начала предпринимать попытки не столько ликвидировать Рожаву, сколько создать в сирийском приграничье «пояс безопасности», воспринимая НСА в качестве своеобразного «террористического анклава», возглавляемого курдами из ПДС и СДС. По мнению ряда исследователей, придерживающихся левых взглядов, турецкое правительство очевидным образом стремится уничтожить революционное политическое образование сирийских курдов, поскольку оно может являться моделью самоуправления и для курдов в самой Турции¹. Между тем, сторонники ПРК из числа легальной до определенного периода курдской оппозиции в Турции пытались безуспешно реализовать этот принцип в начале XXI в. в ряде курдских провинций страны в рамках движения демократического конфедерализма². Тогда попытки создания параллельного

¹ Жизнь без государства: революция в Курдистане. М.: Common place; Nevale, 2017. С. 72–79.

² Çakır R. Türkiye'nin Kürt Sorunu. İst. 2004. S. 71–74.

самоуправления на уровнях муниципалитетов были пресечены властями страны путем репрессий против сторонников и руководителей Партии демократии народов (ПДН) в Турции в 2016 г., обвиненных в сепаратизме. Сейчас же турецкое правительство изображает курдских ополченцев Рожавы террористами, обвиняя их в принадлежности к Партии рабочих Курдистана.

Политическое укрепление ААСВС было связано с тем, что с помощью авиаударов многонациональной коалиции во главе с США, направленных против ИГИЛ, ополченцы созданных в 2015 г. при участии США СДС, костяк которых составляли курдские силы самообороны (курд. *Yekîneyên Parastina Gel*, YPG), в 2015–2019 гг. освободили от игиловцев десятки тысяч квадратных километров территории на северо-востоке Сирии, что вызвало крайнюю обеспокоенность не столько Дамаска, сколько Турции, спровоцировав серию военных операций Вооруженных сил Турции (ВСТ) с целью оккупации приграничных районов Сирии и удаления оттуда отрядов ПДС/YPG. В результате установившегося хрупкого равновесия в зоне ААСВС вдоль турецкой границы разместились силы безопасности из нескольких стран. Россия, Турция и США осуществляют здесь раздельное военное патрулирование (см. рис. 2, цв. вкладка).

Резюмируя сказанное, можно отметить, что на момент написания книги Сирия остается разделенной на пять зон территориального контроля. Первая зона под контролем центрального правительства; вторая — турецкий протекторат на севере, формально подконтрольный оппозиционному «Временному правительству Сирии» (ВПС); третья — «Малый Идлиб», часть северо-западной провинции Идлиб под управлением также оппозиционного «Сирийского правительства спасения» (СПС), где дислоцированы наблюдатели ВСТ; четвертая де-факто автономная зона Заевфратья (ААСВС) с присутствием небольшого контингента ВС США; пятая — 55-километровая «зона безопасности»¹ в районе Ат-Танф на сирийско-иракской границе, где под контролем американских и британских военных советников проходят обучение отряды непримиримой сирийской оппозиции.

Если оставить за скобками вопросы геополитики, то нельзя не заметить, в том числе на основании полевых исследований, что сирийские

¹ В июне 2022 г. Россия нанесла авиаудары по американской военной базе гарни- зона Аль-Танф, предварительно уведомив Соединенные Штаты о своих намерениях.

курды пытаются, по крайней мере, декларативно создать некое новое революционное общество по модели «демократического конфедерализма». С первых лет сирийского конфликта они строят конфедеративный и автономный регион на северо-востоке страны под лозунгами демократии, плюрализма, феминизма и многоэтничности.

Контролируя практически весь северо-восток Сирии в Заевфратье (за исключением двух небольших анклавов Хасеке и Камышлы с одноименным международным аэропортом, которые остаются в ведении Дамаска), СДС, где курды играют ведущую роль, пока не позволяют правительственным силам восстановить полный контроль над этим регионом. Между тем именно здесь расположены основные сирийские нефтяные месторождения и пшеничные поля (за что Джазиру прозвали сирийской «житницей»), а также водные ресурсы реки Евфрат, на которой сосредоточены крупнейшие сирийские ГЭС. Полное восстановление местных экономических объектов и инфраструктуры отвечает интересам и Дамаска, и руководства ААСВС, создавая возможный базис для переговоров и достижения взаимных компромиссов, в особенности в свете сохраняющейся военной угрозы со стороны Турции.

Учитывая вышеизложенное, авторы считают необходимым сосредоточить внимание на анализе внутривнутриполитических аспектов возникновения ААСВС, роли Турции и Партии рабочих Курдистана (ПРК)¹. Задача данной коллективной монографии — дать научный обзор исторического развития политической идеи от концепта «повстанческого государства» к демократической автономии и примененной в Рожаве особой «безгосударственной модели» демократии. Основой для рассмотрения конкретного странового кейса служат теории «повстанческого государства» [McColl, 1969] и «анклавно-конгломератных сообществ» [Богатуров, Виноградов, 2002].

Следует признать, что феномен имплементируемой в Рожаве «безгосударственности», демократического конфедерализма слишком сложен, чтобы его изучение можно было ограничить рамками одной выборочной

¹ Распространенный отечественный перевод этой организации — Рабочая партия Курдистана (Partiya Karkaren Kurdistan, PPK) (см., напр.: URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Рабочая_партия_Курдистана) — является ошибочным, поскольку так называлась отличная от РКК политическая партия, недолго существовавшая в конце 70-х годов и имевшая тесные связи с Демократической партией Курдистана в Ираке.

научно-аналитической парадигмы. Здесь возможен матричный подход с анализом специфики всех составляющих современного мира, включая феномен Рожавы. С одной стороны, может показаться, что возникновение данного политического образования предопределено разделенностью курдского народа. Под разделенным народом следует понимать этническую группу, территория компактного проживания которой фрагментирована границами двух или более государственных образований, но которая осознает себя в качестве единой общности и формирует специфические механизмы сдерживания культурной дифференциации своих отдельных частей, расположенных по разные стороны государственных границ¹. Феномен восприятия себя как разделенного народа самими сирийскими курдами неоднозначен. Стремление в рамках интегрального национализма к объединению своего этнического пространства в рамках собственного единого государственного образования («Большого Курдистана») не характерно для большинства сирийских курдов. Часть их глубоко инкорпорирована в управленческую систему Сирии (например, президентом страны в 1940–1950-е годы был Адиб аш-Шишакли, курд по материнской линии). Курды были заняты в госсекторе, служили в Сирийской Арабской армии (САА) либо в правоохранительных органах, были членами Партии арабского социалистического возрождения (ПАСВ).

Другая сложившаяся группа сирийских курдов подчеркивает свою этническую идентичность в составе полиэтнической Сирии, выступая за признание курдов как этнического меньшинства, что подразумевает сохранение и развитие курдского языка, но без автономистских претензий, тем более на создание отдельного курдского государства². В этой связи среди членов созданной в 1957 г. Демократической партии Курдистана в Сирии (ДПКС), не признанной официальным Дамаском, долгое время велась дискуссия между представителями курдской интеллигенции, считающей курдов меньшинством в Сирии, и теми, кто утверждал, что курды — это отдельная нация. Последняя группа объединяла в основном курдских интеллектуалов, оппозиционно настроенных по отношению к сирийским властям, ратующих за политическую автономию под лозун-

¹ Балашов Ю. А. Проблемы разделенных народов и варианты их решения в международно-политическом континууме, автореф. дис. по политологии. Нижний Новгород, 2008. С. 6.

² Матвеев И. А. Сирия в конфликте. М.: ИВ РАН, 2020. С. 69.

гами демократизации и федерализации, а также за расширенные экономические и культурные права, укрепление связей с Иракским Курдистаном после того, как его статус был закреплён в иракской конституции 2005 г.

Присущий сирийским курдам коммунизм укладывается в систему взглядов и идеологических ориентиров, характерных для обществ анклавно-конгломератного типа, описанных в работе А. Богатурова и А. Виноградова¹, в рамках которых Сирия может рассматриваться как общество, способное к мобилизации на основе созидательных императивов при влиянии, однако, разделительных линий.

Как резонно отмечают указанные исследователи, «под конгломератными понимаются общества, для которых характерно длительное сосуществование и устойчивое воспроизводство пластов разнородных моделирующих элементов и основанных на них отношений»². Зачастую эти пласты носят цивилизационный характер (арабский мир, курдский мир) и в контексте всего Ближнего Востока и образуют внутри государств отдельные анклавы, эффективная организованность которых позволяет им выживать в рамках обрамляющего государства-конгломерата.

Конгломераты — это формальные объединения, обычно создаваемые путем поглощений или слияний и служащие для диверсификации рисков. Они интересны с социологической точки зрения, поскольку представляют собой крупные, сложные, часто как многонациональные, так и полиэтнические образования (например, Сингапур до отсоединения от Малайской конфедерации в 1965 г.), способные манипулировать балансом богатства и власти в глобальной экономике³.

В то же время конгломератные общества представляют собой социальные мегаструктуры, зачастую обрамленные государственными или административными границами, но опирающиеся на анклавы, из которых состоят. При этом анклавы — не обязательно рудименты чего-то отжившего, они могут представлять и новации, как в случае с ААСВС.

При этом конгломератно-анклавный тип политической организации бывает инструментом более-менее успешного приспособления общества

¹ Богатуров А. Д., Виноградов А. В. Анклавно-конгломератный тип развития. Опыт транссистемной теории // Восток — Запад — Россия. Сборник статей. К 70-летию академика Н. А. Симонии. М.: Прогресс-Традиция, 2002. С. 109–128.

² Там же. С. 113.

³ Bruce S., Yearley S. The SAGE Dictionary of Sociology. Thousand Oaks, 2006. P. 114.

к постконфликтной среде (что видно на примере Боснии и Герцеговины, Ирака, Йемена, Судана)¹.

Было бы, наверное, ошибкой видеть в конгломератных обществах «внутренне противоречивые» (по Марксу), «надломленные» (по Тойнби) или «глубоко разделенные» (по Гелке и Наумкину) сообщества². Конгломератность всего лишь воплощает частный вид «системно-несистемной» организации и не имеет оценочных категорий. При этом конгломератность невольно выступает как некая оппозиция системности, а в контексте AACBC — централизованной государственности.

Конгломеративность, таким образом, обозначает склонность к единству в качестве соединения разнотелных элементов: единство «по внешнему контуру». Анклавы в конгломерате могут «автономно воспроизводить свой собственный тип социальных отношений и с позиций всего сообщества (государства) быть в целом «несистемными». При этом возникает обманчивое впечатление того, что конгломераты — это «недосистемы», несостоявшиеся государства, которые со временем станут «нормальными» системами. Однако, по мнению Богатурова и Виноградова, «они не становятся и вряд ли станут таковыми в силу веской причины: системам и конгломератам присущ разный тип взаимодействия образующих элементов, а отношения разнородных составляющих в подобных системах складываются по диалектической формуле отрицания отрицания»³.

При этом ещё классик утопического социализма Н. Чернышевский отмечал, что характеризующее мировой исторический процесс двойное отрицание может отсутствовать в некоторых из его локальных ветвей, когда в эволюции конкретных сообществ как бы выпадает «среднее звено»⁴. Будучи обусловленным спецификой социальной среды, это вызывает диалектическое преломление ряда закономерностей исторического процесса в условиях некапиталистического развития⁵.

¹ Богатуров А. Д., Виноградов А. В. Указ. соч. С. 118.

² Наумкин В. В. Глубоко разделенные общества Ближнего и Среднего Востока: конфликтность, насилие, внешнее вмешательство // Вестник Московского университета. Серия 25. Международные отношения и мировая политика. 2015. № 1. С. 66–96. Режим доступа: URL: <https://rucont.ru/efd/485857> (дата обращения: 19.11.2022).

³ Богатуров А. Д., Виноградов А. В. Указ. соч. С. 112.

⁴ Чернышевский Н. Г. Критика философских предубеждений против общинного землевладения. Избранные философские произведения. Т. 2. М., 1960. С. 449.

⁵ Андреев И. Л. Общинные структуры и некапиталистический путь развития. Владимир. 1973. С. 12.

Здесь остро встает вопрос о границах терминов автономизма и сецессионизма для определения характера взаимовлияния системообразующих единиц такого конгломерата, притом что даже просто «сецессию» и «сецессионизм» иногда ассоциируют не только с отделением от государства, но и с получением автономии, как это делает, например, профессор Д. Горовиц¹.

Под автономией, или децентрализацией, условно понимается весь спектр возможных (формальных и фактических) автономных статусов в рамках единого государства, как унитарного, так и федеративного. Основанием для стирания грани между автономизмом и собственно сепаратизмом (сецессионизмом) является тот факт, что в реальной общественной жизни эта грань подвижна и размыта. Большинство сецессионистских движений, кроме совсем мелких или ультрарадикальных, не монолитны, а состоят из фракций различной ориентации, влияние которых меняется, как меняются со временем их собственные взгляды и на общеполитический контекст их автономного существования. Автономистские стремления могут перерастать как в планы отделения, так и наоборот². В этой связи автономизм и децентрализация (араб. «низам ля-меркезийя») в том виде, в каком её рассматривает руководство ААСВС, является довольно размытым, обобщенным понятием.

При размытости границ «единство и выживание подобных сообществ достигается через отстраивание в результате проб и конфликтов некой комбинированной структуры, отличной от распространения однородных связей в рамках общественной организации, при которой общество способно развиваться в качестве целого, оставаясь состоящим из анклавов, воспроизводящих себя и свои отличия от других структурных единиц конгломерата». Как пишут цитированные авторы, «в принципе можно допустить, что некий тип отношений, свойственный одному анклаву, в конкретный момент может пользоваться поддержкой власти, получая благоприятные условия для экспансии в сопредельные анклавы и даже их полного освоения. Однако это возможно лишь в теории. Конгломеративные

¹ Horowitz D. Patterns of Ethnic Separatism // Comparative Studies in Society and History. 1981. Vol. 23. No. 2. P. 165–195.

² Нарочинская Е. А. Государство и вызов сепаратизма: между сецессией, автономией и новым регионализмом // Перспективы. Электронный журнал. 2015. № 3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/gosudarstvo-i-vyzov-separatizma-mezhdu-setsessiey-avtonomiy-i-novym-regionalizmom> (дата обращения: 02.03.2022).

общества представляют собой целый сектор мировой политики»¹, существующий за счет донорства и поддержки, в том числе и военной, третьих сторон. Взаимоотношения, а иногда и противостояние конгломеративных и неконгломеративных составляющих международного сообщества — крупная проблема, которая привела к серии серьезных вооружённых конфликтов в XXI в. (например, на Украине).

Можно сказать, что жизнеспособность конгломератных сообществ на Ближнем Востоке и опыт их модернизации на протяжении последних ста лет опровергают главенствующие в политологии международных отношений европоцентричные нарративы. Например, в Хартии (Общественном Договоре) самопровозглашенной Рожавы 2016 г. говорится: «Данным общественным договором демократическая федеральная система Северной Сирии принимает физические и моральные ценности Ближнего Востока»². Подобные социально-политические новации «сами по себе не могут привести к возникновению на месте изначально существующего конгломеративного общества однородного социокультурного пространства современного европейского типа под модернистскими лозунгами создания современных наций-государств»³.

По мнению Богатурова и Виноградова, «конгломеративная модель способна привести к приобретению новых качеств не через разрушение свойств частей, а посредством растянутого во времени образования нового макросвойства через ряд повторяющихся, схожих, но и различающихся циклов, в процессе монотонного набегания которых друг на друга, когда соположенные элементы испытывают взаимное влияние и меняются, но сохраняют при этом критическую массу исходных микрокачеств»⁴. Поэтому как государство-центристские, так и «повстанческие» подходы (см. Гл. 4) могут оказаться лишь своеобразной «предстадией» современного уклада.

Примеры конгломератов многочисленны: если рассматривать этническую дихотомию «своего» — «чужеродного», то это и Израиль, и Шри-Ланка с тамильским населением, и Ирак с Иракским Курдистаном. Причем анклавный тип развития соотносится не только с территориями: сюда можно отнести и Индию, где «современное поведение коррелируется

¹ Богатуров А. Д., Виноградов А. В. Указ. соч. С. 110.

² См. Приложение 1.

³ Богатуров А. Д., Виноградов А. В. Указ. соч. С. 111.

⁴ Богатуров А. Д., Виноградов А. В. Указ. соч. С. 119.

с принадлежностью к высшим кастам, а традиционное — к низшим. Многообразие форм конгломератов и их относительная автономность от универсальных закономерностей дают основание говорить о существовании особого типа развития обществ как антиподов модернистскому плавильному линейно-прогрессивному развитию, при котором возникает более органичное, ненасильственное обоснование цельности мира как общности, соединяющей противоположности, но не обрекающей их враждебному противостоянию в борьбе за сохранение идентичности каждой»¹.

Цитированные авторы также предполагают, что «связанная с этим переходом смена оценочной парадигмы низводит с пьедестала значимую для XIX–XX вв. национально-освободительную борьбу, не умеряя, однако, её привлекательности и опосредуя проявление различных её атавизмов»². При этом «признание равнозначности анклавов означает преодоление феномена “поглощающего котла” — инструментально-наступательного взгляда на мир и историю в пользу сберегающего слитно-органического видения вселенной и своего места в ней, когда при внешнем благополучии нынешней поглощающей в отношении природы и потребления ресурсов постиндустриальной модели устойчивого развития она обнаружила к концу XX в. относительную истощенность»³. Действительно, реалии нынешнего столетия заставили человечество обратиться к «сберегающим» или даже экологическим (т. е. не только природосберегающим, но и природоориентированным) вариантам человеческой самоорганизации, «которые способны обеспечить восприятие новаций не за счет расширения антропогенной экспансии, а через соразвитие анклавов в рамках “щадящего” взаимоотношения человечества и природы»⁴ (как, например, сапатисты в мексиканском штате Чьямпас). Как представляется, в этом во многом коренится экологизм в доктрине Рожавы. Контуры такого «щадящего» варианта отношения к природе довольно очевидно просматриваются в самопровозглашенной автономии, а экологизм Рожавы воплощает переход от эпохи инструменталистско-потребительского отношения к природной, обрамляющей и к ненасильственному самовстраиванию в неё различных сообществ.

¹ Там же. С. 11.

² Там же. С. 14.

³ Там же. С. 12.

⁴ Там же. С. 14.

Современная конфликтность может быть интерпретирована как результат попыток регулировать международные отношения (как, впрочем, и иные секторы международной политической жизни) с позиций неизбежности ориентации на нормативную этику Запада. С этим во многом связан антиглобалистский дискурс, когда в рамках самопровозглашенной автономии совершается революция против патриархата, национального государства и капитализма¹.

Он во многом был опосредован проецированием европейских идей общественного и межгосударственного устройства на афро-азиатские ареалы (в частности, на Ближний Восток). Такие инструменты международного регулирования, как Вестфальская, Бреттон-Вудская системы и другие разноплановые организации, неизменно выступали продуктом западного интеллекта (за исключением, пожалуй, ООН, начало которой было положено на Ялтинской конференции 1945 г. при участии стран Запада и СССР). Так, в преамбуле Общественного договора Рожавы — ДФСС (2016 г.) говорится о том, что в своем политическом устройстве самопровозглашенная автономия стремится ориентироваться именно на локальные или ближневосточные традиции политического устройства общественного сосуществования, руководствуясь «физическими и моральными ценностями Ближнего Востока, стремясь распространить свой опыт на всю Сирию» (см. Приложение 1). Попытки же урегулировать сирийский кризис в рамках Астанинского формата также имеют знаковую архитектуру, характерную для превалирующих интересов и влияния третьих сторон, являющихся далеко не самыми индифферентными политическими акторами, в плоскости чьих интересов пребывает факт существования непризнанной курдской автономии на северо-востоке Сирии (в первую очередь Турции).

В семи главах данной книги подробно рассмотрен генезис ААСВС, включая факторы и условия существования курдского этнического меньшинства в Сирии с момента возникновения сирийского государства, а также идеологические составляющие сформировавшейся протогосударственности на северо-востоке Сирии, её отношения с ПАСВ, находящейся у власти в стране с 1963 г.

¹ Global call to defend the Rojava Revolution! By Internationalist Commune. 04.11.2019. URL: <https://internationalistcommune.com/global-call-to-defend-the-rojava-revolution/> (дата обращения: 21.11.2022).

Таким образом, авторы оставили за скобками роль и влияние внешних игроков, таких как США и Россия, на ситуацию в ААСВС, отдавая отчёт в том, что внешнее донорство (в том числе и за счет НПО) всегда было определяющим фактором выживания подобных квазигосударственных образований. Вместе с тем важность анализа концепта демократического конфедерализма, имплементируемого сторонниками Рожавы на этой территории вот уже более десяти лет, была очевидной: это малоизученная форма политической организации, которая, тем не менее, присутствовала в современной человеческой истории со времен французских коммун.

Работа не является написанной в рамках какого-либо государственного или частного научного гранта и в первую очередь ориентируется на научную непредвзятость. Главы написаны К. В. Вертяевым (Введение, 1, 3, 4.1, 4.2, 5, 7, Заключение), С. М. Ивановым (2), В. В. Макаренко (4.3, 6), К. В. Вертяевым и В. В. Макаренко (4.4).

Глава 1

ИСТОРИЧЕСКИЙ ОЧЕРК СИРИЙСКОГО КУРДИСТАНА

Сирийские курды, по крайней мере, до начала внутреннего вооруженного конфликта в Сирии и возникновения в сирийском Курдистане (Рожаве) в 2012 г. местного самоуправления редко становились объектом исторического социально-политического изучения. Связано это было с тем, что сирийские курды относительно малочисленны в сравнении с курдофонным населением Турции, Ирана и Ирака. Впрочем, и сам курдский вопрос в Сирии никогда не был связан с крупными восстаниями против центральных властей страны. Одна из причин видится в том, что в большинстве своем курды Сирии живут на обширных равнинах Джазиры, что не располагает к активной партизанской деятельности — подобной той, которую вели партизаны в горах Ирака, Турции.

Особенностью курдов Сирии было то, что территория их компактного проживания в стране исторически не включала крупные курдские городские агломерации, такие как Битлис, Диярбакыр в Турции, Сулеймания, Эрбиль и Равандуз в Ираке, Сенеж и Урмия в Иране. По этой причине и, как следствие, ввиду отсутствия националистически ориентированной социальной базы, которой всегда являлись городские слои, среди курдов Сирии не было таких заметных лидеров, как шейх Махмуд Барзанджи и Мустафа Барзани в Ираке, Шимко Ага в Иране, шейх Саид и Абдулла Оджалан в Турции.

Сирийский исследователь Месутэль-Фани писал, что курды упоминаются на территории современной Сирии со времен Аийюбидов — династии, основанной курдом Салах ад-Дином. Ранее, ещё во времена Аббасидов, территория современной Сирии называлась «аш-Шам»

и административно являлась «иклимом» (провинцией), подобно провинциям Мыср (Египет) и Ирак (включавшей лишь нижнюю Месопотамию). В трудах средневековых арабских историков и географов Курдистан назывался «Биляд аль-Акрад» (страна курдов), а с XI в. использовалось слово «Курдистан». С этого периода датируются и первые зафиксированные поселения курдов на территории современной Сирии: Курдские горы к северу от Алеппо и Замок курдов «Хусн аль-Акрад» в окрестностях Хомса, который после захвата крестоносцами был переименован в Крак-де-Шевалье.

Ещё до возникновения сирийского государства безусловный интерес представляют полевые исследования немецкого писателя и путешественника датского происхождения Карстена Нибура, который посетил регион в 1764 г. и оставил записи о кочевых племенах дукури, кики, шешани, милли и ашети¹. Упомянутая впервые ещё в 1518 г. племенная конфедерация Милли была самым мощным объединением племен, охватывавшем земли с центром в Вираншехире (современная Турция). В XVII в. из районов современного турецкого Курдистана в окрестности Джерабулуса переселилась другая крупная группа курдов, которая создала племенную конфедерацию Барази². По сообщению российского консула в Алеппо в 1913 г. конфедерация Барази делилась на восемь подчиненных племён: Шедади, Зерванли, Кеткянли, Даннейи, Алаеддинли, Биджанли, Шейханли и Хальтанли³.

Курдский историк из Сирии Шариф Ванлы пишет, что первые поселения курдов в этом регионе восходят, как минимум, к временам правления Антиоха III, селевкидского царя Антиохии (242–187 гг. до н. э.), который в отличие от своих противников, царей Бергамы, происходил из куртиев и участвовал в войнах в Малой Азии⁴. Он также ссылается на Страбона и его трактат «География» (ок. 7 г. до н. э.), в котором упоминается,

¹ Niebuhr C. Reisebeschreibung nach Arabien und andern liegenden den Landern Ausgabe. Amsterdam, 1780.

² Дюрре М. Самоопределение курдов Сирии: истоки, формы и международные перспективы // Вестник МГИМО-Университета. 2017. № 4 (55). С. 185. Режим доступа: URL: <https://doi.org/10.24833/2071-8160-2017-4-55-183-193> (дата обращения: 22.05.2022).

³ Куликов Г. И. Курды Халебского вилайета Османской империи по донесениям Российского консула. 1913 год // Восточный архив. 2018. № 2 (38). С. 55.

⁴ Vanly I. Ch. The Kurds in Syria and Lebanon // Kreyenbroek Ph. G., Sperl S. (eds). The Kurds: A Contemporary Overview. L.–N. Y.: Routledge, 1992. P. 123.

что народы куртии и мардены, населяющие области Загроса, Мифата, Атропатены и Армению, «действительно принадлежат к одной расе»¹.

Одним из пионеров изучения сирийских курдов в период французского мандата XX в. был француз Пьер Рондо, который занимался вопросами стандартизации курдского языка под нужды обучения и преподавания его в странах, разделивших этнический Курдистан, а также СССР².

Несмотря на богатый исторический бэкграунд, до начала французского мандата курды Сирии представляли из себя конгломерат разрозненных племен и не были объединены или представлены здесь как единая национальная группа. Традиционно курдская идентичность основывалась на принадлежности к местным племенам и лояльности к местной знати, причем это относилось и к другим этническим группам Османской империи. В основе такого способа мобилизации лежал принцип «асабийи», кровного родства по племенной линии, который, по мнению ряда курдских исследователей, сохраняется и поныне³.

Курды также живут в крупных городах, включая Дамаск, Алеппо и Хомс. Курдское население Дамаска восходит к временам правления в XII в. Салах ад-Дина Аюби, который был курдом. Местные курды являются крупнейшей неарабской этнической общиной столицы Сирии, жившей на протяжении нескольких столетий в курдском квартале («Хайй аль-Акрад») на севере Дамаска. Изначально это было военное поселение, возникшее здесь в XII в. В отличие от еврейского квартала аль-Йахуд и христианского квартала Баб Тума формирование курдских поселений в аль-Акрад не явилось результатом этноконфессиональной сегрегации или разделения труда. Это был естественный процесс миграции сельского населения в городские агломерации. В этот период беспокойные курдские племена, жившие на севере нынешней Сирии, доставляли много проблем паломникам, совершавшим хадж в Мекку. Подавление османскими властями набегов на караваны и паломников вынуждало оседлых курдов (рая) переселяться в городской агломерат Дамаска, что носило скорее вынужденный характер, нежели возможные попытки привлечь курдов в Дамаск с военными или охранительными целями. Между тем именно служба в военных или полувоенных структурах наделяла курдов

¹ Страбон. География в 17 книгах. Книги XI, XIII. М.: Ладомир, 1994. С. 123.

² *Rondot P.* (2 juin 1904 — 6 avril 2000) // *Etudes kurdes*. Novembre 2000. № 2. P. 101–102.

³ *Bozarslan H.* Tribal Asabiyya and Kurdish Politics. A Socio-Historical Perspective // *The Kurds. Nationalism and Politics*. Saqi Books. 2006. P. 130–132.

Дамаска статусом горожанина. По мнению французского исследователя Тюмона, характерной особенностью курдского квартала Дамаска было и то, что в нем почти не было мечетей и религиозных школ, а среди его жителей были распространены религиозные практики, коренящиеся в народной культуре, в том числе и вера в джиннов¹. Именно в городской среде на почве подъема арабского национализма того времени противопоставление таких дихотомий как «араб — неараб», «городское население — сельское население» стало приобретать политическое значение.

Кроме того, в городской среде ещё с XVI в. начала формироваться традиция организации сил самообороны («йерлийя» — видимо, тюркско-арабский термин) — полунезависимых военных организаций, которые возникли в период правления семейного клана Азм (1724–1780 гг.), а традиции таких воинских дружин восходят ко временам до захвата Дамаска османами. Лидеры таких дружин назывались «агават», нередко являясь янычарами. К середине XIX в. такие военно-политические объединения стали называться «джамаатами», на которые опиралась османская имперская администрация для обеспечения безопасности в городе². Определенным образом суть джамаатов как сил самообороны напоминает современное ополчение курдов — YPG.

По сообщениям российского консула в Алеппо в 1913 г., проживавшие здесь аманийские курды назывались Бадинан; курды Джуламерка именовались Шамбо, курды Джазиры — Ботан³. По сообщению российского консула в 1913 г., «все курды, живущие в пределах Алеппского вилайета, принадлежат к курдам Месопотамии и говорят на том же главном диалекте, как и последние (курманджи. — *КВ*). Во всяком случае, те и другие понимают друг друга. Кроме полуоседлых племен Барази, почти все остальные племена, поселившиеся в Алеппском вилайете, ведут оседлую жизнь. Селясь в Алеппском вилайете, многие племена дали свои имена занимаемым ими нахиям»⁴.

Крах Османской империи проложил путь к разнообразным проектам государственного управления в Леванте (Восточном Средиземноморье)

¹ *Thoumin R.* Deux quartiers de Damas. Paris, 1931. P. 131.

² *Fuccaro N.* Ethnicity and the city: Kurdish quarter of Damascus between Ottoman and French rule, c. 1724–1946 // *Urban History*. 2003. Vol. 30. No 2. P. 217.

³ *Куликов Г. И.* Курды Халебского вилайета Османской империи по донесениям Российского консула. 1913 год // *Восточный архив*. 2018. №2 (38). С. 54.

⁴ Там же. С. 55.

и Месопотамии под французским и британским квазиколониальным контролем (системой мандатов). Это вылилось в возникновение после Первой мировой войны ряда новых государств, в том числе подмандатных, что привело к разделению курдского населения на жителей разных ближневосточных государств: Турции, Ирана, Ирака и Сирии. Курды Сирии, оказавшиеся под мандатом Франции, исторически проживали в северной и северо-восточной части возникшего подмандатного государства Сирия вдоль границ с Турцией и Ираком. Курдские районы Сирии разделены на три основные части, которые образуют здесь своеобразные «курдские анклавы», отгороженные от обширной территории основного расселения курдов сирийско-турецкой границей. Этими тремя районами являются Курд-Даг (т. е. «Курдские горы»), включая Африн в северо-западной части Сирии, где производится большая часть оливок в стране; второй — это район вокруг города Кобани, расположенный у Багдадской железной дороги; третий — мухафаза (провинция) Хасеке на северо-востоке Сирии в верхней Месопотамии.

Традиционно курды также проживали в провинциях Хасеке, Халеп (Алеппо), Ракка, Латакия, Хама, Хомс, Дейр-эз-Зор, Идлиб, Тартус и Дамаск. Большинство курды составляли при этом в провинции Хасеке, Айн-эль-Араб (Кобани) и Африн. Сирийская Джазира, по утверждению А. Г. Багирова, имеет площадь 48 500 кв. км, что составляет четвертую часть территории страны. В неё входят районы, ограниченные рекой Евфрат, сирийско-иракской границей протяженностью 360 км и сирийско-турецкой границей протяженностью порядка 410 км¹. Джазира (араб. «остров») берёт своё название от обширного плато Джазира («бадийят аль-Джазира»), расположенного в северной Месопотамии на территории Ирака, Турции и Сирии. Частью сирийской Джазирой являлся самопровозглашенный кантон Джизре (Джазира), просуществовавший с 2014 по 2018 г. и преобразованный в регион Джизре (Джазира) в рамках ААСВС. В границы провинции Хасеке включаются, собственно, Хасеке, Тель-Тамер, Серекание и Дарбашийя, а также населённые пункты Камышлы (Эль-Камышлы) и Дерик (Эль-Маликия). На момент написания книги помимо Джазире в ААСВС входили регионы Евфрат (включает Кобани и Саррин), Эт-Тель-эль-Абьяд, а также регионы Ракка,

¹ Багиров А. Г. О курдах Сирии // Ближний и Средний Восток: история, экономика, политика. Ч. 1. Ин-т востоковедения АН СССР, 1987. С. 51.

Дейр-эз-Зор, Табка и Манбидж, находящийся за пределами условного Заевфратья на западном берегу реки. При этом в зону ААСВС местной администрацией был также включён и оккупированный Турцией и находящийся под формальным контролем ВПС регион Африн (Африн, Джандарис, Раджо). По сути эти регионы можно считать окрестностями Алеппо, куда можно отнести такие населенные курдами регионы, как Джебель-аль-Акрад, Джебель Самаан и Аазаз. В Дамаске курды населяют район Салахийю и Хайй аль-Акрад. Также де-факто оккупированным Турцией с 2019 г. является сектор RAATA (четырёхугольник Рас-эль-Айн — Телль-Тамер — Айн-Исса — Эт-Телль-эль-Абьяд), район компактного проживания курдского населения.

Таким образом, на момент самопровозглашения автономии в 2012 г. курды составляли большинство населения в следующих трех регионах на севере Сирии по направлению с запада на восток: в Курд-Даге (Курдские горы), горном массиве с 360 населенными пунктами, включая и город Африн, расположенный к северо-востоку от Алеппо и к востоку от города Искендерун в провинции Хатай (Турция), которую сирийцы до сих пор относят к Сирии; затем — в районе Кобани, наименьшем из трех (состоит из 120 поселений), расположенном к востоку от места впадения Евфрата на сирийскую территорию, а также в северной части провинции Джазира на территории, простирающейся более чем на 280 км вдоль сирийско-турецкой границы, где расположены 700 курдских деревень, четыре небольших города с курдским большинством (Камышлы, Амуда, Дербасия и Дерик), что делает Джазирu крупнейшим из трех зон расселения курдов в Сирии.

При этом, как видно из рис. 3 и 4 (цв. вкладка), административно-территориальное деление ААСВС не совпадает с административно-территориальным делением САР. Так, в результате интервенции Турции в 2018 г. и де-факто оккупации территории Сирии на северо-западе страны из частей районов Африн, Джандариз и Раджо сформировался анклав ААСВС Шехба (Телль-Рифаат), патрулируемый совместно с САА и являющийся своеобразной буферной зоной северного Алеппо перед турецким вторжением.

Джазира претерпела значительные изменения с конца XIX в. и на протяжении первой половины XX в., когда жившие здесь кочевники становились земледельцами, превратив этот район в «житницу» всей Сирии. В то же время здесь обосновались многие курдские мигранты, бежавшие

в Сирию из-за беспорядков и курдских восстаний, возникших на волне создания новой Турецкой Республики в 1920-е и 1930-е годы. Согласно переписи населения 1939 г., в Сирии жили 81 450 курдов-мусульман и 2150 езидов из общего числа 158 550 жителей¹.

В Алеппо и других городах курдское население состояло в основном из иммигрантов из сельских курдских районов. В целом во время французского мандата курды составляли 250 000 человек от общей численности сирийского населения в 2 950 000 человек, что составляет около 8,5% всего тогдашнего населения Сирии². Для сравнения: к 2011 г. курдоязычный массив составлял около 10% населения Сирии или более 2,2 млн человек³.

В 1918–1920 гг. поддерживаемый Англией хашимитский король Фейсал ибн Хусейн (1883–1933) создал независимое Королевство Сирия, в которое вошли территории современных Иордании и Ливана. Однако на конференции в Сан-Ремо 1920 г. Ближний Восток был разделен на мандатные территории, а хашимитский король был низложен французскими войсками. Несмотря на все стремления Англии и Франции уйти от идентификации своей политики на Ближнем Востоке как «колониальной» под вывеской провозглашения мандатных территорий, формально поддерживая их постепенное самоопределение, можно утверждать, что местные курды, турки и арабы воспринимали французов как чужаков. Это во многом предопределило мобилизацию части курдских и арабских племен в юго-восточной Анатолии для борьбы в том числе и против французов за счет интенсивной пропаганды, основанной на идее османско-мусульманской солидарности.

В 1920 г. курды оказывали активное сопротивление французской армии под командованием генерала Анри Гюго, который стремился реализовать условия договора Сайкса — Пико и разделить ближневосточные территории Османской империи между Францией и Великобританией. Также курды влились в ряды сирийского восстания 1925–1927 гг., которое местные жители подняли против французской оккупации и позже стали одними из самых активных сирийских граждан, участвующих в политической жизни в период независимости. Примечательно, что значи-

¹ *Mamveev H. A.* Указ. соч. С. 92.

² *Zisser E.* The Kurds in Syria. Caught between the struggle for civil equality and the search for national identity // *Kurdish Awakening, National Building in a fragmented Homeland.* Austin. 2014. P. 194.

³ *Gunter M.* Out of Nowhere: The Kurds of Syria in Peace and War. P. 2.

тельное число курдов примкнуло к оппозиционным партиям, таким как Коммунистическая партия Сирии. Одну из её фракций возглавлял курд Халид Багдаш (1912–1995).

Если использовать предлагаемую в данной монографии концепцию «курдского мира» (см. Гл. 6), то с вторжением стран Антанты во время Первой мировой войны курдский мир был второй раз разделен после Касри-Ширинского договора 1639 г., когда две империи — Османская и Сафавидская — поделили между собой курдский этноареал. Соглашение Сайкса — Пико (1916 г.) несколько раз модифицировалось, в том числе и после выхода из него России, когда большевики после Октябрьской революции опубликовали это секретное соглашение в открытой печати.

Национальное движение сирийских курдов начало формироваться после Первой мировой войны под сильным влиянием событий в Турции. Впервые национальная агитация в среде курдов Сирии возникла в городских агломерациях Алеппо и Дамаска как отголосок курдской национальной активности в Турции в тот период¹. На национальную агитацию в курдской среде Сирии влиял ещё и тот факт, что граница в тот период оставалась достаточно «прозрачной» и, по сути, её наличие для местных курдских племен мало что значило. Здесь примечательно вспомнить рассуждения столетней давности лорда Д. Керзона, которое приводит В. Ф. Минорский, о бытовавшем здесь «инстинктивном отвращении к точно определенным рубежам, отчасти ввиду кочевых наклонностей населения, отчасти ввиду типично восточной нелюбви к ясным соглашениям из соображения, что от неустановленной границы можно ожидать большего, нежели от границы установленной»².

Местные курдские племена в этот период находились под властью двух различных администраций: французской и турецкой. В этой связи английский полковник Элфистон утверждал, что курды Джазиры, «составляющие самую значительную часть всего 250-тысячного курдского населения Сирии, являются представителями курдских племен на территории Турции, которые были просто «отрезаны» от своих сородичей линией соприкосновения воюющих сторон»³. Второй особен-

¹ *Jwaydeh W. Kurdish National Movement. Its Origins and development. Syracuse University Press, 2006. P. 143.*

² *Минорский В. Ф. Турецко-персидское разграничение // Петроград: Известия ИРГО, 1916. Т. 52, вып. 5. С. 12–46.*

³ *Цит. по: Jwaydeh W. Op. cit. P. 46–47.*

ностью сирийской Джазиры являлось то, что эта территория была местом соперничества двух влиятельнейших сил: курдской племенной конфедерации Милли под руководством Ибрагима-паши и его сыновей и арабским племенем шаммар, что в начале XX в. имело характеристики вооруженного противостояния¹.

Особенностью сирийского Курдистана являлось то, что предполагаемый независимый Курдистан согласно Севрскому договору (1920 г.) не включал какую-либо часть Сирии². Это произошло потому, что турецко-сирийская граница на тот момент не была ещё определена, что позволило другому исследователю, Шарафу Ванлы, считать, что сирийская часть Курдистана подразумевалась в Севре априори³. Изначально границу провели 9 марта 1921 г. в рамках достигнутого в Лондоне франко-турецкого соглашения. Однако затем турецко-сирийская граница была пересмотрена в результате Анкарского соглашения в октябре 1921 г., когда Франция признала границу между Турцией и Сирией, проходящей по построенной Германией железной дороге. Это соглашение официально положило конец военным действиям между Францией и турецкой освободительной армией: Франция уступила Киликию турецким войскам. Устанавливалась временная граница между Турцией и подмандатной Сирией, признавались автономные права тюркоязычного населения в Александrette⁴. По сути, Турция согласилась с сирийским суверенитетом над плодородной Джазирой в обмен на признание автономии Александреттского санджака, в последующем аннексированного Турцией в 1939 г. (тогда эта территория носила название «Государство Хатай»). Наконец, по Лозаннскому соглашению 1923 г. раздел региона компактного проживания курдов был закреплён между Турцией, Ираком, Ираном и Сирией, которую до 1946 г. контролировала Франция. А поскольку Лозаннский договор 1923 г. подтвердил Анкарское соглашение, сделав сирийско-турецкую границу легитимной, руководитель национально-освободительного движения новой Турции Мустафа

¹ Ibid. P. 145.

² McDowall D. A Modern History of the Kurds. 3rd Edition. L.: I. B. Tauris, 2004. P. 137.

³ Vanly Ch. Kurdistan und die Kurden. Band 3. Pogrom. 1988. P. 19.

⁴ Tejel J. Les territoires de marge de la Syrie mandataire: le mouvement autonomiste de la Haute Jazîra, paradoxes et ambiguïtés d'une intégration «nationale» inachevée (1936–1939) // Revue des mondes musulmans et de la Méditerranée. 2009. No. 126. P. 32.

Кемаль постепенно разорвал связи с «арабскими вооруженными бандами» к северу от Алеппо¹. Однако при этом местные курдские племена в Сирии сохраняли тесные связи со своими соплеменниками на территории Турции, а их племенные центры располагались в таких городах, как Урфа, Мардин, Джазират ибн Умар².

Что же касается Франции, то на фоне спорных, напряженных отношений с Турцией внутренняя французская оппозиция в лице политических партий и профсоюзов начала выражать сомнения по поводу преимуществ мандата в Сирии и Ливане. В этой связи французский верховный комиссар усмотрел в форсировании экономической программы в Верхней Джазире инструмент для оправдания «цивилизаторской» миссии Франции в Леванте³. Однако местное население, включая как курдских, так и арабских кочевников, считалось малочисленным и «неподготовленным» для обработки пахотных земель. Поэтому верховный комиссар поддерживал мигрантов и беженцев, а именно христиан, а также ассирийцев, армян и сирийцев из Турции для колонизации северной Сирии. К апрелю 1925 г., когда французские войска и новые поселенцы все ещё подвергались нападениям со стороны нерегулярных протурецких сил, верховный комиссар расширил политику переселения в Джазиру, включив в неё курдских беженцев, спасающихся от репрессий из Турецкой Республики после подавления восстания шейха Саида 1925 г.⁴. В 1926 г. была создана постоянная пограничная комиссия, которая через три года приступила к демаркации сирийско-турецкой границы. Результатом работы этой комиссии стало резкое увеличение количества пограничных застав и караулов. Что ещё более важно, сотрудничество между французским мандатарием и турецкими властями способствовало возникновению «пограничного режима», осуществляемого различными способами, которые соответствовали их собственным повесткам дня.

До 1925 г. управляемые французами территории были разделены на пять сирийских «государств», а также Александреттский санджак, который входил в состав «Государства Алеппо», а затем недолго суще-

¹ *Mizrahi J.* Genèse de l'Etat mandataire. Service des Renseignements et bandes armées en Syrie et au Liban dans les années 1920. Paris: Publications de la Sorbonne. P. 165–182.

² *Jwaydeh W.* Op. cit. P. 144.

³ *Tejel J.* Syria's Kurds: History, Politics and Society, L.: Routledge, 2009. P. 31.

⁴ *Olson R.* The Emergence of Kurdish Nationalism and the Sheikh Said Rebellion, 1880–1925. Austin: University of Texas Press, 1989. P. 115–126.

ствовал как «Государство Хатай» (1938–1939). По мнению европейских исследователей, придерживающихся левых взглядов, политику «квазиколониальной власти французов можно понимать как классический колониализм, где пытались создать класс компрадоров, когда крупные землевладельцы были связаны с колониальными властями»¹.

В соответствии с принципами соглашения Сайкса — Пико Франция получила контроль над Сирией с согласия Лиги Наций. По сути, государственной границей Сирии и Турции стала линия фронта, сформировавшаяся при наступлении стран Антанты на момент подписания Мудросского перемирия в ноябре 1918 г. В итоге живший здесь столетиями курдский народ, говоривший на одном наречии — курманджи, оказался разделенным между двумя государствами. Соглашение о границах, подписанное между Великим национальным собранием Турции и Францией, было ратифицировано Лозаннским договором и созданием в 1923 г. нового государства — Турецкой Республики. Иными словами, это были первые официально установленные государственные границы нового турецкого государства в лице ВНСТ. Однако же при этом, несмотря на обещания курдской автономии в составе Турции и соблюдения культурных прав курдов, Мустафа Кемаль их не предоставил. По словам швейцарского исследователя Жорди Тежеля, мандатный период проложил путь к определенной «политической культуре» среди курдов Сирии, характеризующейся «мирной конфронтацией и двусмысленным перемирием»². Он видит решающими в этом отношении два события: образование в 1927 г. лиги (партии) «Хойбун» («Независимость»), которая стремилась к курдскому национальному пробуждению, а также принятие конституции 1936 г., которая благоприятствовала арабскому населению, что вызвало стремление к автономии со стороны курдов в Джазире. Эта политическая культура трансформировалась в мирную оппозицию внутри страны и даже в определенную степень сотрудничества с центральной властью в Сирии. Кроме того, Джазира рассматривалась как особый случай, кульминацией которого стало лишение сирийского гражданства около 120 000 местных курдов в 1962 г., о чем будет сказано ниже.

Как уже отмечалось, самый крупный район Сирии, населенный курдами, — провинция Хасеке (Джазира). Как свидетельствуют источники,

¹ Флах А., Айбога Э., Кнанн М. Курдистан. Реальная демократия в условиях войны и блокады. М.: Радикальная теория и практика, 2016. С. 43.

² Tejel J. Op. cit. P. 2.

демография северной Сирии претерпела сильные изменения в начале XX в., когда в Османской империи произошла серия этноконфессиональных чисток в отношении армянского и ассирийско-христианского населения; причем не секрет, что некоторые курдские племена присоединялись к зверствам, совершённым против христиан (крупные курдоязычные группы были переселены сюда в последние годы Первой мировой войны). Французская администрация, следуя политике Османской империи, призывала курдов к оседлости и формированию здесь новых городских поселений. Франция также активно поощряла арабов, курдов, армян, ассирийцев селиться в Джазире, для чего создавались новые городские агломерации. Так, Хасеке была основана в период французского мандата в 1922 г., Камышлы — в 1926 г. Французское влияние в Сирии сказалось на распространении левых модернистских идей, наглядным воплощением которых являлся опыт французских коммун 1789 и 1848 гг. — идейные отголоски французской коммуны наглядно слышны в мировоззрении сторонников демократического конфедерализма.

По мнению американского исследователя Вади Жвайды, французам со времен оккупации и последующего мандата удалось добиться расположения курдов. Достаточно упомянуть тот факт, что в период обострения противостояния между французскими оккупационными властями и турецкой нерегулярной освободительной армией в феврале 1921 г. влиятельное племя милли выступило на стороне французов при столкновениях в битве за Дейр-эз-Зор, пресекая таким образом попытки турок выйти к середине Евфрата и освободить эту территорию от французов¹. Такое сотрудничество позволило Франции некоторое время рассматривать возможность создания курдского княжества во главе с сыном погибшего от рук османских войск ещё в начале XX в. Ибрагима-паши Милли, вождя указанного племени. Предполагалось включить в состав такого княжества Урфу, Мардин, Нусайбин². Однако в том же году Франция отказалась от этих намерений, подписав в октябре 1921 г. соглашение Франклина-Буйона (или Анкарский договор) с Турцией. При этом заключение договоренностей и признание юрисдикции Франции

¹ Jwaydeh W. Op. cit. P. 144.

² Iraq (British Administration), office of the Civil Commissioner. Administration report of the Mosul Division of the year 1921. Цит. по: Records of the Kurds: Territory, Revolt and Nationalism, 1831–1979. British Documentary Sources (Cambridge Archive Editions). 2016. Vol. 7. P. 477.

и Сирии как мандатного государства над сирийской Джазирой не принесли мира и спокойствия в этот регион. Соглашение лишь на бумаге положило конец военным действиям между двумя сторонами.

К 1920-м годам примерно половина сирийских курдов вели полукочевой образ жизни, сосредоточившись в Джазире. Представители другой половины, проживающие в основном в районе Амуда, являлись оседлыми. Консервативный образ жизни способствовал устойчивости племенных традиций и низкостатусному социальному имиджу этой части сирийских курдов. Их по праву можно назвать «периферийными курдами» не только из-за их менталитета и этнопсихологии, но и из-за места их проживания на политической карте Ближнего Востока. Удаленность Джазиры от агломераций проживания «внешних» курдов, Дамаска, являющегося центром политической и духовной жизни страны, явилось причиной низких темпов экономического развития и, соответственно, относительно низкого уровня жизни.

Как отмечалось выше, значительная часть курдов переселилась в Сирию после подавления восстания шейха Саида, проходившего под курдскими националистическими лозунгами в Турции в 1925 г., сосредоточившись в верхней Джазире. Среди них были курдские интеллектуалы и просветители из числа потомков легендарного эмира Бадерхана, которые основали в 1927 г. в Дамаске упомянутую партию (лигу) «Хойбун», стоявшую на позициях интегрального курдского национализма.

При этом с турецкой стороны расселение армянского и курдского населения вдоль границы с Сирией рассматривалось как угроза национальной безопасности Турции¹. Большинство изгнанных противников правительства Анкары обосновались в Сирии и Ливане, где продолжали антитурецкую деятельность. Наконец, Турция была крайне недовольна контрабандой на границе, которая, по мнению турецких властей, находилась в руках коалиции армянских и курдских трансграничных криминальных сетей при соучастии мандатной власти Франции.

По мнению Абидина Озмена, главы турецкой администрации в Диярбакыре в 1936 г., именно сирийская Джазира в тот период представляла реальную угрозу национальной безопасности Турции ввиду того, что различные курдские политические объединения в Сирии, такие как

¹ White B. The Kurds of Damascus in the 1930s: Development of a Politics of Ethnicity // Middle Eastern Studies. Vol. 46. No. 6. November 2010. P. 912–913.

«Хойбун», при поддержке других меньшинств — армян, ассирийцев, езидов и сирийков «стремились создать территориальный союз больших Курдистана и Армении, охватывающих Джазиру, горы Торос (Тавр) и далее...»¹. Согласно другим источникам, в это время в Камышлы возникло заметное сепаратистское движение, которое при некоторой поддержке Франции лоббировало идею автономии под прямым управлением Франции, а не Сирии, на том основании, что большинство населения здесь составляли неарабы. Это привело к усилению межконфессиональных трений. В частности, сирийские националисты, объединившись с арабским племенем шаммар, при поддержке курдских племен совершали нападения на христиан, как, например, в городе Амуда. В 1941 г. жестокому нападению арабских националистов подверглась община в Эль-Маликии. Постепенно происходило вытеснение ассирийских общин из таких регионов, как Эль-Маликия (Дерик), Дарбасия и Амуда, а иммиграция курдов из соседних регионов и Турции постепенно превратила эти три района в города с курдским большинством.

Сельское население в то время представляло собой фрагментированную мозаику таких элементов, как семьи, кланы, племена, секты и деревни. Система миллетов, создаваемая здесь во времена Османской империи с целью сегрегации немусульманских групп, была основана на автономии различных религиозных и этнических общин (тур. «кавим», араб. «кауум»), что препятствовало их ассимиляции, но при этом способствовало изоляции, учитывая слабое развитие инфраструктуры. По сути, индивид не имел социального бытия за пределами своего клана или деревни. С другой стороны, в городских кварталах Дамаска и Алеппо курдская национальная агитация находила благодатную почву, в основном среди немногочисленной курдской интеллигенции. Так, в марте 1919 г. издатели дамасской газеты «Аль-Муфид» Юсуф Хайдар и Хайреддин аль-Зергули опубликовали обширную статью с призывом к созданию независимого Курдистана под названием «Открытое письмо к курдам северного и южного Курдистана». В статье границы предполагаемого независимого Курдистана включали Эрзурум, Ван, Битлис, Харпут, Диярбакыр, Мосул и другие территории с населением 3,5 млн курдов².

¹ Şimşir B. Kürtçülük II. 1924–1999. Ankara, 2009. S. 144.

² Driver G. R. Kurdistan and the Kurds. Mount Carmel: G.S.I. Printing Section, 1919. P. 86.

Первые требования создания курдской автономии в Сирии были озвучены в 1924 г. курдским депутатом Нури Канди. При этом племенная конфедерация Баразии выступала за создание автономии под протекторатом Франции¹. Заметным представителем сирийских курдов в момент распада Османской империи был депутат Общесирийского конгресса 1919 г. Абдеррахман аль-Юсуф, староста курдского квартала в Дамаске, поддерживавший турецких младотурок и выступавший против сирийского арабского национального движения. Аль-Юсуф выступал за укрепление союза с Францией с центром в Бейруте против создания независимого сирийского государства, однако через месяц после ликвидации Францией самопровозглашенного Королевства Сирия — в августе 1920 г. он был убит вместе с премьер-министром Алладдином Дуруби, как предполагалось, за коллаборационизм².

Целью созданной в 1927 г. курдской партии (лиги) «Хойбун» было разорвать патримониальные вертикальные связи и мобилизовать курдов вокруг идеи национальной курдской общины, связанной горизонтальными связями. «Хойбун» была вдохновлена националистическим пробуждением, которое охватило европейские страны в XIX в. и достигло Османской империи в начале XX в. В сирийском контексте мобилизация сторонников этой курдской националистической партии была во многом реакцией на недавно созданную Турецкую Республику и жестокое подавление там курдских восстаний.

Лига (партия) «Хойбун» включала в себя курдских интеллектуалов, бывших офицеров османской армии, шейхов и вождей племен. Некоторые из членов-основателей комитета были беженцами из Стамбула, где являлись членами «курдских клубов», существовавших со времен прихода к власти младотурок. Они бежали из Турции после провозглашения кемалистского турецкого государства или были вынуждены покинуть страну после неудавшегося курдского восстания в 1925 г. Среди них были будущий руководитель Арабатского восстания 1930 г. Ихсан Нури и братья Бедирханы³. Сторонники «Хойбун» обычно получали наибольшую поддержку в районах, которые принимали больше всего беженцев из Турции,

¹ Tejel J. Op. cit. P. 27–28.

² McDowall D. A Modern History of the Kurds. 4th Edition. L.: I. B. Tauris, 2020. P. 453.

³ Лазарев М. С. Курдистан и курдский вопрос (1923–1945). М.: Вост. лит., 2005. С. 105.

то есть в Джазире и Дамаске. Основной целью движения было противодействие кемалистскому режиму в Турции, и поэтому оно не оспаривало мандат Франции в Сирии. В результате первых в истории Сирии всеобщих выборов в 1931–1932 гг. три депутата от партии «Хойбун» представляли три курдских района Сирии: Халиль бей ибн Ибрагим паша из племени милли — Джазире, Мустафа бей ибн Шахин был депутатом от Джерабулуса, а Хасан Аюни — от Африна (Курд Даг)¹.

Опираясь на стратегию «разделяй и властвуй», французские власти позволили партии собираться и мобилизоваться в Сирии, поскольку это можно было использовать против Турции. Это вызвало некоторую напряженность между двумя державами: Турцией и Францией как мандатарием. «Хойбун» активно поддержала Араратское восстание (1930 г.), став ядром политического и военного его руководства с попытками создать типичное повстанческое курдское государство в предгорьях Арарата. После поражения от турецких войск в 1930 г. его сторонники вернулись к интеллектуальной и культурной деятельности, характерной для них ещё с османских времен, при этом братья Джаладет и Камуран Бедирханы играли ведущие роли в этом просветительском начинании. Можно сказать, что этот политический проект был элитарным и краткосрочным как некая культурная инициатива².

Французское мандатное управление осуществлялось путем политики децентрализации, задействования этноконфессиональных меньшинств в административном управлении на местах и работе в силовых структурах. Более того, французская администрация, по некоторым сведениям, одно время рассматривала возможность создания курдского автономного анклава на границах с Турцией, что сформировало представления курдов об их будущем месте в сирийском государстве, способствуя появлению национальной идеи независимости. Несмотря на то, что Франция отказалась от создания отдельного политического образования в верхней Джазире и верхнем Евфрате, на чем настаивала часть курдов в 1924 г., политика Франции в мандатной Сирии основывалась на использовании курдов как лояльной Франции силы в противовес арабам-суннитам. Так, военные штабы французов в Дамаске располагались именно в районе Аль-Акрад. Более того, когда в 1925 г. арабские националисты объединились с друзьями и подняли восстания против французов, оккупационные

¹ Там же. С. 141.

² *Tejel J.* Op. cit. P. 137.

власти рекрутировали курдов, армян и других представителей национальных меньшинств для его подавления¹.

В 1936 г. Франция сформировала центральное сирийское националистическое правительство, делая определенные политические уступки суннитскому большинству, в то же время продолжая поддерживать административные автономии территорий, населенных этническими меньшинствами, в том числе курдским. В этот период видными курдскими нотаблями, сумевшими сконцентрировать в своих руках власть, представляя курдов на общесирийском уровне, являлся вождь племенной конфедерации хеверкан Хаджо Ага, состоявший в партии «Хойбун». Он пытался сформировать коалицию с сирийским католическим епископом и главой армянской католической церкви в Камышлы. Целью коалиции было убедить французские власти сохранить французские войска в автономии после провозглашения независимости Сирии.

В 1937 г. в стране вспыхнули народные волнения, обусловленные недовольством концентрацией политической власти в руках городской суннитской элиты. Франция вновь была вынуждена пойти на уступки меньшинствам, в том числе курдскому, увеличив автономные права курдов, что вылилось в формирование нескольких курдских общественных организаций. Подобная политика привела к усилению напряженности между суннитской арабской частью населения Сирии и курдами².

В результате заключенного в 1936 г. франко-сирийского договора французская администрация на местах должна была быть заменена сирийской. Однако значительная часть жителей Джазиры выступила против этого, заявив, что местная администрация должна избираться из местного населения. Когда же в 1937 г. в Хасеке была назначена сирийская администрация, местные курды восстали. Параллельно с этим произошло выступление местных христиан в Камышлы и других центрах Джазиры, которые потребовали от Франции гарантий соблюдения равенства прав независимо от вероисповедания. Восстание в Джазире достигло пика в августе 1937 г. и быстро переросло в межконфессиональные и межэтнические столкновения. Несколько христиан в Амуде были убиты курдскими последователями местного проправительственного вождя³. Это привело к вмешательству французской армии с целью подавления бес-

¹ McDowall D. Op. cit. P. 454.

² Yildiz K. The Kurds in Syria. The Forgotten People. L.: Pluto Press, 2005. P. 29.

³ Jwaydeh W. Op. cit. P. 146.

порядков, однако не сняло с повестки дня требования местных жителей об автономии Джазиры. Так, по словам Жвайды, в декабре 1937 г. «сепаратисты из Хасеке похитили губернатора Джазиры. При этом глава Сирийской католической церкви кардинал Тапони активно поддерживал в Париже и Риме устремления сепаратистов»¹.

В результате выборов в 1943 г. к власти в стране пришел Сирийский национальный фронт, что ознаменовало движение к независимости Сирии под знаменем арабского национализма. Вскоре после достижения полной независимости от Франции в 1946 г. страна впала в период большой политической нестабильности и в результате последовательных переворотов колебалась между военным и парламентским правлением. В постмандатной Сирии появились новые городские элиты, сформировавшие авторитарное развитие на годы вперед. Двое из пришедших к власти в результате госпереворотов президентов первого десятилетия независимости были курдами. Однако оба были городскими жителями, говорили по-арабски и не интересовались курдскими политическими проблемами. Фактически президент Адиб аш-Шишакли, курд из Хамы, пытался исключить само понятие меньшинств из политической сферы, продвигая сирийскую национальную идентичность². Другие политические деятели пытались объединить население Сирии вокруг арабского национализма. При этом аш-Шишакли считал друзей главным врагом государства, поскольку они не отказывались от автономии. Но по мере того, как арабский национализм набирал силу, курдов как крупнейшее неарабское меньшинство начали рассматривать как наиболее опасный вызов сирийскому единству.

В 1946 г. Сирия стала независимым государством, но местные элиты стремились сохранить прежние связи с Францией. Так, многие сирийцы продолжали использовать французский язык в повседневном общении. В экономическом плане происходившая индустриализация затрагивала лишь городские части страны и отдельные слои населения, что способствовало усилению экономической нестабильности, инфляции и безработицы. Все это привело к увеличению популярности коммунистических и националистических идей, росту влияния Коммунистической партии Сирии и Партии арабского социалистического возрождения (ПАСВ) среди широких слоев населения, в том числе среди крестьян³.

¹ Ibid.

² *Tejel J.* Op. cit. P. 41.

³ Новейшая история арабских стран Азии. 1917–1985. М.: Наука, 1988. С. 119.

Не только в период французского мандата, который длился с 1920 по 1946 г., но и вплоть до прихода к власти Хафеза Асада в 1970 г. «Сирия оставалась слабым государством без четкой политической линии и национальной идентичности»¹. Этому способствовала череда государственных переворотов: в 1949 г. (три переворота за год), а также в 1954, 1963 и 1966 гг. Однако ни одно приходившее к власти правительство не рассматривало проблему гарантий национальных прав различных этнических меньшинств, проживающих в Сирии. Более того, после создания в 1957 г. в Сирии Демократической партии Курдистана курды начали рассматриваться как враги сирийского государства².

Государственная власть была скорее иллюзией, чем реальностью, особенно в сельской местности, где реальный суверенитет находился в руках двух соперников, видных граждан и землевладельцев. При этом в начале 1950-х годов, согласно отчётам французского посольства в Дамаске, старые курдские колонисты, большинство из которых проживали в Джазире, жили в согласии с сирийцами: «они продолжают говорить на своем национальном языке и носить типичную курдскую одежду, но до тех пор, пока правительство не форсирует вопрос налогов и закрывает глаза на прибыльную контрабанду нелегальных товаров — деятельность, которой курды в приграничных районах занимаются с такой гордостью в Сирии потому, что к этому сообществу принадлежат многочисленные функционеры и высокопоставленные офицеры, поэтому о курдской проблеме не может быть и речи»³.

Развитие сельского хозяйства в Джазире в 1950-х годах укрепило местную власть будущих землевладельцев, что ещё больше удобрило политическую почву для курдского национализма⁴. Лидеры партии «Хойбун» уже ушли с политической сцены или присоединились к некурдским партиям, в основном к Сирийской коммунистической партии (араб. «Хизб аль-Шууи ас-Сури»), которая на севере страны стала известна как «Курдская партия»⁵.

¹ Мазур О. А. Курдский вопрос в политическом конфликте в Сирии. М.: Изд-во Ин-та Ближ. Востока, 2019. С. 59.

² Duman Y. Remembering the 'Forgotten' Kurds in Syria // E-International Relations. 23.10.2024. URL: <https://www.e-ir.info/2014/10/31/remembering-the-forgotten-kurds-in-syria/> (дата обращения: 03.03.2022).

³ Tejel J. Op. cit. P. 114.

⁴ Ibid. P. 39.

⁵ McDowall D. A Modern History of the Kurds. 3rd Edition. P. 46.

Многие сирийские коммунисты из числа курдов были членами Демократической партии Курдистана в Сирии (ДПКС, основана в 1957 г.) и в ее партийный комитет входили курды из всех курдских регионов Сирии. Партии удалось объединить курдов разных политических убеждений. Среди отцов-основателей были Осман Сабри (секретарь) и Нурад-Дин Заза (президент). Большинство партийных лидеров были левыми или, по крайней мере, проявляли склонность к левизне¹. Партия была связана с Демократической партией Курдистана в Ираке (ДПК), созданной в 1946 г. Мустафой Барзани, хотя сирийское отделение с 1958 г. воздерживалось от использования имени Курдистан, чтобы избежать предположения, что «курдские анклавы» в Сирии принадлежали независимому Курдистану².

После создания в Сирии 14 июня 1957 г. Демократической партии Курдистана в Сирии (ДПКС) ей удалось привлечь множество сторонников среди курдов. Созданная партия, возглавляемая центральным комитетом, состоящим из более чем десяти человек, быстро стала заметным актором на политической сцене в среде сирийских курдов, особенно в районах со значительным курдским населением, таких как Алеппо, Дамаск, Африн, Джазира и Айн-эль-Араб (Кобани). После своего создания ДПК в Сирии получала предложения о создании альянсов со стороны различных политических и культурных группировок, таких как Курдский союз демократической молодежи в Сирии, который был основан в начале 1950-х под лозунгами «объединения курдов и Курдистана»³. Ещё одной партией, присоединившейся к ДПКС, была Партия свободы Курдистана, основанная в 1958 г. после того, как её члены, в том числе известный поэт Чигервин, вышли из Сирийской коммунистической партии, отказавшейся публиковать заявления курдской партии на курдском языке, не проявляя при этом готовности защищать права курдов.

Программа ДПК в Сирии в момент её создания состояла из 11 пунктов, без введения или исторических, социальных или политических объяснений, подробностей или нарративов о положении курдов в Сирии.

¹ *Allsopp H.* The Kurds of Syria: Political Parties and Identity in the Middle East. L.: I. B. Tauris, 2014. P. 76.

² *Tejel J.* Op. cit. P. 49.

³ *Baladi E.* The number one party: The Kurdish political movement in Syria 10.05.2017. URL: <https://english.enabbaladi.net/archives/2017/05/kurdish-political-movement-syria/> (дата обращения: 21.02.2023).

Партия сосредоточилась на цели «защиты курдов от ошибок, совершенных против них на протяжении истории, а также от репрессий и истребления». ДПК в Сирии объявляла себя «прогрессивной и свободолюбивой партией, которая стремится осуществить народную демократию на своей родине в Сирии, бороться с империалистической эксплуатацией, требовать политических, социальных и культурных прав курдов в рамках сирийского государства в регионах Аль-Джазира, Кобани и Африн, и поддерживать курдскую борьбу в Турции, Ираке, Иране и всех угнетенных странах за освобождение своих стран»¹.

Партия ориентировалась на тех курдов, которые назывались в партийных документах «почетными националистами» и демократами, стремящимися к свободе, то есть те силы, на которые партия опирается в своей политической и социальной борьбе за искоренение «джахилии» (невежества) путем ликвидации неграмотности, просвещения курдов и признания их национальных прав, наряду с формированием комитетов по культуре (просветительских центров) в курдских регионах и публикацией книг, журналов и газет на курдском языке, а также переводом книг и исследований с иностранных языков и работой, направленной на то, чтобы убедить сирийское правительство открыть дополнительные школы в этих районах. Своими союзниками партия считала мирные и социалистические силы на международной арене.

По словам Абдула Хамида Хаджи Дарвиша, генерального секретаря Курдской демократической прогрессивной партии в Сирии, политическая программа партии изменилась в 1959 г. и уже призывала к созданию «единого и независимого Курдистана». Кроме того, название партии было изменено на Демократическую партию Курдистана в Сирии². Эти поправки были аннулированы в 1963 г. после объединения Сирии с Египтом и создания Объединенной Арабской Республики (1958–1961) под председательством Гамаля Абдель Насера и окончательного запрета партии.

Курдская национальная мобилизация была обусловлена тем, что арабский национализм становился наиболее влиятельной идеологией того времени в Сирии, часто в сочетании с панарабизмом и арабским социализмом под влиянием региональных и глобальных событий, таких

¹ Ibid.

² *Tejel J.* Op. cit. P. 48.

как арабо-израильская война 1948 г., Суэцкая война 1956 г. и Холодная война¹. После военного переворота в 1961 г., который произошел в качестве реакции на доминирование Египта в ОАР, это межгосударственное образование прекратило свое существование. Тем не менее идеи панарабизма и арабского социализма не были оставлены сирийскими арабами, а выражены другими способами, через ПАСВ (см. подробнее Гл. 3).

На таком фоне в период после Второй мировой войны в Сирии проходил процесс подъема курдского национального движения. Важным его стимулом, помимо получения Сирией полной независимости от французской опеки в 1946 г., стала поддержка социалистическими странами национально-освободительного движения, общий подъем национально-освободительной борьбы народов Ближнего и Среднего Востока².

Актуализация курдского национального сознания происходила на фоне земельной реформы, когда крупные поместья были разделены, а их земли переданы не местным курдским крестьянам, а прибывшим арабам. Как следствие, многие курды в Сирии обратились к СКП, поскольку её лидер (Бакдаш) был курдом, а коммунистическая идеология во многом противостояла арабскому национализму. К концу 1950-х годов многие члены СКП разочаровались в Бакдаше, будучи убеждены, что он не встанет на их защиту от правительственных репрессий. Это привело к тому, что в конце 1950-х годов многие курды в Сирии переключили свою поддержку на сформированную в 1957 г. Демократическую партию Курдистана в Сирии (ДПКС). Эта партия, несмотря на десятилетия перемен, продолжает играть важную роль в сирийской курдской политике.

Как пишет А. Багиров, «ДПКС вобрала в себя представителей различных социальных слоев курдского народа — буржуазии, крестьян, рабочих, интеллигенции»³. То есть была общенациональной курдской партией. Сирийские власти потребовали убрать слово Курдистан из названия, и вскоре она была переименована в Курдскую демократическую партию, чтобы влиться в число легальных партий. Однако с момента создания ОАР в 1958 г. курдская партия была запрещена, а её основатель Заза предстал перед судом, где произнес пламенную речь в защиту прав курдского народа. В августе 1965 г. в партии произошел раскол на левых

¹ Yildiz K. Op. cit. P. 30–31.

² Багиров А. Г. Указ. соч. С. 53.

³ Багиров А. Г. Указ. соч. С. 54.

и националистов (правых). Разногласия сводились к тому, считать ли курдов отдельной нацией в Сирии или национальным меньшинством, а также были обусловлены расхождениями по поводу места и позиции партии по отношению к арабскому социалистическому движению и по вопросам внутренней политики.

Существуют некоторые разногласия относительно первоначального названия партии, поскольку воспоминания отцов-основателей различаются¹. Одни считают, что слово «Курдистан» использовалось в первый год, другие — что оно было добавлено позже. В одном сообщении утверждается, что это слово было добавлено в 1960 г. по настоянию Джалала Талабани, который также руководил созданием сирийского отделения партии, укрываясь в Сирии в 1950-х годах. Будущий лидер ПСК и президент Ирака (2005–2012) жил в Сирии в 1950-х годах и был связующим звеном с курдскими активистами в Ираке. Он настоял на том, чтобы КДПС изменила название партии на Демократическую партию Курдистана в Сирии. Этот переход от слова «курдский» к гораздо более провокационному («Курдистан») создавал атмосферу противоречий среди лидеров КДПС. Осман Сабри, один из отцов-основателей партии, был особенно обеспокоен использованием термина «Курдистан», поскольку этот термин мог означать, что партия намекала на то, что курдские районы Сирии принадлежат большему Курдистану, который выходит за национальные границы Сирии.

Знаковым событием становления курдского политического движения в Сирии можно рассматривать парламентские выборы 5 сентября 1961 г. на фоне роспуска объединённого государства Сирии и Египта. Курдская партия, апеллирующая к этнической политической мобилизации, разрушала традиционную систему парламентских выборов, действовавшую с эпохи французского мандата, которая требовала от каждой партии консорциального подхода при выдвижении своих кандидатов в курдских районах Сирии, представляя курдов, арабов, представителей Сирийской православной церкви. Поэтому партия выдвинула двух курдов-фермеров, христианина из Камышлы и главу избирательного списка Нуреддина Зазу. В некоторых источниках упоминается, что военная разведка Сирии потребовала у Н. Зазы снять кандидатуру, интерпретируя это как попытку вмешаться в политический процесс Сирии третьих сторон. Вслед за этим

¹ *Allsopp H.* Op. cit. P. 75.

сирийское правительство начало арестовывать членов и сторонников этой партии. Под эту кампанию арестов попали 120 членов партии, включая Османа Сабри, Нуред-Дина Зазу и Рашида Хамо. Согласно мемуарам курдского писателя и поэта Муллы Ахмада Нами, между членами-основателями в этот период начали возникать политические разногласия. По мнению сирийского публициста Моххамеда Джаззаа, «курдский вопрос оказал значительное влияние, как прямое, так и косвенное, на обострение отношений между партиями внутри курдского движения в Сирии и доминирование их политических ориентаций и влияний. Это не секрет, что эти влияния исходили из Южного (Иракский Курдистан) или из Северного Курдистана (Турецкий Курдистан)»¹.

Разногласия между двумя ветвями ДПКС обострились во время второй партийной конференции в Дамаске в 1962 г. Зазу исключили из партии из-за его взглядов, Осман Сабри был повторно назначен генеральным секретарем партии. Абдул Хамид Хаджи Дарвиш был исключен из партии в 1963 г., после того как его сочли сторонником Нуред-Дина Зазы. Был сформирован Центральный комитет, в который вошли Осман Сабри, Рашид Хамо, Камаль Абди, Халид Машейех, Мохаммед Мулла Ахмед, Абдулла Мулла Али и Азиз Дауд.

Несмотря на различные заявления, в 1960 г. партия была распущена, а лидеры заключены в тюрьму по обвинению в сепаратизме². Пока лидеры находились в заключении, в партии образовались две фракции: одна вокруг Зазы, который утверждал, что курды Сирии были меньшинством, а не нацией; другая вокруг Сабри, который настаивал на том, что курдская нация являлась основным идеалом движения. В 1970 г. Мустафа Барзани пытался выступить посредником, но фракции не смогли договориться. Вместо этого исходная партия разделилась на три партии.

В результате раскола образовалась Курдская демократическая левая партия Сирии (КДЛПС). А затем после вмешательства Мустафы Барзани образовалась ещё одна партия, которая стала известна как Курдская демократическая партия Сирии (КДПС), по-курдски «*el-Parti*», будучи консервативной по своим взглядам. Во главе этой партии стал Дахам Миро³. Правое крыло, продолжавшее линию Зазы, возглавлял Хамид Дарвиш. Эта партия, позже получившая название «Курдская демократи-

¹ *Baladi E.* Op. cit.

² *Tejel J.* Op. cit. P. 49; *Allsopp H.* Op. cit. P. 78.

³ *Allsopp H.* Op. cit. P. 82.

ческая прогрессивная партия в Сирии» (КДПМС), имела тесные связи с Патриотическим союзом Курдистана (ПСК), созданном в Ираке в 1974 г. диссидентами из ДПК, возглавляемыми Джалалом Талабани. Связи держались в основном на личных отношениях между руководителями партии. Левое крыло Демократической партии сирийских курдов, именовавшееся теперь Левой партией, проводило политику Османа Сабри, ставшего также первым лидером этой партии. Эта партия также ориентировалась на ПСК, но более по идеологическим причинам, поскольку обе партии придерживались марксистского подхода. Эти три основные ветви всё ещё существуют в некотором роде, хотя и подверглись многочисленным внутренним разделениям. Сегодня большинство курдских партий в Сирии берут своё начало от первоначальной Демократической партии Курдистана в Сирии (ДПКС)¹.

Начало 70-х годов XX в. ознаменовалось появлением курдских политических организаций, открыто заявлявших о приверженности марксизму-ленинизму. К 1984 г. в Сирии действовали уже 10 курдских политических партий и групп. При этом курдские партии Сирии того периода заявляли о признании права всех народов на самоопределение².

Таким образом, говоря о политической истории сирийского Курдистана, следует обратить внимание на формирование здесь традиционного многопартийного курдского политического пространства, сложившегося ещё в 1950–1960-е годы прошлого века, что можно связать с влиянием политического наследия периода французского мандата.

Как уже говорилось, формирование курдских партий происходило в политической среде, где идеологически доминировал арабский национализм. После роспуска ОАР Сирия возродилась как арабская респу-

¹ По состоянию на март 2014 г. в Сирии существовало две партии с названием «Демократическая партия курдов Сирии», при этом обе с приставкой «Эль-Парти», которые отличались программами и лидерами, а также две Курдских демократических партии Сирии (Partiya Demokrata, Kurdili Suriye), Курдская демократическая прогрессивная партия Сирии, Курдская демократическая партия равенства в Сирии, Партия курдского демократического союза Сирии, отличная от Партии Демократический Союз (ПДС), Партия Курдского союза Сирии («Yekiti»), Курдская левая партия Сирии, Сирийская курдская Демократическая партия, Партия курдского народного союза в Сирии, две партии с названием Курдское движение будущего в Сирии, Курдская партия свободы в Сирии и др. (Allsopp H. Op. cit.)

² Ан-Нахар. 31.10.1978.

блика, усилилась дискриминация курдов¹. В качестве попытки центрального сирийского правительства ещё больше доминировать в Джазире следует отнести и лишение сирийского гражданства более 120 000 курдов-джазиранцев, или около 20% сирийских курдов, о чем будет говориться ниже. Два фактора объясняют повышенный интерес властей САР к контролю над курдами. Во-первых, Мустафа Барзани возглавил успешное восстание в иракском Курдистане и контролировал большую часть высокогорья между иранской и сирийской границей. Это заставило Дамаск опасаться подобных беспорядков в сирийском Курдистане². Во-вторых, Дамаск имел экономические интересы в регионе из-за большого количества производимого здесь зерна и недавнего открытия месторождений нефти³.

Законодательный декрет № 93 от 23 августа 1962 г. предписывал провести в регионе перепись населения для маргинализации тех, кто, как считалось, получил сирийское гражданство незаконным образом. Таким образом, удостоверения личности тех, кто считался несирийцами, были изъяты. Чтобы вернуть их, курды должны были доказать, что они проживали в Сирии до 1940 г. Невыполнение этого требования означало, что большая группа курдов была зарегистрирована как «аджанибы», т. е. иностранцы. В определённый период их даже называли оккупантами из Турции и лишали прав на образование, владение имуществом, участие в политической жизни, законный брак и т. д. Курды, не участвовавшие в переписи, стали называться мактуминами (т. е. скрытыми). Они не были зарегистрированы, и поскольку юридически не существовали, имели даже более низкий статус, чем «аджанибы» (иностранцы)⁴.

Стоит отметить, что это произошло после распада Объединенной Арабской Республики, в результате которого были отменены законы о национализации, а земли возвращены бывшим землевладельцам. Произошло это также в то время, когда европейские и американские компании приступили к добыче нефти, что заставило власть в Дамаске осознать безотлагательность противодействия «заговору с целью создания неарабских этнических групп внутри сирийско-нефтяного треуголь-

¹ *Tejel J.* Op. cit. P. 50–51; *Allsopp H.* Op. cit. P. 153.

² *Tejel J.* Op. cit. P. 51.

³ *Allsopp H.* Op. cit. P. 19.

⁴ *Tejel J.* Op. cit. P. 51; *Allsopp H.* Op. cit. P. 154.

ника» (по словам губернатора провинции Хасеке)¹. Лишив курдских землевладельцев гражданства и права собственности, их землю можно было передать лояльным арабам. Так, в начале 1970-х годов после строительства плотины Табка на Евфрате 4000 арабских семей, чьи земли были затоплены, были переселены (причем с оружием) в образцовые фермы в Джазире² в рамках проекта т. н. «Арабского пояса», который более подробно будет рассмотрен в Главе 3.

До прихода к власти ПАСВ, который привел к навязыванию господствующей идеологии сирийскому населению, каждая новая политическая группировка, захватывавшая власть в Дамаске, страдала от внутренних разногласий, что ограничивало возможности создания жизнеспособных официальных институтов или даже мифа о национальном единстве, который придавал бы этим группировкам некоторую легитимность. Только когда в 1970 г. к власти пришел Хафиз Асад, окончательно установилась вертикальная структура власти. За официальной мобилизующей идеологией масс (социализма и панарабизма) на периферии сирийской политической системы продолжали существовать значительные расколы. В то время, как правительство в Дамаске культивировало лояльность своих курдских «клиентов», большинство курдов выбрали стратегию «камуфляжа». Эта концепция, аналогичная религиозному термину «такиййе», означает, что при неблагоприятных социально-политических условиях отдельные лица или группа с целью выживания скрывают свои отличительные черты, как политические, так и конфессиональные. Однако когда условия улучшаются, ранее скрытая группа перестает играть в такую игру, выходя из тени³.

Как и в случае с Ираком, международный контекст предоставил сирийским курдам политические возможности с 1970-х годов и позже. К 1968 г. напряженность в отношениях между Сирией и Ираком проявилась прежде всего в соперничестве за идеологическую легитимность баасизма. Дамаск поддерживал тех, кто находится в оппозиции багдадскому

¹ Stateless Kurds in Syria: Illegal invaders or victims of a nationalistic policy? // *Kurd Watch Report 5*. Berlin: European Centre for Kurdish Studies, 2010. URL: http://www.kurdwatch.org/pdf/kurdwatch_staatenlose_en.pdf (дата обращения: 11.01.2016).

² *Tejel J.* Op. cit. P. 61.

³ *Wedeen L.* Acting “As If”: Symbolic Politics and Social Control in Syria. *Comparative Studies in Society and History*, 1998. Vol. 40. Iss. 3. P. 503–523. URL: <https://doi.org/10.1017/S0010417598001388>

режиму. Таким образом, Джалал Талабани, лидер ПСК, смог открыть постоянное партийное представительство в Дамаске. В 1979 г. Идрис Барзани официально оформил отношения между Сирией и ДПК. Чуть позже, в 1981 г. это от имени ПРК сделает Осман Оджан, брат лидера этой партии. В условиях ирано-иракской войны Сирия прилагала усилия, чтобы примирить ПСК и ДПК. Перемирие было достигнуто в 1987 г. и подкреплено созданием Курдского объединенного фронта. Однако союз между сирийским правительством и Партией рабочих Курдистана (ПРК) привел к дальнейшим негативным последствиям для взаимоотношений сирийского правительства с курдской окраиной. В 1980-х внешнее давление вынудило Хафиза Асада проявить интерес к курдскому националистическому движению в Турции. Конфликт между Турцией и Сирией коренится в передаче суверенитета от санджака Александретты в 1939 г. во время французского мандата, который был выгоден Турции. Помимо этого территориального спора, турецкие плотины на Евфрате угрожали водоснабжению Сирии. Связь между этими двумя вопросами возникла тогда, когда Турция предложила Сирии соглашение о разделе вод Евфрата в обмен на признание её границ. Однако Сирия отказалась включать вопрос о границе в переговоры, предпочитая оказывать давление на Турцию и позволяя ПРК разместить на своей территории базы, с которых курдские боевики начали вылазки против турецкой армии. Благодаря сотрудничеству сирийского правительства Асада с апочистами север Сирии в 1980-х и 1990-х годах превратился в базу для боевиков ПРК. Согласно Д. Макдауэллу, к 1987 г. у ПРК были офисы в Дамаске и основных северных городах. Кроме того, шесть кандидатов от Курд-Дага, открыто объявивших себя представителями ПРК, баллотировались на выборах в Сирии в мае 1990 г.¹

Идеологически основанная на марксизме-ленинизме и находящаяся под влиянием курдского национализма, ПРК изначально стремилась к созданию независимого социалистического Курдистана. После военного переворота в Турции в 1980 г. Сирия предоставила убежище руководству ПРК в рамках стратегии балансирования против Турции. Было несколько причин, по которым Сирия хотела держать ситуацию с курдами в Турции под своим контролем. Сирия чувствовала себя окруженной грядущим

¹ *McDowall D. A Modern History of the Kurds. 3rd Edition. L.: I. B. Tauris, 2004. P. 480.*

геостратегическим союзом между Израилем и Турцией¹. Присутствие же ПРК в Сирии ещё раз изменило условия политической борьбы сирийских курдов в сторону дальнейшей автономизации и децентрализации.

ПРК стала очень популярной, особенно среди молодых курдов, которые считали ПРК более влиятельной, чем старые курдские партии в Сирии². Однако конкуренция была неравной, поскольку ПРК могла открыто мобилизоваться в курдских районах, в то время как ограничения, наложенные властями в Дамаске, для старых партий сохранялись. Это было частью сделки с лидером ПРК Абдуллою Оджаланом, означая, что ПРК получала возможность действовать свободно и вербовать новых членов партии до тех пор, пока курдская борьба была направлена против Турции. Как результат, около 7000 молодых сирийских курдов исчезли и предположительно погибли во время повстанческого движения ПРК в Турции в 1980-х годах. При этом в одном интервью Оджалан даже выразил необходимость разделять восприятие курдов Сирии как беженцев из Турции, которые с радостью вернутся домой³. Поддержка ПРК была наиболее сильной в Курд-Даге и Кобани, поскольку у других партий все ещё был оплот в Джазире⁴.

Присутствие ПРК оказало значительное влияние на курдскую культуру, поскольку «ПРК активно использовала культурную идентичность сирийских курдов», политизировав культурное самовыражение в соответствии с идеологическими установками ПРК⁵. В то время как курды в прошлом праздновали Навруз (т. е. курдский Новый год — 21 марта) в частном порядке, ПРК организовывала публичные мероприятия, чтобы сделать фестиваль коллективным и политическим актом национального пробуждения. Точно так же курдские танцы, общественные акции проводились с использованием цветов курдского флага (красный, зеленый, желтый и белый), чтобы придать курдской общине видимое политическое единство. Позже белый цвет «отпал», трансформировавшись в желто-красно-зеленый триколор — неофициальный флаг Рожавы.

В целом же обращение Дамаска к «параллельной дипломатии», связанной с негласной поддержкой апочистов, которые в отношении Турции

¹ Ibid.

² Allsopp H. Op. cit. P. 103.

³ McDowall D. A Modern History of the Kurds. 3rd Edition. P. 479.

⁴ Allsopp H. Op. cit. P. 103.

⁵ Tejel J. Op. cit. P. 104–105.

выступали в качестве повстанцев и инсургентов, привело к усилению дипломатического давления со стороны Турции и нанесло побочный ущерб Сирии, выразившийся в итоге в проведении Турцией трансграничной военной операции и де-факто оккупацией Турцией части сирийской территории. Таким образом, используя курдское движение против Ирака и Турции, сирийские власти во времена президентства Хафеза Асада были вынуждены пойти, с одной стороны, на эскалацию напряженности в сирийско-турецких отношениях, с другой — на поддержку трансграничных отношений курдов Сирии и Турции. В результате чего боевики ПРК фактически установили контроль над несколькими небольшими участками сирийской территории, особенно в Курд-Даге, и сумели в некотором смысле заменить государство в сознании некоторых молодых курдов.

В 1998 г. перед угрозой турецкого вторжения Асад-старший положил конец присутствию сторонников Оджалана в Сирии. В начале 1999 г. Оджалан был схвачен в Кении и вывезен в Турцию, где был пожизненно посажен в тюрьму на острове Имралы.

В июне 2000 г. Хафез Асад умер. После смерти отца его сын Башар стал президентом. Сохраняя в первые годы своего президентства преемственность в вопросах проведения баасистского политического курса, он с середины нулевых годов стремился проводить неолиберальную политику.

Уход ПРК из Сирии в сочетании с недоверием к старым курдским партиям, в первую очередь среди молодых курдов, в начале 2000-х годов оставил место для возникновения новых противоборствующих партий и независимых активистов. Важной вехой в этом развитии явилось восстание в Камышлы в 2004 г. в результате столкновений курдов с арабами во время футбольного матча, когда арабские болельщики спровоцировали бойню демонстрацией портретов Саддама Хусейна и лозунгом «Вторая Халабджа будет в Сирии», намекая на попытку геноцида курдов во время операции «Анфаль» в Ираке в 1988 г. Беспорядки, которые переросли в уличные столкновения с полицией и армией, мобилизовали курдское сообщество в более широком масштабе, и особенно молодых людей в курдских районах, а также в Дамаске и Алеппо. Кроме того, восстание в Камышлы выявило довольно двусмысленное подчинение курдских партий властям в Дамаске. Все это положило начало формированию местных курдских сил самообороны, которые в 2012 г. приняли название Силы народной самообороны (YPG).

На этом фоне ПРК, продолжая сохранять относительную свободу действий в Сирии, начала поддерживать программы обучения грамоте,

курдскому языку, стараясь вывести обучение родному языку из частной сферы в общественную. С другой стороны, растущая актуализация курдской этнической идентичности привела к созданию политических партий, которые выступили с требованиями политической автономии в границах Сирии. Например — упомянутая выше партия «Екити», которой довелось сыграть важную роль в мобилизации курдов во время восстания Камышлы в 2004 г. Это новое равновесие между властями САР и курдским движением не означало отсутствия конфликта. Продолжались аресты курдских лидеров, правда, зачастую непродолжительные, равно как и репрессии в отношении некоторых собраний, организованных Партией Демократический Союз (ПДС), основанной в 2003 г. как ответвление ПРК, и партией «Екити».

Начало ВВК в Сирии в марте 2011 г. проложило путь к новой волне курдской мобилизации и фактическому контролю северо-восточных территорий ополченцами ПДС/YPG. Однако это привело к обострению отношений между ПДС, с одной стороны, и сторонниками ДПКС и партии «Екити» с другой.

Подводя итог, можно отметить, что влияние на формирование сложившегося в регионе компактного проживания сирийских курдов в 2012 г. коммунализма оказали несколько факторов, включая традиционный мультикультурализм проживающих здесь сообществ и влияние Франции как государства-мандатария. Периодизация становления национального движения сирийских курдов отчётливо высвечивает два переломных года. Во-первых, это 1962–1963 гг., когда в результате распада ОАР в Сирии начались земельные реформы и, как следствие, усилилось давление на курдов и ограничение их национальных прав, в том числе с лишением гражданства 120 тыс. сирийских курдов. Это во многом спровоцировало национальную мобилизацию на фоне восстания Мустафы Барзани в соседнем Ираке. Вторым переломным моментом стал 2012 г., когда после вступления Сирии во внутренний вооруженный конфликт и в условиях противостояния с ИГИЛ в сирийском Курдистане возникло местное самоуправление, с 2018 г. именуемое «Автономной администрацией Северной и Восточной Сирии». Появление на северо-востоке и севере Сирии курдского самоуправления летом 2012 г. ознаменовало собой новый этап национально-освободительного движения сирийских курдов. Специфика ААСВС будет рассмотрена в последующих главах.

Глава 2

САМООПРЕДЕЛЕНИЕ СИРИЙСКИХ КУРДОВ В УСЛОВИЯХ ВНУТРЕННЕГО ВООРУЖЕННОГО КОНФЛИКТА В СИРИИ

2.1. Курды Сирии до начала внутреннего вооруженного конфликта в Сирии (2011 г.)

Сирийские курды представляют собой вторую по численности этническую группу в Сирии (после арабов). Исторически сложилось так, что сирийские курды в большинстве своем проживали компактно на севере страны вдоль границ с Турцией и Ираком. Общины курдов имеются также в Алеппо, Дамаске и других городах Сирии¹. В ходе внутреннего вооруженного конфликта в Сирии курдское население страны сократилось до 2,5 млн человек, главным образом за счет вынужденных переселенцев и беженцев; свыше 10 тыс. курдов погибли во время вооруженных столкновений с боевиками «Исламского государства» и протурецких группировок сирийской оппозиции. Имеются убитые и раненые курдские ополченцы, и мирные жители приграничных населенных пунктов в результате ракетно-бомбовых ударов и артиллерийско-минометных обстрелов со стороны Турции. Миграционные потоки сирийских курдов преимущественно направлялись в Турцию, Ливан, Иорданию, Иракский Курдистан, где они размещались в лагерях беженцев или

¹ Вертяев К. В., Жигалина О. И., Иванов С. М. Политические процессы в курдских ареалах стран Западной Азии. М.: ИВ РАН, 2013. Гл. 3. С. 92–109.

в семьях по линии родственных связей, нескольким тысячам курдов удалось эмигрировать в страны ЕС.

По своим религиозным взглядам подавляющее большинство сирийских курдов (около 70%) исповедует ислам суннитского толка, около 20% — шииты, примерно 1% — езиды, ещё меньше христиан. Основной диалект курдского языка в Сирии — курманджи. Как и курды других стран, сирийские курды отличаются национальной и религиозной толерантностью и стараются поддерживать доброжелательные отношения со всеми жителями страны и своего региона.

В 20-х годах прошлого столетия, когда французскими колонизаторами создавалось сирийское государство, права курдов как самобытного этноса и коренного народа не были учтены и не нашли своего отражения ни в конституции, ни в других законодательных актах страны. Позднее, в 60-х годах, была провозглашена Сирийская Арабская Республика (САР) и к власти пришли арабские националисты. Положение курдского населения только усугубилось — на долгие годы им была уготована роль людей второго сорта. Несмотря на то, что курды тысячелетиями проживали на севере Сирии и являлись автохтонным народом, центральные власти использовали факт переселения в страну в 1920-е годы из кемалистской Турции нескольких тысяч семей курдских беженцев как аргумент, доказывающий, что курды не являются коренными жителями страны. Этот предлог на протяжении десятков лет использовался арабскими властями в Дамаске для оправдания дискриминационной политики по отношению к курдскому меньшинству.

Правивший в 1961 г. в САР военный режим принял закон о создании так называемого «Арабского («зеленого») пояса» безопасности в районах традиционного расселения курдов вдоль сирийско-иракско-турецкой границы. Позднее его попытались реализовать в 1970-е годы при баасистах. Районы, из которых насильственно депортировали курдов, как правило, заселялись семьями арабов, туркоманов или иных этнических групп.

Положение сирийских курдов существенно ухудшилось после прихода к власти в стране 8 марта 1963 г. Партии арабского социалистического возрождения (ПАСВ) (см. подробнее Гл. 3). В силу своей явно националистической, на грани шовинизма, идеологии руководство страны активизировало усилия по насильственной ассимиляции курдов и заморозило социально-экономическое развитие районов, в которых они проживали. В курдских анклавах почти не строились дороги, мосты,

промышленные и сельскохозяйственные объекты, школы, медицинские, фельдшерские и ветеринарные учреждения, торговые центры; многие населенные пункты так и не были обеспечены электроэнергией и централизованным водоснабжением. Курдам было весьма трудно получить среднее и высшее образование, поступить на государственную или военную службу. В центральных и местных органах законодательной и исполнительной власти предпочтение отдавалось арабам — курдов там практически не было.

Курды были существенно ограничены в гражданских правах — создании своих партий и общественных организаций, в развитии национальной культуры, искусства, языка, литературы и пр. В стране были закрыты все школы и другие учебные заведения с преподаванием на курдском языке, запрещались курдские СМИ, да и само публичное общение на этом языке. Властями не поощрялось даже ношение традиционной курдской одежды, проведение национальных праздничных и других мероприятий. Десятки лет во внутренней политике Сирии господствовал арабский шовинизм и политика дискриминации по отношению к курдам¹.

К началу внутреннего вооруженного конфликта (2011 г.) в Сирии все же сохранилось несколько курдских политических и общественных организаций, действующих в основном нелегально или полулегально. Суть политических программ практически всех курдских партий была общей: борьба за равные права курдов с титульной нацией — арабами. В тот период достижение уровня культурной автономии и равенства в правах с арабами представлялись пределом самых смелых устремлений курдов. Хотя среди них были довольно широко распространены марксистско-ленинские взгляды и идеи лидера турецкой Партии рабочих Курдистана Абдуллы Оджалана (см. подробнее Гл. 4). Как указывалось выше, в 80–90-х годах в условиях конфронтации с Анкарой сирийские власти позволяли находиться на территории Сирии функционерам и боевикам ПРК.

Такая политика одно время была выгодна Дамаску, который стремился всячески ослабить позиции Турции на фоне обострившегося региональ-

¹ *Иванов С. М.* Курдский фактор в современной Сирии. Государство, общество, международные отношения на мусульманском Востоке / отв. ред. Белокреницкий В. Я., Ульянов Н. Ю. М.: ИВ РАН, 2014. С. 281–297.

ного соперничества¹. Позже лидеры Турции и Сирии смогли преодолеть враждебные отношения и вновь стали координировать борьбу с национально-освободительным движением курдов в своих странах.

Захлестнувшие многие арабские страны стихийные народные выступления, массовые митинги и демонстрации протеста в марте–апреле 2011 г., получившие название Арабской весны, вскоре докатились и до Сирии. Спротивление в стране возглавило движение «Братья-мусульмане» и недовольные своим положением в политической и экономической жизни страны представители арабо-суннитского большинства Сирии, составляющие до 70 % населения. Следует отметить, что многие сунниты в Сирии являлись госслужащими, военными, околоставными бизнесменами и сотрудниками соответствующих компаний и фирм, и, конечно, многие были членами ПАСВ. Однако часть суннитов считали, что власть в стране узурпировало проирански настроенное арабоязычное меньшинство во главе с семейством Асадов.

Под давлением обстоятельств президенту Сирии Башару Асаду пришлось пойти на некоторые уступки требованиям оппозиции. 26 февраля 2012 г. на всеобщем референдуме подавляющая часть сирийцев одобрила новый проект конституции Сирии, согласно которой ПАСВ утрачивала свою главенствующую роль и уравнивалась в правах с другими партиями. Президент Б. Асад обещал сирийскому народу проведение и других демократических реформ, в частности отмену военного положения, амнистию арестованным по политическим мотивам оппозиционерам, в том числе тысячам курдских активистов, гарантировать восстановление гражданства курдам, лишенным его в 1962 г. (к этому времени их число уже превысило 300 тыс., подробнее см. следующие главы). Однако последующий за этим переход акций протеста и противостояния властей и оппозиции в вооруженную фазу, масштабное вмешательство во внутренние дела Сирии внешних игроков (Саудовской Аравии, Катара, Турции, Иордании, Ливана, Ирана) и появление третьей силы в лице радикальных исламистских группировок не позволили Дамаску провести в жизнь эти, явно запоздавшие, политические и социально-экономические реформы.

Более того, потеряв в боях значительную часть личного состава армии, Б. Асаду уже к лету 2012 г. пришлось вывести из курдских анклавов свои

¹ История сирийских курдов. Досье. ТАСС. 20.02.2016. URL: <http://tass.ru/info/2685549> (дата обращения: 18.04.2021).

вооруженные силы, администрацию и все силовые структуры, чтобы сосредоточить их на обороне Дамаска и районов компактного проживания арабов-алавитов. Небольшие правительственные гарнизоны оставались лишь в трех населенных пунктах сирийского Курдистана, однако они никакой роли в жизни курдских анклавов уже не играли¹. Сирийские курды остались, по сути дела, один на один с набравшими силу хорошо вооруженными отрядами радикальных исламистов, с одной стороны, и враждебно настроенными турецкими властями — с другой.

Несмотря на то, что в начале Арабской весны курды принимали активное участие в митингах и демонстрациях протеста против центральных властей и даже подверглись репрессиям, позже, в условиях разгоревшегося ожесточенного вооруженного конфликта, они заняли позицию нейтралитета. Курды в целом не хотели воевать ни с правительством в Дамаске, ни с вооруженной оппозицией. Радикальные исламистские группировки, естественно, тоже не могли рассчитывать на поддержку или хотя бы сочувствие курдов. В то же время лидеры курдов не отказывались от участия в различных форумах оппозиции, контактов с заинтересованными странами и переговорах по вопросам будущего государственного устройства Сирии. В июне 2012 г. основной орган оппозиции — Сирийский национальный совет (СНС) даже избирал своим руководителем этнического курда — Абдель Сейда (он занимал эту должность до 9 ноября 2012 г.).

2.2. Де-факто автономия как форма самоопределения сирийских курдов

Лидеры сирийских курдов неоднократно подчеркивали, что не являются сепаратистами и хотели бы сохранить территориальную целостность своей страны. Они готовы были поддержать формирование любого правительства в Дамаске при гарантиях закрепления в новой конституции прав и свобод курдского меньшинства: статуса автономии курдских районов; пропорционального представительства курдов в центральных органах власти; утверждение курдского языка как второго государственного или

¹ С географической точки зрения именно подконтрольные властям Сирии кварталы Камышлы и Хасеке являлись анклавами в полном смысле этого слова.

языка регионального общения и т. п. В идеале сирийских курдов устроил бы статус, близкий статусу иракских курдов — субъекта федерации.

Шаткий нейтралитет во внутреннем вооруженном конфликте обеспечил курдам возможность уже летом 2012 г. приступить к созданию органов местного самоуправления. Из числа представителей городов и районов сирийского Курдистана, провозгласивших самоуправление, был сформирован Народный совет Западного Курдистана (НСЗК), который взял на себя полномочия по разработке и принятию законов региона. Одними из первых актов новых властей стали законы, ликвидировавшие дискриминацию по признакам национальной, языковой, половой, религиозной и социальной принадлежности, а также регулировавшие семейные отношения, в частности были запрещены насильственные браки, браки в несовершеннолетнем возрасте, многоженство, браки с выплатой калыма за невесту. Кроме того, курдское руководство ввело нормы наследственного права, по которому были уравнены представители мужского и женского пола и пр.

Изменения коснулись и сферы безопасности: отряды народной самообороны передали функции по обеспечению общественной безопасности и охране правопорядка новому органу — «Асаиш» (занимает среднее положение между полицией и спецслужбой). Повсеместно стали создаваться сельские, районные, городские советы, призванные упорядочить общественную жизнь на местах, была утверждена программа начального общего образования на курдском языке, приступили к подготовке преподавательских кадров, инициировали развитие курдской культуры и искусства¹.

Уже к концу 2012 г. в сложных условиях военно-политической обстановки курды смогли создать довольно эффективные органы местного самоуправления (советы и комитеты) и отряды народной самообороны. В их состав, кроме курдов, вошли представители других этнических и религиозных групп из числа местного населения (арабы, армяне, туркоманы, ассирийцы, черкесы, курды-езиды).

В рядах курдского ополчения с боевиками ИГ и другими агрессорами сражались также добровольцы из турецкого, иракского и иранского Курдистана, курдские женщины и юноши, не достигшие возраста 18 лет.

¹ Патиев Ф. А. Курдские автономные районы современной Сирии. Курдский фактор в региональной геополитике. (Материалы круглого стола) / ред. А. Г. Арбатов, М.: ИМЭМО РАН, 2015. С. 51–54.

Было среди них и немало иностранных инсургентов из стран Западной Европы, в составе бойцов т. н. «Интернациональных революционных народных партизанских сил» (ИРНПС), идейно близких сторонникам Рожавы, заявивших о своем роспуске в сентябре 2018 г. после победы над ИГИЛ¹.

В критический момент ожесточенных боев под Кобани (530 км от Дамаска), который является одним из крупнейших административных центров курдского региона, на помощь сирийским собратьям прибыли несколько бригад пешмерга из Ирака с тяжелым вооружением. После многомесячных оборонительных боев курдским ополченцам удалось при поддержке ВВС США не только отстоять этот город, но и освободить ряд прилегающих к нему сельских районов. Оборона Кобани продолжалась 133 дня и завершилась полной победой курдских отрядов, положив начало разрушению мифа о непобедимости «Исламского государства». Бандформированиям исламистов не помогли даже современные виды тяжелых вооружений (бронетанковая техника и артиллерия), захваченные ими в виде трофеев в Сирии и Ираке. В курдских районах Алеппо (Ашрафия и Шейх Максуд) отряды самообороны курдов, также продемонстрировав мужество и героизм, дали решительный отпор боевикам-джихадистам группировки «Джабга ан-Нусра» (запрещена в РФ) и заставили говорить о себе как о реальной силе, противостоящей экспансии международного терроризма в регионе.

Успехи курдских ополченцев в борьбе с радикальными исламистскими группировками террористического толка в Сирии, рост их авторитета, военного и политического влияния в регионе со временем стали вызывать все большее недовольство со стороны турецких властей.

В своих официальных заявлениях Анкара стала мушкетировать тезис о якобы тесных связях основной политической силы сирийских курдов — Партии демократического союза (ПДС) с занесенной в списки террористических организаций турецкой Партией рабочих Курдистана (ПРК). Власти Турции умышленно не стали делать различий между ПДС и ПРК, что дало повод ВС Турции нарушать суверенитет САР, вторгаться в её северные районы, под предлогом борьбы с терроризмом проводить военно-карательные операции на севере Сирии против курдских ополченцев и мирных жителей. Одно время президент Эрдоган даже пытался убе-

¹ Цветы пустыни. 10 лет революции в Рожаве. М.: Напильник, 2022. С. 85.

дить Вашингтон и Брюссель в необходимости создания так называемой бесполетной или буферной зоны на севере Сирии (в курдских анклавах), где запрещались бы полеты сирийской авиации, а полицейские функции возлагались бы на отряды сирийской вооруженной оппозиции, формирования из туркоманов и турецкие войска. Однако представители США и НАТО, намереваясь использовать возможности сирийских курдов в борьбе с ИГ, не поддерживали этих планов Анкары.

Начало военной операции ВКС России в Сирии вначале спутало все карты Турции по аннексии северной части Сирии и разгрому военных формирований сирийских курдов. Прямая вооруженная агрессия Турции или отрядов протурецко настроенной сирийской оппозиции против курдов стала на время невозможной.

Власти в Дамаске и сирийская арабо-суннитская оппозиция к тому времени осознали, что не смогут использовать в своем противостоянии курдский фактор, тем не менее обе стороны внутрисирийского конфликта неоднократно пытались устроить провокации и втянуть курдов в ВВК.

Имели место вооруженные нападения на подконтрольные курдским ополченцам территории, правительственные ВВС наносили авиаудары по курдским кварталам Алеппо, проводились наземные операции в городах Камышлы и Хасеке. Обвиняя курдов в попытках сговора с Дамаском, враждебные действия предпринимала и вооруженная оппозиция.

Все же главными противниками курдов долгое время оставались боевики радикальных исламистских группировок «Исламского государства» и «Джабхат ан-Нусра» (обе запрещены в РФ). В борьбе с джихадистами курдам лишь иногда удавалось организовать взаимодействие с отрядами вооруженной оппозиции или с правительственными войсками. Их готовность сотрудничать с любыми патриотически настроенными сирийскими политическими и военными силами оказалась не востребованной. Инерционное мышление властей и оппозиции не позволило видеть в курдах важную и равноправную часть сирийского общества.

Большинство заинтересованных в Сирии внешних игроков (арабские страны, Турция, Иран) также устраивает положение курдов как людей второго сорта. Представители Дамаска не только не приглашают курдские делегации на переговоры, но и продолжают всячески игнорировать их, уклоняются от каких-либо обещаний и гарантий законных прав и свобод в будущей конституции страны. Более того, они всячески

подчеркивают, что Сирия — арабская страна (Сирийская Арабская Республика) и никаких автономий по этническому или конфессиональному признаку в действующей или новой конституции государства предусмотрено быть не может. Не лучшим образом по отношению к курдам ведет себя и оппозиция, которая представлена в основном арабами-суннитами и исламистами различной религиозно-политической окраски. Её лидеры лишь призывают курдов помочь им, как можно скорее избавиться от «режима Б. Асада», а о перспективах самого курдского народа умалчивают. Справедливости ради следует заметить, что отдельные представители курдов включались в состав делегаций оппозиции на переговорах в Астане и Женеве, но они не имели возможности отстаивать права курдского меньшинства.

Пожалуй, только Израиль изначально поддерживал устремления курдов Сирии к самоопределению в виде автономии, субъекта федерации или даже независимого государства. США и западная антитеррористическая коалиция видела в курдских ополченцах лишь союзников в борьбе с джихадистами ИГ.

Таким образом, курдское национальное движение в Сирии развивалось в целом на неблагоприятном внешнем и внутреннем фоне. Как следствие, возникли весьма серьезные разногласия в рядах курдских политических сил. Созданный в октябре 2011 г. Курдский национальный совет (КНС) представляет собой альянс 16 сирийских курдских партий, пользуется поддержкой руководства Иракского Курдистана и его ведущей партии — Демократической партии Курдистана (ДПК). Этот альянс выступает за автономию курдов в федеративном сирийском государстве по примеру своих иракских братьев.

Несколько особняком стоит основанная в 2003 г. сирийскими курдами левая политическая организация — Партия Демократического союза (ПДС). Именно эта партия при поддержке турецкой ПРК создала основу местных вооруженных сил, а после военной победы над боевиками ИГ и освобождения столицы джихадистов г. Ракки и всего Западного берега реки Евфрат стала доминировать в Западном Курдистане. В качестве союзников ПДС выступили арабские племена Заевфратья и небольшой военный контингент ВС США (силы специального назначения и армейская авиация).

12 июля 2012 г. при посредничестве президента Региона Курдистан в Ираке Масуда Барзани ПДС и КНС подписали в г. Эрбиле соглашение

о создании Высшего совета курдов Сирии. Эта структура была предназначена для снятия внутрикурдских противоречий, а также в надежде на то, что к ней перейдут функции временного правительства в будущей автономии сирийских курдов. Однако эта цель не была достигнута, и фактически власть в регионе осталась в руках ПДС и её боевого крыла — отрядов народной самообороны (YPG).

Дальнейший раскол курдских партий произошел осенью 2013 г., когда КНС вошел в состав главной группы внешней сирийской оппозиции — Национальной коалиции оппозиционных и революционных сил (НКОРС). Тогдашний сопредседатель ПДС Салех Муслим не поддержал это решение, настаивая на том, что курды должны самостоятельно отстаивать свои позиции. Ему не удалось добиться того, чтобы курды на международной конференции по Сирии «Женева-22» в январе–апреле 2014 г. были представлены отдельной делегацией, и курдские интересы на переговорах представляла НКОРС. Такая же ситуация имела место и на «Женева-3».

Раскол усилился, когда в феврале 2016 г. из КНС выделились курдские партии, выступающие за диалог и сотрудничество с ПДС. Они образовали Курдский национальный альянс Сирии (КНАС), состоящий из пяти партий, а противоречия с КНС усилились после того, как представители КНС в Анкаре согласились с признанием YPG террористами, на чем настаивало турецкое правительство. КНАС пытался выступить модератором противоречий между TEV-DEM и КНС¹, которые носили и продолжают носить во многом мировоззренческий характер.

Все перечисленные выше проблемы и трудности не смогли заставить курдские политические силы в Сирии отказаться от идеи создания автономии. При всех внутренних разногласиях сирийские курды были едины в стремлении сохранить завоеванный с оружием в руках статус автономии в рамках федеративной, децентрализованной Сирии.

Проект курдской автономии, взятый на вооружение ПДС во главе с одним из её тогдашних лидеров Салихом Муслимом, оказался наиболее востребованным в сложившейся ситуации. Вначале ряд курдских политических организаций Сирии, объединившихся в Курдский национальный совет (КНС), отказывались признавать принцип самоуправ-

¹ *van Wilgenburg W.* Relations among Syrian Kurdish parties hit new low. 07.02.2014. URL: <https://www.al-monitor.com/originals/2014/02/kurdish-party-relations-in-syria-reach-new-lows.html> (дата обращения: 04.04.2021).

ления в курдских районах, призывая ПДС присоединиться к сирийской оппозиции. Однако политика КНС, рассчитывавшего на благосклонность вооруженной оппозиции в случае её прихода к власти, потерпела крах из-за нежелания противников Асада учитывать национальные интересы курдов. В КНС начался раскол, и часть партий перешла на сторону ПДС, которая поставила перед собой задачу объединить как можно больше политических сил сирийского (Западного) Курдистана в единый блок. Её усилия увенчались успехом, и 22 октября 2014 г. после 9-дневных переговоров между общественной платформой ПДС — Движением за демократическое общество в Западном Курдистане и КНС было подписано «Дохукское соглашение».

Этот документ положил начало признанию кантональной системы управления в сирийском Курдистане и предоставил КНС возможность на равных с ПДС участвовать в общественной и политической жизни региона.

17 марта 2016 г. свыше 30 политических партий северной части Сирии провели съезд в г. Румейлан (провинция Хасеке), где официально объявили о создании региональной федеративной администрации на севере Сирии, получившей название Рожава (в переводе с курдского — «Запад»). В форуме, который прошел под девизом «Демократическая федеративная Сирия — гарантия совместной жизни и братства народов», приняли участие 200 делегатов — представителей курдов, арабов, ассирийцев, туркменов, черкесов и армян. Комментируя решение форума, официальный представитель Западного Курдистана (Рожава) по иностранным делам Идрис Наасан заявил телеканалу «Аль-Маядин», что «у курдов нет никаких сепаратистских намерений в Сирии, и их территории продолжают оставаться частью географического пространства САР... Северный федеративный район останется неотъемлемой частью Сирии и будет представлять собой образец децентрализованной, плюралистической демократической власти». По словам Наасана, «курды войдут в центральное правительство, которое будет сформировано по итогам межсирийских переговоров в Женеве»¹. При этом лидеры курдов подчеркивали, что федеративная система управления создается на контролируемых ПДС территориях и власти будут защищать интересы всех этниче-

¹ Мирзаян Г. Проблемы федералистского проекта для Сирии. 17.03.2016. URL: <http://www.foreignpolicy.ru/analyses/problemny-federalistskogo-proekta-dlya-sirii/> (дата обращения: 12.12.2021).

ских групп и религиозных конфессий, проживающих в самоуправляемых районах. В сферу деятельности администрации Рожавы будут входить вопросы экономики, обороны и безопасности. 6 сентября 2018 г. был создан высший орган региональной исполнительной власти — Исполком Автономной администрации северной и восточной Сирии.

Официальный Дамаск назвал создание федеративного региона на севере страны незаконным. Правительство «предостерегает против любой попытки подорвать единство Сирии и территориальную целостность, под какими бы именами они ни выступали», — подчеркивали в сирийском МИД. Не поддержала создание курдского региона и сирийская оппозиция (НКОРС). «Попытки сформировать какие-то анклавов или отдельные регионы отбирают у сирийского народа его волю», — говорилось в её заявлении¹. Против образования новых территориально-административных структур в Сирии выступила также и Турция.

И все же, несмотря на явное неприятие идеи федерализации Сирии со стороны Дамаска и арабской оппозиции, продолжающиеся нападки и угрозы все новых вторжений войск со стороны турецких властей, в северной и северо-восточной части Сирии было провозглашено создание автономной административной единицы — Рожавы (с 2018 г. — ААСВС).

Как уже отмечалось, эта территория, известная как Западный (сирийский) Курдистан, в административном отношении в момент своего возникновения в 2012 г. и самопровозглашения автономии на основе Общественного договора в 2014 г. делилась на три района (кантона): Джазира на северо-востоке страны, Кобани на севере и Африн на северо-западе. Кантоны отделены друг от друга землями, населенными преимущественно арабами. Джазира по площади в два раза превышает Африн и Кобани. В Африне проживало более 400 тыс. человек, многие из которых были беженцами и перемещенными лицами. Как известно, ВС Турции в первые месяцы 2018 г. провели военно-карательную операцию «Оливковая ветвь» по оккупации административного района Африн, в результате которой погибли сотни курдских ополченцев и мирных жителей, десятки тысяч курдских семей вынуждены были искать убежища в других районах Сирии и соседнем Ираке.

В Кобани после изгнания боевиков ИГИЛ вначале насчитывалось лишь около 100 тыс. жителей, в Джазире — примерно 1,5 млн человек.

¹ Там же.

Самый большой город кантона — Камышлы с населением более 400 тыс. жителей. Джазира исторически представляет собой район с населением разнообразного этнического и религиозного состава. Арабы, христиане-ассирийцы, армяне десятилетиями мирно сосуществуют с курдами.

Благодаря тому, что в кантоне своими силами сумели воссоздать нефтеперерабатывающее производство, дизельного топлива и бензина хватает на нужды региона, и цена его намного ниже, чем была до 2011 г. Дизельное топливо используется и для генераторов, обеспечивающих электроэнергией частные домовладения и предприятия.

Подавляющее большинство курдов занимается сельским хозяйством — доминирующей отраслью экономики во всех трех кантонах. В Кобани выращивают пшеницу и оливки, Джазира специализируется только на пшенице, Африн — на оливках. Во всех курдских кантонах распространено овцеводство. Главные же доходы кантона Джазира и в целом Сирийского Курдистана поступают от добычи и переработки нефти. Власти автономии отменили все налоги как для физических, так и для юридических лиц. Новая администрация поощряет деятельность кооперативов, средний и малый бизнес.

Местные органы власти (советы и комитеты) регулируют цены, что исключает необоснованное их повышение, прежде всего на продукты питания и предметы первой необходимости. Власти региона пытаются привлечь внешние инвестиции для постройки электростанции, завода по производству удобрений, других важных объектов. На экспорт идет нефть, дизельное топливо и сельскохозяйственные продукты, такие как мясо и шерсть овец, зерно и хлопок. Импорт включает в себя потребительские товары и запчасти. Сегодня 70% расходов бюджета направляются на оборону и безопасность.

Безусловно, экономика региона сильно пострадала от вооруженного конфликта в стране, агрессивных действий ВС Турции и вторжений протурецких боевиков сирийской оппозиции, а также эпидемии COVID-19.

Процесс формирования объединенного фронта сирийских курдов, общих отрядов самообороны и спецслужб идет непросто. Внутри региона нарастает недовольство со стороны части населения волонтаристскими действиями ПДС, а также сосредоточением власти в руках командующего силами самообороны YPG Мазлюма Абди (Кобани). Многим сирийским курдам не нравится слишком сильное влияние, которое оказывает экстремистское крыло ПРК и идеология лидера турецких курдов Абдуллы

Оджалана. Не всегда пользуются поддержкой местного населения и действия подконтрольной ПДС службы безопасности «Асаиш». Значительное число сирийских курдов хотели бы строить свою автономию по примеру Региона Курдистан в Ираке и в тесном сотрудничестве с ДПК во главе с Масудом Барзани. Они высоко ценят моральную поддержку, военную помощь своих иракских собратьев и посреднические усилия М. Барзани по сплочению сирийских курдов. Однако в Рожаве есть и противники дальнейшего сближения сирийских и иракских курдов. Можно констатировать, что население в сирийском Курдистане в политическом плане остается крайне неоднородным. Часть курдов готова поддержать оппозицию, другая — пойти на сделку с правительством Асада. Не менее широкий спектр политических взглядов и у других этнических и религиозных групп региона. Судя по всему, Рожаве предстоит пройти сложный путь достижения внутренней сплоченности и единства, прежде чем населению региона удастся добиться реализации на практике провозглашенного им статуса субъекта гипотетической федерации.

Демократическое самоуправление в курдских районах Сирии явилось в некотором роде идеологическим ответом курдов на попытки радикальных исламистов разрушить сирийское государство и построить на его территории новый Исламский халифат по типу существовавшего в VII в. н. э. Курдский опыт может стать привлекательной моделью мирного решения этноконфессиональных проблем на Ближнем Востоке и альтернативой навязываемому исламистами возврату в прошлое¹.

2.3. Перспективы самопровозглашенной курдской автономии в Сирии

Наиболее последовательно и твердо интересы сирийских курдов отстаивает Россия. В консультациях в МИД РФ по межсирийскому урегулированию представителям Дамаска и оппозиции предлагается пригласить курдов на переговоры в качестве третьей стороны. Россия оказывает сирийским курдам политическую и дипломатическую поддержку, военную и гуманитарную помощь. К сожалению, попытки Москвы расширить формат женевских переговоров и сделать сирийских

¹ Патиев Ф. А. Указ. соч. С. 51–54.

курдов равноправными участниками мирного процесса по урегулированию в Сирии до сих пор не находят должной поддержки ни в ООН, ни на Западе, ни, тем более, в Турции: многим явно невдомек, что сегодня именно курды могли бы стать тем стержнем или связующим звеном, который сохранил бы территориальное единство Сирии. Участие сирийских курдов в женевских переговорах могло бы способствовать стабилизации и общей обстановки в регионе, в частности вдоль сирийско-турецкой границы. 5 апреля 2016 г. западные страны — члены СБ ООН заблокировали предложенный Россией проект заявления с призывом обеспечить максимально представительный характер межсирийских переговоров в Женеве. На этот раз свою деструктивную лепту внесла украинская делегация, которая с некоторых пор выступает в тандеме с Анкарой. МИД России заявил: «Несмотря на проявленную нами готовность к поиску компромисса, западные члены Совета Безопасности ООН (Франция, Великобритания, США) и примкнувшая к ним Украина по существу заблокировали российский проект резолюции, предложив поправки, которые выхолащивали суть российского проекта заявления и фактически неверно интерпретировали прошедший переговорный раунд как инклюзивный»¹.

Весьма важным событием стало открытие в феврале 2016 г. Представительства Рожавы (а точнее — ПДС) в Москве. И хотя это представительство на данный момент имеет статус общественной организации, оно дает возможность прямого диалога сирийских курдов с российскими государственными, партийными и общественными организациями, СМИ, научными кругами, а также с курдами, проживающими в Российской Федерации и странах СНГ, и позволяет обеим сторонам лучше узнать друг друга, получать информацию о ситуации на севере Сирии из первых рук. В 2015 г. в Иракском Курдистане было открыто зарубежное представительство администрации Рожава, в ближайшее время планируется открыть подобные учреждения в Праге, Вашингтоне, Лондоне, Берлине, Стокгольме и столицах некоторых арабских государств. Следует заметить, что в Москве уже длительное время работают в том же статусе представительства Иракского Курдистана и Демократической партии Курдистана.

¹ Заявление Постоянного представителя РФ в Совете Безопасности ООН В. И. Чуркина. URL: <http://www.interfax.ru/world/502220> (дата обращения: 14.05.2020).

Следует отметить, что сирийские курды находятся сейчас в сложном положении. С одной стороны, их всячески притесняли и дискриминировали по национальному признаку в годы правления сирийских баасистов, и они, естественно, не могли и не могут выступать в его поддержку в условиях внутреннего вооруженного конфликта в Сирии. С другой стороны, воюющие против властей САР разрозненные отряды вооруженной оппозиции также не могут гарантировать курдам защиту их национальных прав и свобод. Более того, курды обоснованно опасаются, что к власти в Дамаске могут прийти исламистские радикальные группировки салафитского или ваххабитского толка, которые будут ориентироваться на монархии Персидского залива. В таком случае сирийские курды вряд ли могут рассчитывать на позитивные перемены в своем положении.

В силу изложенного сирийские курды стараются придерживаться нейтралитета во внутрисирийском конфликте. Б. Асад вынужден был вывести правительственные войска из районов компактного проживания курдов, чтобы сосредоточить их на главных направлениях наступления отрядов оппозиции. Воспользовавшись этой ситуацией, курды стали повсеместно создавать местные органы власти и отряды самообороны, чтобы предотвратить вступление боевиков оппозиции на эти территории.

При этом нельзя не упомянуть о проблемах в отношениях между сирийскими и иракскими курдами, что выразилось в провале планов по созданию временной администрации — коллапсе Курдского национального совета в 2013 г. (создан в 2011 г. в Эрбиле под патронажем Барзани). В результате сирийские курды односторонне в январе 2014 г. провозгласили три кантона, о чем будет подробнее рассказано в последующих главах.

Несмотря на имевшие место боестолкновения с боевиками и оккупацию Турцией Африна, Эт-Телль-эль-Абьяда, Рас-эль-Айна в 2018–2019 гг., сирийским курдам в целом удается контролировать районы своего компактного проживания. Они меньше всего пострадали от боестолкновений, хотя отток курдских беженцев из Сирии в соседний Ирак и имеет место.

Дальнейшая судьба сирийских курдов может проясниться лишь после полного окончания внутреннего вооруженного конфликта Сирии и установления статус-кво.

На момент написания книги ААСВС при поддержке небольшого военного контингента США в союзе с арабскими племенами Заевфратья продолжает контролировать часть территории страны, где проживает около 3 млн человек и имеются значительные для Сирии запасы нефти и газа.

В октябре 2019 г. ВС Турции вторглись в ряд курдских приграничных районов и оккупировали населенный курдами приграничный анклав на севере Сирии между городами Рас-эль-Айн и Эт-Телль-эль-Абьяд (сектор RAATA), вытеснив оттуда курдские вооружённые формирования. По договорённости с властями Рожавы в некоторые приграничные с Турцией районы были введены сирийские правительственные войска. Курдские отряды самообороны отступили вглубь страны, за пределы 30-километровой зоны от границы с Турцией. Безопасность сирийских районов вдоль турецкой границы с тех пор обеспечивают сирийские правительственные войска, а также совместные патрули российской военной полиции и турецких военнослужащих. Неурегулированность позиций официальной Анкары и «повстанческого государства» в лице Рожавы по-прежнему является главным вызовом дальнейшей перспективе существования этого протогосударственного образования на севере и северо-востоке Сирии.

Глава 3

СИРИЙСКИЕ КУРДЫ И ПАРТИЯ АРАБСКОГО СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО ВОЗРОЖДЕНИЯ В СИРИИ

Предлагаемый в данной работе диалектический подход, основанный на эволюции сирийского государства и курдских общин в нем, не сможет дать объяснение нынешнему положению курдов Сирии без учета специфики их отношений с Партией арабского социалистического возрождения (ПАСВ или Баас — араб. «возрождение»), фактически находящейся у власти в стране с 8 марта 1963 г. Изучение характера курдской политики ПАСВ важно и в том ключе, что после незначительных трансформаций баасистские элиты, то есть группы влияния в этой партии, хотя в чем-то и дистанцировались от прежней объединительной идеологии арабизма под лозунгами «Арабская нация едина, её миссия бессмертна» или «Единство, свобода, социализм», всё же остаются определяющим стержнем власти в Дамаске.

Здесь нужно отметить, что с конца французского мандата в 1946 г. сирийское государство и элиты, сменявшие друг друга сериями переворотов вплоть до 1963 г., не обладали ни единой идеологией, ни достаточно силовой базой власти, чтобы представлять серьезную угрозу курдской идентичности. Другое дело, что в политической практике неафишируемыми ключевыми элементами сирийской внешней политики, особенно в Восточном Средиземноморье (Леванте), воспринимаемом в качестве историко-географического пространства «Естественной Сирии», сирийский национализм и ирредентизм оставались заметным явлением¹.

¹ Пакрадуни К. Неудавшийся мир. Мандат Ильяса Саркиса (1976–1982). М.: Прогресс, 1987.

ПАСВ была официально создана под именем Партии арабского возрождения («Хизб аль-Баас аль-Араби») на съезде, состоявшемся в Дамаске в 1947 г. под руководством Мишеля Афляка, Селахаддина аль-Битара и Заки аль-Арсузи, хотя зародилось это движение ещё в 1940 г. в период французского мандата под именем Движения арабского возрождения («Харакат аль-баас аль-араби»).

Нынешние размышления о том, какую роль сыграла политика сирийской Баас в актуализации курдского вопроса в Сирии до 2012 г., когда на севере страны начала формироваться автономия (Рожава, в 2018 г. переименованная в «Автономную администрацию Северной и Восточной Сирии»), видятся актуальными после того, как Анкара де-факто разорвала отношения с сирийским правительством в 2011 г., а внутренними политическими оппонентами правительства Асада в Сирии были выдвинуты обвинения в соотрудничестве между ПАСВ и сирийским крылом запрещенной в Турции Партии рабочих Курдистана в лице партии Демократический союз (ПДС)¹. В основном такие обвинения звучали со стороны националистической арабской оппозиции и курдских сил, не поддерживающих ПДС в Сирии. Тем не менее политические взгляды ПДС, защищающие укрепление общества по отношению к государству посредством формы активного гражданства и самоуправления, в целом соответствовали цели Башара Асада по восстановлению централизованного государственного правления в Сирии, хотя идея курдского самоуправления было негативно воспринята консервативной арабской оппозицией. При этом точку зрения, что ПДС является террористической организацией, не разделяют большинство европейских стран, США и Россия². Подобные обвинения Турции в адрес властей САР выдвигались ещё в 1990-е годы при президенте Х. Асаде. Это приводило к эскалации напряженности на турецко-сирийской границе, в результате чего Дамаск прекратил поддержку ПРК и её лидера А. Оджалана, что стало одним из ключевых положений Аданского соглашения 1998 г., заключенного с Турцией.

¹ *Allsopp H.* Op. cit. P. 41.

² *Вертяев К. В.* Политическое переформатирование у границ Турции: последствия операции «Оливковая ветвь» и оккупации сирийского Африна // Труды Института востоковедения РАН. Вып. 20. Политическая трансформация на мусульманском востоке: опыт Турции и других стран / отв. ред. И. Г. Саетов, Н. Ю. Ульченко. М.: ИВ РАН, 2019. С. 89.

В апреле 2011 г., вскоре после начала протестов в Сирии, быстро переросших в вооруженный конфликт, правительство Асада попыталось «методом пряника» успокоить курдов Сирии, издав Указ № 49 о предоставлении гражданства курдам в провинции Хасеке, которые ранее были зарегистрированы как «иностранцы». Но поскольку процесс получения гражданства означал сотрудничество с органами государственной безопасности и возможный призыв на военную службу, то многие курды отказались от него. Более того, указ не распространялся на примерно 150 000 мактуминов («скрытых») курдов, остававшихся с 1962 г. без гражданства¹.

В курдских районах на начальном этапе Арабской весны не было заметных массовых протестов по двум причинам. Во-первых, в начале 2011 г. правительство Асада быстро пошло на сближение с ПДС, сирийским идеологическим сателлитом ПРК, позволив им создать культурные центры и школы в курдских регионах.

Можно предположить, что теоретическая база идеологии «демократического конфедерализма» курдов из ПДС сформировалась как своеобразная альтернатива баасистскому «арабоцентризму», который являлся на протяжении нескольких десятков лет и до сих пор является идеологическим ориентиром правящих сирийских элит и, безусловно, нуждается в реформировании. По мнению апологетов Рожавы, «первые попытки автономизации сирийских курдов (в первую очередь в кантоне Джазира) имели место ещё в 30-е годы, как реакция на подъем арабского национализма»². С этим утверждением можно и поспорить, если взять в расчет, например, движение мюридов шейха ордена накшбанди Ибрагима Халила в Африне в середине 1930-х годов, которое под конец вылилось в вооруженные нападения на французские войска и носило ярко выраженный антиимпериалистический характер³. И если курдское политическое движение Сирии и было опосредовано ростом арабского национализма, то окончательная победа последнего закрепились приходом к власти ПАСВ в 1963 г.

Понятие курдской политики ПАСВ довольно условно. В конституциях Сирии 1973 и 2012 гг. декларируется лишь формальное равенство граждан САР (ст. 33, п. 3 действующей конституции 2012 г).

¹ McDowall D. A Modern History of the Kurds. 4th Edition. P. 469.

² Флах А., Айбога Э., Кнapp М. Указ. соч. С. 44.

³ McDowall D. Op. cit. P. 457.

Не допускались политическая деятельность и формирование партий на основе религиозной и региональной дискриминации. Исходя из данного принципа власти САР не разрешали деятельность курдских политических партий (ст. 8, п. 4. конституции 2012 г.), поэтому они вынуждены были действовать нелегально. Речь, таким образом, идет скорее о фактической политике, а точнее — о действиях властей САР в курдском вопросе. Несмотря на нерешенность до сих пор курдской проблемы в Сирии, эта политика в разные годы была нюансированной: от радикальной в 1960-е годы до относительно мягкой во второй половине нулевых.

В 1950 г. была принята конституция, в которой провозглашалось, что Сирия есть арабская республика, а её народ — часть арабской нации. Отношения с курдами в рамках баасистской идеологии ещё с тех пор, когда баасисты не были у власти, являлись, скорее, частным случаем. Сооснователь баасистского движения Мишель Афляк писал: «Большинство курдского населения проживает в двух неарабских странах, и при этом ситуация с курдами в этих странах разительным образом отличается от Ирака и Сирии, где арабы и курды жили бок о бок, а военные и политические герои курдов были также и героями арабского народа»¹. Для теоретика Мишеля Афляка, который, будучи арабом-христианином принадлежал к Антиохийской православной церкви, проблема сосуществования социализма и ислама являлась одной из центральных теоретических проблем, учитывая многоконфессиональный состав Сирии, где помимо суннитов живут арабы-христиане, а также арабы, принадлежащие к различным внутриисламским конфессиям, таким как исмаилиты, алавиты, друзы. Например, другой основатель и теоретик баасизма — Заки аль-Арсузи был алавитом. Однако курдов среди основателей ПАСВ не было. Можно предположить, что здесь сказывался этнический партикуляризм, который наблюдался здесь ещё с периода распада Османской империи.

В этой связи интерес представляет восприятие М. Афляком курдского фактора в Сирии и Ираке в период восстания Мустафы Барзани в Ираке в начале 60-х. Он писал: «Курдское восстание в Ираке является

¹ *Olson R. Ba'ath and Syria, 1947–1982: The Evolution of Ideology, Party and State from the French Mandate to the Era of Hafiz Al Asad. New Jersey: The Kingston Press, 1982. P. 16.*

объектом эксплуатации империалистических и реакционных сил. Хотя курдское движение действительно опирается на национальные чувства среди курдов, чувства законные и не вызывающие подозрений, но империалистические и реакционные силы используют их, искажают их цели... Большинство курдов проживает в двух неарабских странах, в то время как часть, проживающая в Ираке, составляет относительно небольшое меньшинство. Во-вторых, положение курдов в арабской нации полностью отличается от их положения в двух странах, где они проживают в большом количестве: Турции и Иране. Долгие века курды жили с арабами, и до сих пор между ними нет заметных различий. Следовательно, любое подавление или угнетение курдов было как бы в отношении одного народа. Оно осуществлялось над одним и тем же народом, в контексте общей истории, общей исторической судьбы, когда «политические и военные герои курдов были и героями арабов на примере Салах ад-Дина... Это ясно показывает, что курдское движение в арабской нации, и особенно в Ираке, является объектом империалистической эксплуатации, потому что арабская нация является наименее подходящей нацией для возникновения (курдского) восстания»¹.

Этот отрывок, помимо того что проливает свет на взгляды Афляка на курдский вопрос, указывает на ещё одну грань баасистской идеологии 1960-х годов — «марксификацию» партийной терминологии. При этом в баасизме не отрицалось существование в арабском государстве отдельных национальных групп («кауим»).

Теоретически «возрождение», от которого партия получила свое название, должно было положить конец всем фракционным различиям, будь то религиозным, племенным, расовым или региональным. Однако сам Афляк опроверг этот тезис, когда не позволил курдским сторонникам Арабской социалистической партии Акрама Хаурани стать членами баасистской партии после того, как две партии объединились в 1953 г., превратившись в ПАСВ². Это противоречие между теорией и практикой стало довольно регулярным явлением, особенно после того, как ПАСВ через десять лет пришла к власти в Сирии. Мало того, что сирийские баасисты активно помогали Ираку бороться с курдскими повстанцами, так

¹ Цит. по: *Olson R.* Op. cit. P. 22.

² *Petran T.* Syria. N. Y.: Praeger, 1972. P. 41.

они ещё и столь же активно подавляли национальное движение курдов в Сирии.

Проблема, с которой столкнулся Афляк при формулировании своей идеологии, заключалась в том, что делать с меньшинствами. В Сирии, помимо мусульман-суннитов, проживает значительное число арабов, принадлежащих к различным христианским церквям и неортодоксальным мусульманским сектам: алавитам, исмаилитам, друзам, включая представителей крайних шиитских сект «голат», куда помимо исмаилитов, алавитов входят базигиты, дамийиты и гурамбиты. При этом помимо курдов-суннитов, основной конфессиональной группы курдов Сирии, существуют ещё езиды — неарабский народ, проживающий в некоторых частях на севере Сирии.

Для теоретиков баасизма арабские сектантские меньшинства не представляли особых проблем, поскольку они были арабами; действительно, сам Афляк принадлежал к Антиохийской православной церкви, Салах ад-Дин аль-Битар был суннитом, а многие баасистские лидеры, особенно после переворота 1966 г., были алавитами. Но курды, которые не являются арабами и почти постоянно восставали против арабского государства Ирак, представляли совсем другую, сложную для теоретиков баасизма проблему.

Так, в своей книге «Арабы и курды: арабский взгляд на курдский вопрос» (Бейрут, 1986 г.) бывший глава МВД Сирии Мундир аль-Мусаили пишет, что «несмотря на то, что курды Сирии говорят на отдельном языке, любой, кто считает себя курдом, должен одновременно считать себя и арабом»¹. В своей книге аль-Мусаили соглашается с тем, что курды имеют право считаться национальным меньшинством в Сирии как народ, исконно проживающий на этих территориях. Однако двойная гражданско-национальная сущность сирийских курдов, т. е. как курдов и как сирийцев, наносит, по мнению аль-Мусаили, вред Сирии, поскольку курды считают себя частью общего курдского национального движения. Как представляется, зерна такого недоверия были заложены ещё до прихода ПАСВ к власти в Сирии — во времена Объединенной Арабской Республики (ОАР).

¹ Цит. по: Vanlı Ş. Suriye ve Lübnan'da Kürtler. Kürtler (güncel bir araştırma). İstanbul, 1994. S. 154.

3.1. Курдский вопрос в Сирии после провозглашения независимости Сирии и в период объединенного египетско-сирийского государства (ОАР, 1958–1961 гг.)

В 1946 г. после эвакуации французских войск и получения политической независимости Сирия оставалась государством с явно выраженным колониальным прошлым. Местная элита быстро разделилась на «южан» и «северян» с полярной внешнеполитической ориентацией, своими политическими партиями¹. Как уже отмечалось, индустриализация затрагивала лишь городские части страны и отдельные слои населения, что способствовало усилению экономической нестабильности, инфляции и безработицы. Это привело к политической нестабильности — серии военных переворотов с чехардой правительств в конце 1940-х — начале 1950-х годов, а также к увеличению популярности коммунистических и националистических идей. Ориентируясь на провозглашенный позднее ПАСВ арабский социалистический национализм, построенный на дихотомии понятий «каурий» (общенациональный, общеарабский) и «курий» (страновой, региональный), в рамках ПАСВ были учреждены Общеарабское и Региональные руководства. Они мало учитывали существование такого «каума», как курды. Сирия имела многоконфессиональную, полиэтническую культуру. Сменявшие друг друга сериями переворотов военно-политические элиты страны, учитывая поликонфессиональный состав населения, делали ставку на усиливающийся национализм сирийцев, формируя особую секулярную арабскую идентичность у населения, включающую суннитов, друзов, алавитов, исмаилитов и христиан².

Движущей силой арабского возрождения был принцип «*истиклялийий*» (т. е. самостоятельность, независимость) — то, что, по выражению сирийского оппозиционного политика и философа Ясина аль-Хадж Салеха, определяло желание народа самому определять свою судьбу без указки из-за рубежа³. В момент своего зарождения «Хизб аль-баас аль-арабий» (Партия арабского возрождения) провозглашала

¹ Новейшая история арабских стран Азии. 1917–1985. М.: Наука, 1988. С. 42–44.

² Мазур О. А. Курдский вопрос в политическом конфликте в Сирии. М.: Изд-во Ин-та Ближ. Востока, 2019. С. 111.

³ Al-Haj Saleh Y. The Impossible Revolution: Making Sense of the Syrian Tragedy. L.: C. Hurst & Co, 2017. P. 14.

ренессанс арабской нации на основе идей секуляризма, являясь воплощением модернистского европейского тренда, во многом привнесенного на почву Сирии из Франции. Теоретикам баасизма пришлось по душе калька с французского национального слогана, который на сирийской почве трансформировался в «Единство, Свобода, Социализм», что, по мнению Роберта Олсона, не являлось чем-то новым для арабского мира того периода¹. Так, М. Афляк в своей работе «На пути возрождения» («Фисабиль аль-баас», 1963 г.) акцентировал различия между баасизмом и германским национал-социализмом следующим образом: «Национал-социализм был построен на чувстве превосходства одного каума (народа) над другим и права доминирования над всем миром, основываясь на межнациональных различиях внутри одной нации, что вело к диктатуре класса или отдельной личности. Однако же при этом даже ислам в идеологии баасизма приобретал подчиненный характер по отношению к арабской национальной идентичности, задача которого — подчеркивать и поддерживать чувство осознания себя арабской нацией»².

По замечанию американского исследователя Адида Давиши, «это давало арабам политическую независимость, укрепляя их самоуважение. Но это не создавало политических институтов, которые могли бы сохраняться и обеспечивать легитимность, завоеванную молодыми реформаторами, возглавлявшими революционное движение. Эта эра дала людям немало, но не дала им институтов, которые представляли бы их интересы и давали бы им голос в политическом процессе»³.

С провозглашением независимости Сирии в 1946 г. идею независимого сирийского государства поддерживали городские курды Дамаска и Алеппо, в то время как в курдской окраине сохранялось противодействие этой идее. В основном оно исходило со стороны курдских националистов, а также друзей, которых арабские националистические элиты, по утверждению Д. МакДауэлла, рассматривали «как коммунистов», «иноагентов» влияния СССР, а также имевших тесные связи с трансйорданским эмиром Абдуллой и израильской разведкой с августа 1947 г.⁴.

¹ Olson R. Op. cit. P. 33.

² Ibid.

³ Dawisha A. The Second Arab Awakening: Revolution, Democracy, and the Islamist Challenge from Tunis to Damascus. N. Y.–L.: W. W. Norton & Company, 2013. P. 660.

⁴ McDowall D. A Modern History of the Kurds. 4th Edition. P. 462–467.

Это повлияло на восприятие курдов и друзов как сепаратистов на этапе становления полной независимости Сирии. Представитель курдских националистов, выступавших за создание независимого Курдистана, Камуран Бедирхан активно искал поддержки у израильской разведки после создания Израиля и арабо-израильской войны 1948 г., рассчитывая на помощь со стороны израильтян в деле создания независимого курдского государства. Примерно на такое же независимое государство рассчитывали друзья из Джабаль Друз — но с целью присоединиться к Трансиордании. Между тем Камуран Бедирхан находился за пределами Сирии, и далеко не все представители сирийских курдов разделяли на тот момент идею создания независимого курдского государства, воспользовавшись итогами Второй мировой войны.

Несмотря на наличие заметных политических деятелей курдского происхождения в Сирии в 1950-е годы, ни один из них не был курдским националистом. Наоборот, многие из них были привержены именно «сирийскому» национализму или классовому сознанию, преодолевающему этнические разногласия. В результате сирийские военачальники — и арабы, и курды — некоторые из которых приходили к власти в Сирии в результате переворота, по сути, невольно работали над тем, чтобы стереть курдскую идентичность.

Действительно, до прихода баасистов к власти в 1963 г. среди сменявших друг друга президентов Сирии были и этнические курды. Генерал Адиб аш-Шишакли (на самом деле Чичекли), курд по материнской линии, родом из Хамы, не был проводником националистической курдской идеологии и, будучи военным правителем с 1949 по 1954 г., издал распоряжение, чтобы арабский язык использовался на вывесках во многих общественных местах. Однако именно этот период, вопреки воле аш-Шишакли, способствовал созданию некоторой атмосферы свободы для курдских просветительских движений в Сирии с правом не только существовать, но и действовать, и высказывать свое мнение, достигнув требований преподавания в школах курдского языка в качестве официального наряду с арабским языком. Также в добаасистский период в курдские регионы назначались курдские министры, однако этот период длился недолго¹. 17 апреля 1949 г. в результате госперево-

¹ Suriye'nin bağımsızlığından Baas Partisi'ne kadar Kürtler. URL: <https://hawarnews.com/tr/haber/suriyenin-bagimsizligindan-baas-partisine-kadar-kurtler-h59568.html> (дата обращения: 23.01.2023).

рота президентом и премьер-министром Сирии стал курд Хусни аз-Заим, продержавшийся всего два месяца. Президентство Адиба аш-Шишакли (которого арабы воспринимали как курда, но сам он при этом никакого значения этническому происхождению не придавал) оказало заметное влияние на последующее политическое развитие Сирии. Аш-Шишакли был сторонником крупнейшей на тот момент Социал-националистической партии Сирии (СНПС), выступающей за создание т. н. «Великой Сирии», включая Сирию, Ливан, Ирак, Кувейт, Иорданию, Палестину, Кипр, Синай, провинцию Хатай и Киликию в рамках единых географических границ и общей истории, которую разделяют люди в пределах этих границ. Захватив власть в результате переворота в 1949 г. (третьего по счету за весь год) на волне противодействия хашимитскому влиянию, исходившему от королевского Ирака и Иордании, аш-Шишакли запретил все политические партии и руководил страной через ручное правительство, совмещавшее функции и Министерства обороны, и Генерального штаба Сирии. Под запрет попали Коммунистическая партия, Партия арабского возрождения и сирийские «Братья-мусульмане». При аш-Шишакли было создано проправительственное Движение за арабское освобождение (ДАО), просуществовавшее до баасистского переворота 1963 г. Особенностью этого политического движения было привлечение женщин в свои ряды и ориентация на умеренный социализм. В период его президентства функции премьер-министра Сирии исполнял курд Мухсин Баразиди, профессор и один из реформаторов курдского языка курманджи, переведших его на латиницу¹. В 1953 г. аш-Шишакли был переизбран в результате постановочных выборов, когда за его переизбрание «проголосовали» 99,7% населения при явке 86%. Однако уже в 1954 г. он был свергнут в результате нового госпереворота, совершенного армейской верхушкой, при участии коммунистов, баасистов и влиятельных друзей.

Недовольство арабским населением Сирии политикой аш-Шишакли во многом могло экстраполироваться на тот факт, что он был курдом. Его все более шовинистическое представление об арабском национализме основывалось на отрицании существования «меньшинств» в Сирии. В начале 1950-х годов это особенно коснулось отношений с друзьями, которых аш-Шишакли рассматривал как агентов влияния Иордании

¹ Vanlı Ş. Op. cit. P. 239.

и даже приказал устроить бомбардировку их оплота на юго-востоке страны, за что и поплатился жизнью: после переворота бежал в Бразилию, где были на тот момент сильны позиции СНПС среди сирийских иммигрантов, но был там застрелен другом в 1964 г.¹

После свержения аш-Шишакли в 1954 г. в Сирии началось вытеснение курдских элит из армейской верхушки, правительства, что сопровождалось попытками запретить распространение курдского языка — на грампластинках, в вещании, в публикациях. Это во многом связывается с общеарабским националистическим подъемом в регионе, что привело к недолговечному существованию Объединенной Арабской Республики (ОАР, 1958–1961). Крайней точкой межэтнической агрессии стал инцидент 1957 г. с поджогом кинотеатра с курдскими школьниками в Амуде, пришедшими посмотреть фильм об арабском восстании в Алжире. Это привело к гибели 250 человек². Подобные инциденты подстегивали рост антиарабских настроений в курдском обществе, что вызывало ответную реакцию со стороны правящих арабских элит.

К моменту прихода баасистов к власти благодаря созданной в 1957 г. в Сирии Демократической партии Курдистана, позже переименованной в Демократическую партию Курдистана в Сирии (ДПКС) как ответвление от ДПК в Ираке, сирийское курдское движение приобрело новую специфику. Сторонники партии требовали признания курдов этническим меньшинством в Сирии, официального введения преподавания и вещания на курдском языке, а также привлечения дополнительных инвестиций в курдские поселения. По мнению турецких исследователей, создание единого (объединенного) независимого Курдистана присутствовало в документах партии в качестве партийной цели³.

При ОАР курдская музыка и радиовещание были официально запрещены в 1958 г. Президент ОАР Гамаль Абдель Насер, увидевший в этом угрозу проекту арабского единства, связывал подъем курдского национализма с влиянием сионизма и американского империализма. Впрочем,

¹ *Landis J. Shishakli and the Druzes: Integration and Intransigence // The Syrian Land: Processes of Integration and Fragmentation: Bilād al-Shām from the 18th to the 20th Century. Ed. by T. Philipp and B. Schäbler. Stuttgart: Franz Steiner Verlag, 1998. P. 369–396.*

² *McDowall D. A Modern History of the Kurds. 4th Edition. P. 463–464.*

³ *Özkaya A. Suriye Kürtleri: Siyasi Etkisizlik ve Suriye Devleti'nin Politikaları // Uluslararası Hukuk ve Politika. 2008. No. 2. S. 34.*

эту точку зрения разделяли и его политические оппоненты из числа сторонников сирийской фракции ПАСВ.

Одним из важных обстоятельств, ускользающих от внимания исследователей, является тот факт, что в период 1958–1961 гг., когда ОАР возникла в составе Сирии и Египта¹, наблюдалась волна миграции сельского населения из Турции в Сирию. Плодородные сельскохозяйственные угодья северо-востока Сирии превратились в центр притяжения для бедных крестьян из Турции, в основном курдов. Объявленная в Объединенной Арабской Республике аграрная реформа с заявленными стремлениями новых властей к социальной справедливости под социалистическими лозунгами привлекла многих люмпенизированных сельскохозяйственных рабочих из соседней Турции. Многие турецкие курды первоначально поддерживали принципы нового государства, которое не делало этнических различий между кандидатами на приобретение и возделывание плодородной сирийской земли². Одним из условий было прохождение службы в сирийской армии. После казарм соискатели гражданства получали военный билет, и он был своеобразным документом для законного права на пребывание в арабской стране.

Проникновение в Сирию курдов из Турции активно началось ещё в 1945 г. с принятием нового закона о землепользовании. Официальные статистические данные показывали, что в период с 1954 по 1961 г. население провинции Хасеке выросло с 240 до 305 тыс. человек, а прирост составил 27%, что невозможно объяснить только лишь естественными причинами. Причем по более поздним уточненным данным 1962 г. насе-

¹ Объединенная Арабская Республика (Джумухурийя аль-Арабийя аль-Муттахида). Как пишет арабская «Википедия» (www.marefa.org), в конце 1950-х годов сирийская политическая и военная элита опасалась растущего влияния Сирийской коммунистической партии под председательством Халида Багдаша. Это выразилось в стремлении объединения с Египтом, чтобы избежать прихода коммунистов к власти. В то же время сильная бюрократизация и засилье египтян во власти быстро прервали египетско-сирийские связи. 28 сентября 1961 г. сирийская армия совершила государственный переворот, Сирия вышла из ОАР, и объединенное государство прекратило существование.

² *Chukov V. Kurds — “External” and “internal” in Syria, Khaibun’s Organization and “Arab Security Belt” (Security Belt Forces). 5th International e-Conference on Studies in Humanities and Social Sciences. Belgrade: Center for Open Access in Science (COAS), 28 June 2020. P. 113. URL: <https://centerprode.com/conferences/5IeCSHSS/5IeCSHSS.pdf> (дата обращения: 26.03.2022).*

ление Хасеке составляло уже 340 тыс.¹ Это во многом было связано с механизацией сельского хозяйства Турции и ростом безработицы и бедности в среде местного курдского крестьянства, что привело к массовой миграции в северную Джазиру с целью возделывания земель и выращивания пшеницы, цены на которую стремительно выросли. «Сирийская Целина» привлекала и арабов соседних племен. Более того, в период ОАР президент Насер планировал переселить в Джазиру египтян.

Как уже отмечалось, за год до возникновения ОАР, в 1957 г., во многом в качестве ответа на подъем арабского национализма появилась первая курдская партия в независимой Сирии — ДПКС, имевшая и имеющая до сих пор тесные связи с иракскими курдами из ДПК. На практике с сирийским правительством была заключена своеобразная политическая сделка, а именно — актуализация курдского элемента, делегирование ДПКС полномочий для активной работы с курдами, в том числе и в Турции. Первоначально эта партия не носила нелегального статуса, в Сирии была даже открыта радиостанция «Голос курдов», просуществовавшая, правда, недолго, как недолгим было и сотрудничество между курдами и правителями в Дамаске в конце 50-х, когда ДПКС постепенно меняла свое отношение к египетско-сирийскому объединенному государству. Всего через два года после официального образования эта партия была запрещена властями ОАР. На суде генеральный секретарь Нуреддин Заза сформулировал наличие в Сирии проблемы с так называемыми «переселенцами из Турции». По его словам, власти Сирии отказали в предоставлении гражданства переселившимся из Турции курдам, несмотря на то что «были получены сотни тысяч заявлений на получение сирийского гражданства»². Заза также обвинил органы центральной власти в несправедливом распределении земли по отношению к курдам: несмотря на формализованный принцип равенства претендентов на землевладение в районах южнее Хасеке — между Хасеке и Телль-Коджаком, предпочтение здесь отдавалось арабам, что, по сути, закладывало основу создания «Арабского пояса» на севере страны, актуализированного позже баасистами.

Это приводило к росту напряженности — как по этническим, так и по социальным линиям. Органы, распределявшие землю, отдавали её тем,

¹ McDowall D. Op. cit. P. 467–468.

² Zaza N. Ma vie de Kurde, ou, Le cri du peuple kurde. Paris: P.–M. Favre, 1982. P. 123–140.

кто её обрабатывал. При том, что сельскохозяйственные рабочие в то время в основном происходили из арабских племен, земля в Джазире формально принадлежала курдским шейхам. Следуя духу социалистической пропаганды, сирийские власти утверждали, что «передел собственности на самом деле выражал социальную борьбу простых арабских крестьян против курдских землевладельцев (ага и шейхов)». Как отмечает болгарский востоковед В. Чуков, «по этому спорному вопросу у различных исследователей нет единого мнения. Авторы, близкие к официальному Дамаску, такие как Ахмед Мардини, утверждают, что курдские крестьяне также получали участки земли, если они обрабатывали их, в то время как прокурдские эксперты, такие как Исет Вили, утверждали обратное — происходила этническая сегрегация»¹.

Однако сразу после выхода Сирии из ОАР наполнение и лозунги аграрной реформы изменились. В период с 1961 по 1963 г. власти перестали применять принцип: «Земля принадлежит тому, кто её обрабатывает». До-баасистский националистический Кабинет Мааруфа Дауалиби (1961–1962) заменил это правило тезисом о «справедливом разделении земли среди всего сирийского населения».

Это привело к формированию новой социальной и демографической политики, игнорировавшей тот факт, что большинство жителей Джазире годами обрабатывали землю и имели сирийскую идентичность. При этом «напряженность между правительством и местными курдами усилилась, когда силы безопасности начали насильственно выселять крестьян с их земель»². На этом фоне министр сельского хозяйства Сирии Саид Сейед приостановил действие закона из-за опасности дестабилизации внутри страны.

Новый сирийский премьер-министр Башар Азме, пришедший к власти в результате очередного переворота в апреле 1962 г., пытался вернуться к умеренной политике по отношению к курдам. Он был сторонником идей ОАР, и когда в Джазире были обнаружены залежи нефти, отказался передать их разработку совместной саудовско-американской холдинговой компании. Его преемник на посту премьер-министра (1962–1963) антинасерист Халед аль-Азм, бывший премьер Сирии и Ливана, быстро изменил политическую ситуацию. Он восстановил ограничения прав

¹ *Chukov V. Op. cit.* P. 114–115.

² *Ibid.*

курдов Джазиры. Согласно принятому в 1962 г. закону все курды, эмигрировавшие в Сирию из Турции после обретения Сирией независимости, становились «аджанибами», то есть «иностранцами». Большинство из них жили вдоль сирийско-турецкой границы, в частности между населенными пунктами Рас-эль-Айн и Эль-Маликия, на крайнем северо-востоке страны.

По приказу из Дамаска губернатор Хасеке Саид Сейед, брата одного из идеологов баасизма, представителя национально ориентированного крыла ПАСВ, провел спешную перепись населения, о которой многие жители Хасеки не были даже вовремя уведомлены. Саид Сейед считал, что аграрная политика ОАР была равносильна «краже земли у арабов»¹. На этом основании делался вывод, что курдские жители «незаконно арендовали землю у государства», поэтому, чтобы остаться на сирийской земле, они должны были изменить свой статус с владельцев земли на землепользователей. Если же они хотели легализовать свою собственность и стать полноправными гражданами Сирии, они должны были брать кредиты в Национальном банке в течение всего времени, когда курдские крестьяне обрабатывали землю, которая, по сути, становилась собственностью Национального банка. Однако из-за патовой ситуации ввиду невозможности возвращать кредиты власти были вынуждены снизить денежные обязательства массово разорившихся курдов до 15 000 фунтов в год².

Новая идея правительства в Дамаске заключалась в том, чтобы отдать приоритет арабскому этносу в регионе, удаленном от столицы вне достижения влияния инструментов осуществления государственной политики. Закон 1962 г. о переписи населения страны распространялся лишь на курдское население в губернаторстве Хасеке (Джазира), поэтому около 120 тыс. курдов, проживавших в тот период в других районах страны, были автоматически лишены сирийского гражданства и на своей исторической родине перешли на положение лиц без гражданства (либо беженцев, либо «иностранцев»). Эта часть курдского населения Сирии оказалась практически бесправной и вынуждена была долгое время владеть жалкое существование. При этом в Хасеке правительство объявило 85 000 человек, проживающих в мухафазе, «иностранцами — турками».

¹ Ibid.

² Ibid.

Это составляло 27% от общей численности населения Джазиры, в которой проживало 302 000 человек¹.

В результате этих мер были лишены сирийского гражданства видные сирийские политики и военачальники. Таковыми были бывший вице-премьер и избранный министр Абдель Баки Низамадин, а также его брат генерал Тауфик Низамадин, бывший начальник Генерального штаба сирийской армии (1955–1957). При этом даже члены одной семьи в Сирии могли квалифицироваться по-разному. Например, один брат был сирийцем, а другой — туркоманом².

Как представляется, «аджанибизация» мигрантов из Турции изначально не была напрямую направлена на курдов — во многих документах фигурируют именно мигранты из Турции, в том числе поверившие в спасительную силу псевдосоциалистических лозунгов объединенного арабского государства и пытавшиеся обосноваться на сирийской земле.

В начале ноября 1962 г. губернатор Хасеке Саид аль-Сейед и министр внутренних дел Азиз Абдул Керим подписали специальный документ касательно населения Джазиры — своеобразный циркуляр. Указывалось, что «миграция турецких курдов представляет собой угрозу стабильности арабской Сирии»³.

В результате подразумевалась форсированная арабизация региона, которая включала в себя вариативность применяемых мер, постепенно оформлявшихся в стремление создания «Арабского («зеленого») пояса», по сути — инструмента этнической сегрегации населения. Создание «Арабского пояса», например, подразумевало такие меры, как обозначение внутренних границ путем рытья траншей, создание пограничной полиции, «из национальных лояльных элементов», стимулирование национализации земель, принадлежащих курдам, увеличение доходов шейхов арабских племен и привлечение членов этих племен к осуществлению «аграрной реформы»⁴.

Таким образом, можно утверждать, что социальное и экономическое давление на курдов в Сирии началось в период после объединения (ОАР) Сирии и Египта с 1958 по 1961 г. Во времена Объединенной

¹ Ibid.

² *Шабаб М.* Сираат аль-Мунадиль аль-Курди Сабри Осман (Апо). Бейрут, 2000. С. 34.

³ Al Ayam. 06.11.1962.

⁴ *Chukov V.* Op. cit. P. 121.

Арабской Республики упор делался на панарабский дискурс государства. Следовательно, курды стали другим главным козлом отпущения для арабского интегрального национализма или *шуубиййун*¹, т. е. теми, кто не хотел арабизироваться. Националистическая направленность этого союза была очевидна, и она состояла в стремлении объединить разрозненную арабскую нацию под крылом единого руководства, во главе которого находился Гамаль Абдель Насер, а сам союз носил формально социалистическую ориентацию. Как справедливо отмечает в своей работе О. Мазур, «примат арабизма ОАР априори вычеркивал иные этнические группы из общественно-политического пространства Сирии»². Вопреки арабской националистической идеологии, характерной как для насеристов, так и для ПАСВ, Сирия была и остается разнообразной как в религиозном, так и в этническом отношении страной. Сирию населяют не только арабы различного религиозно-конфессионального происхождения, но, помимо курдов, также армяне, западно- и восточно-арамейские ассирийцы, туркоманы, черкесы и даже чеченцы³.

На этом фоне в период ОАР происходило не только подавление проявлений курдской идентичности, но и планомерное вычеркивание курдского элемента из политической и общественной жизни Сирии, что актуализировало этнический партикуляризм внутри страны: «курдских офицеров увольняли из армии, арестовывались сотни курдских политических деятелей из Демократической партии Курдистана в Сирии, курдский народ становился заложником антикурдской пропаганды (обвинения в связях с сионизмом и империализмом, в сепаратистских устремлениях и т. д.)»⁴. Были запрещены курдские журналы «Хавар» и «Хойбун», а также частное или государственное образование на курдском языке, использование курдского языка в государственных школах. Кроме того, курдские

¹ *Tejel J.* Le mouvement kurde de Turquie en exil: Continuités et discontinuités du nationalisme kurde sous le mandat français en Syrie et au Liban (1925–1946). Bern: Peter Lang, 2007. P. 114.

² *Мазур О. А.* Курдский вопрос в политическом конфликте в Сирии (после 2011 г.): дисс. ... канд. полит. наук. М.: ИСАА МГУ, 2016. С. 127.

³ *Schmidinger T., Schiffmann M (trans.).* Kurds, Arabs, Armenians, and Assyrians: Rojava as Part of the Ethnic Diversity of Syria // *Rojava: Revolution, War and the Future of Syria's Kurds*. L.: Pluto Press, 2018. P. 13–18. URL: <https://doi.org/10.2307/j.ct-v1qv2bm.10>

⁴ *Мазур О.* Указ. соч. С. 134.

названия мест и людей были изменены на арабские. Образ курда был, по сути, демонизирован в Сирии после восстания иракских курдов под предводительством Мустафы Барзани в 1961 г. «Опасения, что курды Сирии могут организовать подобные выступления и поддаться зарубежному, прежде всего израильскому, влиянию формировали представления о курдской этнической группе как первой внутренней угрозе территориальной целостности государства»¹.

Поборник панарабизма, бывший президент Египта Гамаль Абдель Насер первым задумался об арабизации сирийской Хасеке, когда возглавлял Объединенную Арабскую Республику (ОАР). В 1959 г. руководство ОАР начало переселять арабов в районе Деррика, расположенного на западном берегу реки Тигр. По сообщению газеты *The Bulletin*, Насер надеялся перевести 1,5 млн безземельных египтян в Хасеке и сумел основать как минимум две деревни, населенные египтянами².

По словам Шерко Аббаса, президента Национальной ассамблеи Курдистана (Сирия), «ОАР была полна решимости нанести максимальный ущерб курдам, потому что они рассматривались как агенты Израиля. В 1960 г. сирийское правительство издало указ, лишивший курдов права выпаса скота на собственной земле. В результате миллионы голов скота погибли от голода, что причинило курдам серьезные экономические трудности»³. Как уже отмечалось выше, в 1961 г. арабские националисты преднамеренно подожгли кинотеатр в курдском городе Амуде.

Шовинистический подъем панарабизма во время правления Насера вызвал в Сирии требования независимости от Египта в различных слоях сирийского общества, особенно в армии. Требования сирийских «сепаратистов», по сути, реализовал подполковник Абдель Карим ан-Нахлави, высокопоставленный военный, который при поддержке Иордании

¹ Kurdish Movements in Syria. ORSAM Report. No. 127. August 2012 // Ankara: ORSAM, 2012. P. 14. URL: <http://www.orsam.org.tr/en/enUploads/Article/Files/2012828127%20ing%20yeni.pdf> (дата обращения: 04.04.2021).

² `The Bulletin. 13.07.2007. URL: <https://www.institutkurde.org/en/info/ethnic-cleansing-in-syria-the-unseen-terror-1185370405.html> (дата обращения: 04.04.2021).

³ Syrian Kurdish leader Sherkoh Abbas: Break Syria up into separate states. URL: <https://ekurd.net/syrian-kurdish-leader-sherkoh-abbas-break-syria-up-into-separate-states-2015-04-09> (дата обращения: 15.02.2021).

и Саудовской Аравии осуществил бескровный переворот 28 сентября 1961 г., и Сирия вышла из состава ОАР.

Затем в Сирии началась борьба за власть, которая велась в основном между пронасеровскими юнионистами и сепаратистами, выступающими за независимость Сирии от Египта, во главе которых оказалась ПАСВ. Хотя распад Объединенной Арабской Республики и давал сирийским курдам надежду на то, что дискриминационно-исключающая политика в отношении курдского меньшинства закончится, вскоре они стали свидетелями политической ситуации, прямо противоположной их ожиданиям. Первой, ещё до прихода баасистов к власти, стала «демографическая спецоперация» 1962 г. в провинции Хасеке, где большинство населения составляли курды.

С формальной точки зрения акт лишения курдов сирийского гражданства (Законодательный декрет № 93 от 23 августа 1962 г.) не был детищем ПАСВ, однако отражал наметившуюся в сирийском обществе тенденцию по вытеснению курдов на периферию политической жизни, когда правительство предписало провести в регионе перепись населения для маргинализации тех, кто, как считалось, получил сирийское гражданство незаконным образом. Таким образом, удостоверения личности тех, кто считался несирийцами, были изъяты. Чтобы вернуть их, курды должны были доказать, что они проживали в Сирии до 1940 г. Невыполнение этого требования означало, что большая группа курдов была зарегистрирована как *аджаниб*, т. е. иностранцы. В определённый период их называли оккупантами из Турции и лишали прав на образование, владение имуществом, участие в политической жизни, законный брак и т. д. Курды, не участвовавшие в переписи, стали называться *мак-туминами* (т. е. скрытыми). Они не были зарегистрированы и, поскольку юридически не существовали, имели даже более низкий статус, чем аджаниб¹. Таким образом, 120 тыс. курдов-джазиранцев, или около 20% сирийских курдов, были лишены гражданства. Это можно рассматривать как попытку центрального правительства ещё больше доминировать в Джазире.

Ещё на заре правления ПАСВ был сделан шаг, направленный на маргинализацию курдского населения Сирии. Лишенные права на идентичность в 1962 г. в результате упоминавшегося Закона

¹ Tejel J. Op. cit. P. 51; Allsopp H. Op. cit. P. 154.

№ 93, многие курды больше не могли покупать недвижимость и регистрировать её на свое имя. Они также не могли голосовать на выборах, получать паспорта и покидать страну. В то же время брак неустановленных курдов считался незаконным, а их дети не могли пользоваться гражданскими правами. Все это спровоцировало формирование курдских нелегальных политических партий с целью отстаивания интересов курдов. Это происходило в политической среде, где доминировал арабский национализм. Можно сказать, что после роспуска ОАР Сирия возродилась как арабская республика, но при этом усилился и гнет курдов.

3.2. Сирийские курды и баасисты: с 1963 г. до начала внутреннего вооруженного конфликта в Сирии

Когда ОАР распалась, Сирия полтора года находилась в состоянии хаоса, пока не был создан Национальный совет революционного командования (НСРК), возглавляемый группой баасистов из числа сирийских офицеров и гражданских чиновников, взявший на себя исполнительные и законодательные функции правительства после госпереворота 8 марта 1963 г. Переворот был совершен через месяц после баасистского переворота в Ираке. Парадоксальным образом главными участниками переворота были члены Военного комитета, которые не имели никакого отношения к баасистам. Переворот 1963 г. известен в сирийской историографии как Баасистская революция 8 марта. Однако, как справедливо утверждает Р. Олсон, «той социальной революции, выраженной изначально в баасистской мысли, не произошло»¹. Майор Зияд аль-Харири, лидер переворота, родственник лидера слившейся с Партией арабского возрождения Социалистической партии Акрама Хаурани, создал организацию под названием Национальный Совет Революционного Командования (НСРК), которая стала высшим административным органом новой власти. НСРК состоял из десяти офицеров: четырех независимых военных, трех насеристов и трех баасистов. Председателем Совета был избран генерал-лейтенант Луэй аль-Атаси, независимый военный (а на самом деле юнионист, ставший впоследствии прези-

¹ *Olson R. Op. cit. P. 81.*

дентом после очередного баасистского переворота)¹. Планам добавить десять гражданских лиц (возможно, и курдов) в состав НСРК помешало настойчивое требование баасистов, чтобы половина Совета принадлежала к ПАСВ.

Активизация повстанческого движения иракских курдов под руководством Мустафы Барзани и в соседнем Ираке в 1960-е годы заставляла пришедшую к власти в Сирии ПАСВ активно поддерживать Багдад, при этом «закручивая гайки» в отношениях с собственными курдами. Многие сирийские курды были вытеснены из Сирии на территорию Турции. На этом фоне попытка создания федеративного государства из Сирии и Ирака после прихода к власти в этих странах баасистских правительств в 1963 г. закончилась провалом.

В этот период для Сирии было характерно противостояние насеристов и баасистов, а их противоречия были связаны с трактовками формы всеобщего национального арабского объединения и недовольством аграрной политикой ОАР. Так, после военного переворота во многих районах Сирии произошли демонстрации насеристов. Они вынудили Дамаск, а по сути — ПАСВ, сторонники которой занимали главенствующее положение при новой власти, вести переговоры с египтянами и иракцами о возможности создания нового трехстороннего союза. В этих переговорах Сирия и ПАСВ, в частности, оказались в невыгодном положении. Сказалось сложное соперничество между пятью основными центрами силы в Сирии того времени и внутри них: НСРК; министерство обороны и высший генералитет; правительственная структура премьера и его кабинет, Региональные руководства ПАСВ в Ираке и Сирии. Внутри самой ПАСВ в это время также было несколько крупных конфликтов. В первую очередь между руководством ПАСВ в лице Афляка и аль-Битара, которые выступали против общеарабского союза (Сирии, Ирака, Египта), и «младобаасистами», которые хотели организовать «массы против реакционного сепаратизма» внутри партии².

Тем не менее баасистская идеология стала мощной альтернативой насеристскому панарабизму. ПАСВ идеологически была ориентирована на секуляризм, панарабизм и арабский социализм с учетом особенностей социально-экономического развития Ирака и Сирии, где баасисты

¹ Пир-Будагова Э. П. История Сирии. XX век. М.: ИВ РАН, 2015. С. 145.

² Olson R. Op. cit. P. 81–82.

пришли к власти. К июлю 1963 г. сирийские военные из числа членов ПАСВ свергли генерала аль-Харири с поста начальника штаба, уволив 30 его сторонников из армейской верхушки, пока он находился в Алжире. 18 июля была жестко предотвращена попытка насеристского государственного переворота в Сирии путем задействования танков, самолетов и артиллерии и последующей казни участников попытки переворота и захвата власти¹. Этот день ознаменовал конец словесных заявлений Каира и Дамаска о мнимом единстве, но, что более важно, положил конец организованной пронасеристской оппозиции в Сирии.

Курды рассматривались баасистами в Сирии как инструмент влияния, используемый иными державами, особенно США, Турцией и Израилем, для реализации своей политики. При этом в уставе ПАСВ говорится, что сирийские земли являются арабской страной и само понятие меньшинства в них не включено. Объединив всех граждан в единую нацию, всевозможные религии, племена, общины, расы и иные региональные паттерны были сведены на второй план.

Хотя ПАСВ укрепила свою власть в Сирии, её все ещё преследовали внутренние трудности. Помимо фракционности, у новой власти отсутствовала весомая общественная поддержка. Стремясь увеличить свою социальную базу, баасисты принимали в свои ряды все новых и новых членов. Этот шаг имел далеко идущие последствия и ещё больше отвратил от баасистов курдов, когда в партию пришли молодые радикальные арабские националисты, которые в конечном итоге сформировали большинство членов партии, выступавших против Афляка. Заручившись поддержкой старых членов партии, марксистов и недавно завербованных протеже Военного комитета, по сути, они не только создали влиятельную оппозицию «отцам-основателям» в лице Афляка и аль-Битара, но и привели к радикальному изменению социального фона состава партии, в основном на почве арабского этнического партикуляризма и превращения крыла партии Афляка и аль-Битара в меньшинство.

К этому времени Военный комитет, состоящий из баасистов, имел полный контроль над армией и широкое представительство в командовании в регионах. При поддержке антиафлякистов комитет также получил фактический контроль над партией, который его члены начали

¹ Ibid.

использовать для достижения одной из своих основных целей — свержения Афляка и аль-Битара в партийной иерархии.

Среди сторонников партии Баас в момент её прихода к власти курды Сирии в большинстве своем рассматривались как чужеродный элемент. Отчасти это было связано с тем, что в июне 1963 г. Сирия приняла участие в подавлении восстания Барзани в Ираке, предоставив против курдов самолеты, бронетехнику и 6000 солдат. Сирийские войска под командованием полковника Фахда аль-Ша'ира пересекли иракскую границу со стороны Джазиры и двинулись в курдский город Захо, преследуя ополчения пешмерга Барзани¹. Одновременно продолжались начатые при прежней центральной власти гонения в отношении сторонников ДПК в Сирии (ДПКС).

Как пишет Ванлы, «эта операция не имела успеха с военной точки зрения и привела к существенным потерям со стороны сирийской армии. Тем не менее новые власти объявили о своей победе, и 10 января 1964 г. в Дамаске прошел военный парад, на котором президент Амин аль-Хафиз приветствовал полковника аль Ша'ира как героя Сирии. Операция Сирии в северном Ираке против повстанцев Барзани, политика давления на курдов в Джазире привели к резко негативному отношению курдов к новому баасистскому режиму»².

После прихода баасистов к власти оставалось под запретом издание курдских журналов «Хавар» и «Хойбун», преподавание курдского в частных и государственных школах, было даже запрещено разговаривать на курдском в государственных школах³. Однако же при этом подобные ограничения не вводились в отношении иных неарабских или конфессиональных меньшинств.

Таким образом, после прихода к власти ПАСВ арабизация курдских регионов и, следовательно, подавление курдов продолжались. Показательно в этом отношении исследование лейтенанта Мухаммада Талаб аль-Хилала, который был начальником службы безопасности в провинции Хасеке, когда в 1963 г. распространил секретный доклад о необходимости радикального решения курдского вопроса в Джазире под названием «Курдская опасность». Исследование известно своим

¹ *Vanly I. Ch. The Kurds in Syria and Lebanon // Kreyenbroek Ph. G., Sperl S. (eds). The Kurds: A Contemporary Overview. L.–N. Y.: Routledge, 1992. P. 151–152.*

² *Vanli Ş. Op. cit. S. 114.*

³ *Özkaya A. Op. cit. S. 90–116.*

уничжительным отношением к курдам и жестокими предписаниями. Курды воспринимаются как «наши враги», а присутствие курдов в Джазире преподносится как «курдская опасность» и «злокачественная опухоль, развившаяся в части тела арабской нации»¹. Предлагаемое средство восстановления арабизма в Джазире заключалось в первую очередь в создании «Арабского пояса» путем депортации курдов вдоль турецких границ. В плане аль-Хилала также упоминались такие меры, как создание препятствий для образования и трудоустройства и простое уничтожение курдской идентичности за счет поддержки арабов во всех аспектах жизни. Как писал аль-Хилаль, «если не принять меры, то очень скоро курды будут себя вести так же, как евреи на палестинских землях»², имея в виду Израиль. В целом жесткие предписания соответствовали намерениям Указа № 93 от 1962 г. о гражданстве. Несмотря на кажущуюся безотлагательность арабских националистов установить контроль над джазиранскими курдами, план не был реализован до начала 1970-х годов.

Другие репрессивные меры также применялись в конце 1960-х и в 1970–1980-х годах для «арабизации» курдов. К ним относятся запрет на использование курдского языка в школах, а затем и на рабочих местах, продолжающийся запрет на публикации на курдском языке и исключение курдов из школьных учебников по истории. Это же относилось и к исполнению курдской музыки, игре на курдских музыкальных инструментах³. Вдобавок к этому курды встречали общее недоверие и дискриминацию со стороны государственной администрации и подвергались произвольным арестам со стороны сил безопасности.

Как уже отмечалось, регион Джазире приобрел важное экономическое значение для Сирии, что было связано с обнаруженными в Румейлане и Карачоке запасами нефти. При этом проживавших здесь курдов аль-Хилаль в упомянутом докладе называл не только агентами империализма, но и Советского Союза, где пребывал курдский лидер Барзани, а возглавляемую им партию (ДПК) — марионеткой СССР⁴. Подъем курдского национализма, в контексте Сирии выразившийся в требованиях национальных прав, преподавания на родном языке, виделся апологетами баасизма как результат использования курдов врагами единой арабской

¹ Yildiz K. Op. cit. P. 34; Tejel J. Op. cit. P. 60–61.

² Vanlı Ş. Op. cit. S. 158–159.

³ Бадуну Р. Аль-Асад и курды: закон джунглей. М., 2004. С. 9–10.

⁴ Vanlı Ş. Op. cit. S. 158.

нации в своих интересах. При этом нельзя утверждать, что баасистами не предпринимались попытки инкорпорировать курдов в национальную доктрину Сирии как равноправных сирийских граждан.

Так, на VI съезде ПАСВ в Дамаске в октябре 1963 г. делегатам пришлось разработать ответ на замечание Насера, все ещё имевшего влияние на многих арабов Сирии, сделанное во время переговоров о единстве в Каире и содержавшееся в протоколах этих переговоров. Там приводились слова Насера о том, что он не видел особого идеологического вклада ПАСВ в дело арабского единства в последние годы и что разногласия между ним и ПАСВ были скорее политическими и личными. Конгресс баасистов в Дамаске решил выпустить резолюцию с изложением своего видения различий. Этот доклад, написанный, по-видимому, Ясином аль-Хафизом — марксистски настроенным баасистом, по сути отодвинул арабское единство на задний план ради актуализации вопроса классовой борьбы в политической программе ПАСВ. В целом он изобилует марксистско-ленинской терминологией и концепциями, адаптированными к традиционным баасистским взглядам, часто в искаженном ключе¹. Тем не менее такая классовая парадигма теоретически способствовала обеспечению национального единства сирийцев на почве интернационализирующего марксизма, нежели этнического партикуляризма ПАСВ, что было важно для выстраивания отношений с курдами, которые не являются арабами. По мнению Олсона, самой яркой чертой резолюции съезда баасистов 1963 г. помимо введения новой терминологии была его неуместность в существующих политических условиях как в Сирии, так и в Ираке — двух странах, явно не готовых к радикальным социалистическим преобразованиям, предусмотренным в докладе².

Наибольшее влияние на ситуацию с курдами имели резолюции этого съезда о перераспределении земли и осуждении фаворитизма при экономической поддержке развития городов в ущерб сельским районам и одних провинций в ущерб другим. При этом налицо было соперничество за идейное доминирование в арабском мире между Египтом, Ираком и Сирией. Сирия продолжила Каирские переговоры «о единстве», как официально они назывались, хотя немногие из участников к этому и стремились. Насер рассматривал баасистов как соперников и считал,

¹ *Olson R. Ba'ath and Syria, 1947–1982: The Evolution of Ideology, Party and State from the French Mandate to the Era of Hafiz Al Asad.* P. 91.

² *Ibid.* P. 81.

что они пришли к нему, чтобы заключить новое соглашение и стабилизировать свой режим¹. Несмотря на это, Египет, Сирия и Ирак подписали 17 апреля 1963 г. соглашение, согласно которому президент (под которым подразумевался Насер) обладал практически всей властью в таком политическом союзе. Однако соглашение предусматривало также переходный период в пять месяцев с 20 дополнительными месяцами до введения полного политического союза².

Баасисты, недовольные аграрной политикой ОАР и преференциями египетским промышленникам, стремились укрепить свои политические позиции в Сирии за счет сирийского национализма, сформированного из арабов, включая друзов, христиан и представителей других арабских конфессий — всех, кроме курдов. В начале апреля им удалось добиться проведения чистки НКРС от офицеров-насеристов. Несколько министров кабинета подали в отставку в знак протеста, что вынудило все правительство аль-Битара уйти в отставку 11 мая, в результате чего баасисты окончательно отказались от сотрудничества с Насером.

Тем не менее новые власти сразу же оказались под угрозой из-за переворота 18 ноября в Багдаде, в результате которого была свергнута иракская фракция ПАСВ. Новым иракским лидером стал Абдул Салам Ареф, который был в очень хороших отношениях с Насером. Таким образом, Сирия снова оказалась изолированной как со стороны Ирака, так и со стороны Израиля и Турции, отношения с которой очень осложнились после Сирийского дипломатического кризиса 1957–1958 гг. (см. Гл. 5). Багдадский переворот также углубил раскол между умеренным и радикальным крылом баасистов, первое из которых возлагало вину за потерю Ирака на радикализм иракской фракции ПАСВ, не способной идти на компромисс с восставшими барзанистами.

Последующий переворот 23 февраля 1966 г. укрепил власть ПАСВ в Сирии, ликвидировав другие панарабские и арабские националистические группы. Это привело к тому, что баасисты Сирии и Ирака раскололись на две фракции, каждая из которых пыталась убедить арабов в том, что именно их страна является ведущей державой арабского мира.

Два фактора объясняют повышенный интерес правящей в Сирии ПАСВ к контролю над курдами. Во-первых, Мустафа Барзани в тот

¹ Ibid. P. 82.

² Ibid.

момент возглавлял успешное с военной точки зрения восстание в Иракском Курдистане и контролировал большую часть высокогорья между иранской и сирийской границей. Это заставило Дамаск опасаться подобных беспорядков в сирийском Курдистане. Во-вторых, Дамаск имел экономические интересы в регионе из-за большого производства зерна и недавнего открытия здесь залежей нефти.

Стоит повторить, что баасисты пришли к власти после распада Объединенной Арабской Республики, в результате которого были отменены законы о национализации и возвращены земли бывшим землевладельцам. Произошло это также в то время, когда европейские и американские компании стремились приступить к добыче здесь нефти, и это заставило сирийские власти осознать безотлагательность противодействия «заговору с целью создания неарабских этнических групп внутри сирийско-нефтяного треугольника» (по словам тогдашнего губернатора провинции Хасеке)¹. А лишив курдских землевладельцев их гражданства и права собственности, землю можно было вместо этого передать лояльным арабам.

С другой стороны, после 1967 г., когда обновленческое крыло ПАСВ прочно укрепились во власти, давление на курдов, по иронии судьбы, в Сирии было ослаблено, чтобы усилить давление на Ирак, отношения с которым становились все более ожесточенными.

Изменение политического тренда во взаимоотношениях ПАСВ с курдами не произошло и после прихода к власти так называемого обновленческого крыла ПАСВ (1966–1970 гг., в лице младобаасистов и т. н. «левых баасистов»). 23 февраля 1966 г. в Сирии произошел самый кровавый в её истории госпереворот, характеризовавшийся острейшей борьбой в лагере сирийских баасистов. Переворот и предшествовавшие ему события привели к нескольким изменениям в баасистской и сирийской политике. На уровне политической жизни новый баасистский переворот положил конец зачастую жесткому господству в партии со стороны Афляка и аль-Битара. При этом двум основателям баасизма удавалось контролировать некоторые ветви своей партии в других арабских государствах, однако в Сирии они впали в немилость «обновленцев» и после

¹ Stateless Kurds in Syria: Illegal invaders or victims of a nationalistic policy? // Kurd Watch Report 5. Berlin: European Centre for Kurdish Studies, 2010. URL: http://www.kurdwatch.org/pdf/kurdwatch_staatenlose_en.pdf (дата обращения: 11.01.2016).

бегства в Ирак были заочно приговорены к смерти. Одним из основных итогов «обновленческого» периода баасистского правления в Сирии (1966–1970) явилось то, что на первый план её этил выдвинулись представители конфессиональных арабских меньшинств, таких как алавиты (11% населения страны), друзы (3%) и исмалиты (менее 1%). Основной характеристикой этих меньшинств было то, что они традиционно жили в сельской местности, были достаточно изолированы в рамках клановых общин, что роднит их с курдами. Поэтому именно арабские конфессиональные меньшинства в стане баасистов получили шанс на расширение своего политического влияния за счет популистского аграрноориентированного радикализма, однако курдам в числе функционеров ПАСВ места так и не нашлось.

В августе 1970 г. произошел новый переворот, в результате которого министр обороны Сирии Хафез Асад (1930–2000) стал генеральным секретарем партии ПАСВ, а в 1971 г. занял пост президента Сирии.

Новая правящая элита в лице ПАСВ происходила из среднего класса, в основном «из сельских районов, мелких городов и деревень, а также религиозных меньшинств — алавитов, христиан, исмаилитов, курдов»¹. При этом «их политическая активность стала возможна в рамках ПАСВ, чья политическая доктрина давала этим социальным группам возможность занять достойное положение в обществе, где раньше доминировали сунниты»².

К тому времени Афляк стал персоной нон грата для сирийской фракции ПАСВ и даже был приговорен к смертной казни в Сирии после переворота 1966 г., хотя он был своего рода «крестным отцом» иракской ветви этой партии, которой предстояло снова захватить власть в Багдаде в 1968 г. Находясь в Багдаде, Афляк выступил с речью 10 июня 1969 г., в которой он снова обратился к вопросу о курдах, которые восстали на севере Ирака: «Партия не возражает против права курдов иметь собственное правительство. Ислам, которому они демонстрируют свою приверженность, требует больше рвения, чем другие самые далекие от революции элементы на современном этапе. Следовательно, вполне естественно, что люди, наиболее близкие к Исламу по пониманию, чув-

¹ Рудковская О. М. Формирование национальной интеллигенции Сирии во второй половине XX века : дисс. ... канд. ист. наук. М.: ИСАА МГУ, 2005. С. 117.

² Там же.

ствам и гармонии, — это революционное поколение; поколение, восстающее против коррумпированного старого»¹.

Однако на практике отношения между баасистами и исламскими элементами в сирийском обществе были несколько иными, притом что баасисты не бросали вызова исламским институтам и традициям, таким как Рамадан, месяц поста, хотя и не одобряли соблюдения поста из-за его «контрпродуктивных аспектов». Следует отметить, что вскоре после обретения независимости в Сирии произошли изменения в конфессиональном составе армии: изначально до 80% всех офицеров-выпускников армейских вузов были суннитами. К 1960-м годам состав вновь поменялся, и уже 45% всего офицерского и сержантского корпуса составляли алавиты, которые в большинстве становились членами ПАСВ. Сирийские спецслужбы начали формироваться во времена французского мандата и в первые годы своего существования во многом копировали французскую разведывательную структуру и отвечали в целом за внутреннюю безопасность, в том числе за борьбу со шпионами из других стран (в первую очередь из Израиля). Постепенно полномочия ведомств расширялись и стали включать слежение за диссидентами и оппозиционерами, а также сбор разведанных об Израиле. Можно сказать, что после прихода к власти ПАСВ и позже, во времена Хафеза Асада, спецслужбы стали одной из ведущих политических сил в стране: многочисленные отделения сил «мухабарата» (разведка и агентство безопасности) установили практически тотальный контроль за жизнью общества, подавляли выступления инакомыслящих.² Разведывательная система Сирии включала службу политической безопасности, военную разведку, силы специального назначения, Роты защиты революции (РЗР, араб. «Сарайя ад-Дифа ас-Саура»), президентскую охрану. Все эти отделы контролировались Президентским советом безопасности, который был сформирован в 1970-х годах и был подотчётен лично Х.Асаду. Силы безопасности, как и армия, формировались за счет выходцев из лояльных властям этнических и конфессиональных групп, однако большинство было представлено алавитами. При Хафезе Асаде возникло так называемое «государство мухабарата», которое следило за общей благонадежностью

¹ Цит. по: Olson R. Ba'ath and Syria, 1947–1982: The Evolution of Ideology, Party and State from the French Mandate to the Era of Hafiz Al Asad. P. 34.

² Мазур О. А. Курдский вопрос в политическом конфликте в Сирии (после 2011 г.). С. 113.

сирийского общества. Позже, в 1980-е годы, алавитскими элитами были созданы военизированные проправительственные отряды РЗР. Они возникли под патронажем Намира и Рифаата Асадов, близких родственников Хафеза Асада. Эти отряды были сосредоточены в основном на северо-западе Сирии и имели преференции для осуществления контрабанды через морские порты Латакии, Тартуса, а также через Ливан. Эти бригады, в которые могли входить как сунниты, так и алавиты и курды, были связаны патронажно-клиентарными отношениями с руководством страны. В период восстания в Сирии с 2011 г. они были задействованы для подавления выступлений оппозиции¹.

В целом же в период президентства Хафеза Асада репрессивная политика в отношении сирийских курдов подошла к концу. Это произошло из-за открытого соперничества между двумя фракциями ПАСВ: сирийской и иракской. Глава сирийского государства стремился к поддержке отношений с иракскими курдами в пику иракскому диктатору Саддаму Хусейну.

В тот период столкновение позиций Дамаска с Анкарой также способствовало провалу политики создания на севере страны «Арабского пояса». Причины были связаны территориальными претензиями Сирии на Хатай (Искендерун), а также напряженностью в отношениях в связи со строительством Турцией крупных плотин, влияющих на использование вод Тигра и Евфрата.

Так и не реализованный в Сирии проект создания «Арабского пояса» безопасности фактически начал претворяться в жизнь в 1966 г. и напрямую был связан со строительством Евфратской плотины в Табке специалистами из СССР. Площадь рассматриваемого «пояса», куда предполагалось переселить арабское население с затопляемых территорий, превышала три миллиона гектаров. Географически «Арабский пояс» задумывался между населенным пунктом Эль-Маликия (Дерик) и административной границей между провинциями Хасеке и Ракка, между деревнями Телль-Джалила и Раджан. Его длина составляла около 300 км, а ширина — около 10 км. Жившие на этой земле курды в основном мигрировали в Сирию из Турции и Ирака. Их число составляло около 25 000 человек, и они числились в реестрах как «иностранцы», поскольку уже не имели на тот момент документов сирийского государства.

¹ Там же.

Баасистам представлялось, что они оккупировали территорию, параллельно сирийско-турецкой границе¹.

В 1966 г. на III региональном съезде ПАСВ, согласно 5-й части резолюции этого съезда, указывалось, что «сельскохозяйственные угодья на сирийско-турецкой границе, имеющие длину 350 км и глубину 10–15 км от границы, используются таким образом, что это создает безопасность государству»². Таким образом давалось понять, что присутствие курдов вдоль границы с Турцией является вызовом государственной безопасности.

Создание плотины вынудило власти ещё в 1969 г. конфисковать земли около 20 000 семей, заставив их эмигрировать вниз по Евфрату. Более того, для них были построены специальные поселения, предлагающие им аграрно-коммунальный образ жизни, организованный в стиле советских колхозов. Однако члены двух арабских племен (Аль-Валид и Бушаабан) наотрез отказались покидать регион предполагаемого затопления. Когда же правительство насильно выселило их, большинство населения отправилось не в Хасеке на восток, а на юго-восток в село Шамия, в сторону пустыни³. Таким образом, часть из них попала в так называемый «Арабский пояс», а часть осела в Ракке. Со временем все арабы, оставшиеся вокруг плотины на Евфрате, покинули свои земли, принужденные к этому властями Дамаска.

По оценкам, в 1973 г. в районе «Арабского пояса» поселилось около 24 тыс. человек. Тогда же, после строительства плотины Табка на Евфрате, примерно столько же арабов (4000 семей), чьи земли были затоплены, были переселены с оружием в образцовые колхозные фермы в Джазире⁴. Причем эти события совпали с арабо-израильской войной.

Новые власти в 1973–1976 гг. попытались заменить не оправдавший ожиданий «пояс» «Планом строительства образцовых государственных ферм в Джазире», целью которого было создание образцовых деревень, населенных не курдами, а арабами⁵. Однако, как пишет Ванлы, курдам тогда удалось отстоять свои земли, и тотального насильного перемещения

¹ *Chukov V.* Op. cit.

² *Ibid.*

³ *Ibid.*

⁴ *Tejel J.* Op. cit. P. 61.

⁵ *Мамеев И. А.* Сирия в конфликте. С. 96.

курдов удалось избежать¹. В «Арабском поясе» в Хасеке было образовано 42 деревни, две трети из которых были курдскими, а оставшаяся треть — арабскими.

Таким образом, несмотря на желание властей, арабы в этом регионе все равно остались в меньшинстве, так как им не удалось изгнать отсюда ни одного курдского крестьянина. Реализация проекта создания «Арабского пояса» привела к столкновению двух типов национализма — арабского и курдского. Это подстегнуло рост чувства самосохранения и логичную ответную оборонительную мобилизацию курдов по отношению к арабам для защиты своего «бастиона» — Джазиры. Возможно, такого рода чувства и действия были опосредованы аналогичным, катастрофическим для них опытом «политики национального отрицания», реализуемой в Турции с момента подавления восстания шейха Саида в 1925 г. При этом для националистически настроенных сирийских курдов разница между указанными двумя типами национализмов была чисто «идолопоклонническая» («турки — кемалисты, а арабы — баасисты»)². В Сирии курдам удалось выиграть «топонимическую» битву: переименование в рамках арабизации населенных пунктов не было принято курдами, и им удалось навязать свое мнение большинству населения, несмотря на требование властей употреблять новые официальные названия: например, именовать Камышлы как Эль-Камышлы. На момент прихода к власти Хафеза Асада «Арабский пояс» так и не появился.

Как уже отмечалось, приход Асада привел к смягчению курдской политики центральных властей в попытке её использования в качестве внешнеполитических рычагов. Однако о политической легитимации партий сирийских курдов речи так и не шло. В 1970-е годы взамен идеологии интегрального арабского национализма (панарабизма) в стране утвердилась идеологическая концепция арабской солидарности («ат-тадамун аль-арабий»)³. После прихода к власти Асада основным политическим объединением Сирии стал Национальный прогрессивный фронт (НПФ), созданный новым сирийским руководством в 1972 г. Принцип отбора партий внутри него основывался, по всей видимости, на идеоло-

¹ Vanh Ş. Op. cit. S. 139.

² Chukov V. Op. cit.

³ Мамеев И. А. Национальная и общерабская слагаемые политики Сирии на Ближнем Востоке (1946–2003). М.: Изд-во Ин-та Ближ. Востока, 2004. С. 12.

гической близости с доктриной ПАСВ. Почти все политические объединения НПФ (за исключением СКП) вышли ранее из рядов самой ПАСВ. Политические партии, чья деятельность была разрешена в рамках НПФ, участвовали в работе правительства и разработках программ политического и социально-экономического развития страны, определении приоритетных направлений во внешней политике. Это такие организации, как Сирийская компартия (СКП), Движение арабских социалистов, Арабский социалистический союз, Партия социалистов-юнионистов, которые в общем и целом положительно оценивали курс баасистов, хотя и считались официальными оппозиционными партиями¹.

Предусматривалось, что ПАСВ контролирует 50% плюс один голос в исполнительном комитете. Ряд мест в Народном совете Сирии зарезервирован был для членов небаасистских партий. Эти неправящие партии по закону обязаны были признавать руководящую роль ПАСВ. То есть с 1972 по 2011 г. только партиям, участвующим в НПФ, было разрешено действовать в Сирии законно, однако курдские партии в их число не входили.

Курдская проблема усугубилась для Сирии в 1970 г., когда в соседнем Ираке была принята так называемая декларация Аль-Бакра, названная в честь президента Ирака, в которой говорилось о равноправии курдов и арабов, а курдский язык признавался официальным наряду с арабским². По сути, этот документ легитимизировал Демократическую партию Курдистана и позволял курдам создавать в Ираке другие политические организации, декларативно заявлялась необходимость социально-экономического развития курдского региона. Правда, при непосредственной реализации некоторые положения декларации были сильно усечены и следом был принят закон от 11 марта 1974 г., существенно ограничивавший положения декларации аль-Бакра. Разговор об автономии курдов в Ираке беспокоил Сирию так же, как Турцию и Иран. Кроме того, для сирийских курдов Ирак мог казаться явно более демократическим государством, а сирийские баасисты не могли допустить такого в отношении своих конкурентов. Поэтому события в соседних частях Курдистана заставили сирийское руководство предпринять ряд мер, направленных на предотвращение подъема курдского национального движения.

¹ Рудковская О. М. Указ. соч. С. 118–122.

² Мазур О. А. Указ. соч. С. 13.

В период правления Х. Асада было фактически узаконено широкое участие представителей вооруженных сил в партийном и государственном аппарате: военные, в том числе и курды, присутствовали в министерствах, ведомствах, на дипломатическом поприще, в хозяйственных и банковских учреждениях. Сращивание вооруженных сил и партийных структур создавало централизованную систему управления политическими процессами, во главе которых стоял бывший военный и генеральный секретарь регионального руководства ПАСВ Хафез Асад. При этом существовал принцип сохранения высшего офицерства на постах в течение длительного времени: бывший начальник Управления военной контрразведки Али Дуба продержался у власти с 1974 по 2000 г., начальник Генштаба Х. Шехаби — с 1979 по 1998 г., министр обороны М. Тлас — с 1974 по 2004 г. К 1980-м годам армейский состав был уже на 70% алавитским, при этом из 45 тыс. членов ПАСВ 11 тыс. являлись представителями военных кругов¹.

Доминирование алавитского меньшинства во власти при преобладании принципа личной преданности и заботы о стабильности власти не привело к притеснениям суннитского большинства, которому были предоставлены соответствующие возможности в политике, экономике. Устойчивость власти обеспечивалась за счет союза алавитских верхов с рядом крупных суннитских представителей торгово-финансовой и предшествующей военно-бюрократической элиты. Так, Хафез Асад в марте 1972 г. демонстративно назначил на пост министра обороны своего соратника, суннита Мустафу Тласа. В ближайшем окружении Х. Асада большую роль играли сунниты: вице-президент Сирии Абдель Халим Хаддам, начальник Генерального штаба Х. Шехаби. Христианам и другим этноконфессиональным меньшинствам, за исключением курдов, также были предоставлены большие возможности в отправлении религиозных обрядов, образовании, торговле².

Обновленческая сущность курдской политики Хафеза Асада, как и его внутренней и внешней политики в целом, строилась на тонком балансе сил и интересов. Так с 1976 г., когда усложнились отношения с Ираком и Турцией, Асад отказался от проекта создания «Арабского пояса» на севере Сирии и решил использовать курдов с целью создания

¹ Там же. С. 62.

² Там же.

дополнительного влияния на Багдад и Анкару. Силовые структуры при Асаде, будучи в большинстве алавитами (нусайритами), пытались усилить свою поддержку за счет привлечения другого меньшинства — курдов. Окончательно свернутый в 1976 г. проект «Арабского пояса» безопасности потерпел неудачу, потому что арабов было недостаточно, даже если они были заинтересованы в том, чтобы «растопить в едином национальном котле» глубоко укоренившихся местных курдов. С другой стороны, с середины 70-х правительство Асада начало использовать курдов в качестве инструмента противодействия недружественным Дамаску странам — Турции и Ираку. Усиливающиеся противоречия между двумя баасистскими фракциями привели к тому, что часть курдских политических деятелей после поражения курдского («Сентябрьского») восстания в Ираке в 1975 г. нашли свое убежище в Сирии.

В 1978 г. в Турции возникла Партия рабочих Курдистана (ПРК, запрещена в Турции). Идеологически базирующаяся на марксизме-ленинизме и находящаяся под влиянием курдского национализма, ПРК стремилась к освобождению курдского народа и созданию независимого Курдистана. После военного переворота в Турции в 1980 г. Сирия предоставила убежище руководству ПРК в рамках стратегии балансирования против интересов Турции. Было несколько причин, по которым Сирия хотела держать курдский вопрос в Турции под своим контролем. Во-первых, это позиция Дамаска по поводу потери Александреттского санджака в 1939 г.; во-вторых, Сирия хотела противостоять влиянию Турции на водоснабжение через Евфрат¹; и в-третьих, Сирия не чувствовала себя в безопасности, будучи окруженной грядущим союзом между Израилем и Турцией². Присутствие ПРК в Сирии ещё раз изменило условия политической борьбы сирийских курдов.

Фактически администрация Асада активно использовала для этого соперничающие курдские силы Ирака в лице ДПК и ПСК и даже готовила курдских ополченцев и использовала их против группировок, представляющих угрозу её власти во второй половине 1979 г.³ Правительство Х. Асада продолжало поддерживать Партию рабочих Курдистана ввиду её антагонистических отношений с Турцией и отчасти с Израилем. В 1980-е годы ПРК активизировала свое присутствие в Сирии и Ливане.

¹ *Baladi E.* Op. cit.

² *McDowall D.* A Modern History of the Kurds. 3rd Edition. P. 480.

³ *Özkaya A.* Op. cit. S. 82.

Сирия являлась убежищем Абдуллы Оджалана до 1998 г., а мероприятия по тренировке бойцов проводились при поддержке Патриотического союза Курдистана из Ирака под руководством Джалала Талабани (будущего президента Ирака) и с одобрения сирийской разведывательной организации (мухабарат).

Иракские курды использовались Асадом-старшим в борьбе против режима Саддама Хуссейна вплоть до 1991 г.¹ Причины, которые заставили Асада-старшего пойти на поддержку курдских сепаратистов в Турции, видятся следующим образом: это были ответные меры на создаваемые Турцией проблемы с поступлением воды в Евфрат после строительства дамб на территории Турции; проблема аннексированной с точки зрения Сирии провинции Хатай; сближение Турции с Израилем. Также Сирия извлекала выгоду из сотрудничества с ПРК с целью эффективно противостоять политике Турции и США в Северном Ираке с 1991 г.

Отодвигая идеологию на второй план, Асад делал шаги в сторону прагматичных решений: подчеркивая идею арабского единства, он конфликтовал с другими арабскими государствами в вопросах, принципиальных для сирийских интересов, стремясь при этом развивать реальное национальное самосознание. При этом Асад-старший отдавал приоритет племенным, сектантским и патронажно-клиентарным связям в политической, социальной и экономической сферах. Это касалось и патронажно-клиентских связей с курдскими политическими силами из соседних стран. Асад-старший построил государственную систему, в которую были инкорпорированы представители различных групп конфессиональных меньшинств (арабские алавиты, друзы, христиане-марониты и др., а курды — лишь отчасти, учитывая лишение гражданских прав значительной части курдского населения Сирии в 1962 г). При этом было закреплено право доступа к административным функциям и ресурсам. Асад нуждался в поддержке курдского населения, стараясь проводить прагматичную внутреннюю и внешнюю политику. С этим связано начавшееся тайное сотрудничество баасистских властей Сирии с курдскими инсургентами из ПРК как инструмент воздействия на внешнеполитические вызовы со стороны Турции.

Как указывалось ранее, после прихода к власти ПАСВ арабский национализм стал одним из основных идеологических столпов власти.

¹ Karabat A. Suriye Savaşları. İstanbul: Timaş Yayın Grubu, 2013. S. 255.

Давая новое определение арабскому национализму на светской основе, ПАСВ рассматривала арабов как основную идентичность сирийского народа. Политика по-прежнему была направлена на то, чтобы воспитать арабскую идентичность и национализм через образование для каждого человека, независимо от этнического или религиозного происхождения. Баасистская идеология, которая рассматривала сирийское общество как органическое целое, инкорпорировала общины с другими этническими и религиозными идентичностями как часть арабско-сирийской нации, как органичного целого, отрицая право этнических меньшинств формировать свою политическую, социальную и экономическую жизнь. Этнические или религиозные сообщества, стремящиеся формировать свою собственную социально-политическую жизнь, были изначально закодированы как внутренние враги, бросающие вызов национальному единству, и стали естественной мишенью всех форм государственного угнетения как иностранные агенты¹.

Однако существовавшая политическая система в стране устраивала не все группы населения. Значительная часть мусульман-суннитов в лице наиболее радикальной группировки «Братья-мусульмане» неоднократно пыталась путем терактов и вооруженных выступлений свергнуть «алавитский режим Х. Асада». В конце 1970–1980-х годов по стране прокатилась волна терактов, направленных против алавитов. В связи с этим в 1982 г. в городе Хомс при попытке вооруженного восстания была проведена военная операция против боевиков «Братьев-мусульман», которая привела к многочисленным жертвам среди мирного населения². Впоследствии в Сирии были приняты законы, которые автоматически приравнивали членство в БМ к смертной казни.

При подавлении суннитского восстания в Хаме использовались также упоминавшиеся парамилитаристские нерегулярные проправительственные отряды из числа рот защиты революции (РЗР, «Сарайа ад-дифа ас-Саура»), они состояли из алавитов и курдов, которые были связаны с руководством страны. Эти события обронули зерна недоверия и неприязни суннитов к алавитам и курдам. В глазах арабо-суннитского сообщества Сирии курды были скомпрометированы как «военные ополченцы, поддерживающие любой режим: османский, французский, баасистский».

¹ Мазур О. А. Указ. соч. С. 218.

² Там же.

Так, например, вскоре после подавления восстания в Хаме в курдском квартале Алеппо появились граффити «аль-акрад кияб аль-алавийийин» («курды — псы алавитов»)¹.

Политическая система, созданная Хафезом Асадом, «базировалась на сложном общественном договоре между разными конфессиональными и этническими группами населения при доминировании в политической жизни алавитов. При этом сильная президентская власть харизматичного Хафеза Асада опиралась на разветвленный аппарат спецслужб и вооруженных сил, которые контролировали общественную жизнь в Сирии»². Политико-экономический кризис в Сирии в начале 80-х вынуждал значительную часть курдов переселяться в крупные города, такие как Алеппо и Дамаск, в поисках работы. Многие разными путями иммигрировали в Европу.

3.3. Положение курдов Сирии и их взаимоотношения с центральным правительством в период президентства Башара Асада

После смерти Хафеза Асада в 2000 г. его место занял его сын Башар Асад. В первый год своего правления Башар проводил реформистскую и открытую политику, характеризующуюся неолиберализмом в экономике. Этот период, который иногда называют «Дамасской весной», сулил определенные политические свободы. Оппозиционно настроенные интеллектуалы свободно собирались в кофейнях или других местах встреч, обсуждали самые различные общественно значимые темы, создавали дискуссионные форумы и не подвергались давлению со стороны властей. Начали открыто продаваться курдские книги, аудиозаписи курдских песен, открывались частные курсы преподавания курдского языка. В первый год своего президентства Асад направил двух высокопоставленных чиновников ПАКВ на встречу с Курдским демократическим альянсом, сформированным шестью курдскими партиями Сирии, по-прежнему не носившими легального статуса. Позже уже сам Башар

¹ *McDowall D.* A Modern History of the Kurds. 4th Edition. P. 473.

² *Мазур О. А.* Указ. соч. С. 219.

Асад посетил Хасеке в 2002 г., первым из сирийских президентов, обещав местным курдам решить вопрос предоставления гражданства¹.

В отличие от Турции, Ирака и Ирана повстанческая вооруженная деятельность против центрального правительства, несмотря на многие ограничительные и шовинистические методы политического давления на сирийских курдов, не была характерна для сирийского Курдистана, по крайней мере, до 2004 г. При этом международная повестка оказывала определенное влияние на отношение правительства к курдскому вопросу в Сирии в период начала президентства Б. Асада. Во-первых, подписанное в 1998 г. с Турцией Аданское соглашение обязывало Сирию противодействовать проникновению и деятельности на её территории сторонников запрещенной в Турции ПРК, большое количество которых было уже представлено на тот момент среди сирийских курдов. Многие сирийские курды воевали в рядах ПРК на территории Турции (например, нынешний главнокомандующий вооруженных сил самопровозглашенной автономии — Сирийских демократических сил (СДС) Мазлум Абди).

Во-вторых, теракты 11 сентября 2001 г. привели к ужесточению позиции США, которые стали угрожать властным элитам ряда ближневосточных стран, определенным ими как антидемократические, расположенным на оси, простирающейся от Ливии до Афганистана. После того как силы коалиции свергли режим талибов в Афганистане в апреле 2002 г., настала очередь Ирака, и в марте 2003 г. 24-летней диктатуре Саддама Хусейна был положен конец. После этих событий администрация США, стремясь заручиться международной поддержкой и предотвратить укрепление т. н. «Шиитского полумесяца», стала использовать активное политическое давление на Сирию и Иран. Вашингтон обвинял Сирию в поддержке ХАМАС и Хизбаллы, а также требовал предотвратить проникновение боевиков в Ирак через сирийскую границу в период американской оккупации.

В-третьих, как уже отмечалось, важнейшим внешним фактором, оказавшим влияние на курдов Сирии, стало возникновение курдской де-факто автономии в Ираке («Свободного Курдистана»), затем — официальное учреждение курдского регионального правительства на севере Ирака в 2005 г. после возникновения на севере Ирака местных курдских органов самоуправления в 1990-е годы благодаря военным операциям

¹ Матвеев И. А. Указ. соч. С. 152.

сил западных стран на севере Ирака («Provide Comfort»). Это стало важным поворотным моментом для курдских националистических движений в регионе. С момента падения режима Саддама Хуссейна в Ираке в 2003 г. стали активно развиваться отношения между иракскими курдами и сирийскими курдами. Развитие отношений и поддержка иракскими курдами сирийских курдов сделали голоса последних ещё более заметными во внутривластной жизни страны. Учитывая, что автономия в Ираке возникла во многом благодаря созданию бесполетной зоны коалицией во главе с США, иракские курды видели в США своего основного союзника. Это же касалось и сирийских курдов. По воспоминаниям Р. Бадини, многие курды в Сирии поддерживали планы Дж. Буша по демократизации Ближнего Востока. При этом среди части курдов Буша называли «Баве Азад» («отец свободы»)¹. В этой связи политические партии сирийских курдов, связанные с ДПК, вполне могли рассматриваться сирийской стороной как агенты влияния в сирийском Курдистане с целью объединения в единый Курдистан либо его автономизации по иракскому образцу.

По мнению аналитиков одного из новостных сайтов ААСВС, Асад-младший «слишком поверил Анкаре после заключенного при его отце Аданского соглашения (1998 г.) и не учитывал исторические планы Турции в отношении его страны»². Действительно, отношения между Турцией и Сирией изначально улучшились в период его правления. Однако что касается отношения Дамаска к курдским антисистемным активистам, то оно, по мнению сторонников курдской автономии из ААСВС, почти не изменилось. При этом Сирия стала активно привлекать турецкие товары на местный рынок. По мнению курдских экоактивистов, это оказало особенно негативное влияние на промышленность Алеппо и всего северного региона³.

12 марта 2004 г. в Камышлы, где проживают курды, произошли ожесточенные столкновения между сторонниками местного клуба «Камышлы» и командой «Аль-Фетва» из Дейр-эз-Зора во время футбольного матча, когда курдские болельщики размахивали флагами США (по другим

¹ Бадини Р. Указ. соч. С. 14.

² Süriye'nin bağımsızlığından Baaspartisine kadar Kürtler. Hawanews. 05.09.2022. URL: <https://hawanews.com/tr/haber/suriyenin-bagimsizligindan-baas-partisine-kadar-kurtler-h59568.html> (дата обращения: 22.01.2023).

³ Ibid.

сведениям — флагом Курдистана¹), а арабские националисты нарочито демонстрировали плакаты с портретом Саддама Хусейна². По некоторым сведениям, там присутствовал плакат с надписью «Хасеке станет второй Халабджей», намекая на акции геноцида курдов в период проведения операции «Анфаль» (1988 г.) Это спровоцировало побоище и столкновения с силами правопорядка, а восстание перекинулось на Кобани, Дерик, Хаму и Африн в течение нескольких дней. В ходе инцидента были десятки погибших и сотни раненых. Курдские кварталы Алеппо и Дамаска также восстали, были сожжены автомобили и произошли столкновения с силовиками. На этом фоне в Ираке и Иране проходили демонстрации в поддержку курдов; при этом Турция закрыла свои границы, опасаясь наплыва курдов в Турцию. Башар Асад обвинил США, Израиль и курдов северного Ирака и Ливана в провоцировании этого конфликта. По некоторым сведениям, Асад вел переговоры с восставшими курдами, представленными политическими партиями, такими как «Екет», хотя они и находились вне закона. Курдские партии требовали вывода армии из региона, освобождения арестованных во время столкновений, признания и законодательного закрепления существования курдской идентичности в Сирии³. После этих событий сирийский Курдистан пребывал в состоянии перманентного восстания («серхильдан»), подогреваемого актами насилия и политического террора.

Так, в 2005 г. был совершен ряд убийств тех, кто хотел формирования курдской оппозиционной группировки в Сирии. Тысячи курдов организовали демонстрации в связи со смертью курдского религиозного лидера Мохаммеда Машука Хазнава, который находился под наблюдением сирийских сил безопасности⁴. При этом около миллиона человек приняли участие в продолжающихся демонстрациях в городах Камышлы, Амуда и Дербисие. Полиция, которая хотела предотвратить демонстрации, открыла огонь по демонстрантам, убив 4 человека и ранив около 30. Мухаммед Мурат аль-Хазневи, сын шейха Мухаммеда Машука аль-Хазневи, обратился к сирийскому

¹ Конфликт в Сирийском Курдистане. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Конфликт_в_Сирийском_Курдистане (дата обращения: 14.12.2022).

² *Baduni P.* Указ. соч. С. 12.

³ *Karabat A.* Op. cit. S. 252.

⁴ *Erkmen S.* Türkiye ve Suriyeli Kürtler: Güven Bunalımı, Tıkanmışlık ve Bir Arada Yaşama // *Orta Doğu Analizi*. Kasım 2012. C. 4. S. 24.

правительству со словами: «Мой отец был убит сирийским режимом» в интервью, данном на митинге сирийской оппозиции в Анталии. 7 октября 2011 г. сирийский оппозиционный политик Машаль Таммо погиб в результате вооруженного нападения в пятницу перед своим домом в городе Камышлы. Он был одним из основателей комитетов формирования гражданского общества и лидером партии «Движение к будущему» (ПДБ), а также одним из 29 членов Исполнительного совета Сирийской национальной ассамблеи. После убийства прошли демонстрации во многих курдских городах.

По мнению сторонников Рожавы, революционная ситуация на севере Сирии впервые проявила себя именно во время восстания в Камышлы в 2004 г., «когда правительство Дамаска намеренно вызывало раздор, покрывая провокаторов побоища во время футбольного матча. Они нацелились на курдов, и десятки людей, в том числе женщины и дети, были замучены»¹. Подобная актуализация мученичества (во время беспорядков непосредственно в Камышлы и окрестностях погибли, по разным данным, от 25 до 85 человек) нередко используется политическими противниками центрального правительства для дополнительной эмоциональной мобилизации своих сторонников. Тогда эта тактика сработала: серхильдан перекинулся на северные районы Алеппо. По сути, курдские регионы Сирии пребывали в состоянии между мобилизацией и восстанием в период с 2004 по 2010 г., и значительную роль в поддержании этого сыграли сторонники ПДС и, следовательно, бывшие партизаны Партии рабочих Курдистана (ПРК). По мнению ряда курдских источников, правительство Башара Асада воспользовалось возможностью возобновить кампанию этнических чисток в курдском районе Хасеке. Сирийская пресса, контролируемая правительством, никак не освещала эти события, туда был заблокирован доступ для иностранной прессы. По данным Курдского института в Париже, новости об этнических чистках поступали почти исключительно через письма и факсы от преследуемых курдов. Между тем «гонения» Башара Асада на сирийских курдов вполне могли быть связаны и с необходимостью выполнения Аданского соглашения с Турцией (1998 г.) и требованиями пресекать деятельность ПРК в сирийском Курдистане, где партия Оджалана уже давно успела пустить глубокие корни.

¹ Ibid. S. 29.

В начале внутреннего вооруженного конфликта в Сирии и битвы за Алеппо курдские активисты сообщили, что 6 сентября 2012 г. в курдском квартале Шейх-Максуд в Алеппо погиб 21 человек после того, как сирийская армия обстреляла местную мечеть и её окрестности, притом что район был нейтральным во время битвы за Алеппо и в нем не было столкновений между правительством и ССА. Местные жители считали, что район был обстрелян в отместку за укрытие антиправительственно настроенных гражданских лиц из других частей города¹. Это привело к ответным столкновениям между курдскими отрядами народной самообороны (YPG). Несколько дней спустя курдские силы убили трех солдат САА в Африне и захватили ряд других правительственных солдат в Кобани и Эль-Маликии (Дерик), откуда они вытеснили оставшиеся правительственные силы безопасности. Также сообщалось, что правительство начало вооружать арабские племена вокруг Камышлы в рамках подготовки к возможной конфронтации с курдскими силами, которые тогда ещё не полностью контролировали город².

В период 2013 г. происходили боевые столкновения между силами правительства и силами самообороны курдов. Они были связаны как со столкновениями курдских сил с исламистами и вооруженной оппозицией, так и с попытками курдов удержать стратегически важные объекты на территории северной Сирии под своим контролем.

При этом в октябре 2014 г. некоторые сирийские масс-медиа сообщали о военной помощи сирийским курдам во время осады Кобани со стороны правительства, однако ПДС опровергла эти сведения. Тем не менее уже с 2014 г. YPG выступали в качестве союзников правительственных сил в борьбе с ИГИЛ, а их усилия были поддержаны бомбардировками позиций ИГИЛ в захваченных населённых пунктах вокруг Кобани со стороны США и их союзников³. На протяжении большей части 2015 г. YPG неохотно соглашались с присутствием сирийской армии и сил национальной обороны (СНО) в городе Хасеке. Хотя де-факто

¹ *Abdulmajid A.* Deadly Attack Claims Many Lives in Aleppo's Kurdish Sector // Rudaw. 08.09.2012.

² *van Wilgenburg W.* PYD Kills Syrian Soldiers in Revenge Attack. Rudaw. 10.09.2012. URL: <http://www.rudaw.net/english/news/syria/5180.html> (дата обращения: 21.09.2018).

³ Syrian rebels join battle to protect Kobane. Al Jazeera. 29.10.2014. URL: <https://www.aljazeera.com/news/2014/10/29/syrian-rebels-join-battle-to-protect-kobane/> (дата обращения: 21.09.2018).

началось сотрудничество между местными подразделениями YPG и правительственными силами против ИГИЛ; напряженность была высокой, в течение года произошло несколько столкновений.

Сообщается, что в апреле 2015 г. сирийский министр Али Хайдар встретился с курдскими представителями самопровозглашенной автономии и провел переговоры о том, какой степени автономия де-юре могла быть приемлема для Сирии. Он также утверждал, что правительство оказывает военную помощь курдским силам¹. Однако официальные представители ААСВС отрицали эти сведения. Так, в июне 2015 г. отряды YPG и курдских сил безопасности «Асаиш» вновь вступили в бой с представителями центральных властей в Камышлы, захватив несколько учреждений². С другой стороны, заключение временных альянсов также имело место: в июле 2015 г. YPG и правительственные силы уже вели совместную битву против ИГИЛ за Хасеке. Тогда же лидер ПДС Салих Муслим объявил, что YPG готовы присоединиться к сирийской армии, если правительство примет на себя обязательство официально децентрализовать власть. 4 августа 2015 г. YPG изложили условия сотрудничества с сирийским баасистским правительством на условиях децентрализации («низам алля-марказийя»). В ответ на обвинения со стороны непримиримой оппозиции в сотрудничестве с «нелегитимным» правительством Асада представитель YPG ответил, что YPG «будут сотрудничать с кем угодно для изгнания экстремистов» с северо-востока Сирии³. 16 сентября 2015 г. президент Сирии Башар Асад объявил, что Сирия открыта для предложений по децентрализации после того, как конфликт между правительством и оппозицией будет завершен⁴. Вслед за этим 9 октября 2015 г. представи-

¹ Assad regime says it will continue to provide weaponry, money to Kurds. Daily Sabah. 20.04.2015. URL: <https://www.dailysabah.com/diplomacy/2015/04/20/assad-regime-says-it-will-continue-to-provide-weaponry-money-to-kurds> (дата обращения: 21.09.2018).

² AANES–Syria relations. URL: https://en.wikipedia.org/wiki/AANES%E2%80%9993Syria_relations (дата обращения: 21.09.2018).

³ Syrian Kurds set terms for partnership with Assad. Al Jazeera. 04.08.2015. URL: <https://www.aljazeera.com/news/2015/8/4/syrian-kurds-set-terms-for-partnership-with-assad> (дата обращения: 21.09.2018).

⁴ Assad: we do not have a veto on any Kurdish demand. Rudaw. 16.09.2015. URL: <https://www.rudaw.net/english/middleeast/syria/160920151> (дата обращения: 21.09.2018).

тели ПДС провели переговоры с сирийским правительством в Дамаске и Латакии о совместных действиях против ИГИЛ при участии российских военных.

В декабре 2015 г. YPG и союзные с ними курдские группировки подписали перемирие с антиасадовскими повстанцами из числа Фатах Халаб и ряда других групп, относимых к непримиримой оппозиции. Это привело к резкому охлаждению отношений между YPG и сирийским правительством. 23 декабря 2015 г. Сирийские национальные силы обороны нанесли удар по возглавляемым YPG Сирийским демократическим силам в Хасеке, в тот же день сирийские военные вертолеты сбросили бочковые бомбы на контролируемый YPG район Шейх-Максуд в Алеппо¹. Россия же объявила, что будет оказывать помощь YPG только через сирийское правительство. На этом фоне 31 января 2016 г. постоянный представитель Сирии при ООН Башар Джаафари исключил возможность автономии или федерализма для курдских районов в Сирии².

Отношения сирийских курдов с центральным сирийским правительством складывались в этот период весьма непросто. В конце апреля 2016 г. курдские силы безопасности «Асаиш» столкнулись с Силами национальной обороны (СНО), верными сирийскому правительству. Это произошло в Камышлы, когда курды попытались установить контроль над государственными учреждениями, что привело к столкновениям в городе и вовлечению сил YPG на стороне курдов. Отряды народной самообороны захватили у правительства в Камышлы три позиции, в том числе тюрьму. На стороне правительства при этом выступили созданные отряды милиции («Соотор»), состоящие из ассирийцев и армян, которые взяли под свой контроль два контрольно-пропускных пункта, стадион и больницу в городе. 22 апреля обе стороны договорились о предварительном перемирии, и территория, захваченная курдскими силами, была возвращена правительству. При этом «Асаиш» освободил 40 пленных

¹ AANES–Syria relations. URL: https://en.wikipedia.org/wiki/AANES%E2%80%9393_Syria_relations (дата обращения: 22.04.2020).

² Syria's man at Geneva talks warns Kurds to forget about claiming self-rule. Rudaw. 31.01.2016. URL: <https://www.rudaw.net/english/middleeast/syria/310120162> (дата обращения: 21.09.2018).

из числа правительственных сил в обмен на освобождение 70 сторонников РYD из государственных тюрем¹.

Ситуация резко обострилась 16 августа 2016 г., когда в городе Хасеке вновь вспыхнули столкновения между силами «Асаиш» и НСО. Эскалация нарастала с вмешательством сирийской армии и YPG по разные стороны баррикад. При этом сирийские правительственные самолеты впервые за весь период ВВК бомбили курдскую территорию на севере Сирии. Бои длились одну неделю и закончились соглашением о прекращении огня 23 августа. Правительство уступило YPG значительную территорию в Хасеке, фактически предоставив им полный контроль над всем городом, кроме 5% территории, включая аэропорт. По сообщениям источников ААСВС, 77 военнослужащих сирийской армии / НСО были убиты и 170 взяты в плен (многие были позже освобождены). Также погибли 14 членов «Асаиш» и 40 мирных жителей. Россия пыталась выступить модератором этого конфликта, но её усилия лишь частично увенчались успехом. Попытки России сблизить позиции Турции и Сирии в 2016 г. привели к усилению антиасадовских настроений в среде сирийских курдов.

В течение последних месяцев 2016 г. Россия продолжала переговоры с представителями умеренной оппозиции Сирии с целью прекращения внутреннего вооруженного конфликта, в том числе и с курдами². В курдской прессе сообщалось о российской инициативе по федерализации с акцентом на процессы автономизации на севере Сирии, которая по сути призывала превратить существующие институты ААСВС в легитимные институты Сирии. Однако сирийское правительство отклонило эту инициативу. Курдскую сторону на переговорах представлял Салих Гедо, генеральный секретарь Курдской демократической левой партии Сирии (КДЛПС).

Предполагалось подписать меморандум о намерениях относительно возможности предоставления сирийским правительством сирийскому Курдистану «особого статуса в рамках Сирии». Перед делегацией была поставлена задача найти решение курдского вопроса в Сирии путем согласования сторонами подобного меморандума. По словам Гедо, «у русских

¹ Rojava Asaiysh, Syrian government army faction exchange prisoners. Kurdistan 24. 11.08.2016.

² Встреча с Министром обороны Сергеем Шойгу и Министром иностранных дел Сергеем Лавровым. Официальные сетевые ресурсы Президента России. 29.12.2016. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/53627> (дата обращения: 29.01.2019).

был уже готов документ, который был в нашу пользу. Они хотели федерализации в Сирии при восстановлении прав курдов. Мы приняли все [положения] и предложили некоторые дополнения»¹.

Однако делегация сирийского правительства не приняла соглашение, заявив, что оно приведет к расколу страны, а Дамаск отказался вести диалог об автономной администрации. Меморандум содержал пять основных предложений со следующей формулировкой: «Сирийская курдская сторона предложила, а Сирийская арабская сторона согласилась обсудить следующие вопросы:

1) конституционное признание национальных и политических прав курдского народа в Сирии и одновременно признание прав других национальных меньшинств;

2) признание демократической системы самоуправления в кантонах [Джазира, Кобани и Африн, которые в настоящее время контролируются курдами] и признание того, что члены [системы самоуправления] представляют интересы всех национальных и религиозных групп в этих областях, и принятие всех решений, принятых законодательным советом этих кантонов;

3) признание отрядов самообороны и сил «Асаиш» [курдской полиции] законными национальными вооруженными силами;

4) формирование делегаций от обеих сторон [самоуправляемых кантонов и сирийского правительства] для координации отношений между кантонами и центральным правительством в Дамаске;

5) переименовать «Сирийскую Арабскую Республику» в «Сирийскую Демократическую Республику» и сформировать в ней правительство с различными демократическими взглядами на основе системы федерализма².

По словам Гедо, курдская сторона предложила добавить следующее: «остановить поселение арабов в курдских деревнях провинции Джазира, восстановить собственность курдов и компенсировать курдам ущерб, который они понесли в результате правления ПАСВ», однако в окончательный проект меморандума эти положения не были включены. При этом в меморандуме было сказано, что любые споры во время выполнения условий будут решаться путем переговоров между двумя сторонами:

¹ *Bozarslan M.* Syria rejects Russian proposal for Kurdish federation. URL: 24.10.2016. <https://www.al-monitor.com/originals/2016/10/turkey-russia-mediates-between-kurds-and-assad.html> (дата обращения: 01.12.2022).

² *Ibid.*

«Эти споры не могут быть разрешены в международных судах»¹. Гедо подчеркнул, что вопрос не решен и что российская сторона продолжит контакты с правительством Дамаска по этому поводу. Он сказал, что предлагаемое соглашение допускает гибкость, предусматривая, что «каждая из сторон имеет право расторгнуть соглашение в любое время при условии, что она сообщит об этом другой стороне в письменной форме»².

Тем не менее, несмотря на то что эти предложения были отвергнуты Дамаском (а также Турцией на стадии согласования проекта в рамках Астанинского формата), автономия чувствовала свою силу, когда под контроль СДС переходили новые территории, отбитые у ИГИЛ.

Примечательно, что сразу после проведения в ИК никем не признанного референдума о независимости Иракского Курдистана в сентябре 2017 г. министр иностранных дел Сирии Валид аль-Муалем заявил, что сирийское правительство «открыто для переговоров с курдами по поводу их требования об автономии в пределах границ Сирии», отметив, что «эта тема открыта для переговоров и дискуссий, и когда мы закончим ликвидацию ДАИШ (Исламского государства, запрещено в РФ), сможем сесть с нашими курдскими братьями и прийти к пониманию формулы будущего»³.

Однако уже в феврале 2018 г. правительственные силы их прокси предприняли безуспешные попытки отбить у курдов и их сокомбатантов по СДС нефтяные месторождения, причем в атаке 7 февраля 2018 г. были задействованы наемники ЧВК «Вагнер».

3 июля 2019 г. министр иностранных дел России С. Лавров призвал к прямым переговорам между ААСВС и сирийским правительством. Он выступил на пресс-конференции, пояснив, что в России «понимают необходимость учитывать интересы всех этнических и религиозных групп сирийского общества, в том числе курдов, на всех этапах переговоров». Он добавил, что Россия «заметила, что курды заинтересованы в диалоге», что, по его словам, Россия приветствует⁴.

¹ Ibid.

² Ibid.

³ Damascus says Syrian Kurdish autonomy negotiable. 26.09.2017. URL: <https://www.reuters.com/article/us-mideast-crisis-syria-kurds-idUSKCN1C10TJ> (дата обращения: 01.12.2020).

⁴ МИД РФ обеспокоен попытками США спекулировать на курдском факторе в Сирии. РИА Новости. 03.07.2019. URL: <https://ria.ru/20190703/1556153835.html> (дата обращения: 01.12.2020).

16 августа глава СДС Мазлум Абди заявил, что надеется, что переговоры с Дамаском приведут к «политическому решению, признающему самоуправление и права курдского народа в Сирии, а также к объединению СДС и сирийских вооруженных сил в единое целое»¹.

6 сентября 2019 г. СДС достигли соглашения с сирийской армией об открытии нового контрольно-пропускного пункта, который будет расположен недалеко от города Аль-Салихия и, как сообщается, будет способствовать развитию торговли между местными жителями, проживающими в районах, контролируемых сирийским правительством и ААСВС соответственно². Однако 15 сентября отношения между двумя сторонами ухудшились после того, как Министерство иностранных дел Сирии в письме Генеральному секретарю Организации Объединенных Наций назвало силы СДС «сепаратистскими террористическими ополчениями». В письме СДС обвинялись в «схемах», которые, как утверждается, были организованы США и Израилем, а также в причастности к «преступлениям международной коалиции против сирийского народа»³. Пресс-служба СДС решительно осудила это заявление, которое она сочла попыткой сирийского правительства «ввести в заблуждение мировое общественное мнение и организацию ООН, выдвинув ложные обвинения» против группировки. Действия САР назывались «жалкими попытками подстрекать к мятежу на территориях, контролируемых СДС». В заключении заявления содержится призыв к Министерству иностранных дел Сирии прекратить «боевые действия» против ААСВС и возобновить диалог⁴.

По мнению газеты «Гардиан», своим объявлением в октябре 2019 г. о выводе войск США из Сирии президент Дональд Трамп, по сути, дал зеленый свет турецкому вторжению на север Сирии⁵. В результате

¹ SDF, with support of the US-led coalition, calls on Damascus to negotiate. Kurdistan 24. URL: <https://www.kurdistan24.net/en/story/20516-SDF-with-support-of-the-US-led-coalition-calls-on-Damascus-to-negotiate> (дата обращения: 21.09.2018).

² AANES–Syria relations. URL: https://en.wikipedia.org/wiki/AANES%E2%80%93Syria_relations (дата обращения: 21.09.2022).

³ Syrian government labels SDF “separatist terrorist militias” ahead of Ankara talks. The Defense Post. 15.09.2019. URL: <https://www.thedefensepost.com/2019/09/15/syria-sdf-separatist-terrorist-un-letter/> (дата обращения: 01.12.2020).

⁴ To The Public Opinion. SDF Press Center. 15.09.2019. URL: <https://sdf-press.com/en/2019/09/to-the-public-opinion-7/> (дата обращения: 01.12.2020).

⁵ McKernan J. US to let Turkish forces move into Syria, dumping Kurdish allies. The Guardian. 07.10.2019. URL: <https://www.theguardian.com/world/2019/oct/07/us-to-let-turkish-forces-move-into-syria-abandoning-kurdish-allies> (дата обращения: 01.12.2020).

этого заявления, которую силы СДС сочли «ударом в спину», они объявили о своем намерении возобновить переговоры с президентом Сирии Башаром Асадом, чтобы заключить сделку, которая может привести к вступлению подразделений сирийской армии на территории, подконтрольные ААСВС, чтобы, как они надеются, предотвратить запланированное турецкое вторжение. Министр иностранных дел Сирии призвал курдов передать сирийскому правительству несколько контролируемых ими территорий, заявив, что «в случае отказа они столкнутся с неминуемой интервенцией Турции»¹.

10 октября, после вторжения Турции в северную Сирию, заместитель министра иностранных дел Сирии заявил, что он отвергает идею переговоров между сирийским правительством и СДС, которые, по его словам, «предали» Сирию. Он также добавил, что сирийское правительство не будет вести переговоры с теми, кто, по его мнению, стал «заложниками в руках иностранных сил» или «агентами Вашингтона»². При посредничестве России снова начались переговоры между СДС и вооруженными силами Сирии. В итоге СДС согласились разрешить сирийской армии войти в удерживаемые ими города Манбидж и Кобани в попытке упредить наступление и потенциальное турецкое нападение на города³. Вскоре после этого сирийская государственная телекомпания САНА объявила, что войска сирийской армии начали развертывание на севере страны, что, по её словам, было попыткой противостоять турецкой агрессии. В тот же день высокопоставленный курдский чиновник ААСВС подтвердил, что дальнейшие переговоры между СДС, с одной стороны, и сирийским правительством и его российским союзником, с другой, продолжались на тот момент на российской авиабазе Хмеймим. Чиновник выразил оптимизм в отношении того, что вскоре после этого в Дамаске могут состояться открытые переговоры между двумя

¹ *Haines-Young J.* Syrian minister urges Kurds to return to Damascus or face “abyss”. The National. 09.10.2019. URL: <https://www.thenationalnews.com/world/mena/syrian-minister-urges-kurds-to-return-to-damascus-or-face-abyss-1.920858> (дата обращения: 21.08.2022).

² *Makieh K.* Syria says no dialogue with U.S.-backed Kurdish forces who ‘betrayed’ their country. Reuters. 2019.10.10. URL: <https://www.reuters.com/article/uk-syria-security-turkey-kurds-idINKBN1WP2O3> (дата обращения: 21.10.2022).

³ Syrian army to deploy along Turkish border in deal with Kurdish-led forces. Al Arabiya. 13.10.2019. URL: <https://english.alarabiya.net/News/middle-east/2019/10/13/Syrian-army-to-enter-SDF-held-Kobani-Manbij-Monitor> (дата обращения: 21.10.2022).

сторонами. И сирийское правительство, и СДС отказались комментировать его замечания.

Вскоре началось совместное патрулирование сирийскими и российские силами городов Рас-эль-Айн, Манбидж, Кобани, Ракка, Ат-Табка, Хасеке и многочисленных небольших городов и деревень на основании договоренностей с СДС. Сирийские и российские подразделения были размещены вдоль линии стыка между СДС и протурецкими силами, по сути останавливая продвижение последних. После этого внутри городов началось совместное патрулирование, так как стороны договорились о совместном контроле в вопросах безопасности и правопорядка. Сообщалось, что местные жители приветствовали ввод войск сирийской армии. При этом в отношении российской армии нередко проявляли агрессию¹.

Таким образом, в конце октября была создана вторая буферная зона в северной Сирии, что укрепило роль сирийского правительства в управлении и защите северной границы территории Сирии. СДС заявили, что готовы рассмотреть возможность слияния с сирийской армией после принятия политического урегулирования статуса ААСВС в составе Сирии².

Однако ситуацию дестабилизировали столкновения между парамилитаристскими группировками курдов и арабов в регионе. Так, 4 апреля проправительственные силы из СНО обстреляли автомобиль курдской полиции «Асаиш», убив одного офицера. 21 апреля вспыхнули новые столкновения между проправительственными Национальными силами обороны и связанными с Рожавой военизированными формированиями «Асаиш» в районе Камышлы, что привело к вмешательству вооруженных сил России, находившихся в регионе, с целью прекращения боевых действий.

Весной 2020 г., в период эпидемии COVID-19, закрытость Сирии из-за санкций и пусть локализованный, но сохраняющийся конфликт, а также маргинализация в глобальной экономике снизили восприимчивость страны к пандемии³. Так, распространение эпидемии вынудило

¹ Ibid.

² Perry T, Kiselyova M. Syrian Kurds accuse Turkey of violations, Russia says peace plan on track. Reuters. 24.10.2019. URL: <https://www.reuters.com/article/us-syria-security-idCAKBN1X318V> (дата обращения: 11.12.2020).

³ Матвеев И. А. Политэкономия Сирии в конфликте: в 2 т. Т. 2: Трудный путь к восстановлению. С. 304–312.

власти ААСВС закрыть контрольно-пропускной пункт Пешхабур в течение марта-апреля и ввести жесткие ограничения на внутреннее передвижение¹. Перемещения физических лиц между ААСВС и зоной правительства оставались ограниченными — во многом из-за боязни неконтролируемых трансграничных передвижений курдов и грузов через сирийско-иракскую границу. Внешняя гуманитарная помощь доставлялась наземным и воздушным путем — из зоны правительства, по суше — через КПП из Ирака².

Между тем в самой Рожаве нарастало недовольство действиями СДС, когда вооруженные силы автономии в январе 2021 г. блокировали ввоз хлеба, топлива и пшеницы в подконтрольные правительству районы Хасеке и Камышлы. Автономная администрация обвинила сирийское правительство в координации с Турцией планов против СДС. После блокады проправительственные сирийцы начали крупномасштабные акции протеста против СДС.

По мере роста напряженности из-за инцидента в Хасеке после столкновений, которые вспыхнули 30 января и 1 февраля между проправительственными добровольцами и СДС, один боец правительственных сил был убит и четыре ранены³. При посредничестве России 2 февраля вновь начались переговоры между руководством сирийской армии и ААСВС.

Как видно из вышеизложенного, эпидемия COVID-19 способствовала ещё большей автономизации ААСВС. На момент написания книги официальный Дамаск сохраняет потенциал договороспособности с силами самообороны курдов. Однако этнический партикуляризм нередко дает о себе знать, и в ААСВС нередки столкновения курдских сил «Асаиш» с нерегулярными военизированными сторонниками баасистов, как это произошло 20 апреля 2021 г. между СДС и проправительственными силами СНО в городе Камышлы. В сообщениях говорится, что есть убитые и раненые как среди СДС, так и среди сирийских военных.

¹ *Briy A. Rojava: statelessness in a time of pandemic.* 19.05.2020. URL: <https://www.opendemocracy.net/en/north-africa-west-asia/rojava-statelessness-time-pandemic/> (дата обращения: 11.12.2020).

² *Матвеев И. А.* Указ. соч. С. 304–312.

³ *Body of martyr Mohammad al-Rahil who was shot by QSD militia escorted to final resting place.* SANA. 01.02.2021. URL: <https://sana.sy/en/?p=220216/> (дата обращения: 22.02.2023).

Подводя итог, можно резюмировать, что преследования курдов Сирии на почве этнонационального партикуляризма начались не с приходом к власти ПАСВ, а немного раньше, когда сформировалась тенденция к объединению Сирии и Египта в единое арабское государство — Объединенную Арабскую Республику (ОАР), просуществовавшую с 1958 по 1961 г. Ошибочная политика её президента, Гамалея Абделя Насера, мало знакомого со спецификой Сирии, в частности его желание переселить арабов из Египта в сирийскую Хасеке, лишь усилила поддержку партии, выступавшей за защиту национальных и культурных прав курдов, в том числе и прав на землю, и привела к ухудшению отношений между арабами и курдами.

История независимой Сирии такова, что приходившие к власти бывшие армейские офицеры создавали свою партию и ручной парламент, а также силовые структуры, обеспечивали лояльность армии, однако в дальнейшем эволюция режимов все же происходила в направлении их «гибридизации»¹, когда наряду с авторитарной жесткой вертикалью возникали и элементы демократических институтов, к которым можно отнести ироничную фразу С. Жижека во время выступления в университете Кобани: «Мы дали вам право на свободу, при условии, что вы не будете этим правом пользоваться»².

С момента прихода к власти в 1963 г. ПАСВ никак не разрешила противоречия с курдским населением, лишь усилив политику исключения курдского элемента из политической и общественной жизни Сирии, выражавшуюся в лишении гражданства как минимум 120 тыс. сирийских курдов. Это во многом определило феноменологию «безгосударственности» сирийских курдов, выразившуюся в возникновении в XXI в. идиосинкразической для соседей Сирии безгосударственной модели ААСВС.

По сути, политика сирийских властей была противоположна политике позитивной дискриминации, призванной как раз, наоборот, обеспечивать

¹ Кузнецов В. А., Звягельская И. Д. Проблемы государственности на Ближнем Востоке // Свободная мысль: международный общественный журнал. 2015. № 4 (1652). С. 18–31.

² Zizek S. Выступление для университета Кобани по видеосвязи. 21.04.2021. URL: <https://bianet.org/english/world/242693-slavoj-zizek-teaches-at-kobane-university> (дата обращения: 22.09.2021).

предоставление преимущественных прав или привилегий для определённых групп населения с целью достижения равенства в должностях, уровне образования, доходах для представителей разных полов, рас, этносов, конфессий и т. д. Политика же Сирии являлась негативной дискриминацией курдского населения в отношении прав на землю и доступа к основным ресурсам государства.

Изменения в политике баасистов в отношении курдов произошли после прихода к власти Хафеза Асада в 1970 г. Вместо исключения курдского элемента, при сохранении силового давления на инакомыслие и политические движения курдов Сирии, Асад стал использовать курдский фактор в геополитических интересах Сирии, создавая временные альянсы с курдской политической оппозицией в Ираке и инсургентскими группами из Турции.

При этом идейно-политическая раздробленность курдов Сирии вдохновляла группировки сирийской ПАСВ, приходившие к власти в 1963, 1966 и 1970 гг., на проведение политики фактического подавления курдского инакомыслия в стране, а стратегия баасистской власти изначально подразумевала, что курды были лишены основных прав и использовались в качестве, скорее, доверенных лиц в отношении соседних стран, в первую очередь Турецкой Республики, Ирака. Сирийские курды в основном использовали стратегию мирных действий и умеренной политики. Политически ангажированные курды уже при Асаде-старшем выбрали стратегию сотрудничества с центральными властями, а не путь восстания (*«серхильдан»*), в отличие от других частей курдской родины (например, в Турции, Ираке и Иране).

Тем не менее сирийский Курдистан стал свидетелем *серхильдана* ещё до начала Арабской весны — в 2004 г. Усилившиеся противоречия с центральными властями с началом внутреннего вооруженного конфликта привели к тому, что сирийские правительственные силы покинули курдские районы уже в 2012 г., по сути передав их под контроль YPG, когда аффилированные на тот момент с ПРК силы взяли под свой контроль часть северных районов страны, населенных курдами, превратив Рожаву в «регион переданной государственности» (*“abdicated statehood”*), когда государство делегирует часть своих обязательств местным группам и элитам (например, в том же Иракском Курдистане или в некоторых приграничных районах Саудовской Аравии).

При всем антагонизме (антибаасизме) сирийских курдов нужно отметить, что главным врагом для YPG с 2014 г. являлся не официальный Дамаск, а Исламское государство и ряд других повстанческих джихадистских группировок, однако затем на позиции главного врага ААСВС выдвинулась Турция.

На момент написания книги сирийское правительство официально не признавало ААСВС и выступало за централистский подход к управлению Сирией. НСА же стремилась к федерализации Сирии, притом что на протяжении большей части ВВК в Сирии существовал очевидный «пакт о ненападении» между вооруженными силами Сирии и СДС, с периодическими столкновениями и спорадическим сотрудничеством против исламистских группировок, в частности, против вооруженных сил Турции и поддерживаемых Турцией сирийских оппозиционных сил.

По мнению новостного сетевого издания ААСВС, «правительство в Дамаске продолжает рассматривать сторонников ААСВС как сепаратистов и обвинять их и «население региона, входящего в Автономную администрацию Северной и Восточной Сирии, в патронажных связях с иностранными государствами и попытках развала страны»¹. При этом, по мнению сторонников Рожавы, по сути Башар Асад в начале 2000-х многим пожертвовал, чтобы добиться улучшения отношений с Турцией, что негативно сказалось на отношениях центральной власти в Сирии с автономистами на северо-востоке страны. Сопредседатель Департамента иностранных дел ААСВС Бедран Чия Курд сказал, что Сирия не вернется в 2011 год, потому что «жители надеются на лучшее будущее, чтобы защитить права всех жителей страны», т. е. Сирии².

Так, 28 июля 2018 г. руководство ААСВС сообщило о желании вместе с сирийским правительством разработать дорожную карту для «демократической и децентрализованной Сирии» после, как сообщается,

¹ Suriye'nin bağımsızlığından Baas Partisi'ne kadar Kürtler. Hawar news. 05.09.2022. URL: <https://hawarnews.com/tr/haber/suriyenin-bagimsizligindan-baas-partisine-kadar-kurtler-h59568.html> (дата обращения: 12.04.2023).

² Чия Курд: «Четырехсторонняя встреча — пустая трата времени». Hawar news. 05.04.2023. URL: <https://www.hawarnews.com/ru/haber/chiya-kurd3a-c2abchetyrehstoronnyaya-vstrecha-c28093-pustaya-trata-vremenic2bb-h23889.html> (дата обращения: 06.04.2023).

встречи его делегатов с сирийскими правительственными чиновниками в Дамаске по приглашению президента Сирии Башара Асада¹. К концу июля обе стороны договорились начать переговоры об этапах реинтеграции. Первый этап будет охватывать взаимовыгодные и в основном технические вопросы, такие как восстановление спонсируемых государством проектов в области энергетики, образования и здравоохранения, а также реинтеграцию государственной регистрации актов гражданского состояния с регистрацией в рамках ААСВС. Второй этап предполагает восстановление государственного контроля над пограничными переходами с Ираком, Турцией и Иракским Курдистаном, а также размещение правительственных сил безопасности вдоль государственных границ, находящихся в настоящее время под контролем ААСВС. Последний этап будет включать решение «основных вопросов» (таких как потенциальная будущая реинтеграция ААСВС в целом в контексте «децентрализованной» системы) между двумя сторонами². При этом сопредседатель исполкома Сирийского демократического совета (СДС) Ильхам Ахмет отметила, что правившая в Сирии в течение десятилетий ПАСВ не принесла стабильности обществу и была ответственна за трагедии сирийского народа. Также Ильхам Ахмет отметила, что рассматривает федеративную систему России в качестве одной из моделей будущего устройства, а саму РФ — в качестве важного посредника между ААСВС и сирийским правительством³. Это также заставляет курдские силы ориентироваться на идеологически близкие политические партии в среде арабов Сирии. К такой можно отнести, например, партию «Будущее Сирии» (ПБС), созданную в 2018 г. и поддерживающую демократический конфедерализм как доктрину сосуществования различных сообществ всей демократической Сирии.

Сопредседатель Исполнительного совета Автономной администрации Хемдан Аль-Абид отметил: «Автономная администрация открыта для диалога с правительством, но при условии, что оно признает достижения Автономной администрации в соответствии

¹ Kurdish authorities reveal results of meetings with Syrian government. Kurdistan 24. URL: <https://www.kurdistan24.net/en/story/16750-Kurdish-authorities-reveal-results-of-meetings-with-Syrian-government>. (дата обращения: 30.07.2019).

² Ibid.

³ Из личной беседы с автором по видеосвязи.

с резолюцией ГА ООН № 2254. Автономная администрация хочет сохранить единство сирийских земель и народа»¹. В тексте этой резолюции подчеркивается в качестве основополагающего принципа, что будущее Сирии определит сам сирийский народ, а также признается роль Международной группы посредников по Сирии (МГПС) в качестве центральной платформы для содействия усилиям Организации Объединенных Наций по достижению прочного политического урегулирования в Сирии².

¹ Аль-Абид: «Если отношения с Дамаском будут на благо сирийцев, мы их будем поддерживать». Hawar news. 07.03.2023. URL: <https://www.hawarnews.com/ru/haber/al-abid3a-c2abesli-otnosheniya-s-damaskom-budut-na-bлаго-sirijcev2c-my-ih-budem-podderzhivatc2bb-h23672.html> (дата обращения: 04.04.2023).

² Сергей Лавров: Альтернативы резолюции СБ ООН 2254 по Сирии нет. РГ. 19.04.2017. URL: <https://rg.ru/2017/04/19/sergej-lavrov-alternativy-rezoliucii-sb-oon-2254-po-sirii-net.html> (дата обращения: 22.03.2023).

Глава 4

ФЕНОМЕНОЛОГИЯ «АНТИГОСУДАРСТВЕННОСТИ» АВТОНОМНОЙ АДМИНИСТРАЦИИ СЕВЕРНОЙ И ВОСТОЧНОЙ СИРИИ (ААСВС)

Факт существования на северо-востоке Сирии вот уже в течение десяти лет самопровозглашенной автономии, имеющей определенные черты протогосударственности¹, а также озвучиваемая не раз идея федерализации Сирии дают основания как для местных властей, так и многочисленных экспертов придумывать модели сохранения сирийской государственности на фоне ослабления и распада государственных институтов в ряде стран Ближнего Востока и северной Африки, что позволяет нам говорить, как минимум, об обоснованности дискуссии относительно имеющей место на Ближнем Востоке ревизии соглашений Сайкса — Пико 1916 г. При этом основанием для возникновения тезиса

¹ Несмотря на то, что сирийские курды изначально не ставили перед собой задачи создания полностью независимого государства, сформировавшаяся в результате воздействия форс-мажорных факторов (ВВК в Сирии) на северо-востоке страны самопровозглашенная автономия обладает чертами и признаками начального этапа формирования государственности («протогосударства»), что характерно как для традиционных обществ на ранних этапах человеческой истории, так и для современных обществ. (Гринин Л. Е. О стадиях эволюции государства. Проблемы теории // История и современность. Март 2006. № 1. С. 3–37; Вертяев К. В. Сирийские курды как протогосударственный субъект // Международные процессы. 2021. Т. 19. № 3 (66). С. 22–42.)

о «конце эпохи Сайкса — Пико» является наблюдаемая ревизия моделей государственности, которые сформировались в регионе в процессе национально-освободительной борьбы в первой половине XX века¹.

Однако такой подход, обвиняющий во всех бедах только лишь Франсуа Жоржа-Пико и Марка Сайкса, не учитывает глубинных факторов, оказывающих влияние не только на формирование государственных границ после Первой мировой войны, но и на выстраивание отношений, опираясь на баланс и паритет сил, в том числе и силовой, для преодоления угроз и вызовов местному населению как со стороны центральных властей, так и внешних сил. По Г. Киссинджеру, после Первой мировой войны новые границы сформировали «глубокое внутреннее противоречие, связанное с культурно-цивилизационными особенностями региона. После того, как в 1924 г. светские националисты Турецкой Республики отменили основной институт панисламского единства (халифат), мусульманский мир оказался «подвешенным» между победоносным Вестфальским международным порядком и отныне превратившейся в неосуществимую мечту концепцией Дар уль-Ислам»².

В первую очередь на примере северной Сирии можно говорить об «анклавности» проживания курдов, хотя с географической точки зрения здесь анклавов не существует (за исключением гробницы Сулеймана Шаха, являющейся территорией Турции согласно Лозаннскому соглашению 1923 г.). Под этнополитическими анклавами подразумеваются скорее пространственные категории со своим культурным и политическим укладом с минимальным влиянием центральной власти или полным её отсутствием (в контексте Кобани, Хасеке, Идлиба, Африна и четырехугольника Эт-Телль-эль-Абьяд–Рас-эль-Айн). И если в отношении курдских анклавов в Сирии никакого отдельного материнского государства не существует, то они нередко рассматриваются как оторванные от воображаемого «курдского материка» — места концентрированного проживания курдофонного населения Ближнего и Среднего Востока.

Нынешняя политика Турции по поддержке территорий Сирии, подконтрольных турецким прокси и непримиримой оппозиции, может также привести к их «анклавизации», т. е. когда его жители будут рассматривать Турцию в качестве материнского государства, учитывая ту материальную

¹ Кузнецов В. А., Звягельская И. Д. Указ. соч.

² Киссинджер Г. Мировой порядок. М.: АСТ, 2015. С. 151.

поддержку, которую оказывает Турция оккупированным территориям Сирии (Африн, сектор RAATA). С другой стороны, на протяжении всего сирийского конфликта в Хасеке и Камышлы в зоне ААСВС сохранялись анклавные, подконтрольные властям САР: международный аэропорт Эль-Камышлы, казармы, продуктовые склады. Все это говорит о том, что в отношении анклавов, «анклавности», равно как и в отношении «параллельных экономик» существует определенная методологическая путаница. Можно согласиться с тем, что на примере Сирии, наряду со спецификой социального и административного уклада, мы видим одновременное существование различных экономик, которые, несмотря на наличие взаимных неформальных связей, зачастую оказывались больше интегрированы с внешними акторами, нежели сосуществующими друг с другом¹. В контексте ААСВС при сохраняющихся на определенном уровне связях с центральным сирийским правительством поддержка, донорство и неформальные экономические контакты с такими акторами, как США, Ирак (Иракский Курдистан), страны ЕС, определяют выживание экономики этого самопровозглашенного субъекта.

На таком фоне декларативный отказ ААСВС от государственности и нацистроительства как модернистского концепта на фоне успеха и относительной стабилизации данной коммунальной системы вынужденно заставляет автономию выполнять функции государства, часть которых могут быть делегированы центральному правительству в Дамаске. Если рассматривать ААСВС как форму самоорганизации, то это во многом миротворческий проект в условиях ВВК в Сирии, достигающий определенного масштаба развития в иерархическую безгосударственную систему.

Во-вторых, для ААСВС характерно утверждение негосударственного суверенитета внутри существующей мир-системы. Суверенитет структурирован иерархическими отношениями в рамках демократического конфедерализма, приобретая при этом черты негосударственного суверенитета. Однако этот суверенитет носит, скорее, по выражению американца Майкла Бобика, перформативный характер². Он нацелен на внешних акторов с целью легитимации своего политического присутствия, поскольку, если

¹ Матвеев И. А. Политэкономика Сирии в конфликте: в 2 т. Т. 2: Трудный путь к восстановлению. С. 113–114.

² Bobick M. Sovereignty and the Vicissitudes of Recognition: Peoplehood and Performance in a De Facto State. PoLAR: Political and Legal Anthropology Review. May 2017. Vol. 40. No. 1. P. 158–170.

следовать мнению И. Валлерстайна, «любой суверенитет ничтожен, если он не признается другими суверенными субъектами (суверенитетами)»¹.

Решить задачу гомогенизации общества, в том числе и через образование, без которого оно не будет соответствовать требованиям современного производства, способна только государственная власть². Однако ввиду отсутствия на момент написания книги центральной сирийской власти в таких анклавах, как Идлиб, Африн, четырехугольник RAATA, а также ввиду идеологического отрицания необходимости государственной власти вообще в Рожаве (AACBC) происходит формирование новых анклавных идентичностей на почве партикуляризма по дихотомии «мы–они» при сохранении способа нациально-этнической (курд, араб), либо национально-территориальной (сириец) самоидентификации. Это отчасти подтверждается и тем фактом, что отсутствие курдской государственности привело к отсутствию выработанных правил стандартизации в курдском языке, который сейчас представлен тремя основными наречиями, отличающимися в том числе использованием латиницы и арабской графики в зависимости от стран проживания. Иракский же опыт постконсоциальной демократии показал, что она имеет вполне определенные пределы единства федерации в рамках общеиракской национальной идентичности и во многом зависит от наличия консенсуса между региональными элитами относительно справедливого доступа к ресурсам страны³.

4.1. Апологетика Рожавы в научной литературе

В научной литературе успела сформироваться особая апологетика Рожавы как социально-политического эксперимента, своеобразного «третьего пути», применяемого в условиях охваченной вооруженным конфликтом Сирии, как глубоко разделенного общества Ближнего

¹ *Wallerstein I. World-Systems Analysis: An Introduction. Durham: Duke University Press, 2007. P. 44.*

² *Кузнецов В. А., Звягельская И. Д. Указ. соч. С. 18–31.*

³ *Кузнецов В. А., Салем В. Безальтернативная хрупкость: судьба государства-нации в арабском мире. Россия в глобальной политике. 13.03.2016. URL: <https://www.globalaffairs.ru/articles/bezalternativnaya-hrupkost-sudba-gosudarstva-naczii-v-arabskom-mire/> (дата обращения: 02.04.2022).*

Востока. Основной характеристикой таких обществ является существование глубокого разделения по линии этноконфессионального, политического, социального или иного партикуляризма, «непременным условием которого служит высокий уровень антагонизма между разобщенными частями»¹. Коммунализм, стоящий над этноконфессиональными разделительными паттернами современной Сирии, представляется апологетам Рожавы как способ преодоления такого глубокого разделения в сирийском обществе. Некоторые авторы утверждают, что исторический бэкграунд своеобразного антиэтатистского коммунализма начал формироваться здесь ещё на заре человечества, а «взятие прогрессивными силами контроля над территориями» является лишь продолжением длящейся глобальной эволюции. Противопоставляя этой идее революционный подъем времен арабского национализма во второй половине XX в. и последовавшую за ним «тиранию ПАСВ в Сирии», апологеты Рожавы утверждают, что «революция проигрывает, когда революционная партия, захватив власть, исключает широкие слои населения из процесса принятия решений»².

В этой связи формирование данной политической архитектуры в Сирии заслуживает внимания и изучения. Основная идеологическая апологетика Рожавы содержится в первую очередь в работах Абдуллы Оджалана — лидера Рабочей партии Курдистана (запрещена в Турции). В его работах, написанных большей частью уже в турецкой тюрьме, идея подобного безгосударственного коммунализма апеллирует к традиции т. н. «месопотамской протодемократии», существовавшей здесь еще 5 тыс. лет назад; впрочем, подобные утверждения лежат в традиционном фарватере курдского национализма крайне левого толка, хотя сам Оджалан это и отрицает. Отрицание самой идеи нации как продукта национализма никак не нивелирует того обстоятельства, что Оджалан в своих работах приводит традиционно националистические мифологемы, существующие в рамках идей и воззрений курдского национализма.

Безусловно, курдское присутствие в сирийской зоне уходит корнями в далекое прошлое. И на этом фоне непреложным фактором, под-

¹ Наумкин В. В. Глубоко разделенные общества Ближнего и Среднего Востока: конфликтность, насилие, внешнее вмешательство // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 25.: Международные отношения и мировая политика. 2015. №1. С. 69.

² Флах А, Айбога Э, Кнапп М. Указ. соч. С. 330.

питающмм изнутри исторический бэкграунд пропагандируемого А. Оджаланом демократического конфедерализма (который он, очевидно, хотел бы распространить и на территорию Турции в курдских её регионах), является то, что историческая Месопотамия — это колыбель всей человеческой цивилизации, что вносит свою лепту в своеобразную легитимацию его политической философии и мировоззрения как среди курдов, так и в европейской интеллектуальной среде — в основном левого толка. При этом можно долго рассуждать о том, насколько, например, древнейшее государство Митанни (XVI в. до н. э.) и его столица город Варушукани, руины которого до сих пор ждут археологов на территории Северной Сирии, могут относиться к историческому бэкграунду курдского присутствия на этой территории, ведь какие-либо этнолингвистические и иные особенности или доказательства не позволяют нам доподлинно это утверждать.

Как уже отмечалось во Введении, в переводе с курдского Рожава означает «место, где садится солнце» и обозначает, таким образом, западные территории этнического Курдистана, расположенные в границах Сирии. Национальная курдская доктрина, формируемая различными политическими течениями, ставившими задачу формирования здесь подлинного народовластия, имеет, безусловно, националистические мотивации, от которых сторонники подобного народовластия все же пытаются дистанцироваться: в декабре 2016 г. название администрации сократилось до Демократической конфедерации Северной Сирии, и слово «Рожава» было опущено с целью поддержки инклюзивности в этот проект других этнических групп, включая арабов, ассирийцев, халдеев, арамеев, туркоманов, армян и черкесов (чеченцев). Идеюную основу такой протогосударственности составляет демократический конфедерализм — по сути, общественный договор, который отделяет идею государства от идеи управления на местах и как бы освобождает понятие сирийского гражданства от понятия государства. Образцами таких общественных договоров являются «Конституции» Рожавы 2014 и 2016 гг.¹

¹ *van Wildenburg W.* (trans.). *Social Contract of the Democratic Federalism of Northern Syria* // Oxford: Co-operation in Mesopotamia Project for Solidarity Economy Association. Reposted from Wladimir van Wildenburg blog. 03.03.2017. URL: <https://mesopotamia.coop/social-contract-of-the-democratic-federation-of-northern-syria/> (дата обращения: 12.12.2018).

На формирование коммунализма в Рожаве оказали влияние и научные дискуссии об историческом происхождении курдов, которые велись на протяжении достаточно долгого времени. Довольно интересная полемика на эту тему шла на страницах левого турецкого издания «Озгюр Гюндем» («Свободная повестка»), издававшегося в Стамбуле с 1994 по 1997 г. Самая продолжительная полемика в этой газете была сосредоточена вокруг доисламского периода, включая, в частности, повествования о курдском этногенезе, родине, сопротивлении и национальном характере. Реконструкция курдского этногенеза (или «тайм-линии» истории курдов) включала всевозможные заявления о прямой этнической связи с древними народами, которые на основе засвидетельствованных фактов в ближневосточной литературе преподносятся как коренные жители курдских регионов. В республиканский период Турции, когда проводилась политика ассимиляции курдов как «горных туток», значение такого дискурса в контексте отрицания турецким национализмом вообще курдской специфики в свете официального заявления о том, что курды имеют турецкое происхождение и являются членами одной и той же этнической группы и, следовательно, кандидатами на ассимиляцию, виделось многими курдами особенно болезненным и актуальным. Со времён А. Ф. Минорского курды в научной литературе рассматриваются как арийцы или «мидяне», т. е. имеющие индоиранское происхождение. Наряду с этой генеалогической связью нарративы о родине курдов обрисовывают стабильную географическую привязку к курдскому региону, определяемому как восточная и юго-восточная Анатолия, а иногда и как Месопотамия. Согласно националистическому курдскому нарративу, современные курды являются прямыми потомками коренных жителей региона до вторжения и оккупации их родины чужаками, в том числе персами, арабами и турками. Нарративы сопротивления последовательно противостоят здесь не только проектам ассимиляции, но и опыту чужеродного правления, сводя к минимуму влияние чужаков на местные традиции, обеспечивая незапятнанную преемственность курдского национального характера. Подобная нарративизация национальной судьбы приближает курдов к их предкам арийцам — и они «конструируются как одни из устроителей ближневосточной цивилизации, включая овладение такими ресурсами и навыками, как приручение лошадей, возделывание пшеницы, строительство поселений и храмов, введение математических геометрических принципов и изобретение теле-

скопа и т. д.»¹. Строителям цивилизации противопоставляются предвестники варварства, представленные как нецивилизованные чужаки для месопотамского региона и его жителей. Центральным элементом возникающей схемы является идея о том, что курды не пришли откуда-то еще, а всегда жили на территории, которая сейчас называется Курдистан, даже если она известна под разными названиями².

Фактически историческая перспектива Курдистана, обрисованная выше, более точно является продуктом того, что Хиршлер называет монополистским взглядом среди курдских историков, чьи работы постулирует автохтонное возникновение локализованных курдских культурных очагов и идентичностей. Интерактивистские же нарративы, хотя и признают этническую специфику курдов, рассматривают курдскую историю как результат воздействия со стороны «внешнего» культурного влияния, когда посторонние или чужаки не обязательно являются варварами. Наиболее резкую критику «монополистической» истории и её сходства как тематически, так и методологически с турецкой националистической историографией дает Гурдал Аксой (Турция). В своей книге «Курды, народ, чья история не написана» он анализирует курдское прочтение истории и существующие подходы к изучению истории курдов. Так, он выделяет десять характерных заблуждений курдских историков: 1. Националистический центризм, когда исторические события и личности рассматриваются из «курдского центра»; 2. Излишний романтизм; 3. Популизм; 4. Сочетание исторических фактов и мифов; 5. Доминирование метода исследования, объект которого вырван из контекста; 6. Чрезмерное влияние мифологии арийской расы; 7. Ориентированность на конкретные события истории; 8. Априорная природа исследования: прежде чем исследовать событие, историк знает, что оно означает; 9. Методологический эклектизм, когда вместо того, чтобы построить убедительный синтез, историк включает в себя любой материал, который он находит; 10. Формирование исторического мировоззрения под воздействием ежедневной (сиюминутной) политики³.

Феномен курдов Сирии заключается в том, что к началу ВВК в Сирии курды являлись в полиэтнической и многоконфессиональной Сирии

¹ Hirschler K. Defining the Nation: Kurdish Historiography in Turkey in the 1990s // Middle Eastern Studies. 2001. Vol. 37. No. 3. P. 155.

² Ibid. P. 150.

³ Aksoy G. Tarihi Yazılmayan Halk Kürtler. İstanbul: Avesta Yayınevi, 1996. S. 63.

крупнейшим этническим меньшинством, составляя свыше 10% населения в 21-миллионном населении страны, или более 2,5 млн человек.¹ Второй феномен, а именно восхождение левоориентированных курдских партий на политический олимп в Рожаве и развитие здесь новой политической архитектуры, имеет особое значение на фоне кризиса внутри самих курдских политических сил Сирии накануне начала конфликта. Некоторыми из причин падения популярности традиционных курдских политических партий в Сирии оставалась их фракционность, слабость идеологии и практики, преобладание личностных вопросов и неспособность добиться уступок от государства². В то же время уровень курдского национального самосознания и активности молодежи был довольно высоким. Именно из этого противоречия между кризисом традиционной партийной политики и подъемом политической активности масс Партия Демократического Союза (ПДС) на основе воззрений А. Оджалана разработала свою концепцию альтернативного восходящего снизу вверх политического самоуправления на местах.

Историографическая апологетика Рожавы в некотором смысле бросает вызов вышеназванным характеристикам курдского национального движения в научной литературе, когда, собственно, и начала формироваться автономия вскоре после установления здесь курдского самоуправления в 2012 г. под знаменем специфической идеологии демократического конфедерализма леволибертарианского толка. На ее формирование оказали воздействие объективные исторические факторы: раздел курдского народа, говорившего на одном курдском наречии курманджи, между тремя государствами: в 1920 г. между Турцией и Сирией и в 1926 г. между Турцией и королевством Ирак, установление в новом сирийском государстве французского мандата и затем французского присутствия — по сути, протектората (1920–1946); формирование местных политических движений с идеологией интегрального курдского национализма (партия «Хойбун» или «Независимость»)³; специфика взаимоотношений

¹ Полититические процессы в курдских этноареалах стран западной Азии (Ираке, Турции, Сирии, Иране). М.: ИВ РАН, 2013. С. 92.

² *Allsopp H.* Op. cit. P. 176–177.

³ Партия (лига) «Хойбун» была создана в Дамаске (по другим сведениям, в Бейруте) в 1927 г. и агитировала за создание Большого Курдистана, в том числе путем восстания, создания локализованного повстанческого государства, Араратской республики (1930 г.), полагающейся на помощь извне со стороны Греции, Италии, США с последующим распространением её суверенитета на территории, населённые курдами и армянами. Араратская республика была подавлена Турцией в 1930 г.

с ПАСВ в Сирии, формирование в Сирии с 1970 г. жесткой властной вертикали при президентстве Хафеза Асада, а затем при Башаре Асаде и, безусловно, события Арабской весны и последовавшего ВВК в Сирии начиная с 2011 г.

Интерес к научному изучению истории сирийских курдов и феномена сформировавшегося на территориях их компактного расселения политического коммунизма был вызван началом ВВК в Сирии в 2011 г. и агрессивной экспансии запрещенного в России ИГИЛ — как в Ираке, так и в Сирии, когда курды (а точнее, их сопротивление экспансии псевдо-халифата) привлекли беспрецедентное внимание международного сообщества, а их борьба широко освещалась в мировых СМИ. На этом фоне значительную лепту в исследование формирования самоуправления в Рожаве внесло актуальное полевое исследование Т. Шмидингера¹. В целом в работах исследователей феномена Рожавы обычно выделяются два аспекта курдской политической борьбы в условиях как Ирака, так и Сирии в последнее время: во-первых, это решительное сопротивление курдов экспансии экстремистского исламизма на Ближнем Востоке, и во-вторых, курдский националистический подъем на фоне событий Арабской весны на протяжении второго десятилетия XXI века. По мнению ряда ученых левого толка, именно в Сирии «неомодернистское мировоззрение», похоже, завоевало «сердца» условно западной аудитории, а также аудиторию «глобального Юга», также склонную воспринимать курдскую вооруженную борьбу против ИГИЛ как «правое дело»². Например, несколько исследователей провели параллели между курдской национальной борьбой в Рожаве и сапатистским антикапиталистическим, феминистским, автономистским революционным движением в штате Чьяпас в Мексике³. Отчётливо прослеживается в идеологии Рожавы и влияние леворадикального движения «автономов», существующее в основном в немецкоязычных странах, а также в России (анархо-коммунистическое объединение «Автономное действие»)⁴.

¹ *Schmidinger T., Schiffmann M. (trans.). Rojava: Revolution, War and the Future of Syria's Kurds.*

² *Sabio O. Rojava: An Alternative to Imperialism, Nationalism, and Islamism in the Middle East.* Lulu Press, 2015.

³ *Вертяев К. В., Иванов С. М. Курдский национализм: история и современность.* М.: Ленанд, 2015. С. 131.

⁴ Автономизм. URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/Автономизм> (дата обращения: 12.02.2022).

Политическое пробуждение в Рожаве во многом способствовало глобальному признанию курдской самостоятельности, процессу, который первоначально начал проявляться после создания де-факто независимого регионального правительства Курдистана (KRG) в северном Ираке согласно принятой в 2005 г. послевоенной Конституции Ирака. Мобилизованное вооруженное сопротивление курдов во время осады Кобани (с сентября 2014 по март 2015 г.) и боев в Шангале против ИГИЛ (в течение 2014 и 2015 гг.) позволило курдской «безгосударственной» протогосударственности стать более заметной в глазах всего мира.

Диалектический подход, основанный на эволюции сирийского государства и курдских общин в его рамках, может дать некоторое объяснение нынешнему специфическому положению курдов Сирии, которые на протяжении второго десятилетия XXI в. пережили одну из самых драматических страниц своей истории.

Так, даже беглый взгляд на практику местных советов самоуправления, имплементируемых в Рожаве, позволяет обнаружить множественные коннотации с практикой французских коммун образца 1848 г., которые, по мнению некоторых исследователей, представляли из себя нечто большее, чем «рабоче-классовая лаборатория политических изобретений, а также нечто большее, чем просто восстание масс»¹. Важно отметить, что именно французская коммуна впервые порвала с представлением о том, что все цивилизованные общества организованы только в форме государств, тем самым отличая государственные функции как инструмент управления от интересов правительства как элит со своими интересами. «При Коммуне Париж хотел быть не столицей Франции, а автономным коллективом во всемирной федерации народов», — утверждает Росс²; «Коммуна хотела быть не государством, а скорее элементом, единицей федерации свободных коммун, которая в конечном счете была интернациональной по своим масштабам». Это называлось «добровольным объединением всех местных инициатив», «свободным союзом автономных коллективов» и «конфедерацией свободных народов»³. Сегодня аналогичное добровольное объединение людей в кон-

¹ Ross K. Communal Luxury: The Political Imaginary of the Paris Commune. L.–N. Y.: Verso, 2016. P. 18.

² Ibid. P. 27.

³ Ibid. P. 38.

федеративный союз коммун положено в основу управления Рожавой в рамках AACBC.

Основополагающий документ, общественный договор, провозгласил здесь идею демократической автономии и демократического конфедерализма, который является краеугольным камнем политической архитектуры региона. Хотя этот регион в основном и населен курдами, в нем проживают и другие группы населения, участвующие в развитии этой новой политической архитектуры, в том числе арабы, ассирийцы, халдеи, арамеи, туркмены, армяне и черкесы (чеченцы), когда, по сути, происходит освобождение понятия гражданства от его присвоения, собственно, каким бы то ни было государством.

При этом особое внимание среди исследователей привлекли вопросы экономической доктрины курдской автономии¹, что привело к возникновению параллельной экономики: в 2012 г. в автономии по сути было отменено право традиционной для Сирии частной собственности и владение земель, водными ресурсами, зданиями и объектами инфраструктуры перешло обществу, а реально — под управление советов. Частная собственность на землю продолжала существовать, но без права свободной продажи, которая не должна противоречить общественным интересам. Все это не касалось личной собственности на движимое имущество. Таким образом, в ведение советов к 2014 г. перешло 75% бывшей частной собственности².

Желание перейти на столь радикальные экономические рельсы было во многом опосредовано внутривнутриполитическим развитием всей Сирии. События Арабской весны и ВВК в Сирии привели к резкому изменению балансов сил не только в курдских регионах Сирии, но и на всем Ближнем Востоке, что означало перераспределение власти на местах в руки новых элит. Когда в сирийском Курдистане нелегальные курдские политические партии, связанные с ДПК, создали Курдский национальный совет (КНС) в 2011 г. под политическим руководством президента регионального правительства Иракского Курдистана Масуда Барзани, это было сделано не только для того, чтобы объединить эти партии против центральной

¹ Матвеев И. А. Политэкономика Сирии в конфликте: в 2 т. Т. 2: Трудный путь к восстановлению. С 131; Лебский М. А. Экономика Рожавы. 2014. URL: <https://prometej.info/ekonomika-rozhavy/> (дата обращения: 20.03.2021).

² Матвеев И. А. Указ. соч. С. 131–135.

власти, но и в ответ на быстро растущую популярность левоориентированной концепции политики самоуправления.

Как пишет И. Матвеев, теоретическая основа экономической программы Рожавы всё же присутствовала «в виде набора левосоциалистических идей, позаимствованных у харизматичного лидера Рабочей партии Курдистана Абдуллы Оджалана. Предполагалось, что экономическая система должна базироваться на контроле со стороны общества и, как минимум, соглашении между национальными государствами (т. е. Турцией, Сирией, Ираком, Ираном) и демократической нацией (курдами) об экономическом самоуправлении. Оно не могло основываться ни на частном, ни на государственном капитализме, а только на общественной экономике и экологически безопасном производстве»¹.

Объявленная сторонниками ПДС в 2014 г. в Рожаве система кантонов на основе общественного договора виделась лучшим вариантом преодоления концепции централизованного государства. В принятом здесь общественном договоре изначально упоминаются три кантона: Джебзире, Кобани и Африн, но возможность присоединения других регионов к конфедерации явно была оставлена открытой. Отсюда можно сделать вывод, что заложенная в основу политической модели демократического конфедерализма горизонтальная структура объединения свободных коммун (кантонов) вообще не предусматривала ограничения какими-либо политическими границами, что вновь соотносится с мировоззрением, присущим французским коммуналам середины XIX века.

Система кантонов подразумевает принятие решений в максимально возможной степени с опорой на местные советы в соответствии с идеей демократического конфедерализма, идейно объединяющего эти кантоны. Кантоны граничили с Турцией на севере и в 2014 г. были разделены территорией, контролируемой Исламским государством и другими джихадистскими группировками. Кобани и Джебзире были связаны в июне 2015 г. с освобождением города Тель Абьяд (Гире Сипи), который входил в состав кантона Кобани, а ныне оккупирован Турцией.

Находящийся пожизненно в турецкой тюрьме Лидер Партии рабочих Курдистана (ПРК) Абдулла Оджалан инициировал дебаты среди курдов о конфедеративном союзе коммун как альтернативе национальному государству. В своей работе, разработанной в 2000-х, но восходящей

¹ Там же. С. 134.

к 1980-м годам, Оджалан поставил под сомнение взаимосвязь между самоопределением (суверенитетом) и формированием национального государства. Он стал рассматривать национальное государство не только как конкретно-историческую конструкцию, но и как скорее триггер эскалации межэтнического конфликта. Его критика была направлена как на централизованный характер государства, с которым обычно отождествлялось правительство, так и на фактическое функционирование государства вообще и турецкого государства в частности как «ассимиляционной машины», инструмента насилия, подавления, приписывающей населению чужую или надуманную культуру. Он пришел к выводу, что нация или государство не освобождает субъекта как личность от колониального статуса, а скорее переподчиняет его¹. Вдохновленный работами эколога-либертарианца Мюррея Букчина², Абдулла Оджалан предложил концепции демократической автономии и демократического конфедерализма, краеугольной частью которого является система самоуправления советов снизу вверх, посредством чего реализуется право на самоопределение конкретной личности.

На другую особенность обращает внимание голландец Йост Йонгерден: Оджалан связывает практику и идеологию с той формой народовластия, которую Букчин называет «афинской моделью»³. Основываясь на идеях Кропоткина⁴, Букчин проводит различие между двумя идеями или моделями политики — эллинистической и римской, поскольку они породили два разных образа политики и понимания правительства. Первая, эллинская, модель представляет собой коллективно-участную форму политики, апологетом которой является Букчин, а вторая, римская, модель выступает за централистскую и государственническую форму, которую он отвергает. Этатистская, централизованная римская модель, по мнению Кропоткина, в своем подчинении формирует лишь «стадо подданных»⁵, тогда как эллинская

¹ *Оджалан А.* Социология свободы. Т. 3. М.: Зебра-Е, 2013. С. 340.

² *Biehl J.* Bookchin, Öcalan, and the Dialectics of Democracy // *Challenging Capitalist Modernity. Alternative Concepts and the Kurdish Quest.* Hamburg University, 2012. P. 10

³ *Йонгерден Й.* Право на самоопределение за границами государства // *Цветы пустыни. 10 лет революции в Рожаве.* С. 141.

⁴ *Кропоткин П. А.* Взаимопомощь как фактор эволюции. М.: Самообразование, 2011. С. 187–240.

⁵ *Кропоткин П. А.* Речи бунтовщика. Гл. 13. Представительный образ правления. СПб.—М.: Голос Труда, 1921. С. 13.

модель подразумевает «активное гражданство»¹. «К сожалению, — утверждает Букчин, — именно римская модель стала доминирующей формой в современном обществе, послужившей источником вдохновения для американских и французских конституционалистов восемнадцатого века. Однако афинская модель существует как контртенение, найдя свое выражение в Парижской Коммуне 1871 г., в первых советах, возникших весной, во время революции в России в 1917 г., и времен гражданской войны в Испании 1936–1939 гг.»²

В своей работе Оджалан акцентирует внимание на том, что Кропоткин критиковал Ленина за то, что тот от Советов резко перешел к государственной власти³. Вместо того, чтобы рассматривать капиталистическое общество и, соответственно, пролетариат в качестве движущей силы перемен, Оджалан начал ориентироваться на то, что он называл «естественным» или «органическим» обществом, обществом, не затронутым коммодификацией и ассимилирующей бюрократией, которые, по его мнению, существовали в период неолита около 10 000 лет назад: «В период неолита вокруг женщины был создан полный общественный порядок, так называемый «первобытный социализм», социальный порядок, который «не имел ни одной из принудительных практик государства с целью установления порядка»⁴. Институциональных иерархий, утверждает Оджалан, в обществе изначально не существовало. Эта идея естественного или органического общества имеет явное сходство с концепцией «премордиального коммунизма» (пост-марксизма), основы которого были заложены еще Морганом, а также Энгельсом, Чайльдом и другими. Однако с марксистской точки зрения исторического материализма фаза первобытного коммунизма обязательно должна была быть преодолена государственным обществом на пути своего стадийного становления от феодализма и капитализма — к социализму и коммунизму.

¹ *Bookchin M. Social Ecology and Communalism. AK Press, 2007. P. 11.*

² *Йонгерден Й. Указ. соч. С. 142.*

³ *Оджалан А. Проблема преодоления капиталистического модернизма и демократизация. Цивилизация. Эпоха божеств в масках и безликих королей. Т. 1. М., 2011. С. 167.*

⁴ *Ocalan A. Demokratik Uygurlik Manifestosu: ortaduğu'da uygarlik krizi ve demokratik uygarlik çözümü. Neuss: Mezopotamya Yayınları, 2010. S. 10.*

Хотя Оджалан исходит из марксистской традиции, он критикует историко-материализм и его построение телеологического детерминизма, в котором общества должны пройти через эволюционные «стадии» политической организации до настоящего времени национальных государств. В своих трудах, разработанных на основе его серии «тюремных сочинений» 2000-х годов, Оджалан отвергает идею линейного общественного развития за счет развития производительных сил, утверждая, что история движима лишь социальной борьбой. Развитие капитализма и классовые отношения не являются необходимым шагом к социализму, и их можно обойти в том ключе, что возникновение иерархии и классового правления не было неизбежностью, а возникло в результате насилия. Иерархия и построение на её основе государственности осуществлялись с применением насилия против масс, их обмана. Силы естественного общества неустанно сопротивлялись и были постоянно вынуждены оттесняться, а пространство для их развития максимально сокращалось. Таким образом, политике и пропаганде правящей системы и её элитам удалось сблизиться настолько, что все общество теперь видится исключительно сформированным из сословно-государственной иерархии¹.

Хотя Оджалан и его партия (ПРК) находились под сильным влиянием марксизма-ленинизма, он заменил диалектико-материалистический принцип, определяющий необходимое прохождение через этапы экономически обоснованного социально-политического развития, идеей построения радикальной демократии «здесь и сейчас» и, кроме того, рассматривал социальный бэкграунд на Ближнем Востоке, который не был еще полностью поглощен капиталистическими отношениями, как безусловное преимущество. Менее «развитая» политическая система «курдского мира», высокомерно отрицаемая в официальном дискурсе турецкого государства, в котором вырос Оджалан, теперь становилась относительно благодатной почвой для развития нового, «антимодернистского» пути.

Оджалан акцентирует то разрушительное последствие, которое коммодификация и ассимиляция наносят людям в обществах-государствах в рамках капиталистической современности, изолируя их друг от друга и определяя их как некие аморфные массы, управляемые опекой элит на основе концепций национального единства, государственности.

¹ Ibid. P. 20.

Таким образом, объединение людей в советы и создание своего рода активного гражданства является одной из основ, на которой должна строиться альтернатива национальному государству и его капиталистическому модернизму.

В предлагаемой системе демократической автономии и демократического конфедерализма на первый план выдвигается переосмысление политического статуса людей на основе самоуправления, а не на основе отношений людей с государством. Демократический конфедерализм направлен на укрепление местного административного потенциала, организованного в форме советов на самом местном уровне, улиц, а затем кварталов, через районы, города и области (мухафазы). Таким образом, демократический конфедерализм можно рассматривать как форму самоуправления, в которой организована своя автономия. Оджалан считает это необходимым и решительным разрывом с централизованными государственными представительскими системами управления, которые превращают политику из процесса коллективного принятия решений в индивидуальный выбор и основываются не на социальных отношениях между людьми, а на индивидуальных отношениях людей с государством, превращая политику в частную собственность, стимулируя патронажно-клиентские отношения.

В противоположность привязыванию народа к государству с помощью избирательных ритуалов демократическая практика по Оджалану действует таким образом, чтобы дать людям возможность автономного существования в условиях свободы и самоуправления. Государственная же власть стремится добиться того, чтобы люди согласились с продолжением отношений, основанных на насилии, утверждая, что «власть — это наиболее гомогенная, рафинированная, исторически накопленная форма капитала»¹. Оджалан пишет: «Я характеризую развитие демократии XIX и XX вв. как измену принципу демократии. Демократическая борьба в Курдистане имеет смысл только в том случае, если она ведется в соответствии с основным определением демократии. Игра в избрание и избранных есть не что иное, как собрание рабов для того, чтобы время от времени утверждать правления одних и тех же своих хозяев»².

¹ Оджалан А. Указ. соч. С. 261.

² Цит. по: Knapp M., Jongerden J. Communal Democracy: The Social Contract and Confederalism in Rojava // *Comparative Islamic Studies*. 2014. Vol. 10. No. 1. P. 92.

Вместо определения демократии через государство Оджалан ищет формулировку демократии через «организацию демократического общества как сети органов гражданского самоуправления, что означает движение от городских советов к квартальным и сельским общинам, от кооперативов к НПО с широкой социальной базой, с утверждениями прав человека и прав детей, даже прав животных, к авангардным организациям женского освобождения, под экологическими лозунгами, с призывом в первую очередь к молодежи»¹.

Проект демократического конфедерализма можно считать попыткой его экстраполяции на курдские регионы. На практике это означало, что с началом революции в Рожаве народные советы были введены на уровне городских кварталов, городов и кантонов.

Политическая доктрина подобного коммунизма выносит на повестку антимодернистский концепт, который реализуется на северо-востоке Сирии вот уже десять лет. Это является ещё одним свидетельством того, что Ближний Восток пережил в последнее десятилетие многоплановую политическую трансформацию, а реализация доктрины демократического конфедерализма в Рожаве выглядит как попытка преодолеть извечную фрагментированность Ближнего Востока, что в итоге приводит к возникновению новых территориальных союзов, конкурирующих друг с другом. По мнению сторонников Рожавы, это остро ставит вопрос о децентрализации как способе урегулирования вооруженных конфликтов в Сирии, Ливии, Йемене, что в конечном итоге связано с поиском новых основ национального единства в стране. Однако же при этом концепт нации отрицается в имплементируемой в Рожаве модели демократического конфедерализма в рамках постсекулярных тенденций развития Ближнего Востока.

В целом концепция Оджалана укладывается в характерный для Ближнего Востока поиск преодоления фрагментированности. Однако её с трудом можно отнести к набирающим силу неомодернистским концептам общественного и государственного переустройства Ближнего Востока. Демократический конфедерализм отрицает саму идею государства, нации, являющихся краеугольными камнями теоретизированных представлений о модерне в политике в целом, и представляет собой, таким образом, антимодернистский концепт социально-политического устройства общества.

¹ Ibid.

4.2. Теоретический подход к понятию повстанческого государства

Сирийский Курдистан, если рассматривать его вне контекста сложившейся де-факто Автономной администрации Северной и Восточной Сирии (ААСВС), которая включает в себя и южные районы Заевфратья, часть Сирийской пустыни (Бадийя аш-Шам), населенную в основном арабами, по сути представляет из себя конгломерат, состоящий из представителей различных этнических и конфессиональных групп. Помимо курдов здесь проживают арабы, ассирийцы, туркоманы, курды-езиды, армяне, а также небольшие группы черкесов (район Манбиджа) и чеченцев (в районе Сарекане — Рас-эль-Айн). Такая сложная, мозаичная этноконфессиональная структура характерна для других районов Сирии: в Алеппо проживают армяне-христиане и курды-сунниты, в провинциях Хомс и Хама в центральной Сирии — исмаилиты, алавиты, шииты-двунадесятники, черкесы. Объединяющая идеология такого гипотетического протогосударства должна была бы учитывать интересы всех меньшинств — составляющих такого конгломерата. Однако идеология демократического конфедерализма вряд ли находит поддержку в Алеппо, Хомсе и Хаме, поскольку в консервативной исламской среде она рассматривается сугубо как курдский проект, при этом арабы нередко обвиняют курдов в «шовинизме». В этой связи возникает резонный вопрос: действительно ли форма консociальной демократии, одной из разновидностей которой является демократический конфедерализм, является идейным концептом, применимым для всей Сирии?

Автономная администрация Северной и Восточной Сирии (ААСВС) — де-факто самопровозглашенная автономия. Возникновение этого образования со своими собственными вооруженными силами — YPG связывается с актуализацией курдского фактора в регионе, имеющем свою знаковую предысторию.

Активность подобных игроков, чей мобилизационный потенциал основан на этническом партикуляризме, возможно, и выглядит неким атавизмом национально-освободительных движений, чье победоносное шествие по странам и континентам, начиная с первой половины XIX в. и особенно на протяжении второй половины XX в., по сути, легитимизировало сложившиеся государства со своим историческим бэкграундом.

Курдские вооруженные силы в Сирии, то есть «силы народной / национальной самообороны» (YPG) в связке с политическим крылом, формирующим систему регионального самоуправления в контексте Ближнего Востока, стремительно приобретают характеристики негосударственных игроков¹, чьи действия, вольно или невольно, ведут к возникновению в конфликтных зонах новых квазигосударств, стремящихся к легитимации своего статуса не столько как отдельного государства, а как обладающего той или иной степенью суверенитета анклав в рамках государства анклавно-конгломератного типа, каким в сложившихся условиях и представляется Сирия как глубоко разделенное общество². В контексте курдской истории наглядным примером протогосударства может послужить и кочевая конфедерация милли (начало XX в.), и Королевство Курдистан со столицей в Сулеймании (1922–1924), и Мехабадская Республика (1946).

Под понятием «протогосударство» обычно подразумевают политический субъект, который не представляет собой полностью автономно институционализированное или суверенное государство. Не секрет, что в современной общемировой практике подобные политические образования часто основываются на антиконституционном захвате территорий действующих государств повстанческими группами и их коалициями, которые берут на себя функции местного самоуправления («Хайат Тахрир аш-Шам», запрещена в РФ), квазиправительства (ХАМАС) или даже претендуют на собственное государственное строительство (ИГИЛ). Такие политические образования нередко создаются движениями, составленными из географически сконцентрированных этнических и религиозных доминирующих групп с высокой внутренней мобилизацией, однако нередко характеризующихся относительной недолговечностью: Тамил-Илам на Шри-Ланке (1983–2009), Вазиристан в Пакистане (2006–2009), государство туарегов Азавад в Мали (2012–2013) и др.³

¹ Наумкин В. В., Кузнецов В. А. К вопросу о типологизации негосударственных акторов на Ближнем Востоке // *Мировая экономика и международные отношения*. 2020. Т. 64. № 6. С. 104–113. URL: <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2020-64-6-104-113>

² Вертяев К. В. Автономная администрация северо-восточной Сирии: феномен протогосударственности (к постановке проблемы) // *Этносоциокультурные процессы в странах Азии и Африки: проблема идентичности. Сборник материалов международной научно-практической конференции молодых ученых*. М.: ИСАА МГУ, 2020. С. 90.

³ Вертяев К. В. Сирийские курды как протогосударственный субъект. С. 29.

По мнению российского исследователя Т. В. Кашаниной, основой протогосударственности является возможность производства достаточной массы продукта, способной удовлетворить собственные потребности и произвести продукт для обмена¹. В этой связи нетрудно заметить, что на севере и востоке Сирии сосредоточены значительные посевы пшеницы, других культур, что делает север и восток страны своеобразной «житницей» всей Сирии. При этом возможность реконструировать две ГЭС в Дохане и Дербендихане в соседнем Иракском Курдистане может обеспечить покрытие потребностей и в соседней курдской самопровозглашенной автономии в Сирии². На юге ААСВС, в районе Дейрэз-Зора (Аль-Омар, Хашам, ат-Табия), также находятся крупнейшие на данный момент разведанные запасы нефти в Сирии. Ко времени написания книги они находились под контролем СДС и США, продажа и переработка нефти с них осуществляется различными путями³.

Иногда подобные политические образования нередко называются территориями транзитной государственности (ТТГ) разной степени зрелости (повстанческое государство — квазигосударство — государство де-факто — частично признанное государство). В политиях этого типа повстанцы пытаются установить стабильный контроль над территорией с последующим формированием органов государственной власти и выполнением формальных государственных функций⁴, включая в первую очередь самооборону или «освободительную армию».

Особенностью курдских повстанческих государств было то, что они почти никогда не имели фиксированных политических границ. При этом, если сослаться на работу норвежского востоковеда 1950-х годов Ф. Барта, его характеристиками могли обладать даже кочевые племена, например милли или джаф⁵. Это, в частности, выражалось в продолжав-

¹ Кашанина Т. В. Происхождение государства и права. М.: Высш. шк., 2004.

² Вертяев К. В. Протогосударственность региона Курдистан (Ирак): динамика и процесс национальной консолидации в условиях культурно сложного общества // Вестник ИВ РАН. 2020. № 4 (10). С. 222.

³ См. подробнее: Матвеев И. А. Политэкономия Сирии в конфликте. В 2 т. Т. 2: Трудный путь к восстановлению. М.: ИВ РАН, 2022.

⁴ Колосов В. А., Себенцов А. Б., Туров Н. Л. Неконтролируемые территории в современном мире: теория, генезис, типы, динамика // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2021. Т. 14. № 1. С. 28.

⁵ Barth F. Principles of social organization in Southern Kurdistan. Universitets Etnografiske Museum Bulletin. Oslo: Brødrene Jørgensen, 1953. No. 7. P. 111–154.

шихся на протяжении двух веков споров между Османской и Персидской империями о разграничении своих территорий в регионах компактного проживания курдов, причем при посредничестве иностранных держав: Англии и России¹. Однако, как показывает общемировая практика, суверенитет невозможен при полностью или частично размытых границах. Так, острота проблемы Киркука — территории, оспариваемой курдской автономией и центральным правительством в Багдаде, а также претензии автономии в Сирии на оккупированный Турцией сирийский Африн лишь только фиксируют сложность территориального определения границ противостоящего центру периферийного протогосударства. Сюда же стоит отнести спорные территории Синджара, населенные курдами-езидами.

Примером является попытка создания повстанческого государства (Арабатской Республики) в 1930 г. организацией «Хойбун» (по-курдски — «Независимость»). По мнению ряда исследователей, французские колониальные власти сформировали антитурецкую курдско-армянскую ирредентистскую организацию: в руководстве вместе с курдами из других организаций присутствовал представитель армянской националистической партии Ташнак Ваан Папазян. Целью повстанцев была поддержка восстания в Арабате и создание Арабатской Республики². Большинство курдских интеллектуалов, участвовавших в организации, имели прозападные взгляды и пытались действовать в ключе поднимавшего голову курдского национализма, но в том же ключе, что и уже утвердившиеся на Западе националистические идеологические течения: «Идея состояла в том, чтобы принять западную форму национализма и соединить её с курдским трайбализмом — реальностью существования и образа мышления»³. Интересно, что курдские создатели партии «Хойбун» активно закладывали основу для идеологического слияния этнически и религиозно отличных от себя союзников и даже своих последователей. По мнению болгарского востоковеда В. Чукова, именно в этом конкретном случае очевидно проявилась политическая инженерия французского колониализма, ведущего войну против кемалистской Турции путем поддержки инсургентско-повстанческих групп⁴.

¹ Минорский В. Ф. Турецко-персидская граница. Материалы по изучению Востока. Вып. 2. СПб., 1915; Его же. Ирано-турецкие разграничения. СПб., 1916. С. 7.

² Chukov V. Op. cit. P. 113.

³ Ibid. P. 115.

⁴ Ibid.

Интересны в этой связи планы рассматриваемой организации — освобождение всех курдов в Турции с объединением их в единое курдское или курдо-армянское государство. Сирийская Джазира воспринималась ими как «своего рода командный штаб курдского национально-освободительного движения»¹. В этом классическое повстанческое государство постулирует свой территориальный императив, когда «чужие» для Турции курды создают буферную территорию, «моделирующую экономическую и социальную среду и выступающую плацдармом для разработки и реализации военно-политических планов курдского национального движения на территории соседней страны против центрального правительства»². По сути, «Хойбун» стал инструментом в руках Франции, которая до 1930-х годов боролась с кемалистской Турцией, чтобы зафиксировать границу между ней и подмандатной Сирией (см. Гл. 4). При этом «вся граница от города Джараблус до Дерика была превращена этой организацией в линию фронта, чтобы ослабить давление на Араратскую Республику»³. Однако возможности курдских повстанцев по установлению своего контроля на территории Турции оказались очевидными: «Хойбун» проводил больше боевых операций на территории Турции, чем на территории Сирии. При этом руководители организации вынуждены были проживать в глубине Сирии. Эта тактика практически один в один повторится в период повстанческого движения Партии рабочих Курдистана.

Примечательным было то, что все курды, входившие в руководство «Хойбун», в свое время входили в состав политической элиты Османской империи. Политическая база была обусловлена их связями с курдскими племенами, проживающими в приграничных районах с Турцией. В то же время коллективное руководство и быстро возникающие личные разногласия подрывали организацию изнутри. Две пары братьев, а именно Джаладат и Камран Бадарханы и Кудри и Акрам Джамал-паши противостояли друг другу. На самом деле на конфликт наложилась давняя вражда между двумя курдскими кланами ещё со времен Османской империи. По мнению курдского исследователя Рустема Махмуда, «состав элит и отсутствие политических посылов по отношению к социально распадающемуся курдскому аграрному обществу явились одной из причин

¹ Ibid. P. 116.

² Ibid. P. 114.

³ Ibid.

провала первого в истории курдского политического движения»¹. Его мобилизационный потенциал был во многом опосредован жестоким подавлением восстания шейха Саида в Турции в 1925 г., когда многие курдские активисты бежали в основном в Сирию и задались целью вооруженного противостояния Анкаре путем создания собственных курдских вооруженных сил. Основной целью виделось создание хорошо обученных вооруженных инсургентских групп, отличных от племенных военных объединений, показавших свою несостоятельность в Турции. Штаб-квартира «Хойбун» находилась в Алеппо. Целью был захват курдскими инсургентами при поддержке местных курдских племен территорий и создание повстанческого государства на севере Курдистана, в районе горы Арарат. Поэтому оно получило название Араратская Республика (1930).

В своем исследовании «Повстанческие государства» (1969) американский исследователь Роберт Макколл писал, что для современных национальных революций захват и контроль над территориями является жизненно важным «территориальным императивом». Цель повстанческого государства — это контроль над территориями. «Эра инсургенции», которая продолжалась с окончания Второй мировой войны, была опосредована тем, что инсургентские повстанческие группировки становились средством достижения целей союзническими державами во время Второй мировой войны, будучи сконцентрированными в основном в Азии, северной Африке, континентальной Европе. То есть в результате мировой войны и последующего покровительства со стороны крупных держав — США, СССР вооруженная инсургенция получала легитимацию как средство достижения нужных ей политических изменений и целей².

На основании работы Макколла можно утверждать, что современные национальные революции приняли в качестве основной тактики создание территориального ПГ: механизм заключается в создании территориальных единиц, конкурирующих со всеми атрибутами любого легитимного государства (причем не только материнского, но и соседнего, что видно на примере Турции в контексте Рожавы) в части контроля над территорией и населением и, в частности, созданием своих собственных

¹ *Mahmoud R. Al-Kawaid al-Izhtimaiya Lil Ahzab al-Kurdish as Surya (The Social Foundations of the Syrian Kurdish Parties). Al-Jumhuriya. 04.08.2015. URL: <https://www.aljumburiya.net/ar/33717> (дата обращения: 08.08.2019).*

² *McColl R. W. The Insurgent State: Territorial Bases of Revolution // Annals of the American Association of Geographers. 1969. Vol. 59. No. 4. P. 613–631.*

административных единиц, а также основ властных структур и своей собственной армии.

По схеме традиционных повстанческих групп действовали как восставшие иракские курды в 1960-е годы, так и сторонники Абдуллы Оджалана и Партии рабочих Курдистана на территории Турции с 1984 г., когда установление контроля над территорией и создание повстанческого государства, в том числе и на территории сопредельного государства (иракская территория Кандильских гор), ставилось первоначальной целью вооруженной борьбы¹. Актуализация курдского фактора в Сирии в результате ВВК и формирование здесь курдской протогосударственности привели к перетеканию курдских инсургентов и кадров ПРК из Турции в Сирию, учитывая тесные связи между турецкими и сирийскими курдами, говорящими на одном курдском наречии — курманджи.

Создание ПГ имеет ряд требований и ценностей для национально-освободительного движения. Во-первых, это — убежище для её лидеров и продолжения развития, борьбы и достижения целей национально-освободительного движения, в том числе с точки зрения людских и материальных ресурсов, создавая ауру легитимности для своих последователей². И хотя теоретически целью повстанческого государства является постепенное полное установление контроля над территорией и вытеснение или замена центральной власти, согласно точке зрения Макколла, современные ему (в 1969 г.) национально-освободительные движения в качестве основной тактики использовали создание территориального антигосударства (мятежного государства) внутри другого государства. То же самое характерно для курдских повстанческих государств: упоминавшейся Араратской Республики (1930), Дерсимской (1937–1938) и отчасти — Мехабадской (1946) на территории Ирана. В этой связи полезно рассматривать и современные протогосударства как процесс эволюции территориально-политической единицы внутри другого государства как политически враждебной территории. Также опыт многих повстанческих государств (например, ДНР, ЛНР) показывает, что они во многом способны эффективно противостоять государству, имея существенную подпитку извне.

Макколл описывает фазы, по которым повстанческие государства устанавливают контроль над территориями, во многом ссылаясь

¹ Вертяев К. В. Курдский вопрос в политике Турции (конец XX — начало XXI века). М., 2007. С. 118.

² McColl R. W. Op. cit. P. 620–622.

на труды Мао Цзэдуна, что с географической точки зрения показывает «стадиальную эволюцию повстанческого государства и его способность увеличивать территорию, находящуюся под собственным политическим и военным контролем»¹. Если же рассматривать ПРК как основной идеологический источник мобилизации сил, присутствующих в Рожаве, то в этом контексте теория «повстанческого государства» применима к анализу ситуации в Сирийском Курдистане.

В равной степени феномен AACBC интерпретируется и через определение непризнанных государств. Согласно мнению С. Пегг, такое государство «есть организованная полития, сформировавшаяся в существенной степени за счет местных факторов, получающая поддержку населения и имеющая возможности оказания государственных услуг населению определенной территории, над которой руководство этой политии сохраняет в течение длительного периода эффективный контроль, однако остающаяся незаконной в глазах международного сообщества»². В контексте AACBC она также рассматривается незаконной со стороны правительства в Дамаске.

Для урегулирования споров между повстанческим и «материнским» государством большое внимание уделяется роли и интересам третьих стран (в контексте AACBC — в первую очередь Турции), переговорным процессам, возможным путям разрешения конфликта³.

Любые проявления сецессионизма рассматриваются как «территориальный конфликт, отражающий несовместимость интересов государства и негосударственных акторов»⁴. Анализируя развитие сецессионистских движений, отечественный исследователь Ф.А. Попов показал, что фактическая сецессия не во всех случаях предполагает стремление новой политии к юридическому отделению. Часто потеря контроля над территорией связана с деятельностью движения, изначально не преследовавшего цели юридической сецессии⁵. При этом потеря такого контроля

¹ Ibid. P. 622.

² Pegg S. *International Society and the De Facto State*. L.: Routledge, 1998. P. 26.

³ Силаева З. В. Признание независимости спорных государств в современной мировой политике // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2011. № 7 (13): в 3-х ч. Ч. 1. С. 134–138.

⁴ Колосов В. А., Себенцов А. Б., Туров Н. Л. Указ. соч. С. 27.

⁵ Попов Ф. А. География сецессионизма в современном мире. М.: ИВ РАН, 2012. С. 73.

не всегда означает сецессию, что видно на примере Автономной администрации Северной и Восточной Сирии.

4.3. Идеология ПРК как источник курдского повстанческого государства

На примере Сирийского Курдистана можно увидеть, как период локальной мобильной войны (которую ПРК вела на территории Турции с 1984 г. с целью создания независимого социалистического Курдистана на начальном этапе борьбы) привел по сути к поражению в этой войне, официальной делигитимации ПРК в Сирии на основе подписанного Аданского протокола 1998 г. Ситуация с созданием ПРК и затем с поднятым ею в 1984 г. курдским восстанием такова, что ПРК активизировала свою борьбу в момент, когда турецкая элита с сильным курдским присутствием (премьер, а затем президент Тургут Озал был курдом по материнской линии) создавала реально работающую модель экономического развития Турции, ориентированную на экспорт, и в стране наконец-то начинался достаточно быстрый экономический рост.

Земельная реформа в Турции, которая до юго-востока страны достигла лишь в 1970-х годах, явилась одной из причин роста социальной напряженности. В центральной Турции её пытались провести в 1920–1930-е годы, вызвав мощные протесты, которые в ряде районов приобрели этническую и религиозную окраску. Реформа предполагала перераспределение земель крупных землевладельцев, многие из которых относились к курдским знатым родам. Курды ответили восстаниями под руководством курдской знати, лидером одного из них был шейх Саид¹. Это восстание курдов в 1925 г. проходило под лозунгом независимого Курдистана и восстановления халифата, который должен был сохранить единство всех мусульман, в том числе и курдов-суннитов, формально разделенных навя-

¹ «Религиозные ученые того времени признавали правоту шейха Саида, но они критиковали его за восстание против сил, которые он не мог преодолеть. Более того, ислам запрещает человеку подвергать опасности собственную жизнь и нападать на врага, который сильнее его». (A traitor or a hero? The execution of Sheikh Said. Daily Sabah. 03.07.2015. URL: <https://www.dailysabah.com/columns/ekrem-bugra-ekinci/2015/07/03/a-traitor-or-a-hero-the-execution-of-sheikh-said>)

занными извне границами. Восставшие потребовали провозгласить независимость курдского религиозного государства со столицей в Диярбакире на р. Тигр. Как и в других случаях, как в случае с Королевством Курдистан (1919–1924) в мандатном Ираке, провозглашаемый независимым район охватывал владения династии лидера группы племен, вовлеченных в восстание. Численность восставших оценивалась тогда в 40 тыс. человек. Восстание продлилось много дольше, чем можно было ожидать, учитывая направленные против него силы, в том числе и благодаря поддержке из Ирака, откуда постоянно приходили новые отряды курдов и айсоров¹. Курдская солидарность была крепка: не требовалось агитации, чтобы пришла вооруженная помощь. Структура и сила восстания определялась связями курдской племенной знати, которая сохраняла рычаги мобилизации соплеменников и стремилась утвердить свою династию на своих землях². Эти восстания связаны не столько с ухудшением положения курдских низов, сколько с тем, что в процессе распада Османской империи и создания национальных государств на Ближнем Востоке были существенным образом затронуты интересы курдской знати (аянов). Это был начальный, окрашенный в цвета традиционной многовековой лояльности³,

¹ Розалиев Ю. Н. Мустафа Кемаль Ататюрк: Очерк жизни и деятельности // Ин-т всеобщ. истории РАН. М.: Изд. фирма «Вост. лит.», 1995. С. 29.

² Кадри Джемиль-паша (другой курдский националист и современник Джеладета) утверждает, что Джеладет Бедирхан всегда лелеял идею стать королем независимого Курдистана: «У Джеладета Бедирхана было желание восстановить эмират Ботан и самого себя как правителя; он даже хотел быть королем Курдистана. Очевидно, что Джеладет был одним из самых амбициозных внуков Бедирхан-паши и очень страстным сторонником курдской независимости». (Özoğlu H. “Nationalism” and Kurdish Notables in the Late Ottoman — Early Republican Era. *International Journal of Middle East Studies*. 2001. Vol. 33. No. 3. P. 402. URL: <http://www.jstor.org/stable/259457> (дата обращения: 29.05.2022).

³ «Особенно во время русско-османской войны 1768–1774 гг., когда Османское государство обратилось к ним за помощью для сбора средств и рекрутов для армии, аяны получили официальное признание от султана и начали функционировать в качестве полуофициальных советников в местных органах власти Османской империи... В курдских провинциях Османской империи категорию местных военачальников можно легко опустить, поскольку отдельно она не существовала. Хотя некоторые вооруженные силы назначались из центра и возглавлялись губернатором (вали) данной провинции, религиозные лидеры и «светская» традиционная знать были лидерами местных сил». (Ibid. P. 384.)

период формирования курдского национализма¹. Для него характерно не стремление к независимости, а желание добиться автономии в пределах Османской империи, а позже в Турции и получения династических гарантий для своих районов² по модели автономного Египта, где утвердилось династия Мухаммеда Али-паши.

Иная ситуация сложилась и в Дерсиме, где в 1937–1938 гг. вспыхнуло курдское восстание. События в Дерсиме были ответом на попытку реализовать программу кардинальных социально-экономических реформ, ставивших целью прогрессивное преобразование этого региона.³ Силы

¹ «Курдский национализм возник как реакция на распад Османской империи во время и после Первой мировой войны. Следовательно, он был не причиной, а, наоборот, результатом распада империи. Политическая и военная деятельность курдской знати в период, предшествовавший Первой мировой войне, не была националистической; она отражала желание могущественных курдских родов консолидировать, расширить или восстановить свое региональное влияние. Курдские лидеры, исключительно знатного происхождения, были в основном членами османской высшей бюрократии и как таковые являлись неотъемлемой частью османского государства. Их благополучие в значительной степени зависело от существования государства. Только после того, как распад Османской империи казался неизбежным, они активно пропагандировали национализм. В своем зачаточном состоянии курдский национализм сильно пострадал от ранее существовавших связей и соперничества. Эти связи были сформированы собственными исконными узами курдов и их религиозной принадлежностью. Борьба между наиболее влиятельными представителями курдской знати продолжалась в форме противостоящих фракций в курдской националистической политике в эпоху, непосредственно следовавшую за Первой мировой войной. На цели и тактику этих группировок также повлияла религиозная приверженность их лидеров — или отсутствие такой приверженности. Их понимание идеи национализма и приверженность ей значительно различались. В рассматриваемую эпоху курдский национализм возник одновременно как сепаратистское и автономистское движение. Наконец, исследование показывает, что, несмотря на историческую и современную вражду, лидеров противоборствующих группировок объединяла одна отчетливая эмоция: их подозрительность и даже враждебность по отношению к кемалистско-турецкому национализму». (Ibid. P. 383–384.)

² «Из отчёта ясно, что Абдулкадыр уважал власть халифата и поэтому не выступал за отделение. Однако, чтобы получить британскую поддержку, Абдулкадыр был осторожен и не исключал полной независимости, но хотел, чтобы правителем Курдистана его назначила Британия». (Özoğlu H. Op. cit. P. 394.)

³ «Мустафа Кемаль Ататюрк во время своей вступительной речи в Межджисе в ноябре 1935 г. указывает на рассмотрение вопроса о проведении “основательной программы реформ в районе Дерсима”, далее он говорит: “Мы нуждаемся в расширении наших внутренних органов управления, начиная с восточных областей

были не равны, и восстание быстро выдохлось. Попытки вождей восстаний получить внешнюю поддержку не принесли результатов.

Дерсим был самодостаточным и в то время в значительной степени автономным, в том числе и в силу его географической изолированности, курдским регионом с хорошо вооруженным населением численностью 765 тыс. человек. Это был приблизительно такой же район, как и Иракский Курдистан, главной его особенностью было то, что он был частью Турции с её историческим опытом, в том числе и националистической по духу войны за независимость, а не аморфного в идеологическом историческом отношении (если брать его новую и новейшую историю) ИК. В Дерсима укрылась часть армян, бежавших от поголовного истребления. Ататюрк решил его полностью и радикально преобразовать: сменить название, столицу, назначить нового губернатора — генерала Абдуллаха Альпдогана, изъять у населения оружие, перераспределить земельные владения, а главное — изменить этнический баланс. Племена Дерсима, ведомые своими вождями, ответили восстанием. На это вооруженное выступление последовал безжалостный ответ: восстание было подавлено с применением бомбардировочной авиации, газов, на территорию Дерсима ввели армейские части, которые квартировались там до 1948 г., чтобы держать район под контролем и после подавления восстания. С восстанием было покончено тотальной зачисткой региона: «Проблема Дерсима решена путем его всеобъемлющей чистки»¹. Погибло более 70 тыс. человек, не меньшее число курдов было силой изгнано из родных мест. Этот район этнографически был полностью перелицован.

Лидер восстания 75-летний Сейит Рыза, взявший на себя руководство восстанием, воспринимал Дерсим в качестве исконного Курдистана с коренным курдским населением, где он провозгласил свою собственную власть. Однако сделать это было не по силам слабеющей курдской знати даже при народной поддержке. Тем более что правительству удалось разобщить знать и рядовых курдов, чье единство в былые времена было залогом их непобедимости². Сейит Рыза, обращаясь за помощью

страны... Между тем в области Дерсим предполагается осуществить программу кардинальных реформ» [4, с. 283]». (Жигульская Д. В. Восстание турецких курдов в Дерсима (1937–1938 гг.). Известия РГПУ им. А. И. Герцена. 2013. № 161. С. 20.)

¹ Там же. С. 23.

² «Это было несложно, поскольку курдская знать представляла живущую преимущественно в городах верхушку, не желавшую втягивать обычных курдов в политику». (Özoğlu H. Op. cit. P. 392.)

к Великобритании, писал о трех миллионах участников восстания, что вряд ли было преувеличением, поскольку он сам объединил шесть племен, а кроме того, на помощь пришли курды и из других районов Турции и Ирака. Но даже большое количество восставших, вооруженных стрелковым оружием, сплоченных племенной солидарностью и отчаянием, уже не могло решить исход столкновения с созданным к этому времени современным государством, имевшим неограниченные ресурсы по сравнению с восставшими. То, что не было доведено до конца после восстания в 1925–1926 гг., было в 1937–1938 гг. совершено с особой жестокостью, близкой к геноциду.

Восстания в Дерсима имеют существенное значение для Оджалана, рассматривавшего подавление восстания шейха Саида (1925) как начало оккупации курдских земель, которая завершилась подавлением восстания Сейит Рызы и депортацией значительной части курдского населения из Дерсима (1938–1940 гг.), что создало условия для турецкой колонизации Курдистана¹.

Восставшие представляли собой неподготовленную к современной войне людскую массу в отличие от пропитанных революционной идеологией боевиков ПРК Оджалана в 1980–1990-е годы, действовавших в составе небольших подвижных отрядов. Пешмерга Барзани уже сильно отличалась по своей организации и вооружению от участников восстаний Саида Убейдуллы или Сейита Рызы. Однако и те, и другие типологически относятся к одному типу комбатантов, поскольку верность базировалась на традиционной (племенной, этнической) лояльности, а сторонники ПРК — к другому: их преданность уже была следствием политической и идеологической обработки.

¹ «Чтобы найти рынок для сбыта своей промышленной продукции и обеспечить её дешевой рабочей силой, турецкая буржуазия была вынуждена распространить капитализм и на Курдистан. Она легко осуществила это экономическое нашествие на Курдистан, значительно ускорившееся после 1961 г., на основе военного и политического контроля, установленного в 1925–1940 гг. Как только Турция (и, в частности, её буржуазия) сочла для себя возможным эксплуатировать источники природных богатств Курдистана, и с этой эксплуатацией согласились курдские феодалы, потерявшие политическую силу, колониальный капитализм в Курдистане стал развиваться еще сильнее». (Оджалан А. Курдистанская действительность с XIX века по настоящее время и движение РПК. М.: Axina Welat, 1998. С. 241.)

Подавление курдских восстаний начала 1920-х¹ и особенно жестокое, близкое к геноциду, подавление восстаний в 1937–1938 гг.² в Дерсима надолго отбили у курдской верхушки желание бороться за свои права как мирными политическими средствами, так и с помощью оружия. Повторно поднять на восстание изменившееся по составу население этих районов на прежней — этноплеменной — основе было невозможно. Попытки ПРК поднять курдов Дерсима, не забывших старые раны и обиды, на вооруженную борьбу на националистической (и тем более на идеологической) основе не удалось, несмотря на прилагавшиеся ею усилия. Тем не менее в 1994 г. деревни в Дерсима снова подверглись насильственной «эвакуации», чтобы лишить боевиков ПРК потенциальной поддержки местного населения.

На фоне общественного бурления 1970-х годов в Турции активность А. Оджалана не была выдающейся. Скорее наоборот: небольшой молодежной группе Оджалана, одной из многих радикальных групп, было сложно найти свое место в столичной политической круговерти. Ничего удивительного в том, что ей не удалось достичь там серьезных пропагандистских, а возможно, и экономических успехов (группа должна была найти источники финансирования своей профессиональной деятельности революционеров, к которым себя причисляла). Оджалан и его товарищи повторили судьбу многих левых радикальных организаций, которые уничтожались либо властью, либо своими противниками в самом зародыше. Члены группы Оджалана также были по большей части арестованы и погибли в Турции, некоторые бежали в Сирию или в европейские страны. Неудивительно, что, получив такой опыт, те, кто остался в живых, считали, что бороться против государственной машины, которую для них олицетворяли вооруженные силы,

¹ Жигульская Д. В. Указ. соч. С. 20.

² «Главы племен не отказались от идеи упрочить свою власть в регионе. Центром восстания теперь стал район Дерсима. Этот факт можно объяснить тем, что территориально он находился близко к другим — более ранним очагам восстаний и его население преимущественно было курдским. Участники восстания Кочгири потянулись на эти территории и сконцентрировались вокруг фигуры Сейита Рызы, для которого идея курдского самосознания превратилась в своеобразный рычаг для ведения борьбы с правительством. Сейит Рыза, ставший главной фигурой Дерсимского восстания, был главой племени Йукары Аббаслылар и, поскольку происходил из семьи сейидов, имел большое влияние среди соплеменников, которое вскоре смог распространить и на другие племена». (Там же. С. 20.)

можно только силой оружия¹. Безусловно, создание ещё одной полувоенной организации или военного крыла той или иной партийной организации не было для Турции новшеством. Все тактические решения Оджалана были взяты из широко распространенных методов групповой борьбы конца 1970-х годов, когда в столкновениях конкурирующих групп между собой и с властями люди гибли практически ежедневно. В Турции в этот период всё решала сила, а не слово, но А. Оджалан смог соединить и то, и другое — и оружие, и пропаганду. Самой сильной находкой Оджалана была ставка на курдское восстание на востоке Турции под лозунгом создания независимого Курдистана, в котором, он был уверен, курды, освободившись от колониальной зависимости от Турции, проживут лучшей жизнью. Предлагались утопические методы достижения этой цели, что и было характерно для марксизма, а тем более для его предшественников — французских социалистов-утопистов, к числу которых нужно отнести Оджалана. Утопия — главная черта его теоретических построений. Следуя догматическим установкам о том, как должен развиваться «нормальный» капитализм, Оджалан основные усилия сосредоточил на огульном отрицании социально-экономического прогресса в Турции, где старое и новое тесно переплетались; он фокусировал все внимание своих последователей на несоответствии модели развития турецкого капитализма идеально мыслимому им варианту развития «чистого» капитализма: «Феодалные структуры находились бок о бок с капиталистическими предприятиями, поддерживали друг друга и вызывали очень слабое противоречие. Капиталистическое развитие, зависимое от империализма, а также система отношений, которая, сотрудничая с ним, приняла полуфеодалный характер, нашли возможность развиваться вместе. Это обстоятельство привело к тому, что старого типа экономические структуры оказывали более отрицательное влияние на общество, чем прежде. В этом экономическом строе не господствовал полностью ни капитализм, ни феодализм.

¹ «ПРК возникла в условиях глубоких репрессий против левого движения в Турции. У группы курдских интеллигентов отсутствовали какие-либо легальные пути для ведения политической деятельности. В связи с этим основной вектор сопротивления был направлен в сферу вооруженной борьбы. Армия партизан под управлением партии профессиональных революционеров была мощным рычагом для ослабления турецкого государства». (Лебский М. А. Курды. Потерянные на Ближнем Востоке. М.: Алгоритм, 2016. С. 28.)

Эти два способа производства смешались, и капиталистические отношения, обволакивая феодальные отношения, продлили их жизнь»¹. При этом Оджалан не брал во внимание экономический рост, сопровождавшийся быстрым ростом населения Турции, повышение уровня жизни населения, другие позитивные социально-экономические изменения, которые тем не менее были слишком медленными и в условиях закрытой экономики, доминирования традиционной культуры отношений вели к общему ухудшению экономической ситуации в стране. Он не видел, а главное, не хотел видеть реальных путей развития страны, которой в силу исторически слабого развития в предкапиталистический период было крайне сложно войти даже в число стабильно развивающихся стран, но Турция при Ататюрке сделала это. Подобие марксистского анализа нужно было Оджалану, чтобы убедить соратников сделать ставку в вооруженной борьбе на курдов-крестьян, якобы заинтересованных и в уничтожении своих «феодалов», и в освобождении Курдистана от «турецкого колониализма». Так возникла идея об опоре на курдское крестьянство в развертывании борьбы за социализм в Курдистане. Это была чистой воды утопия.

Что двигало Оджаланом в этой бесперспективной борьбе? Ведь не секрет, что мотивация участников и особенно лидеров революционных движений во все времена состояла в стремлении сделать политическую карьеру и достичь удовлетворения личных амбиций, добиться богатства и почестей. Безусловно, А. Оджалан жаждал не денег, а высокого общественного статуса и глубокого уважения, которое могло дать ему положение вождя мощного революционного движения, который намечал и прокладывал путь в будущее не только курдам, но и всем обездоленным. Амбиции Оджалана выходили далеко за границы Курдистана, хотя ему не удалось войти в число признанных революционных лидеров современного мира, как Г. Насеру, М. Каддафи или Я. Арафату. Тем не менее он обладал лидерскими качествами, прежде всего харизмой, которая позволила ему доминировать в своем кругу. Начало вооружённой борьбы против Турции резко повысило самооценку Оджалана и его вес в глазах соратников: он добился своего. Неслучайно его чаще всего называли «лидер», «наш лидер», «лидер Апо».

¹ Лебский М. Трагедия турецкого социализма. Левая Россия 31.12.2013. URL: <http://www.left.ru/2013/6/lebskii224.phtml> 30032023 (дата обращения: 20.02.2017).

Немало было сделано А. Оджаланом, чтобы создать образ курда как чистого, неиспорченного буржуазным влиянием природного коллективиста. Но семейная, клановая солидарность курдов была не природным даром, а была навязана столетиями существования в тяжелейших условиях предгорий, требовавших предельной верности своей семье и клану. Оджалан тем не менее в сельских районах юго-востока Турции уловил серьезное недовольство крестьян ходом и результатами земельной реформы. И главное, он обнаружил, что реформа выбросила массу крестьян-курдов из привычной им жизни, не обеспечив их средствами к существованию. Это был огромный резервуар, из которого Оджалан мог черпать живую силу для своих боевых отрядов. Тот факт, что после переворота 1980 г. были приняты меры против курдского языка, свидетельствует, что протестный потенциал курдов оценила и власть и что столкновение на «курдском поле» уже тогда обещало быть болезненным.

Некоторые считают, что ПРК была основана в 1973 г. В определенном смысле это верно, поскольку речь идет о генезисе (как некоторого целостного объединения) тогда ещё неформальной и очень небольшой группы левой студенческой молодежи радикального толка, сложившейся в Университете Анкары. Это был интеллектуальный кружок, исходное ядро, члены которого во взаимных спорах искали свою идеологическую базу и опору своей политической активности. Первым названием этой группы было «Революционеры Курдистана» (*“Kurdistan Devrimcileri”*)¹. Группа нашла свою идеологическую основу в маоистской интерпретации марксизма, который был довольно популярен среди турецких левых партий и групп², а свидетельством её успеха считается то, что

¹ Jongerden J, Akkaya A. The Kurdistan Workers Party and a New Left in Turkey: Analysis of the revolutionary movement in Turkey through the PKK’s memorial text on Haki Karer // European Journal of Turkish Studies. 2012. No. 14. URL: <http://journals.openedition.org/ejts/4613>; <https://doi.org/10.4000/ejts.4613> (дата обращения: 30.09.2021).

² Мустафа Кочар Юнал в своем анализе программы и действий ПРК отмечает, что «целью ПРК было создание независимого “объединенного” курдского государства на Ближнем Востоке, состоящего из различных территорий Турции, Ирака, Ирана и Сирии. Вдохновленная кубинской революцией ПРК прибегла к маоистской стратегии, как предлагает Мао Цзэдун... Как указано в учредительном манифесте ПРК (Оджалан “Путь к революции в Курдистане”) на своем первом учредительном конгрессе 1978 г., ПРК опиралась на типичную трехэтапную программу из “Теории народной войны” Мао Цзэдуна для достижения своей цели, а именно стратегической обороны, равновесия и наступления. ПРК представляла себе революцию, осуществ-

созданная в конце 1970-х годов партия, в отличие от прежних курдских организаций, как правило, распадавшихся через несколько лет, существует уже несколько десятков лет¹. Вместо классовой борьбы в центр была поставлена борьба за национальное освобождение курдов, что дает основание определить группу Оджалана как националистическую, нацеленную на курдское возрождение, но реально, с учетом марксистских установок революционеров, ими был взят курс на строительство практически с нуля новой курдской нации, поскольку в основу её конструирования были положены не ценности и мифологемы курдской старины, а социально-классовые ценности (социальная справедливость, равенство женщин). За неимением курдского пролетариата Оджалан рассчитывал опереться на сельских курдов, обездоленных земельной реформой 1960–1970-х годов, докатившейся до юго-восточной Турции. Либеральная по своей американской задумке реформа ставила целью создание фермерских хозяйств, но при этом она превращала значительную часть сельских курдов, не имевших шанса преуспеть частным образом, в опасный класс (*dangerous class*). Неслучайно, что её критики с учётом местных условий предлагали вместо фермерских хозяйств создать что-то вроде колхозов². Но этот расчёт не оправдался, повстанческое движение не стало

вленную силами курдского крестьянства, живущего в сельских районах юго-восточной Турции, в рамках представлений маоистской теории...». (Ünal M., Uludağ P. *Insisting on victory: Victory versus success in limited and asymmetric wars. Revista Científica General José María Córdova*. 2019. Vol. 17. No. 28. P. 895. URL: <http://dx.doi.org/10.21830/19006586.522> (дата обращения: 18.09.2021).

¹ «С 1973 по 1978 год, подвергнув правильной и решительной критике социализм и капитулянтство реформистской мелкой буржуазии, в интересах осуществления в конкретных условиях марксизма-ленинизма (в созидательной форме) они создали теорию курдистанской революции...». (Лебский М. А. Курды. Потерянные на Ближнем Востоке. С. 98–99.)

² «В докладе содержался настоятельный призыв к созданию нового административного подразделения для надзора за маркетингом, поставками, хранением и распределением сельскохозяйственных товаров и предметов первой необходимости, таких как удобрения, семена и пестициды. Что касается земельной реформы, докладчики рекомендовали поддерживать политику, которая сочетала бы методы фрагментации (больших участков земли. — *Авт.*) с консолидацией и ограничивала перераспределение государственными, а не частными земельными владениями». (Adalet B. *Wheat, Land, and Politics in Cold War Turkey*. Rockefeller Archive Center Research Reports. Cornell University, 2017 (1-8). P. 4. URL: <https://rockarch.issuelab.org/resource/wheat-land-and-politics-in-cold-war-turkey.html>) (дата обращения: 22.09.2023).

массовым, на пике боевой активности общая численность отрядов ПРК в Турции, Сирии и Ираке по максимальным оценкам составляла от 18 до 20 тыс. человек¹, при этом, за исключением непроходимых горных районов, боевики не контролировали территорию внутри Турции, а, выполнив диверсионные задания, уходили на базы в Сирии и Ираке. Традиционно эту активность на территории Турции называют повстанческой, но реально это была гибридная война с опорой на внешние базы и иностранную материальную и военную помощь.

Турецкие левые учитывали революционный потенциал крестьянства. Новшеством группы Оджалана стала идея превратить протест крестьян-курдов в национально-освободительное движение и построить в процессе борьбы за национальное освобождение социалистическое государство. Это были умозрительные, утопические, теоретические построения о будущем Курдистана, оторванные от жизни в том, что касалось возможности построить социализм в отсталом обществе, минуя капитализм, широко распространенные в то время в левых кругах. Эта программа была полностью иллюзорна. Безусловно, что давние мечты о независимости Курдистана, которые Оджалан широко использовал, несмотря на всю их иллюзорность, придавали восстанию высший смысл². Что касается самого курдского восстания, разрушительной части программных воззрений Оджалана, то они были намного реальнее. Оджалан понимал логику развития межэтнического конфликта в турецком обществе и предвидел то, что чрезмерная жестокость реакции власти на выступления курдского населения станет главным мобилизующим фактором. Судя по опыту Индии и других стран, где крестьяне-накалиты из числа вооружённых коммунистических, преимущественно маоистских, группировок, начавшие свою борьбу ещё в 1960-х годах, до сих пор не подавлены, хотя там это движение идет внутри страны без вмешательства зарубежных акторов, протестный потенциал крестьянских протестов является достаточно мощным. Высокая оценка протестного потенциала крестьянства давала нарождающейся партии надежду на успех, поэтому

¹ Вертяев К. В. Указ. соч. С. 118.

² «ПРК была основана в 1973 году Абдуллой Оджаланом как марксистско-ленинское курдское движение, главной целью которого было создание независимого Курдистана на востоке Турции» (Yanarocak H. The Ceaseless Conflict in Anatolia: The Kurds of Turkey and the Ethnic Turkish State. Tel-Aviv University, 2009. P. 8.)

ПРК сделала упор на то, чтобы представить курдские районы ещё и как колониальные владения Турции в рамках «внутреннего колониализма», характерного, например, для интерпретации межэтнических конфликтов в современном Соединенном Королевстве¹. Последнее не было новшеством и для Турции. Такие оценки положения курдских районов иногда звучали даже из уст правительственных чиновников. Но ставка на национальное освобождение курдов выталкивала группу Оджалана из общетурецкого левого дискурса. Сделав этот шаг, Оджалан получил относительно свободное поле для своей революционной деятельности. Кроме того, он получил повод заявить о защите интересов курдов в соседних странах. Тем более что там, как и в Турции, курды подвергались социально-политической и культурной дискриминации, а военно-полицейские меры по отношению к ним были чрезмерно жестокими. Именно трансграничный диапазон предполагаемой деятельности сформировал специфику и потенциал будущей ПРК. Обвинение Турции в колонизации Курдистана снимало вопрос о лояльности курдов какому-то из государств, незаконно удерживающих их земли в своем владении, а курды, в свою очередь, могли законно действовать поверх установленных колонизаторами границ, не признавая их.

Вопрос о месте Курдистана в составе Турции имел и другой аспект. Могло сложиться представление, что Курдистан недостаточно надежно интегрирован в Турцию и может быть отделен от неё. Но такая оценка сильно упрощала и даже искажала ситуацию, поскольку, по крайней мере, в Турции и Иране курдские районы были достаточно глубоко интегрированы в национальные — ментальные и политико-хозяйственные — структуры. В Турции существовал так называемый севрский синдром, который однозначно предопределял максимально острую реакцию на любые попытки покушаться на её территориальную целостность. Тем более, наивно было рассчитывать сделать это во время холодной войны, поскольку Турция была членом НАТО и имела все необходимые гарантии защиты её территории от внешнего вторжения. Из-за советских территориальных претензий, предъявленных после 1945 г., Турция отказалась от своего нейтралитета и поспешно вошла в НАТО. Иными словами, ставя вопрос о независимости Курдистана, тем более имея в виду

¹ См.: Hechter H. M. Internal Colonialism: The Celtic Fringe in British National Development. L., 1975. P. 12.

объединить все его части, А. Оджалан брался за задачу, которая была ещё менее достижима, чем построение социализма в Турции. С другой стороны, эта задача, хотя и была утопической, но выглядела масштабной, а главное, крайне привлекательной и обеспечивала мобилизацию под эту цель многочисленных сторонников из разных стран. Перед ПРК ставилась абсолютно желанная для многих курдов, но на деле недостижимая цель даже в смысле освобождения Курдистана, не говоря уже о его последующей судьбе. Этот утопический, прожектёрский подход просматривается и в остальных «теоретических» наработках Оджалана.

Надежды — это порох революции. Для многих курдов независимость всего Курдистана с его 40-миллионным народом была захватывающей дух перспективой. Для многих курдов она остается таковой и сейчас. Цель казалась реальной, за ней шли тысячи людей, готовые проливать и свою, и чужую кровь, поэтому после начала кровавой войны с многочисленными жертвами отступить от неё было практически невозможно. К вопросу, насколько она реализуема, подходили волонтеристски. Конечно, можно было аргументировать возможность победы тем, что многие государства Ближнего Востока, даже Турция, сохранившая исторические основы государственности, были новообразованиями, обществами переходного типа¹, не преодолевшими этапа становления капиталистического способа производства (модернизации), поэтому страдавшими от частых экономических и политических кризисов, периодически заканчивавшихся захватом власти военными или же гражданскими харизматическими лидерами. «Винтовка рождает власть», — этот лозунг Мао был в определенной степени актуален и для Турции, с позиций какого класса на неё ни посмотреть. Различия в положении, потенциале и перспективах борьбы в курдских районах в разных странах давали возможность теоретических спекуляций по принципу, что возможно в одной стране, например в Иракском Курдистане, где курдам удалось добиться автономии, — возможно и в другой. Это делало теорию Оджалана

¹ «Капитализм, получивший развитие в такой форме, смешался с феодальным строем, более того, придал ему силу и продлил жизнь, а также, гангренизируя, установил свою власть на все общество. Феодальные отношения и силы приняли полупеодальную форму. Таким образом, жизнь феодализма была продлена, и начался процесс, который мы называем переходной экономикой. Этот процесс продолжался с 1880-х годов до первой четверти 1900-х годов». (Лебский М. Трагедия турецкого социализма. URL: <http://left.ru/2013/6/lebskii224.phtml?print>)

убедительной для курдской молодежи, никому в Турции не нужной, у которой в массе не было иного, менее опасного пути, чтобы добиться чего-нибудь в жизни. По сути, целое поколение курдов, как оказалось «лишнее поколение», было увлечено этой, как считалось, священной борьбой, из которой пути назад уже практически не было. Но даже зная задним умом, что произошло, невозможно утверждать что-то наверняка, поскольку в сфере общественных отношений нет ничего абсолютно невозможного, как и нет ничего заранее гарантированного: ведь получило же независимость Косово, стартовав практически из того же положения, что и ПРК Оджалана, и пройдя к своему триумфу почти по тем же рельсам. Оценивая геополитические условия борьбы Косово, можно заметить только то, что Югославия — это не Турция и что такие геополитические катастрофы, как распад СССР и соцлагеря, случаются крайне редко. В любом случае можно сказать, что для целей, которые ставил перед ПРК Оджалан, внешние факторы были много важнее, чем внутренние. Конечно, без личной харизмы и способности вызвать протестный отклик у курдской молодежи Оджалан мало что мог бы сделать, но и без игры внешних факторов его деятельность не произвела бы достигнутого эффекта.

Взрывной потенциал был в курдских деревнях на юго-востоке Турции, куда докатилась волна земельной реформы 1960–1970-х годов и откуда обездоленные курды уже в 1970-е годы потянулись в города. Но курдское восстание не было запрограммировано, развитие юго-востока Турции могло пойти иным путем. Подрыв горючего материала стал актом сознательного соединения концептуального курса «Партии революционеров» (как и следовало бы продолжать именовать ядро ПРК), нацеленной на разжигание восстания путем политизации региональных различий, и крестьянской массы курдов из периферийных регионов¹, протестную энергию которой эта партия решила использовать для отрыва населенной курдами части территории Турецкой Республики и её последующего социального переустройства (инжиниринга). Произошло соединение революционной теории и революционного класса, но проблема в том, что в обоих случаях — и когда речь идет о ПРК, и когда речь идет о курдском крестьянстве — речь идет об антисистемных явлениях, которые, как бы ни пытались их организаторы, в принципе не привели бы к трансформации

¹ Лебский М. А. Курды. Потерянные на Ближнем Востоке. С. 98–99.

традиционного уклада курдских патриархальных районов в социалистический способ производства. Безусловно, в уме, занимаясь сочинением утопий, можно было придумать новые принципы идеального мироустройства для курдов или для какого-нибудь иного народа или позаимствовать уже теоретически «обоснованные» представления о будущем обществе. Порождением этих химер традиционно занималась левая европейская интеллигенция, чье идейное влияние было сильно в турецких столичных университетах. Далеко не случайно многое в идеологической практике ПРК и красных кхмеров совпадает¹. К счастью, эксперимент Оджалана по размаху и последствиям не приближается к полпотовскому².

Политика ассимиляции курдов проводилась в Турции десятки лет и привела к тому, что курдская идентичность в стране стала исчезать, сохраняясь как значимая только на востоке страны, который являлся глубокой периферией, поскольку был тупиком в силу неразвитости внешнеторговых отношений между Турцией, Сирией, Ираком и Ираном, чьи торговые фасады выходили на морские коммуникации.

В конце 1970-х внутривнутриполитическая ситуация в Турции предельно обострилась: шла борьба всех против всех. В практически гражданской войне ежедневно гибли десятки людей. Ситуация вышла из-под контроля, и военные, отстранив правительство, положили конец рево-

¹ «В этом смысле при тоталитарном режиме в стиле красных кхмеров высшие лидеры добивались почти абсолютной власти с помощью сочетания как централизованной, так и децентрализованной бюрократии. Эффективность децентрализации политической идеологической обработки на местном уровне не следует ошибочно принимать за потерю контроля со стороны лидеров красных кхмеров. Регулярные занятия по изучению политики и встречи по образу жизни служили для лидеров средством воспитания, формирования и преобразования членов партии в лояльных и идеологически настроенных последователей, которые затем занимались идеологической обработкой других кадров». (Path K., Kanavou A. Converts, not ideologues? The Khmer Rouge practice of thought reform in Cambodia, 1975–1978 // *Journal of Political Ideologies*. 2015. Vol. 20. Iss. 3. P. 305. URL: <https://doi.org/10.1080/13569317.2015.1075266>)

² «Тоталитарное движение красных кхмеров соответствует модели тоталитаризма Ханны Арендт, поскольку оно пыталось переписать историю, создать новые институты, установить полную монополию на власть и вернуть славу кхмеров. Однако в сравнительных исследованиях сталинизма и нацизма функционалисты бросили вызов этой интернационалистской тоталитарной теории, выявив с помощью новых эмпирических данных, что бюрократы низшего звена действовали со значительной свободой действий и автономией по отношению к высшему руководству и государственной политике». (Ibid. P. 306.)

люционной герилье марксистских повстанческих групп — её размах впечатляет даже в сравнении с численностью курдских сил, которые позже Оджалану удастся поставить под ружье в ходе своего восстания. Конечно, при этом следует учитывать, что Оджалан организовал такую массу повстанцев в рамках одной организации — ПРК, а не разрозненных групп, но цифры, в общем-то, сопоставимы. Экстремистские турецкие националистические организации («Ассоциация идеалистических клубов», «Союз идеалистического пути» и «Молодежная организация идеалистов»), больше известные как «бозкурты» («серые волки»), к концу 1970-х годов насчитывали в своих отрядах до 100 тыс. бойцов¹. Это дает частичное представление о многочисленности, мощи избыточных маргинальных слоев, накопившихся за полвека мирной жизни Турции и высоких темпов демографического роста после Второй мировой войны. Огромные толпы «ненужных» молодых людей в условиях уставленного в подражание западным моделям либерального экономического порядка с его мелким и средним предпринимательством не могли вписаться в нормальную жизнь, экономическую или политическую, поэтому их разрушительная энергия выплескивалась в радикальные криминальные и полукриминальные разборки фактически поверхностно идеологизированных молодежных банд. Почти каждая из них не оставляла мысли взять верх и прийти к власти вооруженным путем, видя препятствие этому не столько со стороны государства, сколько в конкуренции таких же, как и они радикалов.

Физически выжить и сохранить свободу действий в Турции 1970-х годов было практически невозможно, поэтому многие радикально настроенные люди покидали страну, большинство насовсем, но некоторые — для того, чтобы продолжить свою политическую активность из-за рубежа. К числу последних относился Оджалан, сумевший покинуть Турцию и переместиться в Сирию накануне военного переворота. В тот момент это был практически никому неизвестный и не имевший никаких ресурсов и, казалось бы, и шансов на успех молодой человек.²

¹ *Надеин-Раевский В. А.* Экстремизм и терроризм в современной Турции // Пути к миру и безопасности. 2017. № 1 (52). С. 184.

² «Говоря словами высокопоставленного члена КСК, “никто не мог поверить, что эта организация просуществует более нескольких месяцев”». (Saeed S. The Kurdish National Movement in Turkey: From the PKK to the KCK. The University of Exeter, 2014. P. 133.)

Но в свои 30 лет Абдулла Оджалан был цельной личностью, имел богатый жизненный опыт. Он сумел существенно подняться над своей средой, получил образование и обладал организационным и политическим талантом, но главное — по своему характеру он был лидером. С такими качествами курду было крайне сложно сделать карьеру в турецком обществе. Нужны были антисистемные решения. Точнее, нужно было искать средства, как их реализовать, поскольку все теоретические аспекты борьбы были уже вполне очевидны для радикальной молодежи Турции, уверенной, что власть в стране можно было взять только силой¹. Партия с боевым крылом стала практически нормой для партийных организаций на Ближнем Востоке. По крайней мере, в тех странах, где власть не могла справиться с хаосом политической борьбы.

Особенностью А. Оджалана как политика стало то, что он сделал ставку на курдов, видя в них источник рекрутирования членов своей будущей армии. Из личного опыта Оджалан хорошо знал курдскую среду, до бегства из Турции он получил опыт пропагандистско-организаторской работы с курдами и алавитами в бедных кварталах Анкары. Это дало ему возможность оценить протестный потенциал курдского населения. Он понял, что курды, объединенные клановой (семейной) спайкой, — это неисчерпаемый электоральный, кадровый и даже ресурсный потенциал, значительно более надежный, чем колеблющийся, дисперсный городской электорат левых политических партий, не обладающий ни серьезными ресурсами, ни единством. Курды не испытывали лояльности к турецкой власти, легко могли в групповых интересах пойти на нару-

¹ «Студенческие организации и созданные ими военизированные боевые отряды стали основным фактором внутривосточной дестабилизации и роста политического насилия. Левозкстремистские молодежные группировки, правонационалистические “серые волки” и фундаменталисты боролись за контроль над улицами и студенческими кампусами. У них не было проблем с рекрутированием в свои ряды молодежи, которая из-за экономического кризиса, поразившего Турцию в 1970-е годы, практически не имела перспектив сделать карьеру. Число жертв уличных столкновений и терактов росло очень быстро: с 230 в 1977 г. до 1200 в 1978 г. и 1500 в 1979 г. Насильственный характер политического экстремизма в Турции объяснялся укорененностью традиционной культуры, в которой важную роль играли понятия чести и стыда, резкий контраст между собственной семьей или кланом и чужаками, а также кровная месть». (Шлыков П. В. Историческая динамика социальных протестов в Турции // Вестник Московского университета. Серия 13. Востоковедение. 2015. № 4. С. 41).

шения турецких законов, при этом сохраняя внутренне единство и верность традиционным ценностям в своей полузамкнутой среде. Из знакомства с марксистскими работами Абдулла Оджалан вынес мысль, что на успех революционной деятельности может рассчитывать только организация профессиональных революционеров или партия марксистского типа. М. Лебский пишет: «Поражение левых боевых групп оказало очень сильное влияние на мировоззрение Оджалана. Провал левых толкает его на путь поиска новых идей и методов борьбы против турецкого режима... Абдулла Оджалан очень тщательно проанализировал опыт вооруженного сопротивления революционных организаций Турции и пришел к однозначному итогу: вооруженная борьба была начата преждевременно, без надлежащей подготовки кадрового костяка революционной организации, и потому потерпела закономерное поражение»¹. Оджалан создал спаянную группу, которая стала ядром повстанческой активности при сохранении своего безоговорочного лидерства, что в принципе было характерно для курдских восстаний с середины XIX в. Разгром левых организаций, которые были недостаточно организованы, страдали от споров и безвластия, стал для него уроком и лег в основу его будущей деятельности. Его главным козырем стало личное руководство всеми аспектами партийной работы, лозунгом которой стала борьба за национальное освобождение курдов, что позволяло А. Оджалану надеяться на широкую поддержку. При этом массовую основу революционной активности партии он видел в курдском крестьянстве, а затем непосредственно в оскорбленном чувстве собственного достоинства огромной массы неустroенных курдов, которые, как рассчитывал А. Оджалан, будут подтягиваться отовсюду на пламя поднятого им восстания.

А. Оджалан часто представляет свои идеи развитием марксизма, но по своей ориентации на использование протеста сельского населения в его подходах было больше от маоизма, чем от марксизма. Безусловно, его версия марксизма не вписывалась в рафинированный советский марксизм брежневского периода. Он верно почувствовал рост протестных настроений в курдских районах из-за того, что деревенские курды теряли свой и без того низкий социальный статус из-за земельной реформы в восточной Турции. Проблемы в сельских районах на востоке Турции обострились, когда в 1973–1978 гг. туда докатилась земельная

¹ Лебский М. А. Курды. Потерянные на Ближнем Востоке. С. 117.

реформа, которую с перерывами в стране пытались провести в течение всего XX в., каждый раз вызывая в ответ мощную протестную волну. На юго-востоке Турции, где большинство составляют курды, в 1960-х и 1970-х годах вспыхивали многочисленные конфликты между землевладельцами, которые пытались выселить большую часть своих арендаторов, заменив их труд тракторами, и арендаторами, которые сопротивлялись лишению их прав аренды. Ситуация осложнялась тем, что споры возникали по поводу прав землевладельцев, сгонявших арендаторов, поскольку большая часть земель, которые арендодатели, предоставляли крестьянам, была бывшей государственной собственностью, передача которой не была должным образом оформлена в кадастровых записях. Арендаторы захватывали земли крупных землевладельцев, заявляя, что эти земли являются общими, поскольку арендодатели незаконно присвоили государственную собственность, и что ради социальной справедливости государство должно поддержать арендаторов и перераспределить их в пользу тех, кто реально в них нуждается¹. Те курды, которые вынужденно отправились в города, оказывались там в самом низу социальной лестницы: без языка, без образования, без привычных клановых связей. Ситуация в восточной Турции отчасти напоминала ту, что складывалась в сельских районах Индии, где протесты сельских жителей в связи с утратой традиционных прав на общественные земли, начавшиеся в 1967 г., привели к нескончаемым восстаниям наксалистского типа². В Турции Оджалан решил соединить социальный протест курдов с национальным, чтобы трансформировать энергию лишившихся прав на аренду земли крестьян-курдов в национально-освободительную борьбу против турецкого колониализма. Вряд ли это теоретически можно было бы вписать в марксистскую традицию, но здесь сказывалось знакомство левых теоретиков с опытом крестьянской войны в Китае, где КПК в конце концов победила китайский капитализм времен Чан Кайши. Как Мао Дзэдун взял верх над Чан Кайши, так и Оджалан рассчитывал взять верх над кемалистской Турцией. Надежду на то, что это возможно, давали не только мощные и ожесточенные курдские восстания в Турции

¹ Gürel B., Küçük B, Taş S. Land occupation as a form of peasant struggle in Turkey, 1965–1980 // New Perspectives on Turkey. 2022. Vol. 67. P. 5. URL: <https://doi.org/10.1017/npt.2022.3>

² Лихачев К. А. Особенности развития терроризма в Республике Индии во второй половине XX века. Вестн. Волгогр. гос. ун-та. Сер. 4, Ист. 2011. № 1 (19). С. 75–77.

1920–1930-х годов и «сентябрьское восстание» в Иракском Курдистане 1961–1975 гг. Это давало основание А. Оджалану думать, что крестьянское восстание имеет мощный потенциал и будет длительным, если удастся поднять на него курдское население и, главное, умело руководить восстанием. В определенном смысле в этих расчетах Оджалан не ошибся.

Главное, что отсутствовало у Оджалана в момент создания ПРК, это деньги, которые нужны для функционирования любой организации, тем более, собирающейся сделать ставку на вооруженную борьбу против мощной, устоявшейся в политическом отношении страны. Для таких целей ПРК нуждалась в серьезных средствах, чтобы обеспечить основные потребности своих членов; для приобретения боеприпасов, оружия, подготовки бойцов, обеспечения организации транспортом, подкупа властей на местах и т. д. Также нужно было пополнять свои ряды, вести пропаганду и агитацию. Получить такие средства в тот период можно было через государственное спонсорство (т. е. войдя в соглашение со спецслужбами враждебных Турции государств), а также через незаконную и легальную деятельность или опираясь на полную поддержку со стороны народа, в том числе и финансовую. Как эти средства можно было получить во враждебной или, в лучшем случае, недружелюбной для курдов Сирии, где курды насчитывали около 1,5–2,5 млн человек и относились к самым неблагополучным слоям населения?

К этому времени стало ясно, что Хафез Асад не потерпит никакой подрывной деятельности со стороны сирийских курдов, многие из которых даже не имели сирийского гражданства. Но для амбициозных внешнеполитических инициатив Асада в Ливане, а также для разборок в натянутых отношениях с Турцией, которая сумела оторвать от Сирии Хатай в 1939 г., а также угрожала перекрыть сток воды в реках, которые брали начало на её территории, сирийские спецслужбы нуждались в прокси-организациях¹, руками которых можно было решать различные задачи

¹ «Президент Хафез Асад предоставил относительную свободу действий курдским партиям, прибывающим из соседних стран, Ирака и Турции. Другими словами, с помощью этой политики сирийский режим стремится реализовать свои собственные региональные устремления и удержать курдскую угрозу подальше от столицы, а также перенести свою курдскую проблему в Ирак и Турцию в период с 1970 по 1990 год». (Halhalli B. *Kurdish Political Parties in Syria: Past Struggles and Future Expectations. Comparative Kurdish Politics in the Middle East. Actors, Ideas, and Interests.* 2018. P. 44.)

на территориях недружественных стран. Это позволяло, с одной стороны, снять с себя ответственность, а с другой — было дешевле, чем решать эти вопросы военным путем, который был не по силам Сирии.

В 2016 г. Эрдоган перенес операции против ПРК и связанных с ней организаций в Сирию, просчитав, что это поднимет его престиж среди консервативных кругов Турции. Турция, наряду с вторжением в Сирию, подвергла бомбардировкам позиции и лагеря ПРК в полосе от Африна до Кандиля.

В этих манипуляциях, включая внутренние и внешние военные операции вооруженных сил, ярко проявилась своя особенность турецкой политической системы: обвинения в связях с ПРК или боевиками и сейчас продолжает активно использоваться в политической борьбе против оппозиционных партий в Турции, а также в качестве оправдания экспансии на территории сопредельных государств. И это при том, что курды так и не смогли полностью влиться в политическую нацию Турции, по факту провозглашавшую, что все её граждане являются турками. В интересах правительства неоисламистов было сохранить возможность секьюритизации в будущем мнимой угрозы со стороны ПРК, которая позволила подвергать преследованиям лидеров демократических политических партий в Турции, дала предлог вторгнуться в Сирию, ослабленную боестолкновениями с радикальными исламистами-суннитами, и вести там широкомасштабные боевые операции якобы против террористов, связанных с ПРК. Эта же причина оправдывает ввод турецких войск в Иракский Курдистан, чтобы преследовать бойцов ПРК и беспрепятственно бомбить их лагеря.

Когда мы рассматриваем эту ситуацию, следует учитывать и курдскую сторону проблемы. Дело в том, что ПРК не растворилась, поскольку на обочине намечавшегося процесса внутритурецкого примирения остались старые кадры ПРК, её военизированная элита, которые рассматривали примирение, на которое пошел Оджалан, или преждевременной капитуляцией партии, или манипуляциями турецких спецслужб. Партия не была готова отказаться от борьбы и от своего способа жизни, который десятилетиями был связан с вооруженной борьбой. Это свидетельствует о том, что, наряду с публично заявленными целями, существуют ещё и личные, и групповые цели, включая задачу обеспечения условий сохранения у власти в партии и в движении группы лиц, создавших партию и т. д. Эта цель может предать революционной борьбе, как и другой анти-системной деятельности, самодовлеющий характер, т. е. вести её уже не для разрушения системы, а ради интересов тех лиц, которые создали

партию и движение, независимо от возможности реализации провозглашенных на начальном этапе целей. В какой-то момент антисистемное движение получает «системную прописку», поскольку становится элементом (частью) изменившейся и при его участии системы. Это не означает обязательно полной победы. Как раз невозможность добиться этой победы, обещание которой было главным способом мобилизации массовой поддержки движению, создает условия для оппортунистической трансформации партии (движения), когда её главной задачей становится реализация личных политических амбиций ядра партии (политических антрепренёров). Задача исследователя состоит в том, чтобы определить момент в развитии партии (движения), когда происходит это качественное изменение. В истории ПРК выделяются несколько периодов: 1973–1978 гг., 1978–1998 гг., 2002–2015 гг., 2015 г. — по настоящее время. В какой-то момент группа революционеров превратилась в группу антрепренёров, которые использовали в качестве поля достижения своих жизненных целей межэтнические противоречия (тюрко-курдские противоречия), с одной стороны, и межгосударственную борьбу Сирии, Турции, Ирака и Ирана в регионе Ближнего Востока — с другой.

Военная верхушка ПРК отказалась прекращать вооруженную борьбу. Тем более что за пределами Турции — в Ираке и Сирии — курды добились впечатляющих успехов. Она хотела бы получить свои дивиденды от этого успеха. Более того, была и другая проблема: ей просто некуда было идти, поскольку в Турцию для апочистов путь был закрыт. Осталось как-то найти место в Сирии или в Ираке, где слабость центральных правительств создавала благоприятные условия для успехов курдского движения на периферии.

Успех особенно ярко обозначился в создании на северо-востоке Сирии самопровозглашенного курдского автономного региона, обширные территории которого были отбиты в сражениях с радикальными исламистами и ИГИЛ. Курдские силы самообороны (YPG), созданные по рецептам ПРК и в её лаборатории, успешно сражались в Кобани, Хасеке и в Алеппо, они создали вдоль турецкой границы полосу курдских земель, которая под их властью стала все больше приобретать протогосударственные черты. Их неприятие начавшегося мирного процесса, инспирированного в Имралы в 2013 г., было также основано на опасении, что турецкая разведка манипулирует их лидером, оказавшимся в тюрьме. Более того, хорошо сбита за десятилетия активной деятельности ПРК

и курдское повстанческое движение не могли исчезнуть в один момент, как мираж, даже по команде А. Оджалана. Это невозможно: ПРК обеспечивала жизнь нескольких миллионов людей, включенных в многочисленные партийные сети. Без партии эти люди лишались средств к существованию. Такого рода организации очень живучи, поскольку в них существует строгая дисциплина, а отступничество сурово наказывается. Безусловно, неожиданный захват А. Оджалана и скорый суд над ним внесли временный разлад в работу организации, поскольку роль Оджалана-вождя («Сарок Апо») была в ПРК исключительной, чтобы ему была быстро найдена замена, тем более, при жизни.

Во всех регионах, где возникали массовые движения вооруженного сопротивления, были обстоятельства, которые позволяли этим движениям, помимо спонсоров (возможно, и необходимых на начальных этапах повстанческих движений), обеспечить автономный источник средств, как правило, криминальный для поддержания живучести повстанческого государства. Более того, устойчивой и длительной вооруженная борьба могла быть только в случае автономного от государств-спонсоров источника доходов¹. В Юго-Восточной Азии, в Центральной Америке, в Афганистане это было связано с производством и сбытом наркотиков. Где-то — добычей алмазов или других очень ценных металлов, которые обеспечивают доход вооруженным движениям. В Ираке и Турции с начала 1990-х годов главным источником финансовых средств стала контрабандная торговля нефтью, поскольку Ирак попал под санкции ООН и это нарушило обычные пути торговли.

В России не принято обсуждать вопрос о финансировании ПРК, которая не считается в нашей стране террористической организацией, хотя все же стоит задуматься, как ПРК удалось за несколько лет совершить рывок от «группы в 6 человек к организации, имеющей под своим контролем несколько десятков тысяч партизан»². Отечественный исследователь левых взглядов М. Лебский удовлетворяется мыслью о том, что группе Оджалана удалось «преодолеть закосненность мышления большинства турецких левых». При этом дальше следует утверждение, что «Среди многочисленных левых курдских групп именно Рабочая партия Курдистана (ПРК) олицетворяет качественный скачок в национально-освободительной борьбе курдского народа потому, что партия Оджалана

¹ Yildiz U. Combatting commercial terrorists: the PKK case. Monterey, California: Naval Postgraduate School, 2015. P. 14. URL: <http://hdl.handle.net/10945/47898> (дата обращения: 14.05.2021).

² Лебский М. А. Курды. Потерянные на Ближнем Востоке. С. 145.

разорвала какие-либо связи с племенными и феодальными пережитками, предлагая новаторскую альтернативу национально-освободительной борьбы, основанную на принципах творческого варианта марксистской идеологии»¹, что навряд ли можно считать логичным. Отдавая должное бесстрашию и самопожертвованию бойцов ПРК, тем не менее, невозможно говорить о марксистском характере работ А. Оджалана.

А. Оджалан в вопросе восстания не руководствовался указаниями В. И. Ленина, он шел своим путем, не собираясь ждать, когда сложатся объективные условия для начала восстания. Он не ориентировался на ленинский подход к восстанию, а рассматривал его как искусство, которое по силам лишь харизматическим вождям, каким он считал себя. Ему больше в этом случае был близок Мао Дзэдун, чем В. И. Ленин. Тем более что национально-освободительная война китайского крестьянства завершилась внешне весьма убедительной победой, т. е. приходом к власти де-факто повстанческого государства, коим является континентальный Китай до сих пор по отношению к Тайваню². В отношении курдского крестьянства Оджалан рассчитывал, не дожидаясь революционной ситуации, использовать «вооруженную пропаганду»³, которая представлялась ему более убедительной.

Вопросы остаются: откуда ПРК взяла средства для старта, и как прокси-организация, созданная для решения ограниченных задач, превратилась в народное движение? Финансовые средства, которые появились в распоряжении ПРК в 1990-е годы, далеко не ограничивались уже иссякшей спонсорской поддержкой сирийских и иных спецслужб⁴,

¹ Там же.

² *McCull R. W.* Op. cit. P. 623

³ «Махир Чаян писал: “Вооруженная пропаганда является основным методом, применяемым в целях разрушения искусственного равновесия, которое существует между реакциями людей и политической силой олигархии, и убедить таким образом массы к революции. В странах, где образы армии и полицейского аппарата позиционируются массам как «сверхмощная сила», вооружённая пропаганда выступает единственным методом воздействия на общественное сознание, чтобы очистить последнее для восприятия политических реалий”». (Лебский М. А. Трагедия турецкого социализма. URL: <http://left.ru/2013/6/lebskii224.phtml?print>)

⁴ «Минчева и Гурр перечисляют Сирию, Иран, Ирак, СССР (Россию), Грецию, Данию, Нидерланды и Италию среди стран, которые в разной степени помогали ПРК. Митчел Рот и Мурат Север, профессора уголовного правосудия из Государственного университета Сэма Хьюстона, добавляют киприотов-греков, Армению, Ливию, Болгарию и Кубу в вышеупомянутый список государств-спонсоров». (Yildiz Ulas. Op. cit. URL: <http://hdl.handle.net/10945/47898>)

а включали разного рода контрабандные операции (от наркотиков до нефти), которые позволяли «зарабатывать» значительные деньги, необходимые для ведения масштабных боевых операций в течение почти двух десятилетий, а также для поддержания культуры вооруженного протеста, которая благодаря средствам ПРК получила свое культурно-гуманитарное оформление и довольно широкую поддержку в странах Западной Европы. В 1990-х годах ПРК превратилась в независимый от прежних спонсоров военно-коммерческий конгломерат. Спонсоры из сирийских спецслужб уже больше обеспечивали безопасность и прикрывали ПРК от нападков внутри страны. Более того, отношения с ПРК приносили сирийской стороне финансовую отдачу. Возможно, что ПРК стала даже слишком самостоятельной и сильной по отношению к своим прежним спонсорам. Это могло быть причиной, почему Хафез Асад пошел на заключение Аданского соглашения между Сирией и Турцией в 1998 г. Как всегда, было принято решение разрубить gordiev узел, но предварительно из Сирии были выдворены Оджалан и его ближайшее окружение. Аданское соглашение позволило турецким и сирийским силовым структурам сделать границу между их странами непроницаемой для апочистов. Это лишило ПРК её прежней протеевской неуволимости.

Последовавший вскоре за этим обескураживающий арест Оджалана и последующий кризис ПРК, связанный с заявлением о прекращении вооруженной активности в Турции, сказались на её политическом престиже и привели к потере прежнего влияния и ограничению источников доходов. Казалось, что все кончено. Но ПРК — это момент в развитии военно-политической ситуации на Ближнем Востоке, поэтому закончился один из циклов её локального развития, основанный на крестьянском недовольстве в юго-восточной Турции в условиях проницаемых границ с курдскими регионами в соседних странах, а также на возможностях трансграничной активности.

После ареста и осуждения Оджалана власти Турции не ужесточили позицию по курдскому вопросу, а пошли на уступки и приняли меры, чтобы снизить напряжение в курдско-турецких отношениях. Во-первых, смертный приговор А. Оджалану был заменен на пожизненное заключение в тюрьме на о. Имралы, что, помимо прочего, сохранило власти каналы коммуникации с ПРК. Затем были сделаны значительные шаги в сфере культуры и массовых коммуникаций. 9 апреля 2002 г. понятие

«запрещенный язык» было исключено из Закона о печати; было разрешено изучение различных языков, используемых гражданами Турции в частных учебных заведениях; 3 августа 2002 г. была введена в действие свобода вещания на разных языках, а в июне 2004 г. Турецкое радио и телевидение (TRT), спонсируемое государством, начало транслировать радио- и телепрограммы на различных языках, таких как боснийский, курманджи и зазак.

Этому предшествовала кардинальная трансформация политики прокурдских партий, связанная с привнесением ими в турецкое политическое пространство идеологического и организационного опыта, который был наработан ППК в Сирии. Без этого невозможно объяснить разворот от стремления очистить территорию компактного проживания курдов от представителей турецкой власти, которую они рассматривали как колониальную силу, к тому, чтобы, отказавшись от идеи курдской независимости, ради которой было пролито столько крови и положено столько сил, начать добиваться «демократической автономии» для жителей региона. Новация предполагала, что параллельно существующей политической системы будет существовать ещё одна, не выходящая на национальный уровень, но не вступающая в конфликт с центральной властью (государством), что является главным императивом повстанческого государства. Оджалан считал, что выборы местных и региональных органов власти могут быть использованы для максимально полной демократизации политической и экономической жизни, де-факто отрывающей региональный и местный уровни от центральной власти. Этого несложно добиться, если у вас есть мощная политическая партия, организованная как структура власти, имеющая независимые источники поддержания своего существования, которая сможет взять власть на уровне местных и региональных органов в свои руки. В результате, по замыслу Оджалана, Турция должна была жить своей жизнью, а курды юго-востока страны — своей. Конечно, в Турции это осуществить не удалось, но эта программа реализуется сейчас в северной и восточной Сирии, где партия Демократический союз (ПДС) сумела установить свою власть в регионе и начать реализацию утопии демократического конфедерализма. Это стало возможно в силу ВВК, агрессии квазихалифата ИГИЛ и последующей интервенции США и Турции, посредничества и военного патрулирования России.

4.4. Предпосылки возникновения курдской автономии в Сирии

Так же как и в Ираке, диспропорции экономического развития между центром Сирии и курдской периферией во многом носили и носят искусственно созданный характер, сказавшись на актуализации межэтнических противоречий. В Сирии до начала ВВК в 2011 г. существовали свои собственные категории беженцев и лиц без гражданства — это палестинские беженцы и курды без гражданства («аджаниб» и «мактумин» — «иностранцы» и «скрытые курды»), в основном живущие в провинции (мухафазе) Хасеке. Как уже упоминалось, в результате исключаяющей переписи населения, проведенной сирийским правительством в 1962 г., около 120 000 курдов, проживающих в Хасеке на северо-востоке страны, в одночасье стали лицами без гражданства. Часть просто не участвовала в переписи или была из неё исключена по иным причинам («мактумин», см. Гл. 1). Это происходило в контексте подъема панарабского национализма как дискриминационная мера в рамках всеобъемлющей кампании арабизации, которая проводилась в Сирии в 1960–1970-е годы. В отличие от палестинских беженцев, курды без гражданства из мухафазы Хасеке были лишены многих основных прав в Сирии, включая свободу передвижения, трудоустройства, доступа к образованию и здравоохранению, а также владению собственностью¹. Из-за наследственного характера категорий «аджаниб» и «мактумин» количество курдов без гражданства в Сирии до конфликта оценивалось, по разным подсчетам, примерно в 300 000 человек².

В апреле 2011 г. на фоне антиправительственных демонстраций был издан указ президента Сирии № 49 с целью натурализации «иностранцев» из Хасеке и предоставления им сирийского гражданства. К середине 2013 г. около 104 000 курдов получили гражданство Сирии. Как уже отмечалось ранее, многие курды отказались принимать гражданство, поскольку это могло означать службу в сирийской армии и сотрудничество с баасистскими спецслужбами. Помимо того, что положения Указа № 49 прямо не охватывают натурализацию курдов-«мактумин», некоторые «аджанибы» имеют

¹ Albarazi Z. The Stateless Syrians. Tilburg Law School Research Paper. No. 011/2013. P. 28–30. URL: <https://www.refworld.org/pdfid/52a983124.pdf> (дата обращения: 02.11.2022).

² Вертяев К. В. Беженцы как негосударственные игроки. Иракский Курдистан и миграционный кризис (на примере провинции Дохук) // Восточная аналитика. 2021. Вып. 4. С. 77.

проблемы в вопросе натурализации, когда не могут обратиться в государственные органы, находясь за пределами Сирии. По последним оценкам ООН, существует около 160 тыс. сирийцев без сирийского гражданства, подавляющее большинство которых являются курдами¹.

После начала внутреннего вооруженного конфликта курдское самоуправление в Сирии, выступая с оборонительными функциями, показало эффективность в борьбе с джихадистами из ИГИЛ и по сути приобрело очевидные черты такой политики, основными оппонентами которой изначально выступали не силы Асада (хотя и они тоже), а ИГИЛ, а также, начиная с 2015 г., — власти Турции, стремившиеся ликвидировать это образование на территории Сирии.

На этом фоне применяемый здесь демократический конфедерализм является идеологической основой коммунальной общественной структуры сирийских курдов и поддерживающих данную коммуналистскую политическую систему представителей других конфессий и национальностей в рамках соответствующих политических партий. Эта крайне идиосинкразическая для соседней Турции теория создания автономии сирийских курдов и отрицания в рамках такого концепта самой идеи национального государства (что, в некотором смысле, подтверждает гипотезу о «негосударственности» ААСВС) позволяет ряду экспертов, поддерживая требования курдов об автономии в Сирии, утверждать, что курды не могут представлять реальную угрозу территориальной целостности Сирии, поскольку они не стремятся к независимости.

Что же касается самой идеи «повстанческого государства» (ПГ), то в её основе (притом что ПГ присущи стремления распространить свой суверенитет на все государство или обрамляющий конгломерат) может лежать и идея автономизма — характерная для ряда левых политических и социальных движений и теорий, которыми в наше время называются участники определенных независимых леворадикально-либертарных или анархистских движений. В большинстве своем они следуют анти-авторитарным, социал-революционным и близким к анархизму идеалам. Правоохранительными органами Германии, Австрии и Швейцарии движение автономов было классифицировано как левоэкстремистское. При этом «Революция в Рожаве» остается во многом по духу курдским движением, но идеологически близким ряду радикальных левых

¹ Там же.

политических движений и групп как Западной Европы, так и России. Эта идеологическая сингулярность делает повстанческое движение курдов Сирии близким по духу движению сапатистов в Мексике.

Так же, как и в штате Чьямпас в Мексике, государственность в лице центрального правительства сохраняет формальное присутствие в Рожаве, что выражается, к примеру, в том, что Дамаск предоставляет в де-факто автономию учебники для школ¹, а также выполняет ряд формальных представительских функций (в т. ч. охрану аэропорта в Камышлы, куда до пандемии коронавируса выполнялись авиарейсы из Дамаска). Также власти САР продолжали выплачивать зарплаты и пенсии госслужащим и военным в своих анклавах в ААСВС в сирийских фунтах. При этом самопровозглашенная автономия имеет собственный штамп на сухопутной границе с Ираком, в котором Федерация Северной Сирии обозначена, как часть Сирийской Республики (а не САР).

Политическая легитимность образовавшихся здесь под управлением ПДС местных советов (2012–2013) проистекала исключительно из доминирования групп определенной идеологической ориентации, состоящих в подавляющем большинстве из представителей ПДС, которые отрицали политическую легитимность своих внутрикурдских оппонентов — в основном из числа сторонников клана Барзани из Иракского Курдистана (ИК), а также других более мелких курдских партий — участников Курдского Национального Совета (КНС) в Сирии. Поэтому сразу следует оговориться, что такая политическая система не всегда легитимна с точки зрения других политических сил и этнических групп региона — особенно это касается районов, населенных арабами в южных частях самопровозглашенной автономии.

Имплементируемый здесь демократический конфедерализм гораздо более гибок даже в сравнении с консоциональными демократиями, что важно для изучения влияния такой корреляции на способность зарождающейся политической системы этого (анти)государства разрешать разногласия и конфликты, связанные с этнолингвистическим и идеологическим плюрализмом. Согласно принятой в декабре 2016 г. временной конституции тогдашней Демократической Федерации Северной Сирии («Общественного договора»), она строилась на принципах демократи-

¹ При этом курдские дети Рожавы обучаются по своим курдским учебникам и имеют право выбора: обучаться по программе государства или местной автономии.

ческого социализма, либертарного муниципализма, прямой демократии, анархизма и гендерного равенства¹.

Подобная инклюзивность оставляет возможность для формирования новых политических структур Сирии с учетом интересов всех национальных, конфессиональных и политических групп, пусть даже и со взаимомисключающими политическими повестками.

Сирийский Курдистан (Рожава, ААСВС), как политический феномен, в момент своего создания в 2012 г. в виде трех кантонов имел выраженные черты повстанческого государства, чей мобилизационный потенциал хоть и был сформирован за счет оппозиции баасистам у власти в Дамаске, но в полной мере проявился в борьбе с распространением ИГИЛ, что привело к появлению некоторых атрибутов суверенного государства, таких как контроль над территорией и населением, наличие сети собственных опорных баз и административных единиц, а также силовой поддержки в лице армии (YPG) и сил безопасности («Асаиш»). Если следовать определению отечественного исследователя Р. Ф. Туровского, то они характеризуются им как территории, контролируемые вооруженными противниками правящего режима². При этом курдские силы самообороны (YPG) и аффилированные с ними политические организации на момент написания книги не рассматривали себя в качестве таковых по отношению к официальному Дамаску. Скорее, для местных сил самообороны (YPG), по крайней мере с 2015 г., когда в результате теракта в Суруче было прекращено перемирие между ПРК и турецкой армией, рассматривалась именно Турция, и в отношении Турции Рожава воспринималась «повстанческим государством», по крайней мере, до тех пор, пока в нем сохраняет основной контроль Партия Демократического Союза (ПДС), сателлит ПРК. Характеристика ПДС как идейного сателлита ПРК здесь вполне уместна: с 2004 г. в Сирийском Курдистане происходила перегруппировка сил, когда из числа активных кадровых членов ПРК возникли новые курдские организации под новым названием, имевшие уже сирийскую территориальную принадлежность. Это позволило им уйти от определения террористических организаций, как это определено Адаанским соглашением 1998 г., подписанным между Турцией и Сирией.

¹ См. Приложение 2.

² Туровский Р. Ф. Политическая география. М. – Смоленск: Изд-во СГУ, 1999. С. 34.

Однако насколько утопична при этом сложившаяся на северо-востоке Сирии социальная утопия? Если же согласиться с мнением Г. Стенсфилда, что соседний с Рожавой Регион Курдистан в Ираке является по сути своей аналогичным повстанческим государством¹, парадоксальным образом эта ситуация реализуется сейчас на сирийско-иракской границе, где существовавшие издавна патронажно-клиентские связи (в основном по линии ПРК — ПСК, а также при участии США и, возможно, согласия Иракского правительства) позволяли нивелировать де-факто блокаду ААСВС, осуществляемую вопреки результатам голосования в СБ ООН в декабре 2019 г. Основными погранпереходами на август 2021 г. между сирийской и иракской частями Курдистана были официальный переход Семалка в провинции Хасеке и неофициальный (Умм Джарес) в езидском районе Синжара Ирака, являющемся спорной территорией между правительством в Багдаде и Регионом Курдистан в Ираке. При этом официальный пограничный переход Ярубийя на август 2021 г. был закрыт для гражданского использования и контролировался США².

Ориентация на опыт автономизации Иракского Курдистана как аналогичного повстанческого государства (возникшего в результате восстания Барзани 1963–1971 гг. и оформившегося де-юре как автономия в 2003 г., за два года до принятия общей иракской конституции) в Рожаве тоже имеет место. Поляризация именно ИК, как центра притяжения для националистических чаяний курдов, сформировалась в том числе и в результате того, что, как отмечала в своей работе американский исследователь Д. Натали, «процесс деколонизации второй половины XX в. расширил понятия самоопределения, включив в него уже не только непризнанные государства, но и национально-освободительные, а также повстанческие и инсургентские движения»³.

После проведения непризнанного референдума о независимости Иракского Курдистана в сентябре 2017 г. отношения с центральным правительством в Багдаде приобрели здесь затяжной кризисный характер.

¹ *Stansfield G.* The evolution of the political system of the Kurdistan region of Iraq // *Between State and Non-State: Politics and Society in Kurdistan-Iraq and Palestine*. 2017. P. 61–76.

² *Матвеев И. В.* Политэкономия Сирии в конфликте: в 2 т. Т. 2: Трудный путь к восстановлению. С. 145.

³ *Natali D.* The Kurds and The State: Evolving National Identity in Iraq, Turkey and Iran. Syracuse University Press, 2005. P. 112.

Разразившийся миграционный кризис, во многом спровоцированный бегством на территорию ИК начиная с 2011 г. около 700 тыс. сирийских беженцев, в том числе и курдов, и 1,5 млн внутренне перемещённых лиц (ВПЛ) из Ирака, привел к тому, что население, беженцы и ВПЛ стали «голосовать ногами» (покидая место жительства), показывая меру эффективности экономической и социальной политики регионального правительства. Так, в ноябре 2021 г. около 8000 нелегальных мигрантов из ИК оказались на границе Беларуси и Польши, стремясь попасть в ЕС. Очевидно, что автономный регион сталкивается с рядом проблем, которые стимулируют нелегальную миграцию. То же самое актуально сейчас и для Сирийского Курдистана: сказывается демографическое давление, связанное с наплывом в ИК беженцев из Сирии и ВПЛ из Ирака, экономические и внутривластные проблемы, связанные с межпартийной борьбой за власть, ограничением свободы слова.

Сохраняя определённый баланс в отношениях с центральным правительством САР, учитывая исторический бэкграунд, описанный выше, самопровозглашенная автономия продолжает существовать вот уже на протяжении более десяти лет, поддерживаемая в том числе и за счет трансграничной торговли с Иракским Курдистаном. Более точным здесь может стать термин «параллельной государственности» Сирии, что, по сути, означает превращение Сирии в конгломератно-сложное общество. По мнению некоторых отечественных исследователей, ААСВС на момент написания книги относится к безгосударственной зоне или территории, не контролируемой официальным правительством¹. Между тем постепенное увеличение присутствия центральной власти Сирии в Рожаве с момента начала турецкой интервенции против ААСВС также имеет место быть. Судьба ААСВС уже перманентно висит на волоске ввиду особых аппетитов Турции, чьи завуалированные претензии на северные сирийские территории дают о себе знать на протяжении истории еще с тех времен, когда здесь не существовало никаких апочистов, что будет подробнее рассмотрено в следующей главе.

¹ Колосов В. А., Себенцов А. Б., Туров Н. Л. Указ. соч. С. 27.

Глава 5

ПОЛИТИКА ТУРЦИИ В ОТНОШЕНИИ СИРИЙСКИХ КУРДОВ

5.1. Политика Турции в отношении северной Сирии в период французского мандата (1921–1946 гг.)

Позиция и внешняя политика Турции в отношении сирийских курдов и в целом северной Сирии определяется комплексом сложных взаимоотношений между двумя странами (можно утверждать, сложным клубком взаимоотношений Турции и Сирии с момента возникновения у них общих границ). Во-первых, эта граница прошла по местам проживания одного и того же народа — курдов, говорящих на одном языке — курманджи. В наши дни на момент написания данной главы на севере Сирии присутствует протогосударственное образование, именуемое как Автономная администрация северной и восточной Сирии (ААСВС), находящееся под сильным влиянием идеологии апочизма, признанной в Турции террористической. По мнению О. Мазур, государственная философия Турции опирается на идеи сильного национального централизованного государства. Любая идея автономии вынудит Турцию значительно изменить свою национальную идею. Поэтому Анкара будет препятствовать любым попыткам сирийских курдов организовать автономию на севере Сирии¹.

¹ Мазур О. А. Указ. соч. С. 101.

При этом многие исследователи справедливо отмечают, что в рамках изучения данных проблем остается интерес к последствиям соглашения Сайкса — Пико, а турецкие правящие круги и эксперты вновь и вновь пытаются определить сферу национальных интересов за пределами зачастую искусственных и нерациональных послевоенных административных границ¹.

Что касается факторов, оказывавших на протяжении долгого периода негативное влияние на характер турецко-сирийских отношений, то сюда можно отнести территориальный вопрос, связанный с провинцией Хатай (Александретта; т. н. «Государство Хатай», аннексировано Турцией в 1939 г. по договоренности с Францией как державой-мандатарием в отношении Сирии), а также проблему водоснабжения реки Евфрат, имеющую критическое значение для сельского хозяйства Сирии после строительства плотин на реке на территории Турции в 1970–1990-е годы.

Особенность возникновения турецко-сирийской границы заключается в том, что она явилась результатом военных действий, будучи линией фронта между войсками Османской империи и Франции, как участника Антанты, в самом конце Первой мировой войны, на момент подписания Мудросского перемирия 30 октября 1918 г. Как уже отмечалось, она проходила по месту проживания одного народа, одних и тех же курдских племен.

При этом с момента официального возникновения границы (1921 г.) контрабанда и трансграничные племенные набеги стали предметом постоянных споров между соседними странами, а по сути — между Турцией и Францией, как государством-мандатарием. Государственные органы обеих стран были крайне обеспокоены трансграничными потоками информации, такой как новости, пропаганда, а также агентов влияния, подрывающих суверенитет государства над этими территориями. Как пишет М.С. Лазарев, с самого своего возникновения курдский вопрос в Сирии осложнялся прямым и косвенным вмешательством Турции, которое осуществляли как сами курды, так и турецкие (кемалистские) власти, чему способствовала французская интервенция 1919–1921 гг. Дело в том, что разноплеменное население региона, состоявшего из курдов, турок и арабов, привыкло считать свой регион единым

¹ Наумкин В. В., Барановский В. Г. Ближний Восток в меняющемся глобальном контексте: колл. моногр. М.: ИВ РАН, 2018. С. 399.

целым и нимало не считалось с турецко-сирийской границей¹. Некоторые из курдских вождей боролись как с турками, так и с французами. В августе 1923 г. в северной Сирии насчитывалось до 2 тыс. курдских повстанцев².

Жители сирийского приграничья часто оказывались в центре влияния различных интересов, связанных с региональными и международными конфликтами, а в период возникновения беспорядков правительства стали воспринимать приграничные зоны как свою ахиллесову пяту. По мнению Й. Теджеля, вывод о том, что турецко-сирийская граница была окончательно «закреплена» в течение 1920–1930-х годов после подписания Анкарских соглашений 1921 г., был бы неверным³. Хотя турецко-сирийская граница стала юридически зафиксированной, это отнюдь не означало, что незаконные схемы её пересечения не начинали принимать новые формы. В этом смысле трансграничное взаимодействие — это непрерывный процесс, который включает в себя сложное взаимодействие локального, регионального и глобального контекстов, что видно наглядно на примере де-факто оккупированных Турцией на момент написания книги сирийских территорий на севере страны (Африн и четырехугольник Эт-Телль-эль-Абьяд — Айн-Исса или сектор RAATA) в результате трех турецких военных операций: «Щит Евфрата» (август 2016 — март 2017 гг.) «Оливковая ветвь» (2018) и «Источник мира» (2019) (см. рис. 5).

Пограничные районы не только отражают сдвиги в политике и экономике, но и становятся местом динамичного преломления процессов, происходящих в приграничье, предоставляют аналитические возможности для наблюдения за маятником социально-политической и экономической напряженности в данном регионе, а также предлагают многоуровневую стратегию принятия решений на фоне тех глобальных структурных сдвигов, которые трансформируют межгосударственные отношения и влияют на то, как государственные акторы «торгуются» с местными элитами с целью обеспечения баланса интересов различных групп. С этой точки зрения приграничные районы между Турцией и Сирией после Первой мировой войны стали частью более широкой перестройки

¹ Лазарев М. С. Империализм и курдский вопрос (1917–1923). М.: Наука, 1989. С. 233.

² Там же.

³ Tejel J. States of Rumors: Politics of Information Along the Turkish-Syrian Border, 1925–1945 // Journal of Borderlands Studies. 2022. Vol. 37. No. 1. P. 95–113.

мирового политического порядка, когда возникшая на основе Анкарского соглашения 1921 г. турецко-сирийская граница в том числе официально положила конец османскому государственному устройству на Ближнем Востоке, введя принцип национального суверенитета, предусмотренный Парижской конференцией и системой мирового послевоенного устройства (1919).

Что касается принципов формирования южных границ нового турецкого государства, то Мустафа Кемаль составил её, опираясь на собственный опыт, полученный во время пребывания в период военных действий как раз на территории Сирии. По его мнению, граница должна была проходить от южной оконечности Александретты через район Антакьи до Алеппо и станции Катма, современный Аазаз; оттуда до моста через Евфрат в Джерабулус, затем сворачивала на юг вдоль Евфрата до города Дейр-эз-Зор, от которого поворачивала на восток до границы Ирана, включая города Мосул, Киркук, Сулейманию¹. Таким образом, мы видим, что согласно представлению Ататюрка в границы Турции должны были быть включены практически все территории современной ААСВС и Иракского Курдистана. Это было связано с тем, что на заре республики курды рассматривались как части одного неделимого государства.

Тяжелое положение французских войск в районе Антепа (Газиантепа), Мараша (Кахраманмараша) и Урфы заставило Францию пойти на переговоры с кемалистами и подписать Анкарский договор об установлении сирийской границы с Турцией. Несмотря на то, что население Антакьи и северных районов Алеппо оказывало сопротивление французской администрации, Мустафа Кемаль пошел на подписание этого договора.

Так, одной из специфических черт турецко-сирийской границы явилось то, что на территории Сирии оказалась гробница Сулеймана Шаха, долгое время считавшегося дедом Османа I, основателя Османской империи². Считается, что Сулейман Шах утонул в реке Евфрат на территории современной Сирии. В соответствии с Анкарским договором 1921 г., могила после распада Османской империи находится в собственности Турции. То есть, по сути, гробница являлась анклавом, хотя там никто не жил, а находились лишь турецкие военные. Гробница изначально была расположена у замка Джабер, но затем дважды переносилась:

¹ *Atatürk K. Nutuk*. С. 3. Ankara, 1987. S. 1186.

² Сулейман Шах (тур. Süleyman Şah) — с XV в. считался отцом Эртогула и дедом Османа I.

в 1973 г. после образования водохранилища Эль-Асад в Табке и в начале 2015 г. из-за боестолкновений в Сирии. Турция эвакуировала своих военнослужащих, защищавших гробницу, а также артефакты мавзолея через несколько дней после сообщения о том, что могила была осаждена боевиками исламского государства Ирака и Леванта (ИГИЛ) в 2015 г. Турецкое правительство заявило, что перенесение могилы является временным и не предполагает какого-либо изменения в состоянии или значении могилы Сулейман Шаха.

Несмотря на подобные прецеденты, принципы, на которых строилось формирование границ новых национальных государств, должны были отвечать трем характеристикам международной стабильности — в соответствии с принципом международного права, называемым Вестфальским суверенитетом. Он заключается в том, что власть должна принадлежать государству внутри его границ, что государства должны признавать друг друга равными и что государства не должны вмешиваться во внутренние дела других государств. Именно вестфальский принцип делает нелегитимными разного рода инсургентов, повстанцев и сепаратистов, в том числе действующих в интересах других государств, а государственные армии — легитимными.

Однако в нарушение принципов Вестфальского мира именно стремление Турции к свержению Башара Асада через 92 года после Парижского мира 1919 г. стало оправданием для вооружения и поддержки Турцией иностранных экстремистов, оппозиционеров против легитимных сирийских властей. Так, в октябре 2011 г. в Стамбуле был сформирован Сирийский национальный совет (СНС), целью которого ставилось отстранение Б. Асада от власти. Как пишет И. Иванова, «лидеры сирийской оппозиции призвали мировое сообщество признать совет единственным легитимным представителем сирийского народа. Фактически совет допускал возможность внешнего вооруженного вмешательства»¹. Аналогичное вмешательство Запада в дела бывшей Югославии, Афганистана, Ирака и Ливии также оправдывалось презумпцией того, что государственный суверенитет не дает права совершать зверства против собственного народа. Но эти так называемые «гуманитарные интервенции», которые Запад проводил с 1990-х годов, были применены

¹ Иванова И. И. Сирийский фактор в российско-турецких отношениях // Россия и Турция в новой мировой политической среде. М.: ИМИ МГИМО, 2015. С. 98.

и иными государствами и заменили вестфальские принципы национального суверенитета на примат отказа от прав ради представлений о демократизации и избавления народа от якобы ненавистной власти.

По сути, это подразумевало такое понимание «национальной безопасности» меньшинств (как этнических, так и религиозных), которое близко к тому, как оно изложено в Докладе о правах человека в рамках Программы развития Организации Объединенных Наций за 1994 г., где оно было определено как «гуманитарная безопасность», которая в большей степени ориентирована на людей, нежели на государство¹. В то время как курды в Ираке и Сирии исторически подвергались политике «арабизации» со стороны государственных акторов, курдская идентичность в Турции отрицалась и подвергалась ассимиляции вплоть до конца XX в. Таким образом, исторически безопасность курдов как безгосударственной этнической группы в основном означала бы, согласно этому документу, культурную, языковую и физическую безопасность от репрессивной и ассимиляционной политики государственных акторов.

В упомянутом докладе ООН 1994 г. (ставшем в свое время очевидной попыткой остановить геноцид в Руанде) было введено понятие «гуманитарная безопасность» и заявлено, что традиционное понимание безопасности слишком долго было ориентировано только лишь на государство и игнорировало такие угрозы, как голод, болезни, репрессии и ухудшение состояния окружающей среды, от которых страдают многие люди, чувствуя себя неуверенно в современном мире. В то время как природа таких угроз стала транснациональной и неподконтрольной конкретному государству, традиционно ориентированное на государственность понимание безопасности с точки зрения «территориальной целостности» и «национального единства» было растворено по мере того, как многие негосударственные субъекты бросили вызов формам и содержанию «национального» государствообразующего примата.

Этот феномен был отчётливо виден на примере Югославии, Ливии, Украины, а также Ирака, где курдская автономия со своей собственной армией и силами безопасности мирным путем пытается добиться независимости от Багдада, что подтверждает никем не признанный в мире референдум о независимости 25 сентября 2017 г.

¹ Human Development Report. N. Y.– Oxford.: Oxford University Press, 1994. URL: <https://hdr.undp.org/system/files/documents/hdr1994encompletenostatspdf.pdf>

Более того, в 2005 г. членами ООН на Международном саммите по предотвращению геноцида, военных преступлений, этнических чисток и преступлений против человечности было принято международное обязательство, известное как R2P (“Responsibility to Protect”), «которое основывается на понимании того, что суверенитет предполагает ответственность за защиту населения от массовых преступлений. Соответственно, если эти нормы игнорируются, то суверенитет государства и легитимность правителей теряют свою силу»¹. На этом принципе во многом основывается, например, стремление Турции не признавать легитимным лидером президента Башара Асада после 2011 г.

Между тем стремление использовать курдский фактор в интересах формирующихся новых государств на Ближнем Востоке было заметно ещё сто лет назад. Здесь можно обратиться к свидетельствам вековой давности, исходящим от Полномочного представителя СССР в Турции С. И. Аралова о взглядах Мустафы Кемалья на курдский вопрос. «Цель наша, — говорил Кемаль, — создать национальную Турцию в рамках территории, населенной турками... Курдский вопрос запутанный и трудный. Курдистан богат нефтью и другими ископаемыми. На Курдистан зарятся многие, прежде всего — Англия, наш первый враг. Англия пользуется тем, что курды принадлежат двум государствам — Турции и Персии — и играет на этом. Англичане исстари подкупают курдских вождей. Теперь курдские вожди разделились: одни тянутся к Ирану, другие — к Англии, третьи — к нам»². Как справедливо отмечал М. С. Лазарев, бросается в глаза то, что для Кемалья существовал только международный аспект курдской проблемы, а её внутритурецкое (этнополитическое, т. е. внутритурецкое) содержание он выносит за скобки и сознательно игнорирует³. Фактически, он признавал наличие только двух «Курдистанов»: турецкого и иранского, при этом очевидно рассматривал Мосульский вилайет частью Турции, как и сирийский Курдистан, который уже к тому времени оказался на территории подмандатной Сирии согласно установленной в 1921 г. турец-

¹ Звягельская И. Д. Суверенитет и государственность на Ближнем Востоке — невыносимая хрупкость бытия // *Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право*. 2017. Т. 2. № 10. С. 91.

² Аралов С. И. Воспоминания советского дипломата. 1922–1923. М.: Изд-во ИМО, 1960. С. 109–120.

³ Лазарев М. С. Указ. соч. С. 229–230.

ко-сирийской границы. При этом курдский вопрос становился главным узлом в борьбе кемалистской Турции с английской политикой захвата северной Месопотамии¹, а сирийские курды, находившиеся под мандатом Франции, отходили в этой связи для интересов Турции на второй план.

Тем не менее вопрос государственных границ Сирии и Турции горячо оспаривался и обсуждался на протяжении 1920-х и 1930-х годов — спустя много лет после официальных соглашений в Анкаре в 1921 г., которые легитимизировали границу на бумаге. Сразу же после своего возникновения турецко-сирийская граница стала камнем преткновения в вопросах юрисдикции французского колониального мандата и сферы влияния кемалистской Турции. Однако вплоть до конца 1920-х годов граница оставалась в значительной степени прозрачной, характеризовавшейся эпизодическими грабежами и постоянной контрабандой товаров, торговля которыми находилась под государственной монополией². Статус мандатного государства давал Сирии доступ к французским товарам, которые пользовались спросом и в Турции. Анкара при этом стремилась подорвать экономические связи между южной Турцией и северной Сирией и делала попытки интегрировать свои южные провинции в свою национальную экономику³.

Так, в 1921 г. появились слухи, что турки хотят создать некое «трансиракское государство» с включением всего Южного и части Западного Курдистана (сирийской Джазиры). Однако кандидатура предложенного Турцией главы такого государства Сиди Ахмеда аш-Шерифа ас-Сенуси, представителя династии Сенусидов из Ливии, возглавившей антиколониальную борьбу против итальянцев, не нашла поддержки у местных жителей⁴.

По мере того как в 1930-е годы Великая депрессия постепенно приводила к обострению экономической конкуренции во всем мире, некогда прозрачные границы, которые до этого позволяли вести достаточно свободный экономический обмен и торговлю, стали более

¹ *Лахути А.* Курды и Курдистан. М.: Новый Восток, 1923. Кн. 4. С. 58.

² *Tejel J.* States of Rumors: Politics of Information Along the Turkish-Syrian Border, 1925–1945 // *Journal of Borderlands Studies*. 2022. Vol. 37. No. 1. P. 102.

³ *Sunar İ.* State and Society in the Politic of Turkey's Development. Ankara, 1974. P. 68.

⁴ *The Near East*. 20.09.1923. No. 645. P. 299.

восприимчивы к притоку товаров, на которые увеличивался спрос из-за ужесточающихся пограничных правил. Испытывая нехватку денег из-за сужения мировых и внутренних рынков, государства по всему миру стали ещё более осторожными в отношении характера пограничных операций прозрачности границ, в том числе и с целью суверенизации своей экономики¹. Введение тарифов, квот и других инструментов протекционизма для регулирования трансграничных сделок переопределило положение государств в быстро меняющемся экономическом и политическом порядке, и приграничье стало местом этой борьбы интересов.

Несмотря на укрепление сотрудничества между Сирией времен французского мандата и Турцией, факторы напряженности никуда не исчезали, а наоборот, актуализировались. В период между 1925 и 1933 гг. «головную боль» Анкаре доставляло расселение курдского и армянского населения из Турции вдоль границы, что рассматривалось как потенциальная угроза национальной безопасности Турции². При этом большинство изгнанных противников правительства Анкары обосновались в Леванте (Восточном Средиземноморье), где продолжали лоббирование своих интересов против Турецкой Республики. Это позволило губернатору Диярбакыра Абидину Озмену в 1936 г. считать, что в «подбрюшьи» Турции создается курдско-армянское государство, которое стремится распространить контроль «не только на сирийскую Джазиру, но и на территорию Турции»³.

Наконец, турецкая критика также была направлена на контрабанду на границе, которая, по мнению турецких властей, находилась в руках коалиции армянских и курдских трансграничных сетей и предпринимателей при соучастии мандатной власти Франции.

В свою очередь, французская политика невмешательства была также тесно завязана на динамику на турецко-сирийской границе. С момента создания Турецкой Республики Франция настоятельно просила Анкару открыть свой рынок для товаров, произведенных или находящихся в обращении в Сирии, через сирийскую территорию в Турцию. При этом Турция стремилась создать свою национальную экономику путем

¹ Kongar E. Toplumsal Değişme kuramları ve Türkiye Gerçeği. İstanbul: Bilgi Yayınları, 1979. S. 387–389.

² Altuğ S., White B. T. Borders and State Power: The Turkish-Syrian Border in the 1920s and 1930s // Vingtième Siècle. Revue d'histoire. 2009. Vol. 103. Iss. 3. P. 91–104.

³ Şimşir B. Op. cit. S. 81.

введения высоких тарифов на импортные товары, а Франция закрывала глаза на контрабанду своих товаров из Сирии. На этом фоне французский верховный комиссар в Леванте был обеспокоен настойчивыми слухами и заявлениями, опубликованными в турецкой прессе, относительно «естественного права» Турции «вернуть» свои «потерянные» провинции в Северной Сирии¹.

В декабре 1925 г., когда Лига Наций готовилась опубликовать решение по делу территориальной принадлежности Мосульского вилайета, американское консульство в Алеппо сообщило, что «турки распространяют в Урфе и Антепе сообщения о том, что французы собираются покинуть Сирию и что сейчас для них благоприятное время для оккупации северной части [Сирии]»². Довольно сложно предположить, чтобы Турция тогда была готова ввязываться в новую войну, но такие слухи способствовали созданию постоянной напряженности. Неудивительно, что французские, британские и американские официальные лица и дипломаты периодически обсуждали возможность того, что новая Турция бросит вызов послевоенному порядку в регионе. Между тем для кемалистов борьба именно за Иракский Курдистан (Мосульский вилайет) имела принципиальное и приоритетное значение. При этом наряду с кампаниями в прессе именно слухи стали грозными инструментами дипломатического давления на французские интересы и косвенно оказывали влияние на формирование турецко-французских отношений в межвоенные годы.

К лету 1923 г. на турецко-сирийской границе возрастала напряженность, причиной которой были непрестанные волнения курдских племен. М. С. Лазарев считает, что именно к этому времени относится возникновение курдского вопроса в Сирии, ставшей подмандатным государством Франции³. Следует признать, что присутствие армянских и курдских поселенцев вдоль границы было яблоком раздора ещё с 1920-х годов, и Анкара охотно использовала фактор их присутствия, чтобы иметь право голоса в сирийских делах. Так, А. Тойнби из бесед с Хюсейном Орбаем, премьером «новой Турции», в 1922 г. вынес впечатление, что

¹ *Tejel J.* States of Rumors: Politics of Information Along the Turkish-Syrian Border, 1925–1945. P. 106.

² *Ibid.* P. 107.

³ *Лазарев М. С.* Указ. соч. С. 232–233.

преобладающий мотив, стоящий за турецким требованием возвращения Мосульского вилайета, не экономический или стратегический, а исключительно политический, и он целиком связан с курдами, ибо турки хотят ассимилировать курдов в своем политическом организме»¹. Тойнби убедился, что кемалисты мечтают об объединении всего Курдистана под турецкой эгидой, ибо в разделенности Курдистана видят источник постоянной угрозы для Турции².

В начале 1930-х годов проект создания сирийского санджака в Верхней Джазире породил слухи о том, что Франция поддерживает создание армянской автономной области в этом районе, которые распространялись в турецкой прессе, подпитывая новую волну кампаний против Франции с требованием изменения общей границы по соображениям безопасности. Впоследствии Турция обратилась к мандатным властям с просьбой удалить тысячи армян из приграничной зоны, включая район Александретта и верхнюю Джазиру. Хотя сначала французские власти сопротивлялись турецкому давлению, различные армянские семьи, обвиненные в причастности к контрабанде, были насильственно переселены вглубь страны французами. Хотя выселение армян было sporadическим и выборочным, французские официальные лица признали, что, учитывая серьезность турецких обвинений, выдвинутых прессой, мандатные власти должны были убедить армян отказаться от контрабанды и, что более важно, Франция должна была заключить торговое соглашение с Турцией, которое удовлетворило бы обе стороны³.

До начала Второй мировой войны призрак турецкой аннексии северной Сирии постоянно витал над этим регионом. В начале 1925 г., например, британское консульство предупредило, что Алеппо страдает от «необычайно сильных приступов периодической паники, будто бы французы собираются немедленно эвакуироваться из северной Сирии»⁴. Аналогичным образом в 1926 г. французская пресса писала о том, что курды, у которых есть магазины, закрыли их и вывезли товары вглубь Сирии. Наконец, «многие армянские семьи бежали и прибыли

¹ Цит. по: Лазарев. М. С. Указ. соч. С. 229.

² *Toynbee A. Angora and the British Empire in the East. The Contemporary review* 1923. No. 690. P. 686.

³ *Tejel J. Op. cit.* P. 109.

⁴ *Ibid.*

в Джараблус». Несколько лет спустя Франция из-за турецкого давления все же удалила некоторых армянских контрабандистов из приграничной зоны, однако слухи о широкомасштабной, хотя и не подтвержденной фактами кампании против армян в Сирии со стороны Турции и возможности военного вторжения привели к тому, что различные армянские семьи добровольно покинули этот район и искали убежища на юге страны¹.

Турция в конце 1920-х годов не рассматривала фактор курдского присутствия на территории Сирии как угрозу своей безопасности. В своем выступлении перед Великим национальным собранием Турции премьер-министр Исмет Паша (Иненю) в 1929 г. отмечал, что в Сирии находятся именно религиозные группы, враждебные Сирии, появление которых на территории Турции приведет к тому, что «исламисты снова поднимут свой флаг в наших городах»². Между тем угроза «курдизма», исходившая с севера Сирии, уже в 1936 г. вынуждала губернатора провинции Диярбакыр признавать, в связи с восстанием в Дерсима, что «курдские движения больше контактируют с пропагандистами за пределами Дерсима, чем со своими собственными силами. Их возникновение необходимо ожидать в местах, близких к границам, где пропаганда утверждает существование таких отдельных народов, как армяне, ассирийцы, сирийки, при этом за их спинами стоят другие государства»³. Губернатор Диярбакыра продолжает: «Курдизм в Сирии развивался по инициативе братьев Бедирханов, при поддержке французских ученых, которые составили для курдов алфавит и переняли турецкие буквы. С одной стороны, это изобретение, которое считается полезным для нас, преследовало цель ведения пропаганды курдского национализма среди курдов, проживающих в Турции»⁴.

На этом фоне изменение международного контекста для северной Сирии как в Европе, так и в Средиземноморье было связано с приходом фашистов к власти в Италии. В то время как Италия и Турция поддерживали дружеские отношения между 1928 и 1932 гг., в 1933 г. Бенито Муссолини стал активно требовать пересмотра послевоенного порядка

¹ Цит. по: Tejel J. Op. cit. P. 111.

² İsmet İnönü'nün TBMM'deki Konuşmaları. 1920–1973. Ankara. 1992. C. 1. S. 300.

³ Цит. по: Şimşir B. Op. cit. S. 81–83.

⁴ Ibid.

в Средиземноморье серией дипломатических демаршей¹. На Балканах также зрел территориальный ревизионизм, который в первую очередь исходил от Болгарии. Турция подписала Балканскую Антанту в феврале 1934 г. вместе с Грецией, Румынией и Югославией, целью которой было создание единого фронта против возможной итальянской и (или) болгарской агрессии на Балканах. Вторжение в Абиссинию в октябре 1935 г. подтвердило опасения Турции по поводу итальянского ревизионизма в восточном Средиземноморье. В Леванте это означало, что Александретта и её порт могли стать главными воротами для итальянской экспансии на север Сирии и регион в целом.

Итальянский и болгарский ревизионизм был встречен пробуждением турецкого ирредентизма в отношении северных сирийских территорий после подписания франко-сирийского договора 1936 г., который предусматривал полную независимость Сирии. Хотя Франция в конечном итоге не ратифицировала договор, Турция выразила несогласие с его условиями.

За год до его подписания, выступая в 1935 г. перед Великим национальным собранием Турции, премьер Иненю заявил, что «невозможно не замечать, что политика Франции на турецко-сирийской границе носит характер откровенного противостояния с нами»². Кроме того, Турция увидела в неясностях, оставленных соглашением о будущем статусе Александретты, возможность не только вернуть себе бывшую османскую провинцию на основе её этнического характера, но и защитить турецкие интересы перед лицом итальянской угрозы. В декабре 1937 г. Мустафа Кемаль обратился к Великому национальному собранию в Анкаре, подчеркнув важность Александретты для Турецкой Республики³. Пресса внутри Турции, как и собственная тюркоязычная пресса санджака, вместе с местными комитетами развернули серию кампаний в пользу присоединения этой территории к Турции на основе спешно проведенного референдума в границах переходного политического образования, формально

¹ Штейн Б. Внешняя политика Муссолини // Исторический журнал. 1943. № 8–9. С. 41–49.

² İsmet İnönü'nün TBMM'deki Konuşmaları. 1920–1973. S. 432.

³ Atatürk'un TBMM 5.Donem 3. Yasama yılının açış konuşması. Millet Meclisi Tutanak Dergisi. D. V, C. 20, Sa. 3. 01.11.1937. URL: https://www.tbmm.gov.tr/tarihce/ataturk_konusma/5d3yy.htm (дата обращения: 01.06.2022).

существовавшего с 7 сентября 1938 г. по 29 июня 1939 г. под названием Государство Хатай¹. Франция при этом согласилась на передачу Турции Хатая (Искендеруна) в июне 1939 г., стремясь заручиться нейтралитетом Турции незадолго до начала Второй мировой войны, когда международная обстановка после аншлюса нацистской Германией Австрии и заключения Мюнхенского соглашения (Мюнхенского сговора) продолжала накаляться.

В июне 1941 г. Великобритания при поддержке «Свободной Франции» генерала де Голля оккупировала Сирию в рамках Сирийско-ливанской операции с целью противодействия экспансионистским планам фашистской Германии.

К концу 1941 г. турецкое правительство попросило Великобританию исправить сирийско-турецкую границу в обмен на обещание более тесного политического и военного сотрудничества с британцами, включая строительство железной дороги, связывающей Турцию с Ираком, что было сочтено правительством Иненю необходимым, чтобы лучше защитить Турцию в случае немецкого вторжения. Хотя британцы отвергли турецкие претензии на территории северной Сирии, это не сняло напряженности на границе. Например, временное закрытие турецко-сирийской границы британцами летом 1943 г. могло быть попыткой заставить Турцию разорвать дипломатические отношения с вишистской Францией. По сообщениям французской разведки, «все деревни, расположенные на полосе земли в 40–50 км к северу от железной дороги, были эвакуированы военными властями». Растущее напряжение между 1936 и 1945 гг. вдоль границы вызвало состояние паники и паранойи, особенно среди французов². Мандатные власти считали, что пограничный режим, сложившийся вдоль турецко-сирийской границы с 1929 г., всегда работал в пользу турецких интересов по ряду причин. Турецкая администрация была более этнически и конфессионально однородной. В Сирии,

¹ Примечательно, что в состав Государства Хатай входил армянский «анклав» в Кассабском районе, который составлял его крайнюю южную часть. В 1939 г. Хатай был присоединён к Турецкой Республике, однако Кассаб присоединился к Сирии (в этом сыграли важную роль кардинал Григор Петрос Агаджанян и папский посланник в Сирии и Ливане), но большая часть земельных участков его жителей осталась в составе Турции. В 1946 г. Кассаб становится частью независимой Сирийской Арабской Республики. (URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/Кассаб>)

² *Tejel J.* Op. cit. P. 111.

наоборот, границу контролировали различные службы с различными патронажными связями. Тот факт, что эти службы зависели от разных властей — от Генеральной службы и таможни в Бейруте, сирийской жандармерии или главы мухафазы, — усугублял ситуацию, поскольку коммуникация между этими учреждениями была, мягко говоря, слабой. Размещение британских солдат в Леванте с целью защиты границ Сирии в период с 1941 по 1944 г. лишь усугубило ситуацию.

5.2. Период после обретения Сирией политической независимости (1946 г.) до начала внутреннего вооруженного конфликта (2011 г.)

Претензии Турции на северную Сирию отчётливо проявились во время Сирийского кризиса 1957 г. Кризис явился результатом формирования биполярного мира в период острой дипломатической конфронтации времён холодной войны, в которой участвовали Сирия и Советский Союз, с одной стороны, и Соединенные Штаты и их союзники, включая Турцию и страны Багдадского пакта, с другой.

Помимо прочего, это обострение было связано с приходом в Турции к власти в 1950 г. Демократической партии (ДП), оппозиционной по отношению к правившей на протяжении тридцати лет Народно-республиканской партии, созданной Ататюрком. ДП ориентировалась на крупных землевладельцев, а также на клерикальный электорат, среди которого было немало курдов. Взаимные политические разногласия, помимо проблемы Хатая, который Сирия не признавала территорией Турции, были осложнены возникновением палестинского вопроса, в котором Турция отказалась поддерживать сторону арабских националистов и признала созданный в 1948 г. Израиль. Особую роль сыграли крепнущие отношения Турции с западными странами. При этом Турция, которую арабские националисты считали историческим наследником Османской империи, рассматривалась в качестве таковой и со стороны курдских националистов, находившихся в Сирии, а коммунистические идеи при активной поддержке СССР находили здесь благодатную почву.

Так, к концу августа и в Вашингтоне, и в Лондоне были убеждены, что Сирия больше не входит в неприсоединившийся лагерь и что нужно

что-то делать, чтобы не допустить прихода к власти прокоммунистических режимов. В письме бывшему главе ЦРУ госсекретарю Аллену Даллесу от 28 августа премьер-министр Великобритании Гарольд Макмиллан охарактеризовал советского лидера Никиту Хрущева как «более опасного человека, чем Сталин», и далее подчеркнул важность принятия мер, чтобы «соседние с Сирией Ливан, Иордания и, в конечном итоге, Ирак не попали в советскую сферу влияния»¹.

2 сентября госсекретарь Даллес заявил на пресс-конференции в Вашингтоне, что все страны, граничащие с Сирией, придерживаются мнения, что Сирия станет коммунистическим государством, если ничего не будет сделано в течение следующих 60 дней. Это также последовало за серией важных дипломатических обменов между официальными лицами из разных стран, в ходе которых выяснилось, что Израиль готов к военным действиям, если другие соседние с Сирией страны не решат её «изолировать»². Однако наиболее активно именно Турция была готова прибегнуть к военным мерам, поскольку правительство Мендереса рассматривало приход к власти коммунистов как вопрос своей национальной безопасности, и в этом премьера поддерживал генералитет.

18 августа 1957 г. на фоне усилий США навязать арабским странам «доктрину Даллеса — Эйзенхауэра» сирийское правительство под председательством Шукри аль-Куатли назначило полковника Афифа аль-Бизри начальником штаба сирийской армии, который, как утверждали западные правительства, был сторонником СССР. Это побудило соседние Ирак, Иорданию и Ливан рассмотреть вопрос о поддержке арабского или западного военного вмешательства вплоть до свержения сирийского правительства. Турция активно откликнулась на это предложение, развернув свои войска вдоль сирийско-турецкой границы. Другим опасением Запада и союзников по НАТО было предполагаемое возникновение объединенного арабского государства в лице Египта и Сирии, что вызывало опасения не только в Израиле, но и в Турции. Никита Хрущев пригрозил, что запустит ракеты по Турции, если она нападет на Сирию, а Соединенные Штаты заявили, что могут атаковать Советский Союз в ответ на нападение на Турцию. Кризис закончился в конце октября,

¹ *Finer H.* Dulles over Suez. The theory and practice of his diplomacy. Chicago: Quadrangle Books, 1964. P. 138.

² *Anderson Ph.* “Summer Madness”: The Crisis in Syria, August–October 1957 // *British Journal of Middle Eastern Studies*. 1995. Vol. 22. No. 1/2. P. 33.

когда Турция согласилась прекратить операции на границе под давлением США и неожиданного визита Хрущева в посольство Турции в Москве¹.

Это можно рассматривать как провал доктрины Эйзенхауэра, в которой подчеркивалось, что Соединенные Штаты могут вмешаться от имени ближневосточного союзника для борьбы с «международным коммунизмом». Сирия ответила тем, что Дамаск привержен «позитивному нейтралитету» — внешнеполитической доктрине, в которой подчеркивается независимость от «патернализма» сверхдержав времен холодной войны². При этом поднимавшееся в Сирии левое прокоммунистическое движение как в лице арабов, так и курдов, наблюдая за отношениями между турецким правительством и поддерживаемыми Великобританией монархическими режимами в Египте, Ираке, Саудовской Аравии и Иордании, ещё больше ассоциировало Турцию с империализмом.

Турецкое правительство с тревогой смотрело на все эти события. Проправительственные газеты Турции писали, что Сирия стала «сателлитом» СССР, мало чем отличающимся от Польши или Венгрии. Это обеспечивало СССР «плацдарм» для поставки вооружения, боеприпасов, превращая Сирию в «трамплин» для коммунизма на Ближнем Востоке. Большее беспокойство вызывало то, что Сирия могла использоваться как средство дестабилизации Турции. Ещё в 1955 г. газета «Зафер» сообщила, что пятьдесят агентов советского влияния во главе с известным турецким коммунистом Арсланом Кумбараджи прибыли в Дамаск и что известный турецкий поэт и коммунист Назым Хикмет — или, как его назвала газета, «осужденный предатель» — посещает Бейрут³.

В период восстания Барзани в Ираке сирийские территории, населенные курдами, оставались объектом пристального внимания Анкары. Внутри Сирии курды рассматривались как инструмент влияния, используемый иными державами, особенно США Турцией и Израилем, для реализации своей политики в Сирии⁴.

Намного позже, в 1987 г., Турция попыталась нанести новый удар — дипломатический. После визита Тургута Озала в Сирию наметилось

¹ URL: http://community.worldheritage.org/articles/eng/Syrian_Crisis_of_1957 (дата обращения: 04.04.2022).

² Anderson Ph. Op. cit. P. 33.

³ Milliyet. 07.10.1998.

⁴ Вертяев К. В. Курдский вопрос в политике Турции (конец XX — начало XXI века). С. 71.

потепление отношений между двумя странами. Сирийское правительство подписало протокол, по которому обязывалось воспрепятствовать проникновению апочистов из Сирии в Турцию и закрыть принадлежащие им военные лагеря (Аданское соглашение, 1998 г.). Однако Дамаск, дабы избежать упреков Анкары, переместил лагеря в долину Бекаа в Ливане, находящуюся под сирийским контролем, и, действуя по принципу «и волки сыты, и овцы целы», юридически выполнил условия договора¹.

Следующей вехой турецко-сирийских отношений, также грозившей перерасти в вооруженное противостояние в связи с курдским вопросом, стал 1998 г. и требования Турции высылки лидера ПРК Абдуллы Оджалана из Сирии. Как уже отмечалось в предыдущих главах, в 1980-е и 1990-е годы Сирия покровительствовала курдским повстанцам из Ирака и Турции в лице ПСК, ДПК, ПРК. Сотрудничество и покровительство Сирией ПРК вызывало серьезную обеспокоенность Турции, поскольку вылазки апочистов на территорию Турции нередко совершались именно из Сирии².

Дамаск был обеспокоен строительством на Евфрате плотины Ататюрка, в которой правительство Асада-старшего видело угрозу водоснабжения реки на своей территории. Эта гигантская плотина, шестая по величине в мире, была почти завершена в 1992 г., несмотря на внутренние и внешние препятствия.

4 марта 1992 г. премьер-министр Сулейман Демирель лично предупредил сирийского посла в Анкаре о деятельности ПРК в ливанской долине Бекаа, которая находится под контролем Сирии, и о пребывании Оджалана в Дамаске. Примерно через месяц, 30 марта 1992 г., премьер-министр Демирель открыто обвинил Сирию в поддержке ПРК. Он сказал, что соседняя с Турцией Сирия поддерживает деятельность ПРК в Юго-Восточной Анатолии, но «нашему терпению есть предел»³.

13 апреля 1994 г. министр внутренних дел Нахит Ментеше посетил Дамаск с официальным визитом и показал своему сирийскому коллеге документы и фотографии, подтверждающие, что Абдулла Оджалан находился в Дамаске. Ментеше потребовал, чтобы Оджалан был экстрадирован в Турцию, как того требовали международные отношения,

¹ Там же.

² *Yayla A. Terrorism in Turkey. Ankara Üniversitesi Siyasal Bilgiler. Fakültesi Dergisi. Temmuz-Aralık 1989. C. XLIV. No. 3–4. S. 262.*

³ *Cumhuriyet Ansiklopedisi (CA). Cilt 4. Ankara, 2017. S. 1678.*

особенно двусторонние соседские отношения¹. Но Сирия не уступала и игнорировала это требование, утверждая, что Оджалана на территории Сирии нет². Турция направила ноту сирийскому правительству 23 января 1996 г. и официально потребовала экстрадиции Оджалана в Турцию.

Наконец, 16 сентября 1998 г. командующий сухопутными войсками Турции генерал Атилла Атеш, обращаясь к общественности в районе Рейханлы города Хатай, выступил с резкой речью в адрес Сирии: «Как турецкое государство, мы пытаемся установить хорошие отношения с нашими соседями. Несмотря на наши добрые намерения, некоторые из наших соседей, особенно такие соседи, как Сирия, неверно истолковывают их. Поддерживая бандита по имени Апо, принимая этого главу террористов из ПРК в Дамаске как гостя и давая его сторонникам возможность тренироваться в долине Бекаа, находящейся под контролем Сирии, пытаются ввергнуть Турцию в вакханалию терроризма»³.

По словам Р. Олсона, ещё одним фактором, побудившим Турцию поставить военное вмешательство в Сирию на первое место в повестке дня, стал тот факт, что курды из европейской диаспоры начали аккумулировать политическую власть под флагами ПРК, особенно в Европе⁴. Заседание курдского парламента в изгнании, претендующего на политическое представительство курдов в Турции, в здании итальянского парламента в Риме в сентябре 1998 г. и «Четвертое национальное собрание Курдистана», состоявшееся в Лондоне 11–12 октября, вызвали реакцию Анкары. Такая политическая деятельность, проводимая в Европе лицами и организациями, близкими к ПРК, сыграла важную роль в усилении давления на Турцию с целью решения курдского вопроса гражданскими и демократическими средствами со стороны Европейского Союза и его институтов. В этой среде, когда в Европе формировалось негативное отношение к Турции, турецкие гражданские и военные администраторы считали важным нанести военный удар по ПРК, чтобы предотвратить усиление политического

¹ *Şimşir B.* Op. cit. S. 665.

² *Aykan M. B.* The Turkish-Syrian Crisis of October 1998: A Turkish View // Middle East Policy. 1999. Vol. 6. No. 4. P. 176.

³ *Demirel E.* Geçmişten Günümüze PKK ve Ayaklanmalar. İstanbul. 2005. S. 611.

⁴ *Olson R.* Türkiye'nin Suriye, İsrail ve Rusya ile İlişkileri: 1979–2001. Orient yayınları, 2005. S. 12.

влияния организации. В этом контексте весьма затруднительным стало решение проблем с Сирией дипломатическим путем к октябрю 1998 г., что предоставило турецким властям важную возможность реализовать указанную идею на практике.

Можно сказать, что ещё одним фактором, сыгравшим роль в приближении возможного военного вторжения Турции в октябре 1998 г., стало сотрудничество между Турцией и Израилем, основы которого были заложены в 1996 г. и значительно продвинулись в 1998 г. Стратегическое партнерство Турции с Израилем в политической, экономической и особенно военной областях сильно беспокоило Сирию. Мирные переговоры между Израилем и Сирией, которые продолжались при поддержке Соединенных Штатов в течение 1995 и 1996 гг., позволяли Турции расценивать возможности войны против сирийского правительства как не самый разумный вариант¹. Однако неэффективность израильско-сирийских мирных переговоров и развитие турецкого сотрудничества с Израилем привели к более резкой реакции на поддержку, оказанную сирийским правительством деятельности ПРК осенью 1998 г., и вариант военной интервенции стал видиться приоритетным.

Ещё один фактор, проложивший путь к октябрьскому кризису 1998 г., связан с ростом курдского национализма в Ираке после первой войны в Персидском заливе («Буря в пустыне»). События, связанные с процессом огосударствления курдской идентичности в Ираке с 1990-х годов, усилили восприятие турецкой общественностью и правящими элитами угрозы относительно возможности создания независимого курдского государства. Восприятие Анкарой угроз усиления влияния ПРК в регионе в сочетании с её поддержкой со стороны администрации Асада заставило турецкую гражданскую и военную администрацию рассмотреть вариант нанесения удара по ПРК в Сирии.

Турция сосредоточила на сирийской границе до 10 тыс. военных, готовых начать интервенцию. В результате Сирия уступила: Оджалан был вынужден бежать из Сирии через Россию и Италию в Кению, где в феврале 1999 г. был схвачен турецкими спецслужбами.

¹ *Gökcan Ö. Türkiye Suriye İlişkilerinde Bir Kırılma Noktası: Ekim 1998 Krizi veya diğer bir ifade ile “ilan edilmemiş savaş” // Akademik İncelemeler Dergisi. 2018. C. 13 (1). S. 186–187.*

Как уже упоминалось, перед этим в Адане 20 октября 1998 г. главой Управления политической безопасности Сирии Аднаном Бадром аль-Хасаном и посланником МИДа Турции Угуром Зиялом был подписан Аданский протокол (иногда именуемый Аданским соглашением, меморандумом или консенсусом (Adana Mutabakati)). Соглашение предусматривало следующее: оба государства примут меры против угрожающих им террористических организаций и предотвратят любую их деятельность на своей территории. В этом контексте лидеру ПРК Абдулле Оджалану (который находится в заключении в Турции с 1999 г.) не будет позволено проживать в Сирии или въезжать в страну. Сирия не позволит поставлять оружие, материально-технические материалы, оказывать финансовую поддержку и поддерживать пропагандистскую деятельность ПРК на своей территории, а также не позволит элементам ПРК проникать на территорию Сирии из-за границы. ПРК будет запрещено действовать на сирийской территории. Сирия не позволит ПРК создавать на своей территории лагеря, образовательные или иные учреждения или вести коммерческую деятельность¹. В связи с этим некоторые члены ПРК были арестованы или задержаны, а их поименные списки переданы турецкой стороне. В соответствии с соглашением Сирия классифицировала ПРК как террористическую организацию и запретила всю её деятельность. Две страны взаимно согласились не допускать присутствия террористических организаций, их тренировки и обучения, логистики, поставок оружия, решили сотрудничать в области совместных антитеррористических операций, экстрадиции задержанных и обмена информацией, документами и разведывательными данными. В приложениях к Аданскому протоколу было отмечено, что пограничные споры между двумя странами прекращены сторонами. В этом контексте было подчеркнуто, что сторонам не разрешается претендовать на какие-либо права на территории друг друга. Несмотря на это, до сих пор Хатай изображается на всех сирийских картах как территория САР. Поступала информация, что в период потепления отношений между Сирией и Турцией в нулевые годы сирийская сторона приблизилась к тому, чтобы отка-

¹ Statement made by İsmail Cem, Foreign Minister, on the special security meeting held between Turkey and Syria October 20, 1998 (unofficial translation). URL: https://www.mfa.gov.tr/_p_statement-made-by-ismail-cem_-foreign-minister_-on-the-special-security-meeting-held-between-turkey-and-syria_br_october-20_-1998_br_unofficial-translation__p_.en.mfa (дата обращения: 02.12.2022).

заться от претензий на Хатай. Однако какие-либо подтвержденные факты этого отсутствуют¹.

В Аданском протоколе также указывалось, что, если Сирия пренебрежет своими обязательствами по соглашению и не примет необходимых мер по предотвращению деятельности террористов на своей территории, Турция будет иметь право провести военную операцию на глубине 5 км вглубь Сирии.

В результате ПРК, возглавляемая Абдуллой Оджаланом, была признана Сирией террористической организацией. В этом контексте Анкара считает, что Партию Демократического союза (ПДС), которую она рассматривает как продолжение ПРК, также следует считать террористической организацией, притом что ПДС на момент подписания Аданского протокола не существовало.

Почему подписанный в 1998 г. между Турцией и Сирией Аданский протокол так актуален сегодня? Именно Аданский протокол был самым важным вопросом на повестке дня во время встречи президента Турции Реджепа Тайипа Эрдогана и президента России Владимира Путина 23 января 2019 г. в Сочи. Оба лидера упомянули об этом документе во время совместной пресс-конференции. Путин подчеркнул тот факт, что 20-летнее соглашение между Анкарой и Дамаском по-прежнему имеет обязательную силу, а Эрдоган подчеркнул его важность и сказал, что оно будет присутствовать в политической повестке Турции. Это была первая встреча двух лидеров с момента объявления решения США о выводе своих войск из Сирии. Поэтому их переговоры уже были важны в вопросах безопасности северных территорий Сирии, откуда предполагалось вывести американские войска. Поднятие вопроса об Аданском соглашении сделало их ещё более важными. Аданский протокол был разработан, чтобы помочь восстановить двусторонние отношения между Турцией и Сирией. В конечном итоге он был заключен после того, как министр иностранных дел Ирана Кемаль Харрази и министр иностранных дел Египта Амр Мусса вмешались в качестве посредников от имени своих президентов. Некоторые описали это как турецко-сирийскую версию Кэмп-Дэвидского соглашения, подписанного Египтом и Израилем².

¹ *Bishku M. Turkish-Syrian Relations: A Checkered History // Middle East Policy. 2012. Vol. 18. No. 3. P. 47.*

² *Cengiz S. Why is the 1998 Adana pact between Turkey and Syria back in the news? 25.01.2019. URL: <https://www.arabnews.com/node/1441931> (дата обращения: 02.12.2022).*

Решение Сирии изгнать Оджалана и вести переговоры с Турцией было связано с её озабоченностью по поводу угрозы интервенции турецких вооруженных сил в 1998 г. Однако несколько лет спустя сирийский президент Башар Асад сказал в интервью, что «высылка Оджалана произошла не из-за страха», а из соображения, что для Сирии лучшим выбором будет «быть друзьями с народом Турции», а это является «несовместимым с поддержкой Сирии группировок курдов»¹.

С подписанием соглашения Сирия признала ПРК террористической организацией и обязалась не оказывать ей никакой поддержки — финансовой, материально-технической или военной. До 2011 г. это соглашение действовало далеко не в обоюдных интересах: Турция извлекала гораздо большую пользу из этого соглашения в борьбе с ПРК. Однако с 2003 г. в сирийском Курдистане происходила перегруппировка сил, формирование сателлитных курдских организаций ПРК, которые возникли под новым названием и имели сирийскую территориальную принадлежность (ПДС признают себя сирийской организацией, которая не имеет никаких территориальных претензий к Турции), что позволило им уйти из определения террористических организаций согласно Аданского протокола 1998 г. Значение Аданского протокола возросло с началом ВВК в Сирии и поддержкой Турцией вооруженной непримиримой оппозиции, в том числе и радикального исламистского толка.

5.3. Политика Турции в отношении сирийских курдов после 2011 г.

Вооруженный конфликт в Сирии начался после протестов 2011 г., последовавших за волной Арабской весны на Ближнем Востоке, и постепенно перерос в войну между различными повстанческими группировками и сирийским правительством. Курдские силы самообороны YPG сначала защищали курдские территории, а затем расширили свое влияние в трех кантонах: Джазире, Кобани и Африне на севере Сирии. В частности, в октябре 2014 г., когда «Исламское государство» (ИГИЛ) напало на курдский город Кобани (Айн-эль-Араб), ракетно-воздушная поддержка США помогла курдскому сопротивлению, и этот момент

¹ Ibid.

был первым случаем, когда экспансия ИГИЛ была остановлена боями на земле. Бойцы YPG стали всемирно известными фигурами как герои, сражающиеся против радикальных исламистских террористов.

Костяк YPG составляют последователи идей находящегося в заключении лидера ПРК Абдуллы Оджалана в отношении формирования демократической курдской автономии, и поэтому турецкое государство отказалось отличать YPG от ПРК, которая является террористической группой, признанной таковой и США. Однако США и другие страны, в том числе и Россия, отказываются признавать ПДС террористами, поскольку никаких терактов и акций террора за ними не наблюдалось, за исключением, пожалуй, их непримиримой оппозиции Демократической партии Курдистана и её сирийских сателлитов, в отношении которых имели место акции террора, давления и запугивания политических оппонентов на территории Рожавы. На тот период (2013–2015 гг.) для Турции сама идея о том, что ПРК и связанные с ней группы на севере Сирии станут международно-легитимными участниками борьбы с ИГИЛ, была пугающей и вызвала традиционное для Турции понимание своей национальной безопасности как «выживания государства». С другой стороны, ПРК рассматривала Рожаву как возможность экспериментировать и практиковать свое «идеальное общество». Таким образом, цена отказа от курдского мирного процесса не была высокой для ПРК, поскольку организация, которая запрещена в Турции, США, Швеции и ряде других стран, смогла создать новое жизненное пространство в Рожаве, уйдя от определений терроризма, характерного для ПРК, хотя их кадровый состав был практически идентичным. При этом лидер ПДС Салех Муслим до определенного периода поддерживал прямую связь с Анкарой, чтобы обсудить способы, с помощью которых группировка и Турция (по мнению канала «Аль-Джазира») создадут стратегический союз в Сирии против правительства Башара Асада¹. В частности, Муслим рассчитывал на поддержку Турцией сопротивления курдов экспансии ИГИЛ на севере Сирии². Турция словами премьера Ахмета Давутоглу настаивала на том, что «был очень четкий сигнал ПДС действовать вместе с ССА. Не позволять терроризму и режиму (Асада) главенствовать в северном поясе.

¹ PYD lideri Ankara'da. 04.10.2014. URL: <http://www.aljazeera.com.tr/haber/pyd-lder-ankarada> (дата обращения: 29.09.2022).

² Ibid.

Однако ПДС не присоединилась к сирийской оппозиции, продолжала сотрудничать с режимом и теперь расплачивается за свои ошибки»¹.

Оружие, поставляемое Турцией повстанцам в Сирии, как и сама поддержка вооруженной сирийской оппозиции, вступали в явное противоречие с духом Аданского консенсуса, что постепенно привело к тому, что правительство в Дамаске рассматривало если не повстанцев ПРК, то их политических сателлитов в лице ПДС как свою клиентуру, как это было во времена Хафеза Асада, однако это не означало, что ПДС разделяла эту точку зрения. Эрдоган активно требовал ухода Асада как условия к любому решению, направленному на прекращение ВВК в Сирии, и был разочарован тем, что антиасадовская позиция Вашингтона была изменена или даже смягчена вследствие подъема сопротивления группировке ИГИЛ, которое и США, и Россия считали наибольшей угрозой.

В сентябре 2013 г. приграничный с Турцией сирийский город Аазаз перешел в руки ИГИЛ, имеющего в тот период связи с Аль-Каидой, в результате чего начались столкновения между игиловцами и Свободной сирийской армией (ССА), активно поддерживаемой Турцией. В сущности, ССА была создана для борьбы с властями САР и ставила целью собрать в своих рядах различных «борцов с режимом», независимо от их конфессиональной или этнической идентичности. Как пишет И. Иванова, «вскоре стало очевидным, что группы, связанные с Аль-Каидой, начали действовать самостоятельно и имеют свои собственные цели. И ситуация складывается таким образом, что, с одной стороны, продолжались столкновения между ССА и армией Асада, а с другой — между исламистами и сирийскими курдами, а также между ССА и исламистами»².

На этом фоне, как представляется, разведка Турции недооценила степень автономизации кантонов Рожавы в 2012 г., а начатый по «тюремной инициативе» Оджалана в 2013 г. процесс перемирия повстанцев с турецкой армией, как и начало нового политического диалога, инициированного легальной курдской оппозицией в Турции, сулило перемены в курдском вопросе как в Турции, так и в Сирии. При этом Анкара выступала против автономизации Рожавы: министр иностранных дел Турции Ахмет Давутоглу заявил, что «автономия не может провозглашаться в односто-

¹ Ibid.

² Иванова И. И. Сирийский фактор в российско-турецких отношениях // Россия и Турция в новой мировой политической среде. М.: МГИМО, 2015. С. 98.

роннем порядке»¹. Между тем с началом боевых действий против ИГИЛ на территории сирийского Курдистана были случаи сотрудничества курдских ополченцев из YPG и турецких военных, когда осуществлялась, например, эвакуация упомянутой выше гробницы Сулеймана Шаха в феврале 2015 г. Чтобы защитить гробницу в связи с потенциальным нападением сторонников ИГИЛ, турецкие военные перенесли ее в место недалеко от северной сирийской деревни Эсме (Ашма), прямо на границу с Турцией. После этого во время празднования Навруза в марте 2015 г. в Диярбакире было зачитано новое письмо от заключенного на острове Имралы Абдуллы Оджалана, в котором подчеркивалось и высоко оценивалось сотрудничество YPG и турецких военных, которое он назвал «духом Эсме»². Однако позже выяснилось, что первоначально руководитель службы национальной разведки Турции Хакан Фидан предлагал премьер-министру Турции Давутоглу заслать в Сирию диверсионную группу с целью обстрелять из ракет гробницу Сулейман Шаха, являющуюся суверенной частью Турции, чтобы создать *casus belli* с ИГИЛ и, как следствие — основания для ввода войск на север Сирии. Запись разговора была опубликована на новостном канале на портале YouTube, который сразу после этого был запрещен в Турции³.

При этом Турция продолжала позволять иностранным джихадистам пересекать свою территорию, чтобы добраться до Сирии, и бездействовала, в то время как ИГИЛ пыталось стереть с лица земли Кобани — сирийский курдский город на турецкой границе во время его эпической осады, которая длилась с октября 2014 г. по январь 2015 г. Только поддержка с воздуха США и курдское сопротивление позволили курдам выжить, а затем начать наступать и побеждать. При этом поддержка США сил в лице ПДС/YPG/СДС вскоре привела к серьезному кризису в американо-турецких отношениях.

¹ Мазур О. Позиция Турции по отношению к курдскому вопросу Сирии // Вестник Пермского университета. Сер.: Политология. 2016. № 2. С. 178.

² ‘Eşme ruhu’ tartışması. 23.03.2015. URL: <http://www.aljazeera.com.tr/haber/esme-ruhu-tartismasi> (дата обращения: 12.02.2023).

³ Ses kaydına göre, Suriye ile savaş çıkarmaya çalışmışlar. 27.03.2015. URL: <https://www.evrensel.net/haber/81055/ses-kaydina-gore-suriye-ile-savas-cikarmaya-calismislar> (дата обращения: 21.09.2022); Turkey blocks YouTube amid “national security” concerns. URL: <https://www.theguardian.com/world/2014/mar/27/google-youtube-ban-turkey-erdogan> (дата обращения: 22.09.2022).

Таким образом, когда в Сирии разразился конфликт, Асад был склонен возобновить сотрудничество с ПРК, но по другой причине: передача сирийского Курдистана под контроль сил ПДС/YPG в 2012 г. позволяла теперь уже Асаду убить двух зайцев одним выстрелом: сохранить контроль над северными районами и насолить северному соседу, который занял жесткую позицию, критиковал его за меры по подавлению восстания и начал поддерживать вооруженную оппозицию, стремившуюся к свержению действующей власти в Сирии, что также попадает под определение терроризма согласно юрисдикции Аданского протокола 1998 г. Ст. 1 Аданского консенсуса гласит: «Сирия на основе принципа взаимности не допустит никакой деятельности, исходящей с её территории, направленной на то, чтобы поставить под угрозу безопасность и стабильность Турции»¹. При этом в нескольких сообщениях во время конфликта говорилось, что Сирия дала ПРК полную свободу действий на своей территории (Рожаве) и даже якобы сирийские службы безопасности убивали умеренных курдских политиков, чтобы расчистить путь ПРК для восстановления своих позиций в курдских регионах.

Турция считает, что вооружаемые США Отряды народной самообороны (YPG), сирийского ответвления вооруженных сил ПРК, представляют угрозу её безопасности. Руководство же ААСВС отрицает, что YPG подчиняются только ПДС, поскольку представляют собой силы самообороны всех курдов и других народов, населяющих Рожаву (ААСВС).

По соглашению 1998 г. Дамаск согласился, что он не позволит ПРК действовать на своей территории. Однако в результате боестолкновений в Сирии у сирийских курдов при вооруженной поддержке YPG и, во многом, США *fait accompli* существует сложившаяся автономная администрация на северо-востоке и востоке Сирии, основанная на политических идеалах, продвигаемых Оджаланом. США не разделяют точку зрения, что ПДС является продолжением ПРК и поэтому тоже являются террористами, так как никаких терактов за ними замечено не было.

Возобновление внимания к Аданскому соглашению заставляет вспомнить о некоторых критических моментах нынешней политической повестки дня. Прежде всего это означает, что если признать ПДС террористами только потому, что они имеют органические связи с ПРК, то

¹ URL: <https://www.arabstoday.net/314/152447-اليوم-لعرّب-الموقع-أضنة-اتفاق-مضمون-ينشر-اليوم-لعرّب> (дата обращения: 30.04.2023).
وتركيا-سورية-بين-1998-عام

Сирия должна будет либо выдать Турции террористов, в данном случае членов YPG или Партии Демократического союза (ПДС), либо удалить их из страны. Но чтобы ожидать этого от Дамаска, Турции необходимо как минимум, вступить в официальные переговоры с сирийским руководством. По мнению ряда аналитиков, возвращение в повестку дня Аданского соглашения служит прокладкой пути для официальных контактов между Анкарой и Дамаском и новым началом двусторонних отношений.

Так, в начале 2019 г. Турция была обеспокоена возможным вакуумом власти, который создастся бы после ухода США, а серьезные контакты между Турцией и Сирией оставались маловероятными. Кроме того, какие действия Турция может предпринять против ААСВС в Сирии, зависело и до сих пор зависит от того, какой подход Дамаск примет по отношению к курдам.

Анкаре удалось вынести на повестку для свои опасения по данному поводу в рамках продолжающегося Астанинского процесса, в который также входят Россия и Иран, и, как отмечал президент Р. Эрдоган, Турции не нужна никакая другая платформа для обсуждения своих опасений¹. Турция хочет, чтобы её границы были свободны от угрозы, исходящей от элементов политической структуры нынешней Сирии, и Россия и Иран это понимают.

Однако, несмотря на поимку Турцией Оджалана, ПРК пустила глубокие корни в Сирии. Действительно, многие отряды бойцов ПРК подпитывались за счет курдов из Сирии, а руководитель YPG Мазлюм Абди — из бывших партизан, воевавших в Турции. Поэтому принято считать, что сирийские курды, в большинстве симпатизирующие ПРК, в 2003 г. создали Партию Демократического союза (ПДС) под сильным влиянием её идеологии, отвечающей традиционным для курдов Турции и Сирии неолибертарианским левым взглядам, идеям революционного переустройства общества, сформировавшимся ещё в 1970-е годы, и, учитывая её мощную социальную базу, ПДС быстро начала превращаться в доминирующую курдскую партию в Сирии, ныне по разным причинам

¹ Cumhurbaşkanı Erdoğan: Türkiye-İran-Rusya üçlü zirvesi Astana sürecini ayağa kaldıracak. 19.07.22. URL: <https://www.aa.com.tr/tr/dunya/cumhurbaskani-erdogan-turkiye-iran-rusya-uclu-zirvesi-astana-surecini-ayaga-kaldiracak/2640145> (дата обращения: 12.04.2023).

активно поддерживаемую США, которые не рассматривают ПДС как террористов.

Осознавая возможность такой «мимикрии» апочистов, 22 декабря 2010 г. между министром иностранных дел Дамаска Велидом аль-Муаллемом и министром иностранных дел Турции Ахметом Давутоглу было заключено соглашение о безопасности, «изменяющее» Аданское соглашение¹. При этом правительство Дамаска усилило давление на курдов и назвало часть из них террористическими группами, впрочем, к ПДС это не относилось. Более того, сопредседатель ПДС Салих Муслим даже посещал Турцию по приглашению оппозиционной Народно-республиканской партии Турции².

На конференции «Женева-2» в январе 2014 г., проходившей в Монтрё, в выступлениях сирийского и турецкого министров иностранных дел отразились непримиримые позиции сторон. Сказав, что турки помогали террористам, Муаллем возложил на Турцию ответственность за то, что произошло в Сирии, с таким заявлением: «Ничего из этого не произошло бы, если бы не Эрдоган»³. Давутоглу также объяснил подход Турции, заявив, что «лидер, утративший легитимность и способность установить власть в стране, и его ближайшее окружение, а также люди, чьи руки в крови, не могут иметь места во власти»⁴. По сути, Давутоглу поставил жирную точку в реализации своей же разработанной концепции «ноль проблем с соседями»⁵.

¹ Şeker S. Savaşın Günümüze Kadar Türkiye'nin Suriye Politikası. Değişim ve Devamlılık 2011–2022. İstanbul: T. C. Maltepe Üniversitesi, 2022. P. 47. URL: <https://ojs-access.maltepe.edu.tr/xmlui/bitstream/handle/20.500.12415/10823/10530289.pdf?sequence=1&isAllowed=y> (дата обращения: 01.04.2023).

² PYD lideri Ankara'da. 04.10.2014. URL: <http://www.aljazeera.com.tr/haber/pyd-lideri-ankarada> (дата обращения: 01.04.2023).

³ Montrö'deki Cenevre-2 Konferansı gergin başladı. 22.02.2014. URL: <https://www.hurriyet.com.tr/dunya/montrade-2-konferansi-gergin-basladi-25623620> (дата обращения: 01.04.2023).

⁴ Dışişleri Bakanı Davutoğlu, “Suriye halkını daha parlak bir gelecek bekliyor. Türkiye bu yolda onların yanında yer alacaktır”. 22.01.2014. URL: http://www.mfa.gov.tr/disisleri-bakani-davutoglu-_suriye-halkini-daha-parlak-bir-gelecekbekliyor_-turkiye-bu-yolda-onlarin-yaninda-yer-alacaktır.tr.mfa (дата обращения: 02.04.2023).

⁵ Маврина Ю. В. Концепция внешней политики Турции Ахмета Давутоглу // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. История. Международные отношения. 2014. Т. 14. Вып. 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kontseptsiya-vneshney-politiki-turtsii-ahmeta-davutoglu> (дата обращения: 03.04.2023).

По мнению ряда турецких аналитиков, тот факт, что 15 июня 2015 г. YPG, наконец, отбили Эт-Телль-эль-Абъяд у ИГИЛ и установили там свою власть, стал важным переломным моментом для Турции, и если его оценить вместе с событиями в самой Турции, это стало началом нового процесса и подхода Турции к проблеме сирийских курдов.

24 августа 2016 г. Турция начала свои первые с 1920 г. военные действия на территории Сирии с операции «Щит Евфрата», основной целью которой были позиции ИГИЛ и Джерабулус. Одной из возможных целей операции была потребность не дать захватить его силам YPG. Операция достигла всех своих целей, кроме взятия Манбиджа, и завершилась 30 марта очисткой Эль-Баба от ИГИЛ. Таким образом, Турция предотвратила объединение территорий, находящихся под контролем ПДС, и подготавливала почву для переселения сирийских беженцев в эти регионы. При этом Турция вместе с Россией и Ираном на встрече в Москве провела переговоры о будущем Сирии, а затем стала одной из инициативных стран Астанинского процесса.

Турция проводила очень активную политику в Сирии после 2015 г., не отказываясь от тезиса, что Турция хочет видеть Сирию без Асада. Анкара определила свои первостепенные приоритеты в отношении террористических угроз теперь не только со стороны ИГИЛ, но и со стороны ПДС/YPG, которые до этого не упоминались в турецких СМИ как террористические¹. Это был заметный сдвиг в генеральной линии турецкой внешней политики. Его триггером стал теракт в Суруче в 2015 г., который привел к свертыванию мирного процесса, объявленного ПРК в 2013 г., и возобновлению столкновений апочистов с турецкой армией. С другой стороны, по сути, начался период, когда ставились под сомнение нынешние союзнические отношения с США и формировалась новая логика действий за счет совместных действий с Россией и Ираном. В рамках этого процесса Турция приступила к реализации стратегии установления фактического военного присутствия и непосредственного вмешательства на местах, хотя её цели изменились. Таким образом, она вступила в новую фазу своей политики в отношении ВВК в Сирии: по сути, её врагом в Сирии стала Автономная администрация сирийских курдов, где главную роль играют сторонники ПРК. В самом процессе автономизации

¹ Suriye'deki Kürt partiler anlaştı. 22.10.2014. URL: <https://www.aa.com.tr/tr/dunya/suriyedeki-kurt-partiler-anlasti/108479> (дата обращения: 20.09.2022).

и мобилизации под руководством ПДС, получившего поддержку США, то есть движения за автономию региона в рамках демократического конфедерализма кантональных администраций, лежали возможные вызовы территориальной целостности Турции.

Когда прокурдская Демократическая партия народов (ДПН) получила достаточно мест на парламентских выборах в Турции, состоявшихся 7 июня 2015 г., это создало для Партии справедливости и развития (ПСР) Реджепа Тайипа Эрдогана угрозу неполучения большинства мест в парламенте. Воспользовавшись возобновлением насилия после направленного против курдов теракта в Суруче в июле 2015 г., Эрдоган положил конец мирному процессу с ПРК, односторонне объявленному Оджаланом в марте 2013 г., и вместо этого заключил альянс с турецкими ультранационалистами из Партии националистического действия (ПНД). Стратегия сработала, и Эрдоган быстро восстановил свое большинство на внеочередных парламентских выборах, которые он провел 1 ноября 2015 г. При этом «курдское досье» резко изменило свое значение для турецкой политики. Попытка создания в региональных администрациях на юго-востоке страны параллельных административных структур сторонниками идей демократического конфедерализма, проводниками которых были победившие здесь на муниципальных выборах курдские левые в лице ДПН, была воспринята и преподнесена как прямая угроза территориальной целостности страны.

Независимые источники отмечают, что после начала Турцией военной операции «Оливковая ветвь» в январе 2018 г. и после падения в марте 2018 г. Африна под натиском поддерживаемых Турцией военизированных формирований т. н. «сирийской оппозиции» город покинули около 137 тыс. курдов¹. Вслед за этим, по сообщениям курдских агентств, оккупационная турецкая армия стала перебрасывать в Африн арабских переселенцев из числа непримиримой оппозиции из Восточной Гуты (пригорода Дамаска), что многими курдами из Африна небезосновательно расценивается как попытка изменения демографической ситуации в регионе².

¹ Independent. 18.03.2018.

² How did French press see Ankara meeting? 06.04.2018. URL: www.hawarnews.com/en/haber/how-did-french-press-see-ankara-meeting-h482.html (дата обращения: 12.03.2023).

Турецкое военное вмешательство привело к оттоку отсюда почти половины жителей Африна, что изменило демографическую ситуацию в городе, как задокументировано в отчёте Независимой международной комиссии по криминальным расследованиям (ПЦИ) на середину сентября 2020 г. В отчёте также выявлены грубые нарушения, совершаемые в отношении курдских жителей, особенно в районах Сирии, находящихся под контролем турецкой армии и вооружённых боевиков оппозиции. Африн входит в число этих районов, помимо городов Эт-Телль-эль-Абьяд и Рас-эль-Айн на северо-востоке Сирии, которые контролируются Анкарой и вооружённой оппозицией с конца октября 2019 г., после того как многие курдские жители бежали из региона. Согласно отчёту ПЦИ за 2020 г., «курды боятся возвращаться в свои дома, опасаясь этнических чисток, проводимых против них Анкарой и её союзниками, вооружёнными боевиками оппозиции»¹.

Можно отметить, что существующие несколько независимых переменных, определяющих внешнюю политику Турции в период 2011–2015 гг., дали о себе знать. Во-первых, это вывод американских войск из Ирака в 2011 г., что привело к существенным изменениям в региональном распределении баланса сил. Во-вторых, это близость Ирана и формирование т. н. шиитской «оси сопротивления» и, учитывая ирано-сирийские отношения, возникновение центра силы, ориентированного на Иран в лице асадовской Сирии. Ещё одна независимая переменная — это исламистские политические группы, такие как «Братья-мусульмане», пришедшие к власти после Арабской весны в ряде арабских стран с республиканской формой правления. Это породило выгодную для Турции динамику, связанную с прямой поддержкой БМ со стороны правящей в Турции Партии справедливости и развития (ПСР). Готовность этих правительств улучшить свои отношения с Турцией подавала системные сигналы, чтобы сбалансировать власть в регионе, ориентированную на Иран, в то время как лица, принимающие решения в Турции,

¹ COI Syria: No clean hands — behind the frontlines and the headlines, armed actors continue to subject civilians to horrific and increasingly targeted abuse. 15.09.2020. Independent International Commission of Inquiry on the Syrian Arab Republic. URL: <https://www.ohchr.org/en/press-releases/2020/09/un-commission-inquiry-syria-no-clean-hands-behind-frontlines-and-headlines?LangID=E&NewsID=26237> (дата обращения: 23.04.2023).

были уверены, что группа, которая будет править страной после Асада, может иметь аналогичные характеристики¹.

Изменение баланса сил в регионе стало одним из факторов, приведших к трансформации отношений с Сирией и военному вторжению Турции. Вторжение не ставило целью свержение Асада, но было направлено против ААСВС и привело к отторжению части сирийских территорий из-под контроля правительства в Дамаске, что попадает под определение оккупации, впрочем, сама Турция это, похоже, не отрицает. Анкара высказывает опасение по поводу того, что формирование сирийскими курдами автономии приведет к распаду Сирии и возникновению на границе плохо управляемых и контролируемых раздробленных территорий. «Таким образом, любые попытки курдов Сирии продвинуться к федерализации воспринимаются Анкарой как неминуемая угроза, что заставляет турецкое правительство разными способами препятствовать сирийским курдам на пути к автономии»².

Очевидно, что Анкара стремится объединить захваченные регионы с помощью новой военной операции: «Щит Евфрата» к северу от Алеппо в 2016 г., «Оливковая ветвь» в Африне в 2018 г. и «Источник мира» к востоку от Евфрата в конце 2019 г. Москва же, со своей стороны, предлагает актуализацию Аданского соглашения, что подразумевает не только возобновление контактов между Анкарой и Дамаском, но и признание Турцией поддержки повстанческих и инсургентских группировок, в том числе стоящих на позициях радикального исламизма, как аналогичной угрозы безопасности Сирии в рамках Аданского соглашения и дополнений к нему.

В Сочинском меморандуме 2019 г. президенты В. Путин и Р. Эрдоган договорились по 10 пунктам: обе стороны подтверждают свою приверженность сохранению политического единства и территориальной целостности Сирии, а также защите национальной безопасности Турции. Они подчеркивают свою решимость бороться с терроризмом во всех его формах и проявлениях и пресекать сепаратистские планы на сирийской земле³. В этих рамках должен был быть сохранен установившийся

¹ *Natil I.* Turkey's Foreign Policy Challenges in the Syrian Crisis // *Irish Studies in International Affairs*. 2016. Vol. 27. No. 1. P. 77–78.

² *Мазур О.* Позиция Турции по отношению к курдскому вопросу в Сирии. С. 181.

³ Меморандум о взаимопонимании между Российской Федерацией и Турецкой Республикой. 22.10.2019. URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/5452> (дата обращения: 03.03.2023).

статус-кво в районе текущей операции «Источник мира» глубиной 32 км, в который входят Эт-Телль-эль-Абьяд и Рас-эль-Айн. При этом обе стороны подтверждают важность Аданского консенсуса 1998 г. Россия будет способствовать его реализации в нынешних условиях. С сирийской стороны, которая находится за пределами зоны проведения операции «Источник мира», будет обеспечено удаление отрядов YPG и их оружия с расстояния 30 км от турецко-сирийской границы. Совместное турецко-российское патрулирование должно быть обеспечено, кроме города Камышлы, на глубине 10 км к западу и востоку от границ нынешнего района операции «Источник мира». Все боевики YPG будут удалены из Манбиджа и Телль-Рифаата с их оружием. Обе стороны примут необходимые меры для предотвращения проникновения террористических элементов на сопредельную территорию. Будут предприняты совместные усилия для содействия безопасному и добровольному возвращению беженцев. Стороны продолжают свои усилия по поиску постоянного политического решения сирийского конфликта в рамках Астанинского механизма.

Известно, что новый глава турецкого МИДа и бывший глава Национальной разведывательной организации (MIT) Хакан Фидан неоднократно встречался с главой Бюро национальной безопасности Сирии Али Мамлюком. Активация Аданского протокола также означает, что Турция и Сирия на взаимной основе открывают свои посольства. В настоящее время действует Генеральное консульство Сирии в Стамбуле. Согласно соглашению, в оба посольства будет назначен старший сотрудник по вопросам безопасности.

Реализация Аданского протокола (1998 г.) означает признание Анкарой легитимности сирийского правительства. Также Аданский консенсус предлагает альтернативу турецко-американской договоренности о создании «буферной зоны» глубиной 32 км на северо-востоке Сирии. Это также открывает путь к реализации Сочинского соглашения, подписанного между Р. Т. Эрдоганом и президентом России В. Путиным в 2019 г.

С другой стороны, в октябре 2019 г. между США и Турцией было подписано соглашение из 13 пунктов о приостановке операции «Источник мира» на севере Сирии на пять дней. Согласно соглашению, подписанному тогдашним вице-президентом США Майком Пенсом и президентом Эрдоганом, США и Турция, как члены НАТО, заявили

о приверженности политическому единству и территориальной целостности Сирии, при этом обе страны подтверждают свою приверженность политическому процессу под руководством ООН, направленному на прекращение сирийского конфликта в соответствии с резолюцией 2254 Совета Безопасности ООН. США дали гарантии, что силы YPG выйдут из безопасной зоны после приостановки вооруженными силами Турции операции «Источник мира» на 120 часов. Турция и США продолжают свою деятельность по борьбе с ИГИЛ на северо-востоке Сирии. США прекратят санкции в отношении Турции и не будут вводить новые. Создаваемая безопасная зона будет находиться под контролем турецких солдат, YPG должны сдать тяжелое вооружение, разрушить свои укрепления в границах указанного расстояния от турецкой границы, при этом США и Турция усилят координацию в реализации данной зоны безопасности.

В соответствии с вышеупомянутыми российско-турецко-американскими договоренностями, между союзником Вашингтона Сирийскими демократическими силами (СДС), куда входят и YPG, и правительством в Дамаске был подписан меморандум о взаимопонимании. Силы СДС, основной костяк которых составляли Отряды народной обороны YPG, позволили правительственной армии Асада войти в районы от Айн-Дивара на иракской границе, находящиеся под контролем СДС, до Джараблуса на западе.

При этом СДС (численность около 70 тыс.) обязались, что будут под сирийским флагом защищать суверенитет и территориальную целостность страны против возможных угроз со стороны Турции. При этом Россия, как медиатор конфликта, пытается реализовать «решение неконфликтности» аналогичное по Голанским высотам между Сирией и Израилем. Несмотря на непростые внешние условия, сирийско-курдский эксперимент продолжает существовать и сохраняет резерв международной поддержки.

После начала Россией специальной военной операции на Украине в 2022 г. президент Турции Реджеп Эрдоган пересмотрел старые планы по созданию 35-километровой «безопасной зоны» на севере Сирии, воспользовавшись «переговорной позицией», усиленной потребностью в нем Вашингтона и Москвы. При этом США открыто заявили, что выступают против любых военных действий Турции к востоку от Евфрата. Россия же при этом играла посредническую роль между Дамаском,

Анкарой и курдской администрацией. Перед трехсторонним саммитом в Тегеране в рамках Астанинского процесса армия Асада развернула свои силы в различных регионах на севере страны, чтобы предотвратить возможную операцию Турции.

Как заявил Бедран Чия Курд, сопредседатель департамента иностранных дел ААСВС, Турция предпочла бы нанести удар по ААСВС с одобрения НАТО и согласия Астанинской группы, включая Россию, «но это было невозможно, потому что любое нападение Турции нанесло бы ущерб интересам многих стран, особенно России и Ирана. Значит, они стремятся не допустить наземных атак. Вместо этого они разрешили Турции использовать вооруженные и невооруженные дроны»¹.

В конце декабря 2018 г., после заявления президента США Дональда Трампа о якобы полном выводе всех американских войск, дислоцированных в Сирии, ААСВС, оказалась перед непосредственной угрозой турецкого вторжения. Автономная администрация вступила в официальный диалог с сирийским правительством. Глава YPG официально попросил правительство разместить войска сирийской армии в районах, находящихся под управлением ААСВС «для защиты региона после угрозы со стороны министра обороны Турции Хулуси Акара “похоронить” курдские силы в их же окопах», добавив, что Турция «интенсивно готовится к военной операции против СДС»². Представитель сирийской армии заявил, что «все сирийцы должны объединить усилия для сохранения национального суверенитета и победы над всеми захватчиками»³. После этого объявления войска САА были размещены за пределами контролируемого СДС города Манбидж, расположившись между районами, удерживаемыми СДС, и районами, находящимися под контролем Турции.

Как видно из вышеизложенного, ревизионистские интересы в отношении северных сирийских территорий присутствовали в Турецкой

¹ AANES official: Ankara-Damascus agreement will not serve Syrians. 25.08.2022. URL: <https://medyanews.net/aanes-official-ankara-damascus-agreement-will-not-serve-syrians/> (дата обращения: 04.04.2023).

² Turkey threatens to “bury” Kurdish forces in Syria amid U.S. withdrawal. The Washington Post. 20.12.2018. URL: https://www.washingtonpost.com/world/turkey-threatens-to-bury-kurdish-militants-in-syria-amid-us-withdrawal/2018/12/20/06d8eb18-0460-11e9-958c-0a601226ff6b_story.html (дата обращения: 01.02.2023).

³ Syria’s Kurds, Feeling Betrayed by the U.S., Ask Assad Government for Protection. The New York Times. 28.12.2018. URL: <https://www.nytimes.com/2018/12/28/world/middleeast/syria-kurds-turkey-manbij.html> (дата обращения: 01.02.2023).

Республике со времен французского мандата в Сирии. Отчетливо они проявились во время Сирийского кризиса 1957 г., затем в 1998 г., что было связано с высылкой Оджалана из Сирии, и, наконец, в 2015 г., когда Анкара начала активную политику сопротивления росту влияния апочистов на севере Сирии, вплоть до военных операций, приведших к де-факто оккупации Турцией сирийской территории.

Вопрос о силе и влиянии курдского фактора в турецкой политике является подтекстом дискуссии о том, какая «новая» Турция понадобится миру в будущем. Правительству Турции, возможно, придется пересмотреть свой переход к жесткой ястребиной позиции в отношении сирийских курдов в лице ПДС, если в Турции возникнет такая общественная потребность. Большинство турок желают мира со своими соседями, поэтому турецкая правящая элита не может игнорировать общественное мнение по важнейшим вопросам внешней политики так же легко, как это было раньше, когда военные доминировали в принятии внешнеполитических решений в стране.

Глава 6

РАСПАД КУРДСКОГО МИРА И НОВЫЕ ФОРМЫ ПОЛИТИЧЕСКОГО СУЩЕСТВОВАНИЯ КУРДСКОГО ЭТНОСА В СИРИИ

Генезис геокультурной идентичности северо-востока Сирии определяют факторы, которые необходимо понять, чтобы представлять природу этого образования и оценивать перспективы его выживания в условиях нынешней Сирии и Ближнего Востока в целом. Незавершенный процесс становления нового геосоциального объекта — Северной и Восточной Сирии — является процессом распада более масштабного и сложного объекта, каким был курдский мир Ближнего и Среднего Востока, сохранявший определенную воображаемую целостность до самого последнего времени. Крайне важно понять, как протекают социально-политические процессы, связанные со стадийными особенностями развития мир-системы, которые в силу своих локальных — региональных, национальных и субнациональных — условий приняли весьма специфические формы.

Процесс окончательного распада курдского этнического материка, основанный на традиционных связях и занявший несколько веков, вступил в финальную фазу в 1960-е годы в связи с ускорением процессов модернизации Ближнего Востока. Он носил необратимый характер, но те политические формы, в которых в дальнейшем будут существовать курдские общины в Сирии, ещё окончательно не определены. В узкой полоске территории северо-восточной Сирии идет социальная революция, эксперимент по построению необычного, конструктивистского общества,

вызывающий нездоровый энтузиазм у европейской интеллигенции.¹ Есть признаки, что этот процесс, если не будет трансформирован и не адаптируется к своим внешним условиям существования, закончится катастрофой, поскольку отношения современного мира не предполагают возможности построения ничего подобного. Так уже случилось после захвата кантона Африн в начале 2018 г., где турецкая армия силой положила конец эксперименту, во многом инспирированному последователями Партии рабочих Курдистана (ПРК).

Если рассматривать нынешних последователей А. Оджалана уже не как партию с военным крылом, которая пытается добиться определенных общественных целей, какой они до сих пор организационно являются, а как политическую секту, то в пользу этой оценки говорит то, что они практически не рассматривают вопрос о реалистичности теоретических построений своего харизматичного и авторитарного лидера, воспринимая их крайне некритично. В любом случае, учитывая их предысторию, даже сохраниться, буквально выжить во враждебном окружении будет практически невозможно. Оглядываясь в прошлое, нужно признать, что нет никаких перспектив автономного выживания в быстро изменяющемся, в том числе и из-за деградации экологических условий, ближневосточном мире. Очень показательна судьба сравнительно большой реликтовой езидской общины в Шенгале (Синджаре), столетиями выдерживавшей нападения, а они насчитали 73 волны агрессии, включая последнюю — игиловскую, со стороны более сильных, агрессивных соседей. Так, последняя волна — утопическое Исламское государство Сирии и Леванта, превратившееся на какой-то период в псевдохалифат, уже исчезло, причинив колоссальный вред и езидам, и другим народам региона. Езидская община до последнего времени пыталась обособиться от мира и жить, никого не трогая, своим укладом, но занимаемая ею территория и её численность постоянно снижается. Обстоятельства побуждают езидов к эмиграции, и их большая часть уже проживает в Европе. Покидают Ближний Восток и другие меньшинства. Часть сил ПРК стремится внедриться в опустошенный район проживания езидов и пустить свои корни в их среде, чтобы обрести почву.

В теоретическом плане исследование этой темы представляет интерес, поскольку оно показывает значение локальных (внутренних)

¹ Флах А, Айбога Э, Кнапп М. Указ. соч.; Жизнь без государства: революция в Курдистане; Цветы пустыни. 10 лет революции в Рожаве.

факторов в развитии конкретных процессов на территориях, где происходит распад прежних негосударственных форм локально-исторического существования пространств и укоренившихся в них народов, т. н. «миров»: греческий мир, курдский мир, германский мир, славянский мир, русский мир. Понятие мир нуждается в уточнении, как и понимание основного тренда развития такого рода негосударственных этнотерриториальных образований. В нынешней исторической аналитике делаются усилия придать понятию мир новое звучание, увековечив существование такого рода образований, тем более что для многих сегодня реально есть только один мир — Русский мир¹. Напротив, у Г. Гегеля понятия восточный мир, греческий мир, германский мир и другие миры рассматривались как преходящие локально-исторические фазы развития вообще². Курдский мир, который по таксономии Гегеля относится к восточному миру, в котором он выделяет, наряду с Китаем и Индией, персидский мир, а в нем свое место должен, наряду с другими мирами его уровня, обрести и курдский мир, в какой-то момент обособившийся от персидского мира при частичном распаде последнего.

Курдский мир как воображаемый традиционный массив современного Ближнего Востока был разделен завоевателями, т. е. чужаками для курдов, после Чалдыранской битвы (1514 г.), но это был ещё формальный раздел, поскольку это пространство оставалось вне внешнего управления. Потребовалось более ста лет, чтобы, противопоставляя одних курдских князей другим, Османская и Персидская империи включили курдские княжества в свои сферы влияния, закрепив территориальное разделение Зухавским (или Касри-Ширинским) миром (1639 г.). Но парадокс ситуации состоит в том, что, несмотря на раздел курдского мира между враждующими соседями, курды ещё пять веков сохраняли свое трансграничное этническое единство, свою племенную организацию, своих вождей — т. е. свой курдский мир, а граница в районе Касре-

¹ Громыко А. Русский мир: понятие, принципы, ценности, структура. 26.03.2010. URL: <https://russkiymir.ru/publications/190922/> (дата обращения: 20.05.2021).

² Семенов Ю. И. пишет: «Именно поэтому последовательно сменяющиеся стадии в истории человечества выступают у него (у Г. Гегеля. — В. М.) не столько как временные эпохи, сколько как “миры”, которые имеют либо территориальное обозначение (“восточный мир”), либо называются по имени народа — носителя мирового духа (“греческий мир”, “римский мир”, “германский мир”)». Семенов Ю. И. Философия истории. URL: <https://history.wikireading.ru/283157> (дата обращения: 22.05.2021.)

Ширин до сих пор все ещё проницаема для курдов. Идеалы курдского мира до сих пор вдохновляют многих курдов на воображение утопии — Великого Курдистана.

Тем не менее нельзя отрицать, что после Второй мировой войны процессы модернизации, включая становление и усиление национальных государств, охватили Ближний Восток в такой степени, что под их влиянием курдский мир вступил в фазу ускоренного внутреннего размежевания и, судя по результатам, скорого окончательного распада. Утверждение о том, что идет ускоренный процесс распада курдского мира, является гипотезой данной главы. Причем, если в XVI–XIX вв. этнический Курдистан извне разрывали на части крупные державы, которые предпринимали усилия, чтобы ассимилировать курдов, но не могли положить конец их этническому единству, то в настоящий период главной силой ускоренного распада курдского мира является экономическая и связанная с ней политическая активность самих курдов, которые пытаются по-своему обустроить доставшееся им локальное пространство в пределах все ещё слабых национальных государств, выгороженное им после раздела Османской империи и его последующих переделов.

Провозглашая курс на независимость или добиваясь автономии, или тем или иным способом обособляя свое социально-экономическое пространство, они создают небольшие этнические или гражданские нации, что дает основание рассматривать их как националистов. Эти территории являются курдскими по культурной идентичности, но сильно различаются по своему социально-экономическому и политическому устройству, иногда до полной враждебности друг другу, несмотря на свою курдскость. Правда, по мере усиления государств, в составе которых они пребывают, курды вынуждены становиться их гражданами и принимать общие условия существования, сохраняя свою идентичность только на культурном или даже на бытовом уровне. В результате осколки прежнего курдского мира, с одной стороны, получают современную форму этнополитического существования, а с другой — надежно обособляются друг от друга, теряя былое качество отношений между собой.

Процессы, протекающие на Ближнем и Среднем Востоке, сильно отстают от того, что происходит в мире в целом или в его отдельных продвинутых регионах типа Европы или Восточной Азии. Там на новом уровне развития интеграции набирают силу трансграничные связи, складываются новые международные, трансграничные регионы, которые

не скрывают своей общей этнокультурной идентичности и над которыми не властны национальные государства, хотя и в Европе эти отношения иногда дают сбой (например, баски, известные в прошлом как гасконцы, все ещё не могут забыть о своей героической истории). С другой стороны, культурное родство, которое сохраняют курды, проживающие в разных странах мира, даже утратив прежнюю этнотерриториальную общность (целостность), дает им преимущества в коммуникации, связывая страны их проживания на новом этапе развития мир-системы, компенсируя им материальные утраты (материально даже с лихвой), понесенные из-за распада курдского мира в его архаичных формах.

Анализ эволюции курдского мира имеет существенное и актуальное значение для понимания судеб и путей развития подобных ему этнотерриториальных экстраполяций, как русский мир, славянский мир.

В России практически отсутствуют работы, в которых бы деятельность курдских партий была подвергнута критическому анализу. Это связано с тем, что выдвижение целей национально-освободительной борьбы априори рассматривается как прогрессивный акт, независимо от реальных условий, в которых те или иные акторы вынуждены были вести борьбу. Принцип якобы изначального антагонизма классовых отношений в обществе переносился на отношения между народами, если они образовывали пару метрополия — колония или даже оказывались в одном государстве. Антагонизм этих отношений из-за догматизма абсолютизировался. В этом плане курдский вопрос рассматривался апологетами курдского национализма как вечный вплоть до его полного разрешения, т. е. до национального освобождения. Причем это было позицией не только турецких или курдских марксистов, но и советских, которые представляли уже, казалось бы, рафинированную марксистско-ленинскую позицию: «Остаются в наличии все фундаментальные причины, питающие это движение и делающие курдский вопрос одним из постоянных и самых болезненных факторов, внутри- и внешнеполитической ситуации на Ближнем и Среднем Востоке»¹. Принципиально важно разобраться в реальных корнях и причинах периодических обострений курдского вопроса и понять пути его разрешения, ибо любое реальное противоречие имеет решение. Уже сейчас можно сделать не только теоретические, но и практические выводы, признав объективность про-

¹ Лазарев М. С. Указ. соч. С. 3.

цессов политического развития, в рамках которых противоречие между становлением национальных государств на Ближнем и Среднем Востоке и адекватной этим процессам трансформацией курдской идентичности в Турции, Ираке, Сирии и Иране может быть снято в разных формах, поскольку эти процессы имеют различную динамику и направленность, определяемую локально-историческими условиями их протекания.

Задача данной главы показать, как локальные условия Сирии и во многом Турции, где помимо Ирака и Ирана проживает курдское меньшинство, преломлялись в 1945–2020 гг. в деятельности основных курдских партий, которые определяли цели для своих этнотерриториальных общностей.

6.1. Курдский мир: понятие, функционирование и распад

Проблема онтологического и идеологического существования курдского мира до сих пор не была предметом фундаментального теоретического анализа. Процессы в курдской этнотерриториальной общности рассматривались, как правило, на уровне текущих событий, по странам и вне контекста развития традиционного курдского мира, который по сути распадается под влиянием процессов модернизации на Ближнем Востоке. Предельным уровнем обобщения было то, что понятие курдского вопроса — теоретизированное обобщение, в основе которого, по мнению авторитетных исследователей, «находится освободительная борьба курдского народа». Иными словами, курдский вопрос понимается как вопрос национального освобождения¹ или как вопрос о природе и зрелости курдского национализма². Считается, что курдский национализм возник только с распадом Османской империи, когда стал вопросом самоопределения её составных частей³.

При этом важно учитывать, что борьба за освобождение от внешнего доминирования протекала в специфической среде — в курдском мире, т. е. в геосоциальном пространстве, которое, несмотря на то что разде-

¹ Там же.

² Вертяев К. В., Иванов С. М. Указ. соч.

³ Özoğlu H. “Nationalism” and Kurdish Notables in the Late Ottoman — Early Republican Era. P. 383–409. URL: <http://www.jstor.org/stable/259457> (дата обращения: 02.03.2022).

лено государственными границами в течение многих десятилетий и даже столетий, функционировало и до сих пор частично функционирует как некая общность, скрепленная внутриэтническими связями, выработанными тысячелетиями совместной борьбы за выживание в политически и экономически (экологически) сложном регионе Ближнего и Среднего Востока. Процессы распада курдского мира имеют свою логику и свой механизм разрушения внутриэтнических связей, связанный, с одной стороны, с межгосударственной борьбой, в которую оказываются включенными курдские акторы из разных частей Курдистана, а с другой — с их попытками реализовать свои интересы во внутренней политической борьбе как с курдскими, так и с некурдскими акторами. Общим трендом, который просматривается в череде событий во всех частях Курдистана, является устойчивая динамика распада внутриэтнических связей и обособление частей курдского этноса в пределах стран проживания. При этом внутренние процессы, которые нигде не привели к получению независимости, имеют разные результаты с точки зрения фиксации государственной и культурной идентичности курдов в странах проживания.

Курдский мир, как и другие миры, исторически существовал как пространство, в котором возможны были мощные миграционные перетоки населения (возможно, что к таким явлениям относятся и великие переселения народов или вторжения кочевых народов), связанные как с природными катастрофами (мощные засухи, эпидемии), так и с сопутствующими им военно-политическими потрясениями (войны). На нашем уровне понимания древней и средневековой истории, особенно истории Востока, мы рассматриваем эти миграционные выбросы как чисто внешние явления, вторжения, хотя они могли и не иметь экстраординарного характера, а быть частью процессов энергомассообмена, которые позволяли народам на сравнительно низком уровне развития производительных сил выживать в специфической географической среде Ближнего и Среднего Востока.

На базе такого рода общностей в прошлом возникали пантюркские, панславянские, пангерманские, панкурдские движения. Безусловно, мир меняется, и во многих регионах такого рода народная взаимопомощь становится не актуальной, но чем дальше на восток, тем более живой остается эта традиция. Возможно, что она сработала в Афганистане, где традиционные этнотерриториальные связи взяли верх над отношениями, которые образуют современное национальное государство, и такого типа государство

никак не может возникнуть в этом этническом мире. Глобальный экономический прогресс разрушает этнотерриториальные связи. Они деградируют в новых условиях хозяйственной жизни, и особенно из-за новых способов ведения войн, когда главным механизмом мобилизации военной мощи становится национальное государство (сознательно обособленная границами от остальных территорий часть бывшего этнотерриториального мира) или подавляющее внешнее военно-политическое вмешательство, а взаимопомощь племен и народов отходит на второй план и становится не востребованной. Но опять же в Афганистане, да и в Ираке взаимопомощь племен взяла верх над внешними силами.

Курдский мир до сих пор сохраняет свое этнотерриториальное единство, поскольку в нем сохраняется представление об общности территории и возможности для коренных, населяющих его народов территориального перетекания, в случае необходимости перехода из одной её части в другую, сменить район проживания, как, например, недавний исход значительного числа курдов из Африна в 2018 г. после оккупации его Турцией. В 1970–1990-х годах мы несколько раз сталкивались с мощными миграционными волнами в курдском мире, вызванными войнами: это уход значительной части курдов из Южного Курдистана в Иран и Турцию в конце 1970-х годов, а затем бегство (исход) в Турцию и Иран в 1991 г. Недавние события на белорусско-польской границе, связанные с беженцами из Иракского Курдистана, можно также отнести к их числу. Были и менее масштабные явления, связанные с оказанием военной помощи родственным племенам.

Так, в 1943 г. Мустафа Барзани после побега из тюрьмы в Сулеймании добрался до Ирана, собрал там отряд из местных курдов, вернулся с ним в Барзан и поднял там восстание. Вначале оно было успешным. Восстание продолжалось почти два года, но в 1945 г. было подавлено. Это спровоцировало исход на этот раз местных барзанцев в соседний Иран, где они поддерживали восставших в Иранском Курдистане, создав при переоценённом ими покровительстве СССР Махабадскую республику (1946). Самыми недавними актами взаимопомощи в рамках курдского мира была поддержка курдского сопротивления курдами из других районов Курдистана в борьбе против ИГИЛ в Кобани, Шенгале (Синджаре) и в Южном Курдистане.

ПРК не достигла бы такого влияния, если бы она не использовала в своих интересах глубинные этнотерриториальные связи курдского

мира. Это — одна из составляющих успеха А. Оджалана, который, возможно, в последний раз мобилизовал огромный внутренний потенциал курдского мира, выставив себя в качестве его защитника. Деятельность ПРК носила двойственный характер. С одной стороны, она активизировала все внутренние связи между курдами в разных частях курдского мира. С другой стороны, она стимулировала оборонительную активность национальных государств, которые стали дробить курдское пространство, а внутри своих стран разрушать клановые и семейные связи, политизировать и даже секьюритизировать курдскую этничность, ограничивая её существование лишь сохранением курдского языка, культуры и быта.

Курды веками жили в пределах общей обширной территории, которая, хотя и не была четко ограничена, воспринималась как общая, и именно она вместе с проживавшим в её пределах населением и была курдским миром. Это понятие включает как непосредственно исторически данную географическую среду огромного пространства Ближнего и Среднего Востока, так и населявший её многоголосый курдский этнос, чьи диалекты порой различались сильнее, чем языки других чужих друг другу народов. Мир — это конгломерат этнотерриториальных образований негосударственного типа. На этом бескрайнем пространстве возникали и рушились княжества, царства, империи, часто разрывая это пространство на части, которые их властелины пытались противопоставить друг другу, но в своей основе эта среда оставалась нетронутой, сохраняла собственную особую специфику и организационные формы, являясь фундаментом существования курдской традиционной культуры и организации общественных связей, которые из-за изолированности внутренних частей Ближнего и Среднего Востока сохранились до нашего времени. Эта общность существовала многие века, а возможно, и тысячелетия. Это можно сравнить с тем, как на пространствах мира возникают и ликвидируются хозяйственные предприятия, не разрезая базового общественного пространства непреодолимыми границами. История архаического периода этого образования ещё недостаточно изучена. Последним государственным образованием, которое охватывало максимально широко курдский мир накануне Нового времени, была племенная конфедерация Ак-коюнлу (XIII–XVI вв.), столицей которой был Диярбакыр (Амида), а затем Тебриз. Но курды о правителях Ак-коюнлу практически ничего не знают, считая их предками туркоман. Культурное наследие

этой державы пытаются освоить азербайджанцы, которые, безусловно, в какой-то степени имеют на это право, хотя неясно какое. Сегодня свою историю курды, хотя и вспоминают Салах ад-Дина¹ и в справочниках по мировой истории можно найти более ранние курдские династии, начинают с периода пребывания этноса в состоянии раздробленности, когда их эмираты окормляются Персидской или Османской державами, что зафиксировал Шараф-хан Бидлиси, не объяснив ни природы курдской этнической общности, ни её идентичности, которая не могла возникнуть и достичь высот, будучи в подвластном другим этносам состоянии². Этот исторический слой сегодня скрыт, скорее всего, в результате того, что мы сегодня называем «культурой отмены», которая восходит к глубинной традиции остракизма. Нечто подобное практиковалось в Египте, когда имена некоторых фараонов удалялись из картушей.

С падением Ак-коюнлу в конце XV в. процесс распада курдского мира ускорился и, как оказалось, стал необратимым, поскольку окружавшие курдские земли государства стали многочисленнее и сильнее курдов. Части курдского мира, отрезанные от него сильными соседями, превращались в свою противоположность, теряя прежнюю и приобретая новую этническую идентичность. Курды Эрбиля или Диарбакыра не вспоминают о курдах Хорасана и Гиляна как о части своей когда-то много более обширной прародине.

В главе мы коснемся факторов, определяющих динамику завершающего этапа разрушения трансграничной курдской общности, расположенной на территориях Ирана, Ирака, Турции и Сирии, а также в Закавказье, который начался с середины 1970-х годов. Это связано

¹ «Самой важной династией, безусловно, были Айюбиды, основанные Салах ад-Дином (нашим Саладином). Айюбиды восстали из пепла Фатимидского халифата, административный центр которого находился в современном Египте. Оттуда, между XII и XIII вв., Айюбиды правили территорией, которая простиралась от ливийского побережья до сердца Ближнего Востока, включая нынешние территории Сирии, Ливана, Иордании, южной Турции, Йемена и священных городов Мекки и Медины. Сам Саладин известен на Западе тем, что разгромил армии крестоносцев в битве при повторном завоевании святого города Иерусалима в 1187 г. Даже сегодня курдская община с гордостью вспоминает героические подвиги Саладина. Таким образом, именно на него часто ссылаются курды как на пример славного прошлого, которое с тех пор не вернулось». (Torelli S. M. (ed.). *Kurdistan. An Invisible Nation*. ISPI, 2016. P. 22.)

² *Шараф-хан ибн Шамсaddin Бидлиси*. Шараф-наме // перев., предисл., примеч. и прилож. Е. И. Васильевой. М.: Наука, 1967.

с изменением реальных функций межгосударственных границ, которые разделяют части курдского этноса. Государственные границы между смежными курдскими районами Сирии, Турции, Ирака и Ирана выполняют две важнейшие функции: наряду со стандартной — барьерной, которая разделяет курдов и ограничивает их гражданские и политические права условиями той страны, в которой они проживают, у этих границ есть нестандартная, защитная функция, и границы в силу своей проницаемости («пористости») для негосударственных акторов долгое время создавали особые условия поддержания единства курдского этноса¹. Эта двойственная природа границ в районах раздельного проживания курдов неоднократно препятствовала подавлению их сопротивления, не раз спасала их от уничтожения, позволяя курдам в случае угрозы укрыться на территории соседнего государства или же прийти на помощь соплеменникам. Это качество границы не связано только с тем, что курды проживали по обеим сторонам границ в этом регионе. Оно было обусловлено тем, что не только у самих курдов, но и вообще в общественном сознании народов, проживавших вместе с курдами, существовало представление, что эти территории являются местами традиционного расселения курдов как коренного народа², поэтому в силу сохранения остатков традиционного права власти стран Ближнего Востока долгое время не могли настаивать на непреступности своих границ для перемещения курдов через них. Трансграничные связи между курдами в разных частях этого формально разделенного государственными границами пространства носили хозяйственный, культурный и военный характер. Это, безусловно, включало как традиционное разделение труда, так и взаимную военную поддержку. Эти связи позволяли поддерживать определённый уровень жизни курдских этнополитических образований. Утрата подобных связей вела к деградации курдских регионов.

Благодаря такого рода трансграничным связям до последнего времени сохранялась парадоксальная общность курдских территорий. Этим пользовались курды в случаях угроз их жизни и безопасности, а антигосударственные — политические, экономические и иные подрывные —

¹ Leezenberg M. Iraqi Kurdistan: A Porous Political Space // *Anatoli. Les Kurdes: puissance montante au Moyen-Orient?* 2017. No. 8.

² Unal A. Mesopotamian Indigeneity: The Kurds and Democratic Confederalism Governance Model. *Academia Letters*. 2021. Article 1911. URL: <https://doi.org/10.20935/AL1911> (дата обращения: 22.05.2022).

элементы из числа курдов злоупотребляли этой возможностью и на разнице политических, экономических и иных условий в сопредельных странах строили свою функциональную активность. В последнее время эту возможность широко использовали национальные силовые структуры соседних стран, которые в случае конфликтных отношений между собой создавали курдские прокси-организации разных уровней для опосредованной борьбы друг с другом на территории соседних стран, как правило, в районах компактного расселения курдов. Курды, в свою очередь, практически не питая никакой лояльности к своим временным патронам, которым они были вынуждены подчиняться, использовали эти структуры и их ресурсы в своих интересах.

Разделенный границами чужих государств, курдский мир долгое время сохранял парадоксальное трансграничное этническое единство, но сейчас он распадается на не связанные между собой части, и они, даже будучи курдскими по населению и культуре, оказываются очень непохожими друг на друга. Наша задача показать, как это происходит, и объяснить, почему развитие каждой из частей курдского мира идет по тому или иному определенному пути. Особое внимание будет уделено генезису одного из геокультурных образований — Автономному административному району Северной и Восточной Сирии. Однако понять, что и как произошло, можно только в сравнении, поэтому мы будем исследовать опыт курдов Сирии наряду с рассмотрением вариантов развития курдских образований в Турции и Ираке.

Инструментом, который показывает корни развития, является режим границы, который, как газовый вентиль, способен раздуть пламя или приглушить огонь вооруженного восстания, поддержать или нарушить весьма относительную устойчивость контролируемой территории. Новым в деятельности курдских партий на курдских территориях в Ираке и Сирии стало то, что они, помимо военной борьбы, были вынуждены взять на себя и обеспечение жизни населения в своих зонах ответственности. Нужно было где-то восстановить, а где-то заново наладить производство и непрерывный товарный обмен с внешними контрагентами, поскольку подвластные регионы не были самодостаточными. Именно решая такие задачи, власти понимали важность контроля границы, которая становится средством регулирования хозяйственной жизни или просто жизни. Не война, не идеология, а поиск инструментов поддержания непрерывного воспроизводства, главным из которых была граница, точнее, тамо-

женные поступления от её пересечения и возможность благодаря ей (таможенным тарифам) влиять на структуру товарного потока.

В данной главе мы ограничимся рассмотрением небольшого периода истории курдского мира Ближнего и Среднего Востока с конца 1970-х годов и до сегодняшнего момента, когда механизм взаимодействия как внутри этноса, так и взаимодействия курдов с соседними народами, основанный на проницаемости границ, играл очень значимую роль.

В Иракском Курдистане, отстававшем в своем развитии от Турции и даже от центральной арабской части своей страны, традиционная повстанческая активность в сельской местности, возглавлявшейся шейхами, подобная той, которая была жестоко подавлена в Турции в 1920–1930-е годы, ещё имела серьезный потенциал в 1960–1970-е годы. Она вновь набрала силу только после свержения монархии в 1958 г., которое положило конец британскому присутствию в Ираке. Желание восстановить традиционный порядок, который воспринимался иракскими курдами как справедливый уклад жизни, было глубоко укоренено в курдах Ирака. Вскоре после триумфального возвращения в Ирак из СССР Мустафа Барзани (1903–1979) оказался в Курдистане, где в 1961 г. возглавил восстание курдов, которые требовали своей доли прав в стране, ставшей по-настоящему независимой, и признания курдской автономии в Ираке¹. Несмотря на то что М. Барзани возглавлял социал-демократическую партию, в которой его сделали председателем, видимо, в надежде, что он будет почетным председателем, он вел себя как самостоятельный политик традиционного (феодалного) курдского типа, защищавший свою территорию и свой народ. Обычно турецкие левые таких даже не считали частью курдского освободительного движения, а относили к реакционному слою.² Барзани типологически продолжил курс на восстановление традиционной (в рамках феодальных представлений) независимости Южного Курдистана, аналогично тому как Саид Реза пытался реализовать эту линию в 1937 г. в Дерсиме, а до него — шейх Махмуд Барзанджи в «королевстве Курдистан» в Сулеймании в 1919–1924 гг. В этом сказался не только личностный фактор Барзани, но и то, что только он обладал теми связями и владел

¹ Жигалина О. И. Мулла Мустафа Барзани. Политический портрет. М.: ИВ РАН, 2013. С. 144.

² Лебский М. А. Трагедия турецкого социализма. URL: <http://www.left.ru/2013/6/lebskii224.phtml> 30032023 (дата обращения: 12.02.2017).

той традиционной политической культурой, которая позволила ему мобилизовать народную поддержку восстанию (1961–1975). Без его участия никакое мощное восстание в этом регионе было бы невозможно, но вопреки ожиданиям интеллигентской верхушки ДПК, по сути создавшей партию под себя, он не собирался уступать бразды правления ни партией, ни восстанием. Традиционная племенная структура с культурой взаимопомощи, на которую опирался Мустафа Барзани, стала матрицей, на которой было организовано сопротивление Багдаду в Иракском Курдистане. Несмотря на то что восставшие получили фору, поскольку военный режим в Ираке не сразу принял стабильные формы, даже почти пятнадцать лет тяжелой войны не принесли курдам успеха, поскольку силы были неравны. Какое-то время восстание получало поддержку от Ирана и даже от Израиля в 1960-е годы, но все равно потерпело поражение. Курды понесли большие потери. Руководство Демократической партии Курдистана во главе с Муллою Мустафой Барзани покинуло страну. Казалось, что потенциал курдского сопротивления в Ираке был исчерпан, как когда-то в Дарсима. В 1975, а тем более в 1979 г., после смерти Мустафы Барзани, наверно, никто не ожидал, что фамилия Барзани вернется в Ирак. Казалось, что поле освобождено для новых фигур, если они найдут способы вновь поднять народ на борьбу.

В Ливане, наоборот, конфликт с Израилем набирал силу, разгоралась гражданская война, в которой активно участвовала Сирия, которая только вышла из череды почти непрерывных военных переворотов. Президент Хафез Асад укреплял свое положение, рассчитывая решить и некоторые внешнеполитические задачи, поэтому спецслужбы Сирии поддерживали укоренение на их территории вначале ПСК, а чуть позже — ПРК¹.

Чуть раньше, чем ПСК — в 1975 г. — был создан Патриотический союз Курдистана (ПСК), партия-платформа Иракского Курдистана, которая рассчитывала перехватить инициативу у ДПК. Это была вторая попытка Джалала Талабани занять место лидера в Иракском Курдистане, что не удалось сделать в ДПК, где он фактически и не мог пройти, поскольку ядро партии строилось по родовым линиям. Видимо, поэтому ПРК и ПСК, взаимодействуя на близкой марксистской платформе,

¹ «ПРК также получала материальную поддержку со стороны сирийских курдов, постепенно увеличивая сирийский контингент в своих вооруженных силах. В 1985 г. — 45 бойцов, 1986 — 130 бойцов». (Лебский М. А. Курды. Потерянные на Ближнем Востоке.)

сохраняли организационную самостоятельность. При этом они всегда составляли оппозицию ДПК внутри курдского национального движения, которую они рассматривали как классово враждебную, феодальную и компрадорскую. Сотрудничество ПСК и ПРК не прекращается и сейчас в совершенно изменившихся военно-политических условиях нынешнего Иракского Курдистана. В связке с ними действует Демократическая партия Иранского Курдистана, которая существенно полевела в конце 1960-х годов, а после исламской революции, не найдя общего языка с исламской властью, была вынуждена покинуть Иран из-за преследований. Она нашла поддержку у силовых структур Ирака, поскольку началась ирако-иранская война (1980–1988). И Иран, и Ирак — обе страны пытались разыграть курдскую карту в свою пользу. Курдские партии, связанные с иранскими структурами, растянулись по курдско-шиитской дуге, пересекавшей районы компактного проживания курдов от Ливана до Сулеймании и Иранского Курдистана. Этот трансграничный курдский мост доходил до Афганистана, где шла гражданская война с советским участием, а также был исток наркотрафика, так или иначе ориентированного на Европу. Эти партии активно сотрудничают друг с другом через курдскую диаспору в Европе, где ими, помимо собственных структур, были созданы общекурдские политические организации. Доминирующей и все проникающей силой в этом конгломерате была ПРК.

Решая свои корпоративные задачи, секретные службы Сирии породили серьезную проблему для страны. В результате их поддержки ПРК именно Западный, или сирийский Курдистан стал базовым районом, где набирали силу партии, которые, хотя в своей подрывной активности и ориентировались на Турцию — ПРК и на Ирак — ПСК, своей повседневной работой среди курдов Сирии подготовили условия для подъема здесь курдского движения, что произошло, когда сложились для этого обстоятельства. С учетом того, что почти двадцать лет этот район был тыловой базой ПРК и ПСК, где партии активно вели среди сирийских курдов пропагандистскую и организационную работу, неудивительно, что курдское население укрепилось в нем настолько, что он в дальнейшем стал рассматриваться и позиционироваться как преимущественно курдский регион Сирии, хотя это район этнической чересполосицы.

Сторонники Оджалана потеряли свое влияние на севере Сирии, когда Дамаск под угрозой турецкого вторжения заключил с Турцией Аданское

соглашение (1998 г.)¹. Оно предусматривало прекращение в Сирии любой активности ПРК, которую Турция и США объявили террористической организацией. Это привело к высылке лидера ПРК Абдуллы Оджалана из Сирии, который был схвачен и попал в тюрьму, и к ликвидации на территории этой страны всех центров (лагерей) ПРК. Это была серьезная попытка Анкары закрыть границу с Сирией и прервать активность боевых структур ПРК на территории Турции. Сразу, несмотря на нанесенный ПРК серьезный ущерб, покончить с этой партией не удалось, но в дальнейшем усилия по прекращению межграницных трансакций стали основным направлением деятельности силовых структур Турции в отношении курдов Сирии и Ирака.

Возможно, что эти усилия могли бы свести на нет подрывную активность курдских партий и их вооруженных формирований, но проблема заключалась в чрезмерной военно-политической турбулентности региона Ближнего Востока, где войны практически не прекращались, а силовые структуры, решая задачи борьбы против соседних стран, нуждались в активных негосударственных акторах, какими потенциально были курдские и иные запрещенные партии. Считается, что ПРК изначально создавалась на чужой территории при поддержке силовых структур Сирии, которые планировали использовать её для разжигания сепаратистских настроений в Турции, чтобы отвлечь её от агрессивных шагов в отношении Сирии. При этом активность этих партий должна была носить национально ориентированный характер, чтобы они могли рассчитывать на мобилизацию курдского населения. Лучшим, хотя и не идеальным, инструментом оказался курдский национализм, мобилизационный потенциал которого позволил ПРК начать 15 августа 1984 г. вооруженную борьбу на территории Турции, которая до сих пор все ещё не закончена. Нужно признать, что ПРК, несмотря на название, никогда не позиционировала себя как исключительно курдскую, а тем более как националистическую партию, а выдвигала социально-экономические цели и принципы, выступая за интересы обездоленных, независимо от национальности и конфессии. Но ПРК создавалась в одной ситуации, а её активность была продолжена и в других условиях, что привело к результатам, которых никто не ожидал.

¹ *Cengiz S.* Why is the 1998 Adana pact between Turkey and Syria back in the news? 25.01.2019. <https://www.arabnews.com/node/1441931> (дата обращения: 12.06.2021).

В ходе революционных событий Арабской весны в Сирии отпочковавшиеся от ПРК локальные курдские партии и организации, преимущественно ориентированные на социально-политическую активность, создали в 2012 г. с участием небольших левых партий и общественных организаций других национальных меньшинств самопровозглашенный автономный район. Это региональное административное образование обрело силу в ходе борьбы с ИГИЛ (2013–2017) во многом благодаря тому, что курдские отряды самообороны (YPG) получили поддержку США, по сути став наземными силами международной коалиции в Сирии. После разгрома ИГИЛ новый статус-кво автономного района, не подчиняющегося сирийскому правительству, укрепился. Чтобы обеспечить себе большую поддержку ПДС, главная политическая сила сирийских курдов представляет это территориальное образование как демократическую федерацию, состоящую из самоуправляемых регионов, кантонов и коммун, которая с 2018 г. называется Автономная администрация Северной и Восточной Сирии (ААСВС). Она возникла и укрепилась не только на базе тыловых структур ПРК, но и благодаря военной и материальной поддержке США, которые свое участие в войне против ИГИЛ в Сирии свели к военно-воздушным операциям, а на земле передали эти функции почти полностью курдским силам (YPG).

Рассматривать процессы в сирийском Курдистане можно только имея в виду динамику развития курдского национального движения в послевоенный период в пределах распространения курдского этноса в Турции, Ираке, Иране и Сирии, поскольку это единый региональный процесс, в рамках которого локальные и межтерриториальные течения активно взаимодействуют между собой. Это связано со спецификой региона смежного расселения курдов в этих странах, поскольку разделяющие их границы долгое время были пористыми, обеспечивая активное или пассивное взаимодействие между разными курдскими группами, которых больше разделяли диалекты или различная конфессиональная принадлежность, чем государственные границы. В этом случае образование, возникшее на северо-востоке Сирии, является моментом в развитии курдского движения, с одной стороны, и стран Ближнего Востока, с другой, а усиление государственных структур последних грозит действительно разрезать курдский этнос и положить конец взаимодействию его частей.

ПРК возникла как левая социалистическая организация, которая впоследствии прибегала к деятельности, которая в Турции и ряде других

стран идентифицируется как террористическая. Это сразу предполагает вопрос о реальности проекта, поскольку в планах её создателей на первом месте была борьба не за социализм, а за национальное освобождение Курдистана, а следовательно, ещё не было государства, в котором эта партия могла бы заняться построением социализма. Принципиально важно, что А. Оджалан и его ещё не оперившиеся соратники с самого начала исходили из того, что Курдистан — это внутренняя колония Турции, и на первый план выдвигали задачи национального освобождения, отодвигая на второй план классовую борьбу в Турции¹, которую они не рассматривали как подлинно унитарное государство.

Это была весьма радикальная позиция в начале 1970-х годов, поскольку курды в Турции в это время были уже практически ассимилированы в турецком обществе и не видели своего особого отличия от турок, а тем более от других меньшинств страны. Курдский язык все больше забывался, даже в быту, а турецким языком курды владели как родным. А. Оджалан (г. р. 1949) сам выучил курдский язык, который является важнейшей частью национального самосознания, уже в зрелом возрасте, много позже, чем выдвинул задачи борьбы за национальное освобождение курдов.

Если что и объединяло курдов и отличало их от турок, так это компактное расселение на внутренней периферии, которая была экономически не развита в силу своей изолированности. Эти территории шли встык с территориями других стран, населенных курдами. Курдский этноареал был сравнительно большим, а связи между курдами, носителями общего языка, не прерывались. В тяжелых случаях, будь то чрезмерные налоги, угроза расправы после очередного восстания или иные причины, курды группами не раз переходили на территорию соседнего государства, рассчитывая укрыться там, при этом не задумываясь менять и сюзерена, оставаясь, по сути, верны только своим шейхам. Это была закрепленная веками модель поведения². Такого рода взаимодей-

¹ Оджалан А. В защиту народа. М.: Астрей-Центр, 2007. С. 379.

² «Когда турецкое или иранское правительства пытались навязать им налоги или военную службу, которым они не желали подчиняться, или посягали на то, что они считали своими правами, они бунтовали. Если их восстание было успешным, они пытались извлечь максимальную выгоду из своего сиюминутного успеха; если нет, они пересекали неохраемую границу соседнего государства и укрывались у курдских племен, живущих в этой стране, оставаясь там до более благоприятных времен». (Disney D. B. The Kurdish Nationalist Movement and External Influences. Monterey, California: Naval Postgraduate School, 1980. P. 15.)

ствие в трудные времена позволяло сохранять представления о широком этническом единстве, несмотря на наличие диалектных особенностей, которые не позволяли им говорить между собой на родных языках (диалектах), а вынуждали прибегать к языку государства, в пределах которого они проживали. В результате, несмотря на все диалектные и культурные различия, курды представляли себя единым и многочисленным народом (отсюда постоянно повторяющаяся идея о сорока миллионах курдов), который имеет определенные права на значительную часть Ближнего и Среднего Востока. Но в странах проживания курды, даже если когда-то они были там значительным этносом, становились все менее влиятельными национальными меньшинствами, с которыми там, может быть, за исключением Турции, не хотели считаться. Отсюда появилось требование национального объединения в качестве законной цели на пути к улучшению своего положения в обществе. Но добиться этой цели было практически невозможно, поскольку для этого нужно было бы отделиться от крупных и весьма воинственных стран Ближнего Востока, которые не признавали и не собираются признавать права курдов на отделение.

А. Оджалан отстоит от Мустафы Барзани, как минимум, на два поколения и по происхождению и ментальности относится к совершенно другому социальному слою. Он идет в следующей, принципиально иной волне курдского националистического движения, по сути, в качестве прокси-актора развязав войну против турецкого государства, имея значительно меньшую поддержку и близко не обладая той силой, которую смог мобилизовать Мустафа Барзани в Ираке. Он сделал это, прикрываясь утопической идеей и практически не задумываясь о бедственных последствиях восстания для курдов Турции. Это принципиально несхожие политики, ориентированные на различные силы, чьи действия ведут к принципиально отличающимся результатам в обществе. Это противоречие между двумя типами национализмов в курдском движении, которые по-разному проявятся в распаде курдского мира, если можно линию Оджалана рассматривать как реальный, а не фальшивый национализм. При этом термин «национализм» используется включительно и относится к политическому движению сообщества, которое отличает себя от других как отдельную культурную и политическую группу. Его главной целью является политическое самоопределение либо путем отделения, либо путем автономии. Политическое движение становится националистическим, когда оно выдвигает политические требования

об отделении или автономии в регионе, который считается исторической родиной и где большинство населения принадлежит к той же общине¹.

В новой ситуации ПСК и ПРК, созданные при поддержке спецслужб Сирии, оказались очень востребованными. Абдулла Оджалан и члены ПРК бежали в контролируемый Сирией Ливан в 1979 г. Перед военным переворотом в сентябре 1980 г. апочисты связались с палестинскими марксистскими организациями, чтобы получить убежище в долине Бекаа в Ливане. Раду ссылается на источники в ПРК, которые описывают их побег в Сирию как «тактическое отступление», чтобы защитить себя от военного переворота и судебного преследования. Он отмечает, что им была предоставлена «относительно полная свобода действий в контролируемой Сирией долине Бекаа»².

ПРК быстро расширяла ареал своей деятельности, привлекала в свои ряды все больше молодежи, но, следуя договоренностям, воздерживалась от подрывной активности на сирийской территории. Главным финансовым подспорьем была поддержка со стороны спецслужб Сирии и Ирана, которая возрастала по мере обострения отношений между странами региона. Помимо неё был и относительно независимый источник финансирования — поступления от контрабандной торговли, которые первоначально были лишь дополнительным доходом, значение которого стало возрастать с годами.

Особенностью этого периода холодной войны было то, что, поскольку Сирия и Турция принадлежали к разным блокам, они воздерживались от прямого столкновения, прибегая для выяснения отношений к прокси-операциям. В этих операциях активно задействовались курдские боевики, которые действовали в условиях традиционной для курдов проницаемости границ. В начале 80-х ПРК заключила с иракскими курдскими партиями соглашение о создании баз ПРК в горах Кандиль, что было бы невозможно без иранского согласия. На этом фоне Турция и Ирак договорились, что вооруженные силы обеих стран могут преследовать курдских повстанцев на территориях друг друга, чтобы те не могли скрываться за государственной границей³. Это сотрудничество между Анкарой и Багдадом с перерывами и отступлениями продолжается по сегодняшний день, уже 40 лет. Его цель — прервать ком-

¹ *Özoğlu H.* Op. cit. P. 386.

² *Yildiz U.* Op. cit. P. 47. URL: <http://hdl.handle.net/10945/47898>

³ *McDowall D.* A Modern History of the Kurds. 4th Edition. P. 420.

муникации ПРК, которые проходили по территории курдских районов Ирака. Но турецким силам до сих пор не удается уничтожить лагеря ПРК в Кандиле. Это происходит потому, что в добавление к горам курды получают новых союзников. Кто бы мог предсказать, что Саддам Хусейн развяжет разрушительную для Ирака восьмилетнюю войну с Ираном. Отражая агрессию, иранцы возобновили поддержку курдов, прерванную при шахе. За короткий период она создала базы в Сирии, Ираке¹ и Иране. С 1982 г. Турция по соглашению с Багдадом договорилась о преследовании боевиков ПРК, если они скрылись на иракской территории, но этих договоренностей было недостаточно, чтобы уничтожить базы ПРК в Ираке, главные из которых находились на значительном удалении от турецкой и вблизи иранской границы, где они могли при опасности скрыться, имея на это неафишируемое согласие спецслужб Ирана. Союзником ПРК в Ираке был преимущественно ПСК, действовавший в провинции Сулеймания, граничащей и с Турцией, и с Ираном. Явно не без поддержки Ирана ПРК к 1984 г. усилилась настолько, что перешла в наступление в Турции, где смогла разжечь вооруженное восстание на юго-востоке страны. Это был момент, когда казалось, что курдский мир оживет и придет в движение. Это был пик влияния ПРК в курдском национально-освободительном движении. Она воспринимала себя как партию всего курдского мира.

Стоит напомнить, что ДПК была создана ещё до возвращения Мустафы Барзани из Москвы в 1958 г. Она создавалась как социал-демократическая, поскольку в это время в Ираке преобладал левый уклон. Но её природа претерпела коренные изменения из-за личности Мустафы Барзани, который в мобилизации сторонников для ведения боевых действий против сирийских правительственных войск опирался на родовые связи, поэтому не только партия, но и отряды пешмерга ДПК превратились фактически в родовую дружину. Прежнее «интеллигентское» руководство ДПК было оттеснено и в конечном итоге покинуло партию. В результате ДПК стала партией, которая представляет

¹ «...ПРК подписала соглашение в 1981 г. с ДПК, которая, в конце концов, контролировала иракскую часть Курдистана вдоль границы с Турцией. Соглашение предоставляло ПРК транзитные права и тыловые базы на территории ДПК». Kutschera Ch. *Mad Dreams of Independence. The Kurds of Turkey and the PKK* // *Middle East Report (MERIP)*. 1994. No. 189. P. 12–15. URL: <https://merip.org/1994/07/mad-dreams-of-independence/> (дата обращения: 12.03.2022).

не курдов вообще, а коренной этнос этого района. Об этом не говорят прямо из-за политкорректности: и политическая система допускает наличие других партий, и существуют выборы, но де-факто это обстоит именно так, и это не прихоть нынешнего главы ДПК Масуда Барзани, а результат генезиса Иракского Курдистана как этнополитического образования, а курдской нации Иракского Курдистана — как этнической нации. Ей свойственно уважать права и предоставлять представительство национальным меньшинствам, но это скорее проявление сословного подхода, чем характеристика демократического устройства политической системы региона.

Возвышению же ПРК способствовало то, что к моменту её возникновения ДПК после поражения длительного и тяжелого «Сентябрьского восстания» (1961–1975) и смерти лидера — Мустафы Барзани (1979) — потеряла прежнее влияние, хотя сохраняла позиции в горных районах Иракского Курдистана. Силы ДПК были подорваны большими людскими потерями: было много погибших, и многие покинули Ирак. Давление на курдов Ирака нарастало. В 1977–1978 гг. из курдских районов было выселено до 200 тыс. курдов, а на их место переселили арабов из южных провинций. Саддам Хусейн, вдохновленный победой над ДПК, приступил к проведению политики арабизации курдских земель. Аналогичные процессы происходили и во время ирако-иранской войны. Эти годы отмечены геноцидом курдов в ходе операции Анфаль (1987–1988), а 16–17 марта 1988 г. население курдского города Халабжа стало жертвами применения химического оружия. Время для курдов и их партий было очень сложным. Не было видно света в конце туннеля. Партии могли положиться только на взаимную помощь и на проницаемость границ, особенно там, где они проходили по горам. В этот период по своему военно-политическому престижу и бескомпромиссности лидировала ПРК. Она проводила масштабные военные операции в Турции, её сети связывали курдский мир в одно целое.

Но курдский вопрос оставался актуальным в международном плане, поскольку правительства соседних стран, имевших друг к другу претензии, рассматривали курдов и их борьбу как некоторый подрывной потенциал, полезный в их взаимной борьбе. Нужна была политтехнология, которая бы обеспечила мобилизацию курдского населения в ряды сторонников новой партии. Именно поэтому активность молодежной группы, настроенной на революцию, началась с создания партии нового

типа, как это предполагала марксистская доктрина. Модель этого курдского социалистического, или коммуналистического, государства была позже предложена её лидером, Абдуллой Оджаланом, и должна была воплотиться в жизнь в результате вооруженного восстания, которое партия подняла практически с первых лет своего существования.

Одним из факторов успеха было то, что она сразу заняла место национальной партии, заявив о своей курдской природе, что в условиях Турции (а эта партия возникла как турецкая, т. е. ориентированная на политическую борьбу в Турции) было опасно, поскольку всякая национально или религиозно окрашенная политическая деятельность была под запретом. Но такой шаг создавал базу для мобилизации поддержки партии, хотя и не легитимную. Если даже в 1978 г. вести такую подпольную деятельность было сложно и небезопасно, то после военного переворота 12 сентября 1980 г. действовать на территории самой Турции было практически невозможно. Основатели партии были арестованы, за исключением небольшой группы во главе с Абдуллой Оджаланом, которая укрылась в Сирии.

6.2. Позиция Рожавы в рамках курдского мира.

«Военно-полевая демократия»

В 1990-е годы позиции Дамаска на ближневосточной арене ослабли. Это было связано с рядом факторов, в том числе и с практическим уходом СССР с Ближнего Востока. В 1998 г. Турция, пользуясь новыми обстоятельствами, навязала Сирии Аданское соглашение (см. подробнее Гл. 4.2). Оно в корне изменило ситуацию в курдских районах, прилежавших к турецкой границе.

После пленения Оджалана ПРК отказалась от прежнего названия и ранее заявленных целей политической борьбы.¹ Это привело к обособлению отреформированной ПРК её «страновых» частей, ограничивших

¹ Вертяев К. В., Иванов С. М. Указ. соч. С. 245; «В связи с тем, что вооруженный этап борьбы признавался завершенным, Армия Освобождения Народов Курдистана (АОНК) трансформировалась в Народные силы самообороны Курдистана (НССК), а Фронт Национального Освобождения Курдистана (ФНОК) в Народно-демократический союз Курдистана (НСК)». (Лебский М. А. Курды. Потерянные на Ближнем Востоке.)

свою активность границами своих стран. К тому же костяк старого руководящего состава ПРК утратил былую мобильность и оказался, по сути, изолированным в горах Кандиль на границе Ирака и Ирана. Из-за организационного кризиса в ПРК её структуры в Сирии обрели значительную самостоятельность относительно своей материнской организации — ПРК и силовых структур Сирии, которые разорвали существовавшие ранее отношения с ПРК, выдворив из страны А. Оджалана и других членов руководящего ядра партии.

Для сирийской части бывшей ПРК наступил период поиска путей самоорганизации и становления уже в качестве собственно сирийской партии, поскольку не только сирийско-турецкая граница оказалась перекрытой и стала барьером, но и новая реальность была принята самой ПРК и отражена в её новой структуре. В апреле 2002 г. на VIII конгрессе ПРК унитарная и предельно централизованная партия одного пожизненного лидера была распущена, а вместо неё была создана зонтичная общественно-политическая структура — Конгресс Свободы и Демократии (KADEK)¹. Это решение предполагало создание «в пределах разных частей Курдистана» новых демократических партий, которые и должен был объединить KADEK, своеобразный региональный ближневосточный интернационал представителей малых народов, чьим интересам потенциально отвечала концепция демократической федерации как принципа организации общественной жизни в административных границах их расселения, но не вообще на курдских территориях, а в пределах определенных национальных государств, от борьбы с которыми бывшая ПРК отказывалась. Это была попытка почетной капитуляции, т. е. ухода от вооруженной борьбы с национальными государствами, которая была явно

¹ *Вертяев К. В.* Курдский вопрос в политике Турции (конец XX — начало XXI века). С. 180; «В апреле 2002 г. состоялся восьмой конгресс партии, собравший 285 делегатов. На нем было принято историческое решение об упразднении ПРК и создании новой общественно-политической структуры — Конгресса Свободы и Демократии (KADEK)... Даже из этимологии нового названия заметно коренное изменение курса организации. В официальном заявлении говорилось: “Это было решение (создание KADEK), которое разместило различные организации, которые должны быть созданы, в пределах разных частей Курдистана и связано с должным вниманием к новой линии...” Стиль борьбы ПРК в настоящее время устарел и именно поэтому все действия под этим именем были прекращены с 4 апреля 2002 г.». (*Лебский М. А.* Курды. Потерянные на Ближнем Востоке; См. также: *Yildiz U.* Op. cit. P. 11. URL: <http://hdl.handle.net/10945/47898>)

не по силам сторонникам Оджалана, на уровень субнациональной, административной субъектности, которая не задевала бы основы межгосударственных отношений национальных государств Ближнего Востока. Это был отказ от прежних планов в отношении будущего субъектного единства курдского народа, которые предполагали освобождение и последующее объединение четырех частей Курдистана. Основные положения Аданского протокола своеобразно преломились в решениях VIII съезда ПРК, на котором ПРК отказалась от былой трансграничности своей деятельности, лежавшей в основе её всей предшествующей истории как реальной организации. Это открывало путь её партиям-последователям к становлению в качестве нормальных, а не трансграничных партий в своих странах. Процессы создания таких партий стартовали в Турции и в Сирии. В Ираке же, несмотря на то, что именно на базах ПРК на территории Ирака сохранились и долгое время пребывали в почти нетронутом виде её военно-партийные структуры, ПРК не играла самостоятельной роли, и хотя она влияла на внутривосточную ситуацию, играя на противоречиях между ДПК и ПСК, ей не удалось создать свою партию-сателлит, в основном ввиду противодействия этому со стороны ДПК. Но с 2014 г., когда она пришла на помощь езидам в Шенгале (Синджаре), спасая их от ИГИЛ, ПРК пытается компенсировать этот недостаток и утвердиться в езидских районах, как на своей собственной территории. В этом есть признаки своеобразной локализации ПРК и завершения процесса трансформации ПРК от организации, претендовавшей на создание единого курдского государственного образования в пределах курдского мира, до организации, на излете своего существования пытающейся закрепить за собой небольшую часть этого пространства.

Политические процессы в курдских районах Сирии в силу внешних, не зависящих от курдов обстоятельств приняли очень динамичный характер. В 2003 г. была создана ПДС, которая с тех пор играет значительную роль на севере и востоке Сирии. Не признавая своей прямой связи с ПРК, эта партия унаследовала её организационные связи, опытный кадровый состав и даже её идеологию, а самое главное — военную организацию ПРК, которая превратилась в относительно самостоятельные силы самообороны, породив до какой-то степени двоевластие в этом регионе. От ПРК сохранился политический стиль: это по-прежнему управляемый процесс, а не свободное творчество масс, несмотря на все заявления. Но для ПДС А. Оджалан, чьи портреты, как

и портреты Мао в Китае, мелькают повсюду на северо-востоке Сирии, является символом и, возможно, учителем, но не вождем, определяющим направления развития партии и северо-востока Сирии. ПДС предложила свой вариант регионального конфедеративного устройства, но в условиях современной Сирии сложно сказать, выживет ли этот, пока автономный, социальный организм или его сметет унифицирующая волна общесирийских преобразований, подобная той, что сейчас бьется с арабского юга в «стены» Иракского Курдистана. Идеология ПРК просматривается в том, что ПДС склонна к социальной инженерии (и связанной с этой склонностью определенной утопичности), связанной с поиском форм адаптации населения региона к локальным окружающим условиям. При этом курды из-за их малочисленности и периферийного положения в Сирии не в силах изменить общий социально-политический контекст развития страны, в которой они, несмотря на военные успехи, пребывают в качестве пренебрегаемого меньшинства.

С начала 2000-х годов судьба предоставила курдам новый шанс: в Сирии умер Хафез Асад (2000), и сирийское государство вновь вошло в кризисный период, после теракта в Нью-Йорке 11 сентября 2001 г. началось вторжение США в Афганистан (2001) и в Ирак (2003), которое привело к свержению и казни Саддама Хусейна и резкому ослаблению центральной власти в стране. Турция по отношению к американской военной операции в Ираке заняла двойственную позицию, видимо, не получив тех дивидендов, на которые она рассчитывала, и даже в последний момент отказала США в использовании своей территории для ввода их войск в Ирак. В этой ситуации США были вынуждены сделать ставку на иракских курдов и не прогадали, а курды, безусловно, выиграли. Начался новый цикл развития внутри Ирака, где курды смогли, благодаря американской поддержке, придать своей автономии законное основание (согласно новой иракской конституции 2005 г.). Получив нового, мощного патрона, курды в Ираке стали добиваться независимости (референдумы 2005 и 2017 гг.). Эстафета лидерства среди курдов перешла к Иракскому Курдистану, к ДПК, к Масуду Барзани. Но идея о «Великом Курдистане» не могла стать даже программой, поскольку никто не видел путей к этой цели, включая Оджалана.

С началом Арабской весны (2011) разразился кризис политической власти в Сирии. В стране начался вооруженный конфликт, в который активно вмешалась Турция, стремясь руками суннитских радикалов

устранить правительство Башара Асада. Последнему не удалось сохранить единство непокорной преимущественно суннитской элиты, полученной в наследство от отца вместе с властью. Но сирийским курдам, несмотря на давление, удалось сохранить независимость от турецких спецслужб. Обратной стороной этого стала изолированность, поскольку с севера границей для них была территория Турции, а с запада — территории правительственных сил. Каналами связи с миром стали связи ПРК, которая удерживала позиции в Иракском Курдистане и сохраняла определенные «деловые» отношения с иранскими структурами, которые независимо ни от кого контролировали пространство от Ирана до Ливана. Это — старые связи, сложившиеся ещё в годы ирако-иранской войны, когда курды активно помогали Ирану против Саддама Хусейна. Оставалась открытой — проницаемой — граница с Иракским Курдистаном, экономические связи с которым помогли автономии выстоять. Но ДПК настаивала на участии своих представителей в работе органов управления вначале федерации Рожава, затем в Администрации северо-востока Сирии, которая сменила предыдущую. Безусловно, ПДС, несмотря на опыт, в первые годы обладала ограниченными ресурсами и старалась держать границу с Иракским Курдистаном прозрачной.

В пережившей глубочайший кризис Сирии прежняя организационная спайка, унаследованная от ПРК, сработала, и сирийские курды оказались одной из немногих территорий в стране, способных защитить себя от радикалов Свободной сирийской армии (ССА), поэтому правительственные силы уступили контроль за этим регионом силам YPG, впрочем, не без острых конфликтов с курдами, сохранив свой контроль за ключевыми точками региона. По сути оборона региона от радикалов и обеспечение его хозяйственных нужд легли на ПДС. Нужна была новая форма организации власти. Отсюда родилась инициатива сирийских курдов, ещё не отряхнувших с себя прежнюю идеологию, по созданию региона демократического конфедерализма¹. С точки зрения социальной адаптации это было верное решение, потому что, оказавшись в изоляции, в том числе и от Дамаска, они должны были предложить эффективный вариант социального устройства. Но риск был в том, что этот социальный эксперимент был лишен национально-государственной оболочки

¹ Genç E. Book Reviews: Thomas Schmidinger, Rojava: Revolution, War and the Future of Syria's Kurds. London: Pluto Press, 2018. 298 p. // Kurdish Studies. 2018. Vol. 6. No. 2. P. 248.

и находится до сих пор под угрозой государственной ассимиляции, когда будет на той или иной основе восстановлена территориальная целостность всей Сирии. Сирийские курды надеются на федеративное устройство и на получение региональной автономии на севере и востоке Сирии. На такой исход можно надеяться, но его трудно просчитать, если принять во внимание все особенности сирийской государственности и турецкую позицию по отношению к курдам.

В 2013 г. конец этому социальному эксперименту чуть не положило ИГИЛ. Но вместо неминуемого несчастья и грозившей зачистки северной Сирии от курдов Силы самообороны, отчаянно обороняясь в Кобани, оказались в числе де-факто союзников международной коалиции по борьбе с ИГИЛ, получили от США помощь и стали их союзниками. В отличие от предыдущих курдских патронов США, встречающие нарастающую враждебность со стороны арабов Ирака и Сирии, заинтересованы в прямом, союзническом взаимодействии с курдами, ставшими их основной ударной силой в ведении наземных боев против ИГИЛ. Для курдов это — значительно более высокий статус, чем быть прокси-акторами спецслужб исподтишка враждующих между собой стран. ПДС и PYG (силы самообороны) сыграли выдающуюся роль в борьбе против ИГИЛ, оказавшись адекватными ему с точки зрения ведения боевых действий симметричными силами. Но их успех был связан с возможностями получения помощи со стороны других курдских образований, со стороны региональных и глобальных акторов. Неожиданный успех в Кобани и американская поддержка, придавшая курдским структурам в Сирии определённый международный статус, позволили сохранить курдские социально-политические наработки периода безвременья в Сирии (Рожава) и в дальнейшем привели к формированию на их базе Автономной администрации Северной и Восточной Сирии как геокультурной общности, имеющей шанс выжить.

В становлении протогосударственных структур в Сирии значительную роль сыграла военная, материальная и организационная помощь Иракского Курдистана, превратившегося после свержения Саддама Хусейна из номинальной курдской автономии в серьёзную военную и политическую силу, имеющую значительный собственный вес в Ираке и международную поддержку за рубежом. Процессы в разных частях разделенного Курдистана сильно отличаются друг от друга, но после начала войны в Ираке, приведшей к обретению курдами реальной автономии,

включая её военную составляющую, между курдскими районами существовало взаимодействие благодаря проницаемости границ между ними. Но до полного урегулирования военно-политической ситуации в Сирии у курдов нет гарантий безопасности. Они слишком завязаны на помощь США, которые могут в любой момент покинуть Сирию, оставив курдов один на один с турецкими силами и с правительством Башара Асада. Надежду на благополучный исход этой ситуации для курдов дает то, что, несмотря на противоречия между Дамаском и Вашингтоном, Вашингтоном и Москвой, проницаемость границ региона позволят сирийским курдам сохранять открытыми каналы связи.

Если в 1970-е годы Оджалан творчески использовал маоистский опыт и фразеологию марксизма, то в 2000-х годах, будучи вынужденным прекратить вооруженную борьбу против Турции, он в поисках решения задач, стоящих перед ПРК, перешел на позиции либертарианских антисистемных построений Мюррея Букчина, которые были близки ему и ранее. Он использовал их для актуализации гендерной политики и других аспектов деятельности ПРК на территории Сирии, где она вела именно политическую работу, а не военные операции, как в Турции. Иная линия поведения в Сирии в силу того, что сирийские курды исключались из борьбы за Сирийский Курдистан, создавала иной фон и иное восприятие деятельности ПРК среди сирийских курдов, которые за двадцать лет втянулись в тесное сотрудничество с ПРК и пропитались её идеологией. Разница полярностей турецкой и сирийской линии поведения ПРК крайне важна, чтобы понять судьбу Рожавы или курдских районов Сирии. То, что происходило в лагерях ПРК в Сирии в 1990-е годы, можно было уже тогда рассматривать как реализацию идей Мюррея Букчина. «Военная демократия» была особенно удивительна, поскольку это происходило на Ближнем Востоке, где основным трендом развития была возрастающая авторитарность политических режимов. Потерпев военное поражение, Оджалан трансформировал эти сирийские подходы в концепцию построения демократического конфедерализма в Курдистане, теоретически имея в виду распространить их на территорию Большого Курдистана в целом.

В развернутом виде новая линия была сформулирована в 2005 г. в «Декларации демократического конфедерализма в Курдистане». Отказ от вооруженной борьбы по Оджалану не представлял отказа от идеи создания единого Курдистана, но сейчас предлагалось идти

путем формирования неформальной (негосударственной и не межгосударственной) конфедерации курдских общин (коммун), которые, хотя и будут действовать на территориях национальных государств, где они находятся в качестве меньшинств, будут объединены общими для них ценностями энвайронментализма, самообороны, гендерного равенства и плюралистической терпимости к религии, политике и культуре.

Безусловно, концепции демократического конфедерализма разработал Мюррей Букчин, но впервые на них обратил внимание ещё В. И. Ленин, который увидел прообраз прямой (принимающей решения и работающей) демократии в иваново-вознесенском совете рабочих уполномоченных (1905), который в условиях первой русской революции и порожденного этим кризисом социально-экономического хаоса, как показалось В. И. Ленину, эффективно пытался разрешать местные проблемы, тем самым создавая формы народной (демократической) власти. Повторно «советы» возникли после Февральской революции 1917 г. и сыграли решающую роль в захвате власти большевиками, которые возглавили Петроградский совет, на базе которого была создана система советской власти. Это дало В. И. Ленину право написать: «Если бы народное творчество русской революции, прошедшее через великий опыт 1905 г., не создало Советов ещё в феврале 1917 г., то ни в каком случае они не могли бы взять власть в октябре, так как успех зависел только от наличности уже готовых организационных форм движения, охватившего миллионы...»¹ Но В. И. Ленин, безусловно, понимал, что, не установив власть своей партии в стране, никакие советы на местах не произведут реальных перемен и прежде всего не выживут. Отсюда его установка о том, что только тот марксист, кто идет к диктатуре пролетариата в стране, при этом диктатура пролетариата понималась как диктатура РСДРП(б). Но после свержения Временного правительства в России он снова оказался во власти этой идеи, и советы были созданы, отчего власть и получила название советской, правда, они были бюрократизированы и полностью подчинены удушающему влиянию однопартийной системы, что было естественно, поскольку ВКП(б) была признана ядром всех общественных организаций. Типологический аналог такого рода советов, которые бы все решали на своей территории, пытался внедрить

¹ Ленин В. И. Седьмой экстренный съезд РКП(б), 6–8 марта 1918 г. Политический отчет Центрального комитета. 7 марта // ПСС. Т. 36. Март–июль 1918. М.: Политиздат, 1974. С. 6.

Н. С. Хрущев в не понятой никем реформе совнархозов в 1957 г., видя в них средство пробудить творчество масс и на этом подъеме перейти к строительству коммунизма. Правда, при этом он не собирался выпустить политической власти в стране из рук КПСС. Эта попытка кончилась провалом, мобилизационная плановая централизованная экономика устояла. Опыт Н. С. Хрущева был признан неудачным, но никто его не представляет как попытку введения в стране демократического конфедерализма на региональных и местных уровнях. Однако стоит отметить, что «советы» (соборы) как политическая практика характерны для традиционной вечевой культуры иранского, германского, тюркского, славянского, русского миров. Нынешние «Хашдэш-Шааби» в Ираке, возникшие в ответ на угрозу ИГИЛ, типологически не сильно отличаются от «Красной гвардии» времен русской революции 1917 г. Аналогии можно найти в другие периоды в странах вечевой культуры. Так, Томас Шмидингер проводит параллели с советами во время гражданской войны в Испании, с советами времен российской революции, а также с революционными советами в Баварии и Венгрии, когда там возникли «советские республики» в конце Первой мировой войны¹.

Суть стратегии А. Оджалана, осмыслившего новую ситуацию, связанную с поражением восстания ПРК в Турции, состояла в том, чтобы вместо свержения существующей власти вооруженным путем предложить линию мирного политического де-факто неподчинения центральной государственной власти путем создания параллельной структуры местного и регионального управления. Одновременно это был отказ от создания национального курдского государства. По сути, это было признанием того, что единый Курдистан как национальное государство курдов в рамках современного Ближнего Востока создать невозможно. Это был и косвенный отказ от создания курдских государственных образований даже там, где это возможно, а именно в Иракском Курдистане. Многие даже образованные курды не могут понять подобного отказа, по крайней мере в Ираке, где курдская государственность есть в виде признанной автономии, и Сирии, где вопрос ещё не решен. Они буквально, а значит, неправильно поняли отказ А. Оджалана от единого

¹ *Schmidinger T.* The Battle for the Mountains of the Kurds: Self-Determination and Ethnic Cleansing in the Afrin Region of Rojava. Panel discussion. 25.11.2019. URL: <https://events.ceu.edu/2019-11-25/battle-mountain-kurds-self-determination-and-ethnic-cleansing-afrin-region-rojava> (дата обращения: 12.12.2021).

Курдистана. А. Оджалан не был бы сам собой, если бы не предусмотрел в своем отказе от курдской государственности «двойное дно». Отказ от национального курдского государства означал на деле сохранение курдского мира в его прежнем домодернистском виде. Формально в рамках законов турецкого, иранского и арабских государств курды де-юре оставались разьединенным народом, но эта раздробленность в одностороннем порядке, т. е. со стороны самих курдов, не получала признания: курды продолжали воспринимать себя единым народом, или, в идеале, те, кто стали последователями А. Оджалана, должны были воспринимать себя просто единомышленниками независимо от национальности. Курдский мир в сознании сторонников ПРК продолжал существовать как единый, поскольку курды, принимая концепцию демократического конфедерализма, одновременно отказывались и от социально-политического участия в национальных государствах, удерживающих в своем составе насильно куски курдского мира, а должны были жить параллельным миром созданных ими демократических общин, образуя через негосударственные связи демократическую конфедерацию. Именно в этом заключался смысл предложенной концепции «Союза сообществ Курдистана», т. е. демократической конфедерации. Она создавалась сразу как своего рода светский демократический халифат, будучи аналогичным ему надгосударственным образованием с добровольным подчинением ему населения низовых самостоятельных коммун (сообществ), разделяющих взгляды и цели «Союза сообществ Курдистана». Структура «Союза сообществ Курдистана» повторяет в своих основных чертах орденскую структуру, или структуру Римской католической церкви X–XIII вв., т. е. до образования национальных государств в Европе. В частности, она похожа на структуру наднационального Тевтонского ордена.

Структурные подразделения этого «Союза сообществ Курдистана» (Koma Cîvakên Kurdistan, КСК) было решено создать во всех странах, где проживают курды, а в состав вошли следующие партии: ПРК (Северный Курдистан, Турция), ПДС (Западный Курдистан, Сирия), Партия свободной жизни Курдистана (Восточный Курдистан, Иран), Партия демократического решения Курдистана (Южный Курдистан, Ирак), организационное единство которых поддерживается органом управления — Народным конгрессом Курдистана (Kongra-Gel, запрещен в Турции и ряде европейских стран) — коллективным зонтичным выборным органом, его сопредседателями являются мужчина и женщина. Съезд (ассамблея) «Союза сооб-

ществ Курдистана» избирает Исполнительный совет в составе 31 человека. Первым председателем этого Исполнительного совета был Мурат Карайылан, а Джемиль Байык («правая и левая рука Оджалана») был избран вице-президентом Исполнительного совета. Исполнительный совет сосредоточивает в своих руках реальную власть, а главное — управление военными отрядами. Власть принадлежала старым кадрам ПРК — председатель Мурат Карайылан (одновременно командующий боевыми силами ПРК, располагавшийся в Кандиле, где и созывался Народный конгресс), а Джемиль Байык¹ — вице-президент. После ареста Оджалана они фактически возглавили ПРК. То есть трансформировавшись под влиянием обстоятельств, организация, тем не менее, не утратила своей изначальной военной природы. В ПРК — это ядро основателей, ядро Оджалана. В каждой стране своя партия и свои силы самообороны — реальная власть находится в руках военных кадров с опытом партизанской борьбы. Так, в Исполнительный комитет ПРК, за которой закреплена Турция как место её локализации, входят три человека: действующий лидер ПРК Мурат Карайылан, Джемиль Байык и Фехман Хусейн (известен и под именем Бахос Эрдал) из Рожавы. Таким образом, структура ПРК сохраняет наверху высокую степень централизации, власть находится в руках лиц, изначально входивших в ядро группы А. Оджалана: Джемиль Байык, Хаки Карер (убит в 1977 г.), Дуран Калкан, Али Хайдар Кайтан и Мазлум Доган (сжег себя в тюрьме в 1984 г.), сформировавшейся ещё в 1972–1974 гг., или прошедших жесткий отбор, как Хюля Оран (обычно это женщины-боевики либо командиры боевых отрядов). КСК охватывает страны, в которых представлены политические группировки, входящие в состав КСК, опирающиеся на локальные силы самообороны. Партии в своей деятельности на территории опираются на поддержку самостоятельных коммун, которые свободно и по собственной воле, т. е. демократически, а не в рамках государственных отношений, взаимодействуют между собой. Реально всю структуру сверху донизу пронизывает система персональной власти, осуществляемой ядром группы Оджалана. Связь между вертикальными структурами поддерживается путем совмещения одним лицом нескольких должностей в структурах разного уровня. В этом нет ничего необычного, так построено управление трестами или другими монополиями — за счет того, что доля

¹ Один из основателей ПРК.

в компании более высокого уровня дает руководящую позицию в компании более низкого уровня.

После официального объявления о начале мирного процесса между ПРК и Турцией на генеральной ассамблее КСК в июле 2013 г. исполнительное руководство ССК было реорганизовано. Вместо прежней должности единственного председателя была внедрена система двойных сопредседателей, при которой одна должность зарезервирована за мужчиной, а другая — за женщиной. Джемиль Байик и Хюля Оран (она же Бесе Хозат) заняли должности сопредседателей (оба обычно находятся в лагерях ПРК в горах Кандиль), а М. Карайылан был назначен главкомандующим Народными силами обороны (НСО), официального военного крыла ССК. При этом Карайылан — действующий лидер ПРК (в отличие от почетного, а реально номинального А. Оджалана) и руководитель её вооруженного крыла. По мнению ряда экспертов, таких как М. Гюнтер, именно в руках Карайылана сосредоточена реальная власть в Рожаве¹. Вместо Исполнительного совета создан Президентский совет, в который вошли Джемам Байик, Создар Авеста (Нурие Кесбир), Мурат Карайылан, Мустафа Карасу (Хусейн Али), Бесе Хозат и Элиф Пазарджик.

Реально эта система в полном объеме заработала только на базе ПДС в Сирии, чему способствовали местные обстоятельства. В 2011 г. там начались боестолкновения, и правительство Сирии утратило контроль над северо-восточными районами, оказавшимися под контролем ПДС и сил самообороны (PYG) как наиболее организованной и боеспособной в этом регионе организации по сравнению с другими, пытавшимися там взять власть.

Открытому этапу мирных переговоров предшествовал поиск решений, этап, начавшийся в 2009 г., на котором власти Турции пошли на некоторые уступки курдам. Перед началом открытых переговоров с ПРК, имевших целью добиться ухода сил ПРК из Турции, 1 января 2009 г. был запущен в круглосуточном графике первый курдский телеканал Турецкого радио и телевидения, спонсируемый государством². В 2011 г. правительство Турции принесло официальные извинения за «дерсимскую резню», признав ошибочность антикурдской политики кемалистов.

¹ Gunter M. Out of Nowhere: The Kurds of Syria in Peace and War. P. 23.

² Al S. Human Security Versus National Security: Kurds, Turkey and Syrian Rojava // Comparative Kurdish Politics in the Middle East. Actors, Ideas, and Interests. Palgrave Macmillan Cham, 2018. P. 72.

Но чтобы положить конец ПРК или, по крайней мере, сильно её обескровить, нужно было покончить с проницаемостью границ Сирии и Ирака, чтобы ПРК не могла уйти и восстановить свои силы в надежных укрытиях. Но это вновь стало непросто сделать, потому что в начале 2000-х годов, когда началась агрессия США на Ближнем и Среднем Востоке, стало ясно, насколько процессы государственного строительства в Сирии и Ираке были далеки от завершения. Границы снова не стали проницаемыми для курдов. Уцелевшие боевые отряды ПРК оказались востребованными в Сирии и Ираке, где предстояла новая фаза борьбы, тем более что противник, вооруженные силы Турции, с которым они сражались два десятилетия, через какое-то время перешел на их сторону поля, вторгся в земли сирийского и иракского Курдистана. Безусловно, рост военного престижа ПДС и сил самообороны в Сирии возбудил у Турции опасения, что курды утвердятся в полосе, примыкающей к турецко-сирийской границе, как коренной этнос и смогут создать автономный регион, как это случилось в Ираке. Чисто теоретически это могло стать опасным примером для турецких курдов и привести к возобновлению борьбы за «Большой Курдистан». По крайней мере, в турецком обществе можно было разжечь опасения по поводу такого хода событий.

Эрдоган сделал упор на курдский фактор, актуализируя повестку ПРК и в Сирии, и в Ираке, когда в 2015 г. дал старт новой военной кампании против ПРК и связанных с ней организаций в Сирии и Ираке. Турция, наряду с вторжением в Сирию, возобновила бомбардировку позиций и лагерей ПРК в полосе от Африна до Кандиля. Военный ответ ПРК на территории Турции не смог изменить ситуацию в курдских районах. Городские восстания на юго-востоке страны были подавлены, курдские жертвы были значительны. Но, несмотря на такую кровавую развязку в Турции, причины турецкой агрессии в Сирии нельзя сводить к курдскому вопросу.

В период с 1998 по 2015 г. курдское повстанческое движение в Турции претерпело большие изменения: протестные настроения стали затихать. Часть энергии просто спала, поскольку курдское население было истощено вооруженным конфликтом, который даже по статистическим оценкам стоил региону очень дорого¹, часть энергии, особенно сильных

¹ Mutlu S. The Economic Cost of Civil Conflict in Turkey. Middle Eastern Studies. 2011. Vol. 47. No. 1. P. 63–80. URL: <http://www.jstor.org/stable/27920341> (дата обращения: 09.05.2022).

курдских семей, которые могли дать детям образование, ушла в русло партийной, политической, по сути, борьбы, а часть протеста утратила курдскую идентичность и стала проявляться под исламскими лозунгами.

Возвращаясь к распаду курдского мира, который практически подошел к потере своей ныне турецкой части, несмотря на то что ещё часто всплывает название Турецкий Курдистан. Прежняя тяга курдов к автономии или независимости исчезла, но не потому, что курды Турции стали частью турецкой политической нации, а в связи с тем, что они начали отрицать значение национального государства вообще. Но в таком случае они по другому основанию, но не принимают границ Турецкой Республики, заявляя о продолжении трансграничного сотрудничества. Военное поражение ПРК (1998–1999 гг.) не купировало турецко-курдский конфликт. ПРК сохранила управляемость, активно действует в Сирии и Ираке и в принципе, как показали события 2015–2016 гг., в ответ может перенести бои на территорию Турции. Более того, подъем курдов в Сирии и Ираке вывел курдский конфликт в восприятии Эрдогана на новый уровень. В этом конфликте силы сторон крайне неравны и нет хотя бы частично компенсирующего разницу в военных потенциалах барьерного влияния государственных границ. Они сейчас перестали защищать курдов от турецкой агрессии по двум причинам: 1. Курды в этих странах заняли слишком независимую позицию, чтобы последние держали границу с Турцией на замке, ради защиты курдов. Правительства Сирии и Ирака оказались заинтересованными в том, чтобы турецкие вооруженные силы существенно ослабили ПРК, что могло бы облегчить им задачу контроля курдского населения в их странах; 2. Сирия (в 1998–2022 гг.) и Ирак (в 1982–2022 гг.) были ещё слишком слабы, что защитить свои территории и, соответственно, своих курдов от Турции. Багдад сегодня согласен на трансграничные операции, формально это право есть у обеих армий, но реально этой возможностью пользуется только Анкара. Дамаск все ещё не в силах восстановить контроль над своей территорией из-за двусмысленной роли США в Сирии.

В этой ситуации курды, чтобы уцелеть, нуждаются во внешних спонсорах их безопасности, какими в Сирии и Ираке для них в силу обстоятельств оказались США. На защиту от Турции со стороны от «своих» стран — Сирии и Ирака — они смогут рассчитывать, только отказавшись от надежд на независимость, поскольку только в том случае курды будут иметь серьезную поддержку своих стран в их неизбежном кон-

фликте с Турцией. Кроме того, демократический конфедерализм будет вряд ли принят и понят в Сирии, если она не будет децентрализована или превращена в федерацию. Ещё более печальной будет судьба курдов Сирии, если допустить, что в конечном итоге победят радикальные арабы-сунниты.

Эксперимент по созданию нового общества на коммуналистических основах стал продолжением политического процесса, который был по всем его параметрам полностью противоположным тому, что происходит в этом районе сейчас. В Сирии у А. Оджалана не было иной возможности действовать, как сделать ставку на сирийских курдов для развертывания вооруженной борьбы в курдских районах Турции. Для этих курдов у него была сколь вдохновляющая, столь и утопическая идея восстановления единого большого 40-миллионного Курдистана, который предстоит освободить. Такая цель помогла мобилизовать в партию и в боевые отряды курдов из Сирии и других частей Курдистана, включая курдскую диаспору из Европы, а после распада СССР — даже с постсоветского пространства. Вдохновленные идеей свободного Курдистана, тысячи курдов-патриотов не могли даже подумать, что это — пирамида, только не финансовых средств, хотя ПРК собирала с курдского населения и денежные средства, а вложений пота, крови, испытаний, оставшихся лет жизни, связанной с полным отказом от семейных радостей, а у кого-то и от нормальной карьеры. «Благополучателем» этого предприятия являлась верхушка ПРК, но она видела свою выгоду не в примитивном получении денежных доходов, а в социальном престиже в плане обоснованного занятия лидерских позиций в курдском военном лагере, в который Оджалан и его товарищи превратили курдскую общину. Эта пирамида социально-психологической обработки населения производила не товары, а другой продукт — «боевиков», людей без страха и упрека, которые героически сражались за Свободный Курдистан. Но это был не идеальный объект, а материальный, который мог существовать только в конкретных условиях.

Это были позиции лидеров, вождей, демиургов военно-революционного процесса, которые пользовались почетом и любовью у простых курдов, воспринимавших их наукообразные обещания неизбежной и скорой победы и построения особого курдского общества за чистую монету. Их влияние на курдскую массу ещё больше возросло, когда начались боестолкновения, гибель людей, ранения,

взаимная ожесточенность и озлобленность, а часто и вопиющая жестокость противников, которая требовала отмищения. Маховик протеста и межэтнической войны раскручивался. Все то, что помогало лидерам курдского движения занять такое место в жизни создаваемого ими для себя общества, какое было невозможно в обыденной жизни турецкого курда в тот период: при переходе от аграрного к промышленному обществу огромное количество людей было выброшено на улицу, лишилось средств к существованию, стало «люмпен-пролетариями», *dangerous classes*. Эта горячая масса представляет огромную опасность для социально-политической стабильности. Как от избыточного населения избавлялись в Англии, К. Маркс описал детально. Любые межэтнические противоречия в этом случае существенно ухудшают ситуацию. Не случайно начало подавления курдского движения после Первой мировой войны совпало с тем, как в Англии шло безжалостное подавление борьбы ирландского народа. В Веймарский Германии именно масса люмпен-пролетариев, появившихся в результате того, что по итогам Первой мировой войны экономическое пространство Германии было резко заужено, стала сбиваться в отряды штурмовиков, начавших в этих условиях решать задачи собственного выживания и в конечном итоге ставших социальной основой нацистского режима в стране. Нацистский режим в социальном плане — это порождение *dangerous classes* в том случае, если им удастся захватить власть и навязать обществу свою диктатуру.

Но у курдов Турции в 1970-х годах были уже и другие альтернативы. М. Лебский формулирует задачу необходимости «изучения этапа формирования кадрового и идеологического ядра ПРК в 1970-е годы», поскольку «без тщательного исследования процесса генезиса организации невозможно правильно судить о причинах начала вооруженной борьбы и тех идеалах, ради которых сражались курдские революционеры»¹.

Не было для Оджалана и проблемы в том, что Сирия не была демократией и невозможно было рассчитывать вести вооруженную деятельность с её территории без сотрудничества с её спецслужбами, т. е. не превратив свою партию одновременно в прокси-организацию, действующую в интересах другого государства. При небольшом пропагандистском развороте и отсутствии какой-либо лояльности к Турции,

¹ Лебский М. А. Курды. Потерянные на Ближнем Востоке. С. 9.

Ираку, которые в революционной курдской среде не воспринимались как родные страны, а лишь как страны-угнетатели и колонизаторы, сирийские спецслужбы оказывались недальновидными союзниками курдов, временными попутчиками, которые, к тому же, были готовы «платить» за ослабление Турции или Ирака. В борьбе с Турцией и её авторитарной властью, как и отношениях с Сирией, Ираком или Ираном, безжалостно расправлявшимися с любым протестом со стороны курдов, Оджалану как курдскому патриоту были приемлемы все методы и все партнеры-попутчики. В результате в 1980-е годы при поддержке спецслужб Сирии и не без посредничества Джаляля Талабани ПРК актуализировала свою повстанческую деятельность, провозглашая цели национального освобождения курдов. Но и ПРК, и сирийские спецслужбы понимали, что речь идет исключительно о подрывной активности на территории Турции, а цели ПРК и сирийских спецслужб были, безусловно, разными, о чем они, естественно, умалчивали¹. В 1975 г., за три года до возникновения партии Оджалана Джаляль Талабани

¹ Описание этой дилеммы дает Ализа Маркус: «Часто обсуждался вопрос о том, оставаться ли в Сирии, стране с авторитарным управлением, подавляющей собственных курдов. “Мы обсуждали, должны ли мы позволить себе оказаться под сирийским контролем, — говорил Камуран. — Потому что помимо турецкого военного режима Турция была намного лучшим государством, чем Сирия. В Сирии была диктатура или, что еще хуже, тирания”. Некоторые группировки искали альтернативы Сирии либо потому, что им не нравилась идея полагаться на Дамаск, либо, что чаще, потому что они хотели разместить свои повстанческие силы в самом Курдистане, будь то турецкая или иракская часть. Но вне зависимости от того, хотели они работать из Сирии или нет, почти каждая группа держала своих представителей в столице, и высшие лица приезжали туда на встречи. “Было противоречие [в опоре на Сирию], но было много противоречий на Ближнем Востоке”, — отметил бывший боевик ПРК Ибрагим Айдын. Поддержка Сирией курдских групп была, по крайней мере, первоначально, скорее молчаливой, чем явной. На практике это означало, что Дамаск не блокировал поток нелегальных беженцев из Турции, не создавал проблем курдским боевикам, обосновавшимся в Сирии, и не препятствовал движению туда и обратно в Ливан. Однако дело не в том, что Сирия была не заинтересована в ново-прибывших. Во-первых, у Сирии было собственное внутреннее курдское население, о котором нужно было беспокоиться, и она хотела убедиться, что сирийских курдов не поощряют выступать против государства. ПРК хорошо знала об ограничениях, несмотря на её официальную риторику о том, что независимый Курдистан простирается и на Сирию. “Всегда было ясно, что мы не будем предпринимать никаких действий против Сирии”, — сказал Челик». (Marcus A. Blood and Belief: The PKK and the Kurdish Fight for Independence. 2007. P. 58–59.)

создал Патриотический союз Курдистана (ПСК)¹. Эти партии и дальше будут идти в ногу. До этого Сирия создала и активно поддерживала палестинские организации, что было не случайно. Для Сирии, не обладавшей необходимой боевой мощью для прямой конфронтации с соседями, было характерно создание прокси-акторов для ведения скрытой конфронтации с Израилем, Турцией, Ираком. В пассивной конфронтации с Израилем главным орудием Сирии была «Хизболла», которая действовала с территории Ливана и Палестины, а не с сирийской территории. Сирия поддерживала палестинские структуры после их вывода из Ливана в тех же лагерях, где разместилась «Хизболла», а также нашлось место и для бойцов ПРК². Со временем все эти формирования превратились в достаточно серьезные угрозы на соответствующих территориях, что было бы невозможно без поставок сирийского и иранского оружия, обучения и финансовой поддержки³. Особенностью сирийского управления прокси-акторами было предоставление им значительной организационной и идеологической самостоятельности, а также возможности действовать там и таким образом, где и как это было выгодно властям. Это, в свою очередь, позволяло Сирии втягивать своих потенциальных противников в войну на истощение, не опасаясь

¹ «Крушение Сентябрьского восстания (март 1975 г.) застаёт его на должности помощника представителя ДПК в Бейруте. В этой ситуации Талабани заявляет, что крах восстания был обусловлен отступлением Барзани от принципов революционной и антиимпериалистической борьбы, и в результате оказывается фигурой, сумевшей объединить вновь возникшие левые организации. Заручившись покровительством враждебных Багдаду сирийских властей, он организует их съезд в Дамаске, в результате которого 1 июня 1975 г. было объявлено о создании Патриотического союза Курдистана. В мае 1976 г. ПСК возобновляет партизанскую борьбу в Курдистане. Главной базой Талабани была его родная Сулеймания и вообще район Соран, находившийся в известной оппозиции северо-западу (Бахдинану) — родине и оплоту Барзани. С началом ирано-иракской войны (1980 г.) Талабани получает поддержку иранцев в борьбе против багдадского режима (с перерывом в 1984 г., когда между ним и Саддамом Хусейном было заключено перемирие). Как утверждает Википедия, «... в 1994 г. Талабани, опираясь на поддержку Ирана, попытался произвести государственный переворот и захватить власть во всём “Свободном Курдистане”». (URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Талабани,_Джалаля) (дата обращения: 02.02.2023).

² Stein G. Endkampf um Kurdistan? Die PKK, die Türkei und Deutschland. München: Aktuell, 1994. P. 67.

³ Cordesman A. The Arab-Israeli Military Balance. Conventional Realities and Asymmetric Challenges. SCIS, 2010. P. 50–51.

подвергнуться ответным силовым действиям за «спонсорство» подрывных организаций.

Вооруженное восстание на территории Турции было поднято в 1984 г. Оно быстро изменило политическую ситуацию в курдских районах Турции. Его мощное влияние ощущалось в Сирии, Ираке и Иране. Необходимо учитывать политическую и экономическую технологию этого революционного подъема, который историки ПРК, и прежде всего сам Абдулла Оджалан, стремятся представить как результат исключительной энергии и пассионарности членов, составивших ядро партии, которое добилось своих целей благодаря поддержке курдского населения. Однако необходимо признать, что возникновение и развитие этого движения в значительной степени было следствием использования практики создания прокси-акторов¹, которые под прикрытием революционных или освободительных движений действовали в интересах своих патронов, безусловно, не испытывая к ним никакой лояльности и при любой возможности нарушая их интересы. Внутри Турции задачей было не сгладить, а обострить противоречия, разжечь протест и направить его в русло вооруженного сопротивления, независимо от тех жертв, которые такая стратегия и тактика сулили курдскому народу. В Сирии тактика была иной. Парадоксальным образом это привело к тому, что деятельность ПРК, которая была, с одной стороны, прокси-структурой, а с другой — революционной партией, в условиях Сирии породила уникальное явление — демократический коммуналистический оазис в антидемократическом окружении, специфика которого будет рассмотрена в следующей главе.

¹ Allison B. Proxy War as Strategic Avoidance. A Quantitative Study of Great Power Intervention in Intrastate Wars, 1816–2010 // Midwest Political Science Association 76th Annual Meeting. April 2018. URL: https://www.researchgate.net/publication/323457828_Proxy_War_as_Strategic_Avoidance_A_Quantitative_Study_of_Great_Power_Intervention_in_Intrastate_Wars_1816-2010 (дата обращения: 22.03.2023).

Глава 7

РЕВОЛЮЦИЯ В РОЖАВЕ: ПОЛИТИЧЕСКОЕ ПЕРЕФОРМАТИРОВАНИЕ В РАМКАХ АВТОНОМИИ

7.1. Партия Демократический союз (ПДС) как движущая сила преобразований в Рожаве

Арабская весна привела не только к серии радикальных изменений на всем Ближнем Востоке, но и парадоксальным образом укрепила уже существовавшие геополитические союзы и вовлекла во внутрисирийский конфликт новых геополитических игроков. К первым можно отнести так называемую «Ось сопротивления» («The Axis of Resistance»), обозначающую антизападный, антиизраильски ориентированный альянс между Ираном, Сирией и партией «Хизболла», который в целом сохранился, несмотря на вызовы, турбулентность и предрекаемый рядом исследователей его распад¹. Существование этого альянса, а также вовлечение во внутрисирийский конфликт внешних игроков (США, Турция, Россия, Иран) создали условия, оказавшие предопределяющее воздействие не столько на формирование, сколько на более-менее стабильное существование непризнанной курдской автономии на северо-востоке Сирии в течение вот уже более десяти лет. Несмотря на революцион-

¹ Harris W. The Syrian Kurds. A house divided // Marine Corps University Journal. 2013. Vol. 4. No. 1. P. 29.

ность произошедших на северо-востоке Сирии изменений, во главе формирующейся здесь протогосударственности (феноменальным образом отрицающей саму идею государства) стояли политические силы в лице Партии Демократический союз (ПДС), находящейся на эко-либертарианских позициях, превратившись в одновременно авторитарный и демократический (по используемым практикам) центр принятия решений и политической мобилизации многих сирийских курдов.

В условиях внутреннего вооруженного конфликта в Сирии ПДС, до этого ничем не выделявшейся из череды нелегальных и полуправовых политических партий Сирии с левацким уклоном, удалось мобилизовать в 2012 г. под своими знаменами значительное число курдов на севере и северо-востоке Сирии. Это во многом было связано с тем, что между сирийскими и турецкими курдами существовало тесное трансграничное взаимодействие и партия в силу ряда причин обладала мощным мобилизационным потенциалом.

ПДС была создана в 2003 г. как часть зонтичной структуры Партии рабочих Курдистана (ПРК), охватывающей сопредельные с Турцией страны после реорганизации и организационной дифференциации этой партии. Проведенная реорганизация ПРК и превращение её по сути в организацию зонтичного типа (измененное в 2003 г. на название KADEK (Конгресс Свободы и Демократии), которое не прижилось) были во многом вызваны пленением её лидера Абдуллы Оджалана турецкими спецслужбами в 1999 г. и потребностью в реорганизации, в том числе и с точки зрения организации структуры ее руководства. Именно этот факт является основным аргументом, позволяющим официальной Анкаре считать ПДС террористической организацией, имеющей органические связи с ПРК. При этом стоит заметить, что до 2015 г. ПДС не именовалась в Турции террористической организацией, а её сопредседатель Салих Муслим посещал в 2014 г. Анкару по приглашению оппозиционной турецкой Народно-республиканской партии (НРП). Что касается отношения сирийского руководства к ПДС, то нужно учитывать, что за несколько лет до создания ПДС отношения между сирийским правительством и ПРК ухудшились после экстрадиции лидера ПРК Абдуллы Оджалана. В целом с момента создания в 2003 г. сирийские власти относились к ПДС с недоверием¹.

¹ *Tejel J.* Op. cit. P. 117–122.

В самом начале XXI в. в руководстве ПРК имели место дебаты об изменении централизованного характера партии. ПДС была одной из новых организаций в новом комплексе политических групп после попытки самороспуска ПРК и реорганизации под другим именем. ПРК превратилась в партийный комплекс, конгломерат партий и организаций, состоящих из нескольких партий, включая ПРК как партию, которые объединяют также союзы женщин, идейно родственные партии в Ираке, Иране и в Сирии, а также силы самообороны сирийских курдов (YPG). Наряду с этим кластер партий под зонтом ПРК создал институты, через которые происходит применение и координация новых политических практик. Самым значительным из таких институтов является Союз сообществ Курдистана (Koma Civaken Kurdistan, CCK), который в основном представляет собой сеть деревенских, городских и региональных советов, собрание которых называется Народным конгрессом Курдистана KONGRA-GEL. Короче говоря, ПРК сегодня — это движение, которое институционализировалось в различных сферах и декларативно выражает себя в радикально-демократическом дискурсе. Это понимается их последователями как движение к активному гражданству или, говоря теоретизированным языком, «превращению из простых субъектов в акторов в огромных масштабах»¹. Несмотря на этот в целом глобалистский подход, ПДС в настоящее время выступает за то, чтобы именоваться именно сирийской партией, независимой от политической повестки ПРК в части принятия решений и практической политики².

Формирование сил курдской самообороны в Сирии можно проследить еще с 2004 г., когда в Камышлы после футбольного матча между командами Камышлы и Дейр-эз-Зора, чье племенное население, как известно, сильно симпатизировало режиму Саддама Хусейна, произошли ожесточенные столкновения. Однако после начала в 2011 г. Арабской весны (и, что немаловажно, резкого изменения отношений с Турцией после периода, прошедшего с подписания Аданских соглашений 1998 г., в сторону конфронтации), можно сказать, ветер изменился, и ПДС/YPG вышли на первый план в сирийском конфликте после того, как власти САР фактически создали условия для возвращения их лидеров на политическую арену. Например, Салих Муслим, ныне уже бывший сопредсе-

¹ *Isin E. Theorizing Acts of Citizenship. L.: Zed Books, 2008. P. 18.*

² *Kaya Z., Lowe R. Curious question of the PYD-PKK relationship // The Kurdish Question revisited / Ed. by Shareef M., Stansfield G. Hurst Publishing, 2017. P. 276–277.*

датель ПДС, вернулся из Иракского Курдистана в Сирию, проведя некоторое время в изгнании.

Влияние ПРК было во многом опосредовано здесь тем, что многие отряды бойцов ПРК подпитывались за счет курдов из Сирии, поэтому принято считать, что сирийские курды, в большинстве симпатизирующие ПРК, в 2003 г. и основали ПДС, которая приступила к созданию в сирийском Курдистане организационных структур, зеркальных в отношении тех, которые использовала ПРК. В первую очередь — это Движение за демократическое сообщество Западного Курдистана (*Tevgera Civaka Demokratika Rojava*), а также всевозможные женские, молодежные и просветительские организации, аналогичные тем, которые существуют на территории Турции под патронажем ПРК. Учитывая мощную базу и принадлежность к идеологии апочистов, ПДС быстро начала превращаться в доминирующую курдскую партию в Сирии. В этом проекте большую помощь и роль сыграло её боевое крыло YPG (*Yekîneyên Parastina Gel* — Силы народной самообороны). Как пишет американский исследователь Майкл Гюнтер, в 2011 г. один из бойцов ПРК Ферхат Абди Шахин (кодовое имя Сахин Чило, также известный как генерал Мазлум Абди), будучи опытным высокопоставленным военачальником ПРК со значительным политическим опытом представительской работы в Европе в 1990-е годы, вернулся в свою родную Сирию и принял на себя командование силами YPG. Эта связь с ПРК, вероятно, помогает объяснить, как ранее бессильные сирийские курды внезапно стали такой грозной боевой силой ещё до того, как в 2014 г. во время осады Кобани со стороны ИГИЛ заключили фактический союз с Соединенными Штатами¹. Кроме того, несмотря на то что ПРК была включена США в список террористов (в основном для того, чтобы угодить своему турецкому союзнику по НАТО), она активно поддержала Соединенные Штаты и иракских курдов в борьбе с ИГИЛ, когда сторонники псевдохалифата внезапно напали на езидский Синджар на севере Ирака в августе 2014 г. Действительно, без вмешательства ПРК езиды пострадали бы гораздо больше, поскольку силы иракских курдов действовали медленно, не всегда согласованно, а Соединенные Штаты оказывали только лишь поддержку с воздуха.

¹ *Gunter M. Turkey's dealing with the Syrian Kurds (Part II) // The Commentaries. 2021. Vol. 1. No. 1. P. 39–47. URL: <https://journals.tplondon.com/com/article/view/1995/1506> (дата обращения: 21.09.2022).*

На политической авансцене оказался Салих Муслим, сопредседатель ПДС, инженер-химик, свободно владеющий английским языком, который был активным участником курдского движения в 1970-х годах, обучаясь на инженерном факультета Стамбульского технического университета. По каким-то причинам власти САР разрешили ему вернуться в Сирию в апреле 2011 г., сразу после начала конфликта. Это породило слухи о сотрудничестве ПДС с властями САР и о том, что партия действует как «шабиха» или — военизированные проправительственные ополченцы в Сирии. Однако, как утверждал сам Салих Муслим, вместо этого ПДС пошли по третьему пути во время конфликта в Сирии, выбрав «срединный путь» между властями и его противниками¹. По мнению Салиха Муслима, решение курдских лидеров дистанцироваться от конфликта между властями и оппозицией было принято с тактическими целями, чтобы выиграть время на создание структур самоуправления, в то время как власть и оппозиция ослабляли друг друга своим противостоянием².

Партия Демократический союз (ПДС) заключила в Дохуке в апреле 2014 г. соглашение с Курдским национальным советом (КНС — группой из 15 сирийских курдских групп в Сирии), подписав протокол о взаимопонимании и предотвращении распрей и конфликтов. Соглашением подразумевалось совместное управление курдскими районами Сирии в рамках недавно созданного Верховного курдского совета (ВКС). В соответствии с этим соглашением вооруженные силы, связанные с ПДС (YPG), взяли под свой контроль курдские районы в провинциях Хасеке и Алеппо в результате вывода оттуда войск центрального правительства (за исключением района аэропорта Камышлы). По сути соглашение фиксировало курдов Сирии и Ирака как новую политическую силу и могло небезосновательно рассматриваться Турцией как попытка создания из этих двух образований курдского государства, причем при поддержке США, которые, в свою очередь, могли рассматривать такое политическое образование как противовес влияния Ирана и в целом «оси сопротивления»³.

¹ Ibid.

² Kurdish Leader: We Oppose Foreign Intervention in Syria. URL: <https://web.archive.org/web/20120319104840/http://www.rudaw.net/english/news/syria/4142.html> (дата обращения: 14.05.2019).

³ Bolton: Başûr ve Rojava'da kurulacak Kürt devleti ile İran'a karşı konulabilir. 18.08.2020. URL: <https://www.avatoday.net/tr/node/11183> (дата обращения: 14.12.2022).

Следует сразу оговориться, что вопрос о создании независимого курдского государства на севере Сирии никогда не поднимался теми политическими силами, которые оказались во главе самопровозглашенной автономии. Арабская весна произошла на фоне глубокого политического кризиса между курдскими политическими партиями Сирии, что, в свою очередь, способствовало актуализации курдского национального сознания в свете поисков путей выхода из сложившегося политического тупика, краеугольным камнем которого был вопрос о национальном статусе курдов в составе Сирии¹.

Эти события застали Турцию и международное сообщество врасплох. Появление новых политических акторов на национальном сирийском уровне, а также сближение сирийских и иракских курдов в рамках Дохукского соглашения 2014 г. ещё больше запутало клубок противоречий, который оставался нерешённым с начала сирийского восстания: курдские требования федерализма или автономии на фоне общей неспособности арабской оппозиции согласиться по вопросу децентрализации постасадовской политической системы ещё больше усложнили пути выхода из острого политического кризиса.

Советы в Рожаве появились летом 2012 г., когда силы местных Отрядов народной самообороны 19 июля взяли под свой контроль Кобани, 20 июля — Амуде и Африн, а в последующие дни — Дерика и Камышлы. Менее чем за две недели до этого правительственные силы отошли на окраины Рожавы, сохранив при этом опорные пункты в Хасеке и Камышлы (в районе аэропорта). Это явилось результатом как боевых столкновений, так и негласных договоренностей с центральным правительством, вынужденным мобилизовать военные силы в условиях масштабного внутреннего вооруженного конфликта в Сирии.

Как уже отмечалось, в 2012 г. именно ПДС стала наиболее популярной из всех партий сирийских курдов. Связано это было также и с ростом влияния молодежных движений, которые участвовали в выступлениях против центральной власти в Дамаске на волне подъема протестных настроений в Сирии в 2011 г. ПДС привлекала и тех, кто был разочарован политикой и идеологией (а точнее, её отсутствием) у старых политических партий сирийских курдов. Крупнейшей из таких групп «разочарованных» являлось Курдское молодежное движение, КМД (Tevgera

¹ *Allsopp H.* Op. cit. P. 176.

Ciwanen Kurd). Молодежные политически активные группы курдов Сирии обладали поразительной мобилизационной силой за счет использования интернета и социальных сетей. Эти политические группы, формирующиеся на почве этнической солидарности, не имели ничего общего с традиционными политическими партиями сирийских курдов. Одно из ярких политических заявлений молодежных групп сирийских курдов сделал в феврале 2012 г. генеральный секретарь Сирийского курдского молодежного комитета Ибрагим Мурад, который сказал, что курды выступают за секулярное демократическое государство и «не хотели бы видеть здесь исламистскую администрацию после ухода из региона администрации Асада, поскольку курды опасаются “Братьев-мусульман”»¹.

Гарриет Оллсопп связывает внутрикурдский кризис в Сирии, среди прочего, с фракционностью, элитарностью, идеологической слабостью политической системы Сирии², однако политическое сознание населения здесь было довольно высоким в результате расширения доступа широких масс к информации в интернете, вещанию курдского спутникового телевидения, обеспечивающего доступ к информации о действиях ПДС, выступавшей в качестве катализатора движения под патронажем местной квазипарламентской структуры (TEV-DEM). Партия, можно сказать, угадала с потребностью политического развития масс на самом низовом уровне.

Как уже отмечалось, в Рожаве Движение за демократическое общество (TEV-DEM) было основано кадрами из ПРК и из её родственной сирийской партии (ПДС). Пока в рамках системы TEV-DEM разрабатывалась доктрина самоуправления, боестолкновения приближались к границам автономии: сирийская оппозиция захватила города Джараблус и Манбидж к западу от Евфрата.

В одном из интервью представитель ПДС поясняет: «TEV-DEM в основном является консультативным органом, который занимается отношениями между субъектами (концепция, относящаяся к этническим, культурным или религиозным группам. — К. В.) и диалогом между политическими партиями, но у него нет собственной исполнительной власти. С другой стороны, эта система создает инициативу к учреждению новых советов и поддержке новых коммун для реализации демократии

¹ Цит. по: *Harris W.* Op. cit. P. 38.

² *Allsopp H.* Op. cit. P. 176.

снизу вверх»¹. Это позволяет нам характеризовать TEV-DEM как особую квазипарламентскую структуру, когда гражданское общество участвует через TEV-DEM, обсуждает и принимает решения, имеющие важное отношение к его социальному бытию. Все посты министерских кресел в этом органе занимают как минимум один мужчина и одна женщина, как указано выше, но с положительной дискриминацией в пользу меньшинств, таких как езиды. Однако, в отличие от обычного парламентаризма, партии не доминируют; они представлены так же, как, например, профсоюзы учителей или другие НПО.

В TEV-DEM участвуют шесть партий: ПДС (партия с наибольшей поддержкой в Рожаве), Либеральная партия, Коммунистическая партия Курдистана, Партия национального союза Курдистана (председатель Мухаммед Аббас), Партия мира и демократии (председатель Абдулкерим Зехо) и одно из ответвлений Курдской демократической партии Сирии (КДПС) (крыло, которое положительно относится к Мустафе Барзани, но критически воспринимает политику его сына Масуда Барзани в Иракском Курдистане). Арабские и сирийские партии, такие как Национальная арабская комиссия и партия Сирийского союза, также участвуют в местном самоуправлении. Члены партий, не бойкотирующих систему Рожавы, могут занимать высокие посты, вплоть до соминистра иностранных дел кантона Кобани (Идрис Нассан, ДПКС). Интеграция традиционных партий сирийских курдов в самоуправление Рожавы привела к расколу во многих партиях, одно крыло которых встало на сторону Рожавы, а другое — на сторону ДПК Масуда Барзани.

В Рожаве интересы ДПК представляет коалиция Курдский национальный совет (КНС). Она объединяет такие партии как Азади, «Эль-Парти» (председатель Абдулрахим Башар) и «Йекети», которые совместно представляют конгломерат отколовшихся от ДПКС политических групп. На момент написания книги партии, входящие в КНС, не участвовали в самоуправлении ААСВС и системе советов в рамках TEV-DEM.

Сторонники TEV-DEM настаивали на применении системы демократического конфедерализма, а сторонники Барзани в Сирии — на том, что курды должны объединиться вокруг курдского лидера Масуда Барзани. Эти и другие противоречия оказались непреодолимыми, в результате

¹ Флах А., Айбога Э., Кнапп М. Указ. соч. С. 330–331.

которых ПДС в свое время вышла из КНС, хотя попытки реинтеграции принимались в 2020 г.

Укрепившаяся в сирийской автономии к тому времени политическая структура в лице ПДС/TEV-DEM состояла большей частью из бойцов и партизан, имевших опыт инсургентской войны с целью создания независимого социалистического Курдистана (эта цель была указана в политической программе ПРК с 80-х годов прошлого века, однако вскоре трансформировалась в идею демократической автономии, по сути упраздняющей существующие границы до уровня границ стран внутри ЕС). Экспансия у самых границ автономии со стороны квазигосударства халифатского характера (ИГИЛ) и угроза радикального ислама, по сути, спровоцировали «Рожавскую» революцию в трех кантональных регионах на севере Сирии: сначала в Кобани, а затем в Джизире и Африне. Действуя по лекалам «повстанческого государства», описанным ещё Мао Цзэдуном, Народные силы обороны (Yekineyen Parastina Gel, YPG), ранее являвшиеся подпольной организацией, связанной с советами, приняли характер местной силы самообороны, связанной с собственной квазипарламентской структурой (TEV-DEM), и смогли захватить власть в курдских регионах, признавая себя частью Сирии.

Лояльность повстанцам со стороны местного населения держалась во многом на этническом партикуляризме. Свою роль в арабо-курдской поляризации сыграл тот факт, что, когда произошло восстание в Сирии, именуемое Арабской весной (2011), которое затем переросло в полномасштабный внутренний вооруженный конфликт, курды с подозрением относились к арабской оппозиции, в которой изначально доминировали поддерживаемые Турцией «Братья-мусульмане», придерживающиеся в целом арабской националистической парадигмы и отвергавшие политическую децентрализацию и признание курдских политических прав. Не предполагаемые связи курдов с Асадом, а именно антикурдская позиция этих политических сил была источником эскалации сопротивления YPG силам т. н. Свободной сирийской армии (ССА). При этом сопредседатель ПДС Салих Муслим в 2011 г. заявил, что их партия хочет не только смены власти, но и смены системы: «Мы требуем коренного изменения репрессивной системы Сирии. Есть те, кто выдвигает лозунги падения режима. Мы же требуем падения репрессивной, деспотической и авторитарной системы»¹.

¹ *Allsopp H.* Op. cit. P. 209.

Политическая легитимность образовавшихся здесь с 2012 г. под управлением ПДС местных советов проистекала исключительно из доминирования группы определенной идеологической ориентации, состоящей в подавляющем большинстве из представителей ПДС, которые зачастую отрицали политическую легитимность своих внутрикурдских политических оппонентов, в основном из числа сторонников клана Барзани из ИК, а также других мелких курдских партий — членов Курдского Национального Совета (КНС) в Сирии. Поэтому сразу следует оговориться, что такая политическая система, если она не носит инклюзивного характера, не всегда легитимна с точки зрения других политических сил и этнических групп региона — особенно это касается районов, населенных арабами в южных частях самопровозглашенной автономии (ААСВС), границы которой к 2018 г. в результате борьбы с ИГИЛ и помощи США расширились до всего Заевфратья и включали теперь в себя и арабские племена, но при этом и сократились в результате де-факто оккупации Турцией части территорий, бывших под контролем сил ААСВС и утверждения там администрации ВПС. В этой связи весьма показательны слова высокопоставленного чиновника Курдского национального Совета (КНС) Мохаммада Исмаила, который сказал, что последние переговоры между ПДС-YPG и арабами направлены на «формирование совместной администрации, которая управляет политическими и военными делами, а также занимается выработкой единой позиции по различным вопросам, включая дипломатию»¹.

Как представляется, возникновение в 2011 г. Курдского национального совета (КНС) в первую очередь связано с определенными двойными опасениями среди курдских политических групп внутри Сирии, что, с одной стороны, ПДС становится слишком всемогущим игроком, а с другой — Сирийский национальный совет (СНС), созданный в Стамбуле в августе 2011 г., используется Турцией для продвижения арабо-ориентированной исламистской повестки дня через движение «Братьев-мусульман», которые доминировали в высших эшелонах СНС и контролировали средства массовой информации и финансы этого органа.

Основным стимулом для объединения курдских партий в Сирии является создание совместных сил безопасности страны, эквивалентных воени-

¹ URL: <https://www.newarab.com/news/rival-kurdish-groups-syria-reach-breakthrough-agreement> (дата обращения: 22.04.2023).

зированным формированиям *пешмерга* иракских курдов. Так, М. Барзани в свое время подтвердил, что его *зеревани* — т. е. военная полиция, действующая в Иракском Курдистане в составе *пешмерга*, — подготовила от 600 до 3000 сирийско-курдских ополченцев в Ираке. Барзани сказал в интервью «Аль-Джазире»: «Большое количество молодых курдов из Сирии прошли у нас обучение. Однако мы не хотим напрямую вмешиваться в ситуацию»¹. В другом интервью, французскому журналу L'Essentiel, Барзани пояснил: «В Иракском Курдистане находятся 15 000 беженцев из Сирии, и часть этих беженцев проходит обучение обращению с оружием». Он добавил, что эти ополченцы подчинены Высшему совету по безопасности, создаваемому в соответствии с Эрбильским (2012 г.) и Дохукским (2014 г.) соглашениями². Однако условием соглашений не является то, что такие бойцы будут обучены в Иракском Курдистане, что вызывает вопросы о том, какие именно договоренности были достигнуты в Эрбиле в июле 2012 г. между сирийскими сторонниками Оджалана и сторонниками Барзани. По словам Фалаха Мустафы Бакира, бывшего главы отдела иностранных дел регионального правительства Иракского Курдистана, Барзани был стержнем в обеспечении того, чтобы сирийские курды выработали единый голос и воздержались от внутреннего конфликта³.

Эрбильское соглашение 2012 г. фиксировало, что две стороны (ПДС и КНС Сирии) договорились сформировать Высший курдский совет, который состоит из десяти членов, по пять от каждой существующей группы. В этом совете есть три подкомитета, каждый из которых также включает пять членов КНС и пять членов ПДС:

- а) комитет по внешним связям;
- б) комитет по обслуживанию, занимающийся вопросами продовольствия, топлива, газа и равного распределения между отдельными лицами;
- в) комитет безопасности, обеспечивающий безопасность в курдских регионах.

На протяжении всех переговоров по Эрбильскому соглашению КНС проявил неспособность добиться уступок от ПДС. Помимо вопросов

¹ Masud Barzani interview // Al Jazeera. 15.04.2014.

² President Barzani's Interview With L'Essentiel Magazine. 27.09.2012. URL: <https://presidency.gov.krd/krp/english/articledisplay.aspx?id=HCm1GdUZniI> (дата обращения: 12.12.2020).

³ Из личной беседы с автором.

самоуправления, им не удалось договориться о возвращении курдских солдат, дезертировавших из армии Асада и перешедших в *пешимерга* Демократической партии Курдистана (эти перебежчики отличаются от вышеупомянутых курдских ополченцев, которые были обучены в рамках соглашения как *зеревани*). В эксклюзивном интервью для одного полевого исследования Салих Муслим подтвердил, что возвращение перебежчиков было заблокировано, потому что ПДС стремился установить исключительный контроль над всеми курдскими вооруженными группировками в Сирии: «Они будут впущены когда они будут готовы вступить в ряды Отрядов народной самообороны (YPG)», — сказал Муслим автору одного из полевых исследований. Уточняя, Муслим заявил, что Отряды народной самообороны не подчиняются ему напрямую, а подчиняются Верховному курдскому совету. Однако достоверность этих утверждений вызывает у авторов полевого исследования сомнения в связи с тем, что Совет не имеет фактического командования над этими подразделениями¹.

Следует отметить, что ряд исследователей небезосновательно фиксируют недоверие местных курдов к арабам-суннитам в виду влияния в среде последних радикального ислама². Причина заключается отнюдь не в этноконфессиональных трениях, поскольку курды в большинстве своем тоже сунниты, а в связях исламистов-арабов с Турцией, поддержка которых, и особенно «Братьев-мусульман», заметно усилилась с момента прихода к власти в Турции Партии справедливости и развития (ПСР). Поэтому с момента начала Арабской весны в 2011 г. и последовавшего внутреннего вооруженного конфликта курды в большинстве своем не были уверены, что в случае прихода к власти в стране суннитской оппозиции их национальные права будут гарантированы и учтены, принимая во внимание, что многие политические силы арабов-суннитов являются клиентурой Турции. Курды имели все основания опасаться, что идеология суннитских радикальных группировок, маргинализированная при алавитах Асадах на примере «Братьев-мусульман», в случае прихода суннитов к власти на волне сирийского восстания могла обратиться в тоталитарные халифатские догмы, как это произошло в квазиго-

¹ Tanir I., van Wilgenburg W., Hossino O. Unity or PYD Power Play? Syrian Kurdish Dynamics after Erbil Agreement. URL: https://henryjacksonsociety.org/wp-content/uploads/2012/10/HJS_Unity-or-PYD-Power-Play_Report.pdf (дата обращения: 22.07.22).

² Kennedy J. M. Kurds remain on the sideline // The New York Times. 17.04.2012; Harris W. Op. cit. P. 32

сударстве ИГИЛ. Страх перед исламским радикализмом в нулевые годы на проверку оказался преувеличенным: оппозиция внутри страны оставалась преимущественно светской. Вместе с тем исламистские настроения на бытовом уровне существовали и впоследствии внесли вклад в разжигание вооруженного конфликта¹.

7.2. Самопровозглашенная автономия на севере и северо-востоке Сирии как рудимент повстанческого государства

В условиях внутреннего вооруженного конфликта полный нейтралитет самопровозглашенной ААСВС таил в себе риски. Во-первых, исход конфликта в 2012 г. ещё не был очевиден, и нейтралитет мог сказаться на том, что курды могли быть исключены из процесса постасадовского устройства Сирии. Во-вторых, для соблюдения нейтралитета у самопровозглашенной автономии на тот момент отсутствовал внешний покровитель, в качестве которого власти автономии поочередно рассматривали Иран, Россию и США. Опять же, о провозглашении независимости от Дамаска речи тоже не шло, поскольку это моментально бы привело к интервенции Турции. Все это спровоцировало серьезные дискуссии в среде сирийских курдов о путях устройства автономии, тем более что курдские политические силы представляли из себя, с одной стороны, соперничающие альянсы из числа традиционных консервативных партий, наследниц Демократической партии Курдистана в Сирии (ДПКС), коих на момент начала ВВК было около полутора десятка, новых сил в лице ПДС, а также всевозможных женских и молодежных движений, с другой.

До 2003 г. политическое движение курдов Сирии было представлено в основном политическими ответвлениями старейшей курдской партии в Сирии (ДПКС) — партии левого толка, основанной ещё в 1957 г. Именно эта партия и всевозможные её политические ответвления и претендовали на легитимное представление интересов курдов всей Сирии.

Однако ситуация изменилась с возникновением ПДС, а через год, в 2004 г., с формированием сил самообороны сирийских курдов после восстания в Камышлы, которые легли в основу сил самообороны само-

¹ Матвеев И. А. Указ. соч. С. 142.

провозглашенной автономии (YPG, с 2012 г.). В политическом спектре сирийских курдов ПДС занимала нишу новых и независимых политических сил, к которым можно было также отнести партию «Движение к будущему» (ПДБ), лидером которой был Машаль Таммо, а также партийную группу Rekeftin (al-Wifaq), отколовшуюся от ПДС¹. Нужно отметить, что все курдские политические партии со времен Асада-старшего носили полулегальный характер и у курдов Сирии было принято не афишировать свою принадлежность тем или иным политическим группам². Так, к началу ВВК в Сирии партийная принадлежность была известна только у 5–7% политически активных сирийских курдов. По некоторым оценкам, до начала ВВК в Сирии от 60 000 до 200 000 сирийских курдов являлись членами или ассоциировали себя с какими-либо политическими партиями, что выражалось в первую очередь в солидарности с её идеологической платформой³. Ввиду полулегального состояния политических партий их сторонники не могли активно вовлекаться в политику и участвовать в механизме принятия решений, однако они мобилизовались для поддержки общественных действий и акций своей партии и формирования общественного мнения.

Первым ответом на восстание в Сирии в мае 2011 г. стало формирование в сирийском Курдистане Курдского патриотического движения, также известного как Национальное Движение курдских политических партий. В него вошли практически все политические силы, представляющие курдов на территории Сирии, включая ПДС, которая никогда до этого не вступала ни в какие политические альянсы, а также всевозможные раскольнические партийные группы (например, партийная группа из «Эль-Парти» Абдуррахмана Алуджи, фракция Rekeftin из ПДС и т. д.). Арабская весна, начавшаяся в 2011 г. восстанием в Сирии, выступила мобилизирующим фактором для сирийских курдов, заставив их на время забыть о внутрисполитических разногласиях. В политических

¹ Harris W. Op. cit. P. 36.

² С учетом конституционного запрета на создание политических движений и партий по региональному и этническому дискриминационному принципу в Сирии укоренился негативный феномен «регионализма» («иклимийя»), с которым баасисты пытались пусть и в значительной степени формально бороться. (Van Dam N. The Struggle for Power in Syria: Politics and Society Under Asad and the Ba'th Party. L.: I. B. Tauris, 2011. P. 12–21.)

³ Sinclair Ch, Kajjo S. The Evolution of Kurdish Politics // The Arab Revolts. Dispatches on Militant Democracy in the Middle East Indiana University Press. 2013. P. 177–187.

требованиях Движения значилось следующее: отмена однопартийной системы в Сирии, равенство всех граждан, верховенство закона, секулярный характер сирийского государства¹. Движение добилось определенных успехов, вынудив центральное правительство в Дамаске вести с ним диалог как с политической силой, которая представляет всех курдов Сирии. Однако этот альянс оказался недолговечным. Первой из него вышла ПДБ из-за невозможности или нежелания альянса активнее поддерживать антиасадовских активистов². Осенью 2011 г. Курдское патриотическое движение было распущено. Несмотря на то, что общекурдского политического альянса создать не удалось, в октябре 2011 г. было создано новое политическое объединение Сирии под названием Курдский национальный совет в Сирии (КНС), уже упоминавшийся выше. В нем присутствовали все курдские политические силы Сирии, за исключением влиятельной уже на тот момент ПДС и партии «Движение к будущему» (ПДБ). Если ПДБ была настроена слишком антагонистически к центральному правительству в Дамаске, то большинством курдских партий не воспринимались идеи радикальной демократии ПДС, «демократического конфедерализма», как способа политической организации, присущие взглядам руководства этой партии. Изначально КНС, где доминировали сторонники Барзани и ДПК (Ирак), был настроен антагонистически к центральной власти, отказываясь вести с ней переговоры. Однако традиционный для данных партий скептицизм в отношении суннитов-исламистов, превалировавших в непримиримо оппозиционном Сирийском национальном совете (СНС), препятствовал тесному взаимодействию между КНС и СНС. На момент начала ВВК во главе КНС находился Абдульхакам Башар, лидер партийной группы «Эль-Парти» из ДПКС. Причина отсутствия взаимодействия и взаимодоверия между КНС и СНС видится в том, что СНС не смог предоставить курдам четких гарантий, что они получают автономию в постасадовской Сирии. Несмотря на международное давление со стороны внешних игроков, заинтересованных в свержении Асада, курды и арабы так и не смогли договориться о последующем достаточно демократическом, по их мнению, устройстве Сирии. Таким образом, на момент революции в Рожаве в июле 2012 г. Курдский национальный совет (КНС) был де-факто независим

¹ Hossino O., Tanir I. The Decisive Minority: The Role of Syria's Kurds in the Anti-Assad Revolution. Hengy Jackson Society. 2012. P. 3–17.

² Allsopp H. Op. cit. P. 64.

от Сирийского национального совета (СНС), и несмотря на то, что КНС был настроен оппозиционно к официальному Дамаску, он сохранял нейтралитет в начавшемся вооруженном конфликте. В итоге к СНС присоединилась партия «Движение к будущему» Мишалья Теммо — сторонника вооруженного сопротивления центральной власти в Дамаске. Никакая из других партий сирийских курдов за вооруженное свержение Асада не выступала.

На момент подписания Эрбильских соглашений с КНС в 2012 г. ПДС входила в альтернативный оппозиционный блок (т. н. Национальный координационный орган), который был настроен на переговоры с Асадом. Некоторые исследователи даже склонны считать его «проасадовской оппозиционной группой»¹. Это обстоятельство впоследствии давало право другим политическим партиям и группам сирийских курдов обвинять ПДС «в соглашательстве с режимом». В апреле 2012 г. турецкая «Заман» писала о том, как ПРК и ПДС подавляют антиасадовские протесты в регионе, в основном используя пропускные пункты в Африне и Камышлы². Бывший посол Сирии в Швеции Мохаммед Имади заявил, что «ПДС действует совместно с асадовским режимом»³. По информации канала «Аль-Джазира», «ПРК совместно с режимом Асада стремятся установить на севере страны режим с целью подавления протестов и оппозиции»⁴. Одной из форм контроля со стороны ПРК являлся, например, «перехват» протестных настроений, когда протесты направлялись сторонниками Оджалана в нужное им политическое русло, что нередко приводило к столкновениям между противниками Асада и сторонниками Оджалана⁵.

Европейский центр курдских исследований при Свободном университете в Берлине писал на своем сайте о том, что ПДС, а следовательно, и ПРК, несут ответственность за убийство 7 октября 2011 г. Машалья Таммо, лидера партии «Движение к будущему», как и за покушение на его жизнь месяцем ранее, а также за убийство сменившего его на этом посту его племянника Мухаммеда Дживана в марте 2012 г.⁶

¹ Hossino O., Tanir I. Op. cit. P. 7–8.

² Today's Zaman. 27.04.2012.

³ Hürriyet. 26.01.2012.

⁴ Harris W. Op. cit. P. 47.

⁵ Ibid.

⁶ Today's Zaman. 28.04.2012.

По мнению ряда наблюдателей, в этот период ПДС и ПРК были причастны к убийствам своих политических оппонентов. Здесь стоит упомянуть члена фракции Башара из партии «Эль-Парти» Несреддина Берхика, а также курдского племенного вождя Абдуллу Бедро и трех его сыновей. За месяц до убийства его фотостудия в Камышлы была сожжена сторонниками ПДС¹. Стоит вспомнить курдского активиста Халафа Мухаммеда аль-Катна². Одним из знаковых политических убийств, приписываемых ПДС и (или) ПРК, является убийство доктора Серзада Решида, руководителя отделения ПДС в Алеппо, который в противоречии с линией партии выступал за свержение Башара Асада³. Все это свидетельствует о том, что тактика насилия со стороны последователей ПРК стала определяющей в 2012 г. и она заключалась в первую очередь в отсекании от управления в будущей автономии политических оппонентов. Так, в феврале 2012 г. партия «Йеки-ти» обвинила сторонников ПДС в преследовании и угрозах представителей этой партии после их участия в конференции в Эрбиле (Регион Курдистан в Ираке), посвященной сирийским курдам⁴. При этом в турецкой прессе сообщалось, что ПРК обкладывает данью производителей маслин в Африне, требуя отдавать часть производимого оливкового масла⁵.

Практически все курдские партии настороженно относились к оппозиционному Сирийскому национальному совету (СНС), поскольку его лидер Бурхан Галюн подчеркивал и настаивал на «арабском характере Сирии». В частности, он нашел неприемлемой идею федерализации Сирии, назвав ее иллюзией. Споры между СНС и КНС связаны ещё и с представлениями курдской автономии в постасадовской Сирии. СНС настаивал на чисто административном характере гипотетической курдской автономии, тогда как КНС выступал за создание политической курдской автономии. Несмотря на разногласия между сторонниками ПДС и КНС внутри курдского движения, в этом вопросе их точка зрения совпадала.

¹ Sağlam. Syrian Kurds take up arms. European Center for Kurdish Studies, Kurd Watch. 25.01.2012. Цит. по: Harris W. Op. cit. P. 49.

² European Center for Kurdish Studies, KurdWatch. 22.01.2012. Цит. по: Harris W. Op. cit. P. 49.

³ Today's Zaman. 17.02.2012.

⁴ European Center for Kurdish Studies, KurdWatch. 22.01.2012.

⁵ Türkiye Gazetesi. 29.01.2012.

В 2012 г. ПДС и созданные ею отряды самообороны (YPG) взяли под контроль пограничную зону с Ираком, в частности контрольно-пропускной пункт Сималка на северной оконечности сирийско-иракской границы. В ноябре 2013 г. они распространили свой контроль на юг сирийско-иракской границы до населенного пункта аль-Ярубия, таким образом де-факто очерчивая границы будущей автономии. В марте 2019 г. НСА смогла расширить свой контроль до Аль-Багхуза на юг вдоль реки Евфрат в результате борьбы с ИГИЛ при поддержке международной коалиции.

В турецкой прессе также выходили статьи, утверждавшие, что сторонники ПРК на севере Сирии выступали в качестве нерегулярных сил сторонников властей САР. В частности, указывались случаи задержания сторонниками ПРК протестующих в Камышлы в апреле–мае 2012 г. и передачи их силам безопасности в Дамаске. С другой стороны, ПРК препятствовала иностранному вмешательству в регион с целью поддержки протестующих против Асада, в том числе, как уже указывалось, путем контроля КПП на границе с Турцией и Ираком. На этом фоне фактический командующий ПРК Мурат Карайылан заявил в марте 2012 г., что в случае интервенции Турции в Сирию и особенно в сирийский Курдистан весь Курдистан превратится в зону боевых действий¹.

При этом нельзя отрицать и тот факт, что у сторонников ПРК и ПДС в Сирии не было серьезных конфликтов с официальным Дамаском. Сторонники Оджалана стремились отстаивать территорию с оружием в руках, и на севере Сирии происходили вооруженные столкновения между апочистами и правительственными силами. Преддверие революции в Рожаве характеризовалось и невооруженными столкновениями со сторонниками ПДС не только в сирийском Курдистане, но в Дамаске и Алеппо². При этом лидер зонтичной структуры ПРК — Союза сообществ Курдистана (КСК) заявил, что ПРК как раз, наоборот, стремится вытеснить силы режима из региона³. Вся вышеуказанная информация интерпретировалась политическими силами по-разному в условиях ВВК и меняющейся политической повестки. Тем не менее для сторонников Оджалана именно ИГИЛ и Турция, а отнюдь не власти САР стали в итоге главными антагонистами. Происходившие с 2012 г. стычки с правительственными

¹ The Daily Star (Lebanon). 22.03.2012.

² Rudaw. 27.05.2012.

³ Aknews. 27.03.2012.

войсками были, скорее, направлены на расширение возможностей для консолидации контроля со стороны ПДС–ПРК над сирийским Курдистаном. Большинство свидетельств говорят о том, что основные репрессии апочистов были направлены не против Свободной сирийской армии (ССА), а против их политических оппонентов в среде самих курдов. По мнению некоторых аналитиков, победу ПДС–ПРК в установлении контроля над сирийским Курдистаном небезосновательно можно было рассматривать как плацдарм и новый фронт в отношении Турции¹. Очевидным для будущего Рожавы было то, что главную угрозу автономии будет представлять не «алавитский режим в Дамаске», а государство с доминированием суннитской идеологии, близкой к «Братьям-мусульманам», активно поддерживаемым Турцией. При этом у курдов Сирии не было интересов поддерживать сохранение власти ПАСВ в Сирии.

С момента возникновения автономии с доминированием здесь сторонников Абдуллы Оджалана Турция не могла наблюдать спокойно, как на севере Сирии формируется зона под контролем ПРК, а по сути — повстанческое государство, гипотетически угрожающее юго-востоку Турции, населенному курдами. Считается, что до 2014–2015 гг. Турция не замечала формирования на севере Сирии кантональной системы под знаменем апочизма, хотя турецкие СМИ были хорошо осведомлены о происходящих там процессах, в том числе и о сближении позиций двух «Курдистанов» — в Сирии и Ираке — в рамках Дохукского соглашения 2014 г.²

Бросается в глаза в официальной турецкой новостной ленте тех лет то, что ни ПДС, ни TEV-DEM не именуется «террористическими организациями», а сам процесс консолидации преподносится положительно. Стоит ещё раз напомнить, что лидер ПДС Салих Муслим посещал Турцию по официальному приглашению оппозиционной Народно-республиканской партии Турции в 2014 г. Однако ситуация резко изменилась после теракта джихадиста-смертника в Суруче в 2015 г. против курдских сторонников Оджалана. По сути он стал эффектом «черного лебедя» и триггером последовавшей эскалации конфликта между Рожавой и Турцией. Это привело к ответному насилию ПРК после двухлетнего перемирия с турецким государством. При этом перспектива

¹ Harris W. 2013. Op. cit. P. 51.

² Suriye'deki Kürt partiler anlaştı. 22.10.2014. URL: <https://www.aa.com.tr/tr/dunya/suriyedeki-kurt-partiler-anlasti/108479> (дата обращения: 22.03.2023).

турецкого вторжения на север Сирии, как выяснилось, стала практически неизбежной. На региональном уровне присутствие вооруженных курдских сил на севере Сирии не только серьезно напрягло Анкару, но и повысило в регионе авторитет Масуда Барзани, президента регионального правительства Курдистана в Ираке, который принимал активное участие в поддержке и урегулировании кризисов между группировками сирийских курдов.

Агрессивное доминирование оси ПРК–ПДС в Сирийском Курдистане было бы невозможно без поддержки сил самообороны. Тем не менее в 2012 г. на паритетной основе между сторонниками ПДС и КНС из членов Народного собрания Западного Курдистана (НСЗК) в Сирии был создан Высший курдский совет (ВКС), который прекратил свое существование уже через год ввиду разнополярности позиций сторон.

При этом Силы самообороны (YPG) часто неверно истолковываются как партийное ополчение ПДС, что не соответствует действительности. По сути, YPG в Сирии организационно являются зеркальным отражением военного крыла сторонников ПРК — Народных сил обороны (НСО, Hezen Parastina Gel, HPG). Сейчас YPG находятся под демократическим контролем советов и квазипарламента, а её члены и командиры принадлежат к разным партиям и этнокультурным группам. YPG как часть военно-политической структуры присягнули принципам демократической автономии, гендерного равенства, радикальной демократии и социальной экологии¹. В этом смысле отряды самообороны можно интерпретировать и как воспитательно-образовательные заведения, которые высоко ценятся во всех институтах самопровозглашенной автономии.

По сути, в 2012 г. в начале сирийского восстания и вооруженного конфликта на севере Сирии государство, представленное центральной властью, отступило из региона, нередко в результате вооруженных столкновений с отрядами вооруженной оппозиции, хотя и сохранило контроль над некоторыми районами в Камышлы и Хасеке. В регионе произошел процесс политической самоорганизации. В этом контексте мы можем выделить два фактора, действующих в применении к реализуемой модели демократической автономии в регионе. С одной стороны, у населения есть необходимость организовать повседневную жизнь без существующей государственной администрации — и есть немало

¹ См. Приложение 1.

примеров и форм организации самоуправления во время кризиса, когда люди склонны спонтанно инициировать процесс коллективной самоорганизации для обеспечения поставок основных продуктов питания, энергии, а также потребности в обеспечении безопасности. С другой стороны, здесь как нельзя лучше пригодился опыт и долгая история ПРК в её попытках создать повстанческое государство в горах Курдистана. В регионе в рамках развития его новой парадигмы радикальной демократии и систем советов были применены политико-стратегические наработки ПРК, существовавшие как минимум с 1999 г. Местное население довольно умело установило власть в форме низовых советов. При этом практически все существовавшие в Сирии курдские партии были противопоставлены многочисленными сторонниками ПДС как утратившие свое значение в качестве механизмов представительства народной воли. В частности, ПДС стала скорее институтом поддержки развития радикальной демократии, чем классической моделью политической партии.

Здесь важно обратиться к Общественному договору, который с 2014 г. является основой политической архитектуры региона. 29 января 2014 г. Общественный договор Рожавы, разработанный представителями всех социально-этнорелигиозных групп этой НСА, был ратифицирован советами и парламентом в городе Амуде. Этот документ носил на тот момент характер проекта, подлежащего обсуждению и пересмотру, но в то же время закрепляющего институты советской (в прямом смысле) демократии и ценности секуляризма, гендерного освобождения и множественной идентичности. Преамбула договора звучит так: «Мы, народы Демократических автономных районов Африн, Джебзире и Кобани, конфедерации курдов, арабов, ассирийцев, халдеев, арамейцев, туркоманов, армян и черкесов, свободно и торжественно провозглашаем и принимаем настоящую Хартию, которая была составлена в соответствии с принципами демократической автономии. Стремясь к свободе, справедливости, достоинству и демократии и руководствуясь принципами равенства и экологической устойчивости, Хартия провозглашает новый общественный договор, основанный на взаимном и мирном сосуществовании и понимании между всеми слоями общества. Он защищает основные права и свободы человека и подтверждает право народов на самоопределение. В соответствии с Хартией мы, жители автономных районов, объединяемся в духе примирения, плю-

рализма и демократического участия, чтобы все могли свободно выражать свое мнение в общественной жизни»¹.

Этот же общественный договор лег в основу Хартии демократического федерализма, провозглашенной в 2016 г. в результате формирования автономной кантональной системы ДФСС — Рожавы². При этом было добавлено «осознание того, что именно национальное государство, как таковое, превратило Курдистан, Месопотамию и Сирию в центр хаоса, происходящего на Ближнем Востоке, и принесло народам проблемы, серьезные кризисы и страдания» (см. Приложение 2). Демократический федерализм северной Сирии основывался на географической концепции и административной и политической децентрализации («низам ля-меркезийя») и рассматривался как часть единого сирийского демократического федерализма.

Как известно, общественные договоры, начиная с Руссо, всегда касались того, как организованы отношения между государством и народом как сувереном, где народ представляет собой сумму индивидов, живущих на территории, на которую распространяется действие договора, то есть на которой он имеет юрисдикцию. Это растворяет волю человека в государстве. В этой связи регионы, оставшиеся де-факто без государственной власти, насколько это возможно, находят свой собственный способ решения вопросов управления и обеспечения порядка в соответствии с социальным составом и традициями общинности данного общества. Это было наглядно продемонстрировано в период существования Курдского автономного региона в Ираке (КАР, «Свободный Курдистан» 1991–2005 гг.), который трансформировался в автономию (Регион Курдистан), согласно иракской конституции.

Однако превалирующая в ААСВС модель автономии ставит во главу угла концепцию организации сосуществующих особенностей множества в соответствии с такой формой самоорганизации, в которой самоорганизующиеся институты не ограничиваются культурными и этническими категориями личной идентичности, а являются открытыми

¹ The Social Contract of the Autonomous Regions of Afrin, Jazira, and Kobane. 29.01.2014. URL: <https://rojavainformationcenter.com/storage/2021/07/2014-Social-Contract-of-the-Autonomous-Regions-of-Afrin-Jazira-and-Kobane-1.pdf> (дата обращения: 12.04.2018).

² Social Contract of the Democratic Federation of Northern Syria. URL: <https://internationalistcommune.com/social-contract/> (дата обращения: 02.05.2023).

для конструирования новых идентичностей. Таким образом преодолевается двойственность государственно или национально ориентированного индивида благодаря расширению горизонтальных связей — в отличие от иерархического вертикального связывания индивида через коллективы и формирования его политической воли посредством существования множественности (например, нации), а не посредством воли собственно индивида. Следовательно, общественный договор не создает государство или суверенную власть по отношению к отдельным людям, а основывается на идее о том, что политика возникает из отношений между территориально определенными группами людей. Это представляет собой радикальный разрыв с общепринятым мышлением об общественном договоре, основанном на методологическом индивидуализме и этатизме.

Практикуемая в Рожаве система советов имеет четырехуровневую структуру. По сути, она является интерпретацией, одной из форм консociального устройства — «сообщественной демократии», характерной не только для Бельгии, Австрии, Швейцарии, но и, например, для Ливана, когда «в плюральном, поликонфессиональном, или многосоставном, обществе, в соответствии с которым едва ли не во всех государственных институтах в определенной пропорции представлены все его базовые сегменты»¹. Причем включая гендерные, как в Рожаве. Зачатки консociального устройства Рожавы стали видны ещё в 2012 г., когда на паритетной основе был сформирован Высший курдский совет. Имплементируемый в Рожаве демократический конфедерализм гораздо более гибок в сравнении с консociальными демократиями, что важно для изучения влияния такой корреляции на способность зарождающейся политической системы этого протогосударства разрешать разногласия и конфликты, связанные с этнолингвистическим и идеологическим плюрализмом.

М. Букчин утверждал, что конфедерализм достигает своего наиболее полного развития в связи с проектом автономии, «когда местные фермы, фабрики и другие предприятия передаются в местные муниципальные руки» или «когда сообщество (...) начинает управлять своими экономиче-

¹ Наумкин В. В. Территориальное и демографическое «упорядочивание»: ближневосточные вызовы // Полис. Политические исследования. 2019. Т. 28. № 6. С. 69. URL: <https://doi.org/10.17976/jpps/2019.06.06>

скими ресурсами взаимосвязанным образом с другими сообществами»¹. В этой модели экономика находится в ведении конфедеративных советов и, таким образом, «ни коллективизирована, ни приватизирована, она является общей»². В Рожаве здания, земля и инфраструктура, которые ранее были собственностью сирийского государства, были переданы под контроль городских советов в 2012 г. Землю и инфраструктуру, с определенными оговорками, нельзя продавать, покупать на рынке или конвертировать в частные предприятия или собственность. Такое использование владений предотвращает спекулятивный спрос и концентрацию богатства в руках немногих³. В кантонах Африн и Джизире было создано множество кооперативов. Большинство из них, в соответствии с децентрализованной концепцией демократической автономии, представляют собой мелкие кооперативы, но есть и некоторые сельскохозяйственные кооперативы, в которых участвуют более 2000 домохозяйств, недалеко от города Амуда. Крупные кооперативы действуют среди деревень, удовлетворяя потребность в сельскохозяйственном пропитании и даже производя излишки для обмена с другими производственными кооперативами, такими как нефтеперерабатывающие заводы, и для продажи продуктов, в том числе и нефтепродуктов на территории всей Сирии.

Параллельно с провозглашением демократической автономии и принятием общественного договора организация народных советов и особенно коммун росла и расширялась. Развитие самоуправления в Рожаве включало создание народных коммунальных советов на уровне города и квартала как институтов демократической автономии. По словам члена TEV-DEM Абдулселама Ахмеда, ранее существовал разрыв между квартальными советами и населением, поэтому с начала 2014 г. была инициирована система коммун как наименьшей единицы самоорганизации общества. Коммуна может быть определена как важнейшая часть процесса самоуправления в системе демократической автономии, в первую очередь, в экономической сфере. Согласно общественному договору, кантоны Рожавы признавались самодостаточными в экономике, утверж-

¹ *Bookchin M.* The meaning of confederalism // A Left Green Publication. November 1989. No. 20. URL: http://dwardmac.pitzer.edu/Anarchist_Archives/bookchin/gp/perspectives20.html (дата обращения: 12.05.2023).

² Ibid.

³ *A Small Key Can Open A Large Door: The Rojava Revolution. Strangers in a Tangled Wilderness*, 2015. P. 26.

дение бюджета являлось прерогативой народного совета каждого кантона, а с момента создания в 2016 г. Демократической федерации Северной Сирии (ДФСС) утверждение общего бюджета вошло в компетенцию высшего исполнительного органа: Конференции народов Федерации¹.

Определение наименьшей единицы общественного представительства в деле принятия решений является важным ключом к пониманию философии коммунализма и демократического конфедерализма. Каждое сообщество внутри демократической автономии следует рассматривать как политическую и моральную единицу общества. Система коммун означает систему, в которой исполнительная власть идет снизу; его формируют городские кварталы и села, где создаются советы, чтобы дать каждому человеку возможность участвовать в механизмах принятия решений, имеющих отношение к его непосредственному бытию, в первую очередь социально-экономическому.

По наблюдениям исследователей, «коммуны состоят примерно из 20–50 дворов, хотя они могут быть и больше, в зависимости от степени социальной организации. Это также видно по размеру коммун из 7–300 домохозяйств: более 1500 коммун в кантоне Джизире и 18 коммун в маленьком городе Амуд, которые образуют два квартальных совета. Никто не обязан вступать в коммуну, но каждый может пользоваться услугами коммуны»². В то время как коммуны и квартальные советы являются лишь институтами самопредставительства населения, городские советы имеют более расширенный состав. В Хасеке вместе со 101 представителем 16 квартальных советов в городском совете активно работали 30 представителей организаций гражданского общества (в том числе пять членов ПДС, пять от либеральной партии, пять от других партий, пять «общественных учреждений семей мучеников», пять — женского движения «Екития Стар» и пять — молодежного движения «Дживанен Соресгер»). Городской совет собирается каждые два месяца и избрал 21 человека в качестве ведущего комитета. В то время как в советах мы можем видеть, что принятие решений осуществляется путем сочетания

¹ *Матвеев И. А.* Политэкономика Сирии в конфликте: в 2 т. Т. 2: Трудный путь к восстановлению. С. 135.

² *Jongerden J., Akkaya A.* Democratic Confederalism as a Kurdish Spring: the PKK and the quest for radical democracy // M. M. A. Ahmed, M. M. Gunter (eds.). *The Kurdish Spring: Geopolitical Changes and the Kurds*. Bibliotheca Iranica: Kurdish Studies Series. 2013. No. 12. P. 169.

консенсуса и голосования, ведущий комитет принимает решения только на основе консенсуса.

В населенном пункте Дерик (Эль-Маликия) также средняя плотность составляет около 50 домохозяйств на коммуну. Плотность коммун выше в кварталах с преобладающим в настоящее время курдским населением, но арабы и ассирийцы тоже начали организовываться в коммуны. Если считать в среднем 20 коммун на тысячу жителей, то участвовать в каждом собрании коммуны могут 50 человек, однако участвуют меньше: от 10 до 25 участников. То есть менее 40% населения используют право участвовать в собрании советов, что в целом характерно для рутинного участия в местном самоуправлении. Кроме того, как отметил один из основоположников демократического конфедерализма Мюррей Букчин, полное участие полумиллиона или около того жителей в Парижской коммуне было бы логистически невозможным»¹. Поэтому сегодня в Рожаве участие не может быть обязательным — не только потому, что такое обязательство противоречило бы самому духу радикальной демократии.

Система коммун находится в процессе развития и становления. Весь процесс принятия решений относительно потребностей и проблем в районе коммуны определяется на местном уровне. Деятельность коммуны выходит за рамки принятия решений, поскольку её члены взаимодействуют и вовлекаются в культурную и социальную деятельность, а также систематически посещают домохозяйства, чтобы объяснить и обсудить решения коммуны и создать сеть для организации общества. Как объясняет член квартального совета Хилели в Камышлы, «через систему коммун мы знаем каждую семью; мы знаем их экономическое положение, кто бьет свою жену или своих детей, и мы идем туда и говорим с пострадавшими людьми, пока не будет найдено решение»². В идеологии ПРК, как и в движении советов в Рожаве, гендерное освобождение играет важную роль в демократизации общества. С этой целью во всех «антигосударственных» структурах есть гендерная квота. Ни одна коммуна не может ничего решить, не выполнив 40-процентную гендерную квоту. Так работают все структуры в демократической автономии и используют модель мужского и женского сопредседательства. Все должности на всех уровнях самоуправления должны совместно зани-

¹ *Bookchin M. Social Ecology and Communalism. P. 51–52.*

² *Knapp M., Jongerden J. Op. cit. P. 102–103.*

мать как минимум один мужчина и одна женщина. Например, сомэрами города Гире Сипи (Эт-Телль-эль-Абьяд) до момента его оккупации Турцией в октябре 2019 г. являлись араб и курдиянка. Женщины также представлены в автономных женских движениях, которые имеют свою параллельную структуру на каждом этапе системы, включая силы самообороны (YPJ). Так, в полевых исследованиях, проведенных в Рожаве, есть упоминания о собрании коммуны, где присутствующие говорили о семье, которая плохо обращалась со своей дочерью, заперев её дома. Женсовет коммуны принял решение провести беседу с родителями и дочерью и взять ситуацию под свой контроль. «Если ситуация не изменится, и девушка согласится, — объяснили они, — то для девушки придется найти какое-то решение вне её семьи»¹.

Полевыми исследователями упоминается о собрании коммуны совета квартала в Амуде с целью решить проблему загрязнения, вызванного генераторами, работающими в каждом доме, и сбора денег и покупку нового генератора, который обеспечит электричеством более 230 домохозяйств в течение не менее десяти часов в день. Для этих целей был создан комитет из пяти человек, который следил за состоянием электрогенератора (включал и выключал его, организовывал заправку топливом и занимался любыми вопросами технического обслуживания). На этом примере мы видим образец восходящих советов на уровне целых кварталов, которые существуют в системе конфедерации коммун и организованы таким образом, чтобы решать проблемы, с которыми не может справиться одна коммуна. Коммуны связаны с квартальными советами, которые собираются на общем городском совете. Квартальные советы отчитываются перед городским советом и ежемесячно встречаются с городским собранием, в котором городской совет как общинный институт участвует и исполняет решения собраний, а также составляется план на следующий месяц. Можно сказать, чем выше совет, тем меньше его власть в демократическом конфедерализме².

Как сказано в Хартии (Общественном договоре) Рожавы 2016 г., «в рамках согласованной демократической федеральной системы все слои населения, в особенности женщины и молодежь, должны формировать свои организации и демократические институты. Демократическая

¹ Ibid. P. 105.

² См.: *Bookchin M.* The meaning of confederalism // *Green Perspectives*. 03.11.1990. P. 11.

федеративная система гарантирует свободное осуществление любой политической, социальной и культурной деятельности и пользование всеми преимуществами свободной и равноправной жизни»¹.

Это подводит нас к теме социальной легитимности и существующего двоевластия. Рожава — это регион с разнообразным культурным и разноконфессиональным населением, причем даже в курдской общине наблюдается широкий спектр асинхронности в развитии концепции активной гражданской позиции. Исследование, проведенное Институтом стратегических исследований в Камышлы, говорит о поддержке демократической автономии в кантоне Джизире в декабре 2013 г. и показало, что 84% населения положительно относятся к этой модели. Мы не можем сказать, насколько репрезентативна эта статистика, но очевидно, что существует значительное меньшинство, которое, по-видимому, не принимает модель демократической автономии и самопредставительства через систему советов или, по крайней мере, её нынешнее функционирование в таком виде. Это может быть одной из причин, почему создается параллельная двойная структура. Помимо системы советов, есть парламент с местонахождением в Амуде. Там представлены все партии, готовые к политическому участию, формирующие вместе с советами и НПО правительство Рожавы. Выборы же на уровне кантонов до недавнего времени были невозможны из-за военной ситуации и постоянных колебаний численности населения.

Бывший сопредседатель ПДС Салих Муслум уверен, что отношения между государством и народом на Ближнем Востоке в последние десятилетия осмыслялись и практиковались в терминах активного государства, объектом которого является народ, в то время как новая модель демократической автономии и демократического конфедерализма основана на активной гражданской позиции, когда люди являются субъектами, обладающими способностью принимать решения и действовать, обсуждая проблемы и вырабатывая решения людьми и для людей. С другой стороны, нельзя утверждать, что в руках советов Рожавы сосредоточены полномочия принятия наиболее важных политических решений. Эта прерогатива во многом до сих пор находится у руководства ПРК в лице таких высших должностных лиц в её иерархической структуре, как Мурат Карайылан, Джемиль Байик и Дуран Калкан, местопо-

¹ См. Приложение 1.

ложение которых доподлинно неизвестно, в отличие от находящегося в заключении на острове Имаралы Абдуллы Оджалана. Так, Джемиль Байик и Дюран Калкан считают, что в Рожаве сдвиг парадигмы включает, среди прочего, переход от государственного строительства к строительству общества и, соответственно, от захвата власти («иктидара», т. е. не столько государственной, сколько суверенной власти) к развитию способности общества к самоуправлению: «Мы можем называть управление собой искусством гражданственности или искусством демократии. Одна из проблем, возникающих в результате отделения людей от политики в представительной демократии, заключается в том, что люди не приобретают навыков самоуправления»¹. По сути, в этом видится стремление к отмиранию рудимента, собственно, повстанческого государства и стремление к организации пространства для самоуправления. Политические взгляды общественного устройства в форме демократии «снизу вверх» характерны не только для сирийских, но и для турецких сторонников Оджалана. Как объяснял председатель совета одного района в Диярбакыре, «задача состоит в том, чтобы решать проблемы в нашей жизни, в нашем районе, и решать их самостоятельно, не завися от государства и не нуждаясь в нем...Мы пытаемся жить без государства. Идея государства укоренилась в сознании людей, и трудно заставить людей думать о политике, не говоря о государстве, так что мы практикуем самоорганизацию и учимся понимать, что это такое»².

Региональное самоуправление в форме демократического конфедерализма применяется и на территории Региона Курдистан в Ираке. Так, российский антрополог Дмитрий Петров упоминал, как лагерь беженцев Махмур на севере Ирака превратился в поселение, построенное по этим принципам коммунальной системы³.

В целом можно утверждать, что множественные идентичности общества представлены в такой консоциальной структуре на различных уровнях: в парламенте (высшем совете), в каждом отдельном совете, но для этого используются различные методы. Люди представляют себя в коммунах и советах в первую очередь как жители Рожавы или как жители кантона, города, квартала или улицы. Затем, как уже упоминалось, женские советы строятся параллельно каждой структуре и изби-

¹ Knapp M., Jongerden J. Op. cit. P. 104.

² Ibid. P. 107.

³ Жизнь без государства: революция в Курдистане. С. 24.

рают своих председателей, имеют свое представительство в советах. В советах, которые включают в себя население смешанного происхождения, например езидов, ассирийцев или арабов, всегда будет квота людей из этой группы в совете. Наконец, идет формирование гражданского общества, где все группы и представленные идентичности организуют свои собственные автономные институты, которые представляют себя вместе с политическими партиями, профсоюзными организациями и другими структурами, такими как правозащитные группы, на всех уровнях и стадиях демократической автономии и работают как своего рода контроль против дискриминации и сектантства.

Так, в небольших городах, таких как Дерик (население около 26 тыс. человек по данным переписи 2014 г.), были организованы несколько коммун на уровне кварталов, которые имели своих представителей в городском совете («меджлисе баджар»). Городской совет имел своих представителей в совете кантона Джизре (Джазира), который также имел своих представителей в Координационном совете кантонов Рожавы, в который входят кантоны Джазира, Кобани и Африн (с 2018 г. оккупирован Турцией). После де-факто оккупации Турцией Африна эта система самоуправления прекратила там существование. Более крупные города, такие как Камышлы (население 184 тыс. человек по переписи 2004 г.), могут иметь несколько районных коммун. Идея состоит в том, что коммуны берут на себя ответственность за организацию жизнеобеспечения своих кварталов, а когда городской совет хочет реализовать какой-либо социально значимых или инфраструктурный проект в районе, это делается после консультаций и с одобрения всех коммун. Демократия видится здесь не столько как модель бытия, сколько как рутинная практика, основанная на идее самоуправления, и, если угодно, это модель становления управления без государства в принципе. Институты такой модели гибки и адаптируемы, они могут менять свои роли во времени и пространстве, адаптируясь от военных условий к мирной жизни. Поэтому все определения институтов методологически условны. Это показывает нам невозможность дать фиксированное определение статусу-кво в Рожаве и его административной структуре.

Опыт Рожавы, если его можно так назвать, — это прежде всего радикализация идеи демократии. Он основан не на идее государства и его индивидуализированных отношений с гражданами, а на идее социальных субъектов. Как таковая она контрастирует с моделью

общественного договора или договорной модели. Представительство не только предполагает связь между представляемым и представителем, но и отрывает правителей от управляемых: «когда наша власть переходит к группе правителей, тогда мы уже не правим, мы отделены от власти и правительства»¹. Представительство не только отделяет людей от власти, но и превращает политику из общественной способности в частную, что приводит к автономизации не только людей, но и политических субъектов.

В порядке исторической ретроспективы можно сравнить управление предприятиями в ААСВС с югославским опытом рабочего самоуправления времен Тито (Закон 1950 г. «Об управлении государственными хозяйственными предприятиями со стороны трудовых коллективов»). Тогда трудовые коллективы стали заниматься самоорганизацией производства, выпуском и сбытом продукции, распределением части дохода. Такая экономическая децентрализация была оправдана в условиях федеративного государства, но только в том случае, когда руководство страны — Союз коммунистов Югославии — брал на себя решение кадровых вопросов (например, в конце 50-х и начале 60-х годов), что влияло на то, что темпы экономического роста были значительными; когда же директоров предприятий выбирали трудовые коллективы, темпы падали, так как рабочие выбирали, как правило, тех, кто направлял доход в фонд зарплаты, а не для модернизации производства. В результате качество продукции заметно отставало от мирового уровня. В экономически отсталых регионах (Косово, Босния) проводилась индустриализация за счет федеральных средств, но, вопреки ожиданиям, построенные предприятия не положили начала модернизации этих регионов, существуя за счет федеральных дотаций. В целом Югославия все более превращалась в аграрно-сырьевой придаток Западной Европы, её задолженность западным кредиторам неуклонно росла².

Что касается ААСВС в Сирии, то наряду со складывающейся параллельной экономикой и формальной реализацией принципа автономного политического управления автономия сталкивается с многочисленными

¹ Cemgil C. The republican ideal of freedom as non-domination and the Rojava experiment: “States as they are” or a new socio-political imagination? // *Philosophy and Social Criticism*. 2016. Vol. 42. Iss. 4–5. P. 420.

² История Югославии. 1941–1996 гг.: учебно-методическое пособие. СПбУ, 2011. С. 141–160.

угрозами, включая серьезные гуманитарные проблемы, опасность возрождения ИГИЛ, неоднократные требования Дамаском признания легитимности центральной власти. Хотя у Башара Асада, похоже, нет средств или желания идти на открытую военную конфронтацию с СДС, власти САР охотно используют тактическое ослабление СДС, обостренное турецким наступлением и частичным выводом американских войск. Так, воспользовавшись беспорядками в Дейр эз-Зоре, вызванными убийством неизвестными лицами шейха в августе 2020 г., правительственные силы при поддержке иранских прокси начали точечные наступления на Дейр эз-Зор с целью установить контроль над нефтяными скважинами. Однако же при этом пока что ни один командир из арабских ополченцев не заявляет о выходе из СДС, несмотря на настоятельные призывы Дамаска к арабским племенам присоединиться к сирийской армии. Пока на востоке присутствуют войска США и выплачивается зарплата бойцам, которую власти САР себе не могут позволить, у СДС есть все шансы остаться едиными и контролировать большую часть рассматриваемой территории.

В самой автономии понимают, что любое сближение позиций Анкары и Дамаска является попыткой уничтожить Автономное управление Северной и Восточной Сирии. Сопредседатель партии «Будущее Сирии», близкой к ПДС, но имеющей электорат в основном в среде арабского населения, отмечает, что политика автономной администрации и последовавших за ней политических партий с точки зрения разрешения кризиса и обеспечения мира и равенства между всеми её народами свидетельствует, что автономная администрация (ААСВС) теперь является препятствием для планов и интересов наций-государств региона. Исходя из этого, партия «Будущее Сирии» считает, что решение сирийского кризиса возможно через диалог только между сирийцами, абстрагируясь от повестки региональных государств¹. Генеральный секретарь сирийской Партии перемен и реформ Мустафа Келачи по этому поводу сказал: «Есть два политических центра, которые находятся на своем месте: это правительство Дамаска и Демократическая автономная администрация (ААСВС). Районы, находящиеся под контролем поддерживаемых

¹ Партия «Будущее Сирии»: «Оккупация Африна должна быть прекращена». 20.01.2022. URL: <https://www.hawarnews.com/ru/haber/partiya-c2abbudushee-siriic2bb3a-c2abokkupaciya-afrina-dolzha-byt-prekrashenac2bb-h19184.html> (дата обращения: 02.02.2023).

Турцией бандформирований “Тахрир аш-Шам” (“Джабхат ан-Нусра”), являются оккупированными территориями»¹.

Очередную интервенцию Турции в Сирию в октябре 2019 г. Автономная администрация Северной и Восточной Сирии (ААСВС) восприняла в качестве самой большой угрозы своего существования со времени провозглашения автономии. Турецкое наступление нанесло серьезный ущерб единству автономии, связанное с тем, что курдские подразделения зонтичной группы СДС в сопротивлении турецкой интервенции не были поддержаны арабскими подразделениями СДС, которые воздержались от боевых действий против армии Турции и протурецких прокси, СНА («сирийской национальной армии») в т.ч. из числа туркоманов, поскольку не считают себя объектом спора с Анкарой.

В итоге сирийские войска впервые с 2012 г. вошли в мухафазы Ракка и Хасеке (не считая местных анклавов), сменив отряды СДС в Манбидже и Кобани, что, по выражению «TheTelegraph», о знаменовало собой «начало конца семилетней курдской автономии в регионе»².

7.3. ААСВС: новые вызовы и перспективы

Весной 2020 г. пандемия коронавируса создала условия для усиления давления на руководство ААСВС со стороны Дамаска, который утверждал, что только сирийское государство централизованно может бороться с этой болезнью. Из-за инерции ООН Всемирная организация здравоохранения по-прежнему работала главным образом с официальным сирийским правительством, поэтому все основные лаборатории, способные проводить тестирование пациентов с COVID-19, были расположены в Дамаске, Латакии и Алеппо. При этом ААСВС отказывалась отправлять тесты в эти лаборатории, не желая, чтобы сирийские власти распространяли потенциально дестабилизирующую дезинформацию об уровне заражения на северо-востоке Сирии. В период всплеска пандемии помощь в виде вакцин (в том числе по линии ООН) доставлялась курдам через внутренний КПП Ракка по суше и по воздуху через подконтрольный Дамаску аэропорт Камышлы.

¹ Там же.

² Цит. по: Матвеев И. А. Сирия в конфликте. С. 313.

Рис. 6. Статистика зараженных COVID-19 в Рожава с апреля по октябрь 2020 г.

Источник: *Озмания М. С.* Указ. соч. С. 228

В середине апреля из Иракского Курдистана удалось поставить две лаборатории, но медицинское оборудование в ААСВС оставалось по-прежнему дефицитным. Так, распространение эпидемии вынудило власти ААСВС закрыть контрольно-пропускной пункт Пешхабур в течение марта-апреля и ввести жесткие ограничения на внутреннее передвижение. Эти усилия оказались эффективными с точки зрения сдерживания пандемии, но нанесли серьезный ущерб хрупкой местной экономике. Таким образом, начавшаяся в 2020 г. эпидемия COVID-19 существенно осложнила социальную и экономическую ситуацию в непризнанной автономии. Взаимодействие автономии с центральным правительством по линии ВОЗ и ООН в деле борьбы с пандемией носило точечный характер. Так, три больницы в Рожаве оснастили аппаратами для искусственной вентиляции легких, а остальные обустроили для содействия пациентам с COVID-19¹. Однако в апреле 2020 г. Комитет здравоохранения Джазиры заявил, что «сирийский режим не прислал им в полном объеме помощь для борьбы с эпидемией»². Частично это удалось

¹ *Озмания М. С.* Рожава в условиях пандемии — 2020 (Автономная администрация Северной и Восточной Сирии) // Мусульманский Ближний и Средний Восток: Современные процессы, история и историография. М.: ИВ РАН, 2021. С. 228.

² Riataza 16.04.2020. URL: <http://www.riataza.com/2020/04/16/komitet-po-zdravooohranen%C4%B1yu-rozhavy-rezhim-ne-napravlyayet%20pomoshh-voz-v-rozhavu> (дата обращения: 20.07.2022).

компенсировать за счет медицинских поставок из Иракского Курдистана (ИК), при том, что пограничный переход между Рожавой и ИК для международной медицинской помощи был открыт только по вторникам.

Трансграничное взаимодействие в рамках ТГМ и передвижение гуманитарной помощи в условиях пандемии было во многом опосредовано тем, что движение людей и товаров через сирийско-иракскую границу в значительной степени контролировалось двумя автономными курдскими субъектами (де-факто и де-юре). Реальность здесь на местах отражает особые гибридные механизмы, возникающие в результате слабости обоих центральных правительств Сирии и Ирака и растущей автономности курдских этноареалов этих стран.

До начала ВВК центральные власти Сирии сформировали место региона компактного проживания курдов в экономической структуре страны таким образом, чтобы он специализировался в основном на производстве сырья: пшеницы, хлопка и нефти, маслин, которые затем перерабатывались в Западной Сирии. Это давало преимущество властям САР: регион оставался зависимым от центра, что ограничивало тенденции к автономизму или сепаратизму — будь то среди курдов или арабских племен. Однако вынужденное положение в роли негосударственных акторов заставляло НСА искать внешних экономических доноров для обеспечения своей экономической устойчивости, поскольку она все ещё сильно зависима от импорта (например, ААСВС не производит свои собственные удобрения или пестициды для экспортных культур). С 2011 г. урожайность в автономии резко упала, что привело к разорению многих сельских хозяйств. Ущерб автономии также нанесли пожары (либо умышленные поджоги) сельскохозяйственных полей в 2019 г.

Серьезной проблемой автономии является водоснабжение: ААСВС не хватает воды из-за разрушения оросительных систем реки Евфрат во время войны с ИГИЛ. Восстановление этих систем будет медленным и дорогостоящим, требуя существенной помощи от западных компаний, чья работа в настоящее время здесь затруднена по соображениям безопасности. После захвата Рас-эль-Айна в 2019 г. турецкие войска установили свой контроль над основным источником питьевой воды в провинции Хасеке — насосной станцией Алук, откуда поставки доставляются в столицу провинции через Таль-Тамер и другие населенные пункты. Несмотря на российское посредничество в обеспечении подачи питьевой воды в районы, контролируемые автономией, быстро

растущее население Хасеке, которое увеличилось до 450 000 после того, как сюда прибыли новые беженцы и ВПЛ из сектора RAATA, испытывает острый недостаток в воде. Альтернативным и дорогостоящим решением проблемы является расширение канала Аль-Сувар дальше к северу, чем Аль-Шадади, но здесь курдские власти боятся быть теперь зависимыми от арабских племен.

В настоящее время нехватка воды раздражает население и создает дополнительную напряженность между арабами и курдами. Местное население недовольно действиями России, которая вынужденно заблокировала доставку помощи Совета Безопасности ООН, имея доказательства поставок вооружения сирийским курдам, настаивая при этом, что любая гуманитарная помощь может осуществляться только через центр в Дамаске. Так, в декабре 2019 г. Россия наложила вето на предложение Совета Безопасности об использовании КПП аль-Ярубия на северо-востоке в качестве пограничного пункта для поставок гуманитарных грузов ООН через Ирак. Это связано с концепцией суверенизации гумпомощи, которую отстаивает официальный Дамаск и которую поддерживает в ООН не только Россия, но и Китай.

Другой особенностью ситуации на сирийско-иракской границе явилось то, что ПРК благодаря вовлечению в боевые действия против ИГИЛ, воспользовавшись вакуумом власти, образовавшимся на освобожденных от ИГИЛ территориях, сумела усилить свое влияние и контроль вдоль сирийско-иракской границы. Идеологические и организационные связи апочистов с местными силами самообороны, такими как YPG в Сирии и Отряды сопротивления Синджара (YBSJ) в Ираке, позволили сторонникам Оджалана создать здесь режим относительной безопасности для жителей региона и усилить свое политическое влияние.

В период ВВК в Сирии ослабление центральной власти в двух странах — Сирии и Ираке — и их фактический уход с периферии привели к появлению многочисленных вооруженных группировок, стремящихся заполнить образовавшийся политический вакуум. Эти группы часто отождествляли себя на основе этнической или религиозной идентичности. В этом процессе разделения сфер влияния на северном участке иракско-сирийской границы впервые с момента образования современных государств — Ирака и Сирии — курды и с той и другой стороны установили контроль над государственной границей и стали доминировать с обеих сторон северного участка сирийско-иракской границы. Этот

значительный геополитический сдвиг, который можно охарактеризовать как формирование «курдо-курдских» границ, может иметь долгосрочные последствия для региона.

Так, ПДС контролировала пограничную зону с Ираком с середины 2012 г. Это превратило некоторые участки сирийско-иракской границы в арену внутрикурдского соперничества между Демократической партией Курдистана (ДПК), которая является основной правящей партией в ИК, с одной стороны, и ПРК — с другой. По сути, это соперничество отражает столкновение двух типов «повстанческих государств»: экспансионистского и сецессионистского в лице ААСВС и ИК соответственно, а также их представлений о государственной сирийско-иракской границе, которой они разделены. По мнению некоторых исследователей, эти два типа подходов представляют собой, с одной стороны, революционное, транснациональное видение ПРК, которая стремится искоренить или, по крайней мере, приуменьшить реальность существующей границы; с другой — прагматическое сецессионистское видение ДПК, стремящееся утвердить реальность границы как демаркацию власти KRG и будущей своей возможной государственности¹.

Такая связь между ПДС и ПРК — организацией, которую Турция, США и Европейский союз классифицируют как террористическую, представляет собой препятствие для попытки автономной администрации нормализовать социально-экономическую ситуацию и получить большее широкое международное признание. Эта идеологическая связь повлияла и на усиление конкуренции ПДС с ДПК в отношении контроля и управления или разделения власти в Северо-Восточной Сирии и в приграничном с Сирией Синджаре в Ираке. Со временем иракско-сирийская граница стала основной локацией этого соперничества, а также регулярным объектом ударов и атак ВВС Турции и военных вторжений против попыток ПРК распространить свое влияние на сопредельные регионы.

Динамика внутрикурдского соперничества указывает на то, что этнического единства недостаточно для достижения консенсуса по поводу контроля над границей. Хрупкие экономические интересы могут побу-

¹ Harith H., Khadour K. The Making of the Kurdish Frontier: Power, Conflict, and Governance in the Iraqi-Syrian Boderland. 30.03.2021. URL: <https://carnegie-mec.org/2021/03/30/making-of-kurdish-frontier-power-conflict-and-governance-in-iraqi-syrian-borderlands-pub-84205> (дата обращения: 22.04.2023).

ждать обе стороны к сотрудничеству в организации поставок товаров или гуманитарной помощи, но серьезные противоречия, имеющие глубокие исторические корни, продолжают вызывать напряженность. ДПК и прагматичные элиты в ААСВС предпочитают не оспаривать реальность этой границы и, похоже, приняли существующие государственные границы в качестве территориальных границ распространения своего собственного суверенитета. Они стремятся формализовать и, возможно, в более отдаленном будущем использовать эти границы в качестве демаркации своих притязаний на государственность. Подход двух повстанческих государств к интерпретации сирийско-иракской границы отчасти обусловлен их сильной зависимостью от международной поддержки и признания со стороны держав, которые склонны отвергать изменения существующих государственных границ, а отчасти их предполагаемой ролью инструментов внешнего влияния.

ПРК как организация повстанческого типа и ассоциированные с ней органы самоуправления, декларативно заявляя о революционности проводимых преобразований, имеет видение на перспективу распространения демократического конфедерализма на территории не только всей Сирии, но и, в рамках преодоления государственных границ, на смежные территории Ирака, населенные курдами и езидами, что выражается в утверждении трансграничной солидарности в качестве способа расширения своего влияния и вызова традиционным силам и элитам в курдском обществе, заинтересованным в сохранении геополитического статус-кво.

Десятилетие Рожавской революции летом 2022 г. автономия встречала в особенно трудных условиях: она оказалась фактически территориально изолированной на фоне непрекращающихся со стороны Турции угроз о вторжении в регион и высокой напряженности между ПРК и ДПК, которые закрыли внешнюю границу автономии с автономным регионом Курдистан в Ираке.

При этом ПРК, по сути, стала новым политическим актором в северной части Ирака на территориях, считающихся вотчиной ДПК. Усиление влияния ПРК в Иракском Курдистане — в первую очередь в спорном с Багдадом Синджаре, населенном курдами-езидами, является источником беспокойства для иракских курдских партий и Турции. Эрбиль, Багдад и Анкара считают, что ПРК способна изменить будущее их отношений в этом регионе. Отношения между ПРК и ДПК претерпели множество

неудач на стезе сближения политических позиций. Как говорил первый секретарь ДПК Масуд Барзани ещё в конце 80-х в интервью журналу «Арманж», «в современном Курдистане существуют различные диспропорции мнений о целесообразности консолидации национально-освободительного движения и путях такой консолидации. Диспропорции особенно полярны между городскими и сельскими общинами, элитой и простыми людьми. Образование новых партий — процесс естественный, но отсутствие при этом взаимопонимания и сотрудничества непонятно»¹.

Благодаря связям на местах ПРК создала или возродила коридоры для пересечения границы, которыми регулярно пользуются связанные с ней боевики, ослабляя границу, делая её прозрачной. С иракской стороны ДПК, основная правящая партия в Иракском Курдистане (ИК), сумела удержать контроль над несколькими частями этого пограничного сегмента, несмотря на свое отступление из Синджара перед военной угрозой со стороны центрального правительства после неудавшегося референдума о независимости в 2017 г.

ПРК постоянно обвиняет ДПК в преследовании своих сторонников в Иракском Курдистане, утверждая, что у неё есть доказательства того, что спецслужбы в Эрбиле и Анкаре обменивались информацией о передвижениях апочистов в Кандильских горах и Синджаре. Эрбиль, со своей стороны, отверг эти обвинения и подтвердил, что его граждане выполняют «свой долг по защите своей земли». ДПК беспокоит та роль, которую сегодня ПРК играет в северном Ираке. Эрбиль винит ПРК в создании хаоса в этой части Ирака ввиду попыток установить контроль над Кандильскими горами и создать там повстанческий режим, чья деятельность направлена против Турции. При этом Эрбиль утверждает, что деятельность ПРК препятствует его планам по развитию более 800 деревень в зонах контроля ПРК².

При этом в некоторых городах Иракского Курдистана наблюдается рост негативного отношения населения к дислоцированным на севере автономии турецким войскам. Чтобы выразить свой гнев по поводу турецкой воздушной бомбардировки, приведшей к гибели невинных

¹ Вертяев К. В. Указ. соч. С. 55.

² The Iraqi Kurdish parties and the PKK. 01.10.2019. URL: <https://middle-east-online.com/en/iraqi-kurdish-parties-and-pkk> (дата обращения: 21.09.2022).

людей, жители штурмовали турецкую базу в городе Дохук в 2019 г. Турция заявила, что эти действия были спровоцированы ПРК, а официальный Эрбиль предпринял усилия, чтобы утихомирить ситуацию.

Турецкое руководство приветствовало шаги, предпринятые ДПК, и заявило, что Анкара и Эрбиль испытывают одинаковые опасения из-за политики, проводимой ПРК в регионе. При этом ПРК обвиняет Эрбиль и Анкару в попытке геополитически задуть движение за истинную демократию, заявляя, что Турция в настоящее время стремится разместить больше военных баз в районах расположения апочистов в ИК. В нем указывается, что Турция хочет усилить контроль над стратегическим центром ПРК в Кандиле и Синджаре. ПРК также утверждает, что все эти военные действия в настоящее время осуществляются в сотрудничестве с ДПК.

ДПК как ведущая партия в ИК, со своей стороны, опасается господства политических партий, лояльных ПРК, в Синджаре. В долгосрочной перспективе эти партии собираются участвовать в выборах, а также будут иметь официальное представительство в провинциальном совете Ниневии и в иракском парламенте. Ожидается, что они получат 80% голосов езидов в Синджаре. Это лишит ДПК одного из важных центров поддержки выборов в этом городе. Это повысит роль Сил сопротивления Синджара (YBŞ), которые имеют стратегическое партнерство с езидскими партиями, поддерживаемыми ПРК.

Растущие связи между Багдадом и ПРК также вызвали у Эрбиля опасения. Во время войны против ИГИЛ появлялись различные признаки того, что Багдад мог передавать вооружение ПРК для борьбы с этой террористической организацией. Кроме того, Багдад может считать ПРК важной силой для сдерживания турецких амбиций в отношении Мосула. По мнению ряда аналитиков и журналистов, Багдад рассматривал ПРК как потенциального союзника, чтобы заставить турецких солдат в лагере Башика уйти обратно в Турцию¹.

У Эрбиля большие разногласия с Багдадом по многим вопросам, и Багдад гипотетически может использовать как козырь вопрос с ПРК, идеологически близких Патриотическому союзу Курдистана (ПСК), глава которого, Джалал Талабани, был даже президентом Ирака.

¹ Ibid.

ПРК может быть частью любого плана, нацеленного на сдерживание амбиций ДПК в отношении выхода Иракского Курдистана из состава Ирака.

Таким образом, можно сделать вывод, что вражда между ПРК и ДПК выгодна в первую очередь таким игрокам, как Анкара и Багдад. Как бы то ни было, но блокада сирийско-иракской границы — это инструмент безусловного политического давления на непризнанную автономию в Сирии, что влияет на вопросы её гуманитарного и экономического состояния. Примечательно, что если населением автономии в целом положительно оценивается состояние вопросов безопасности, представленности различных сообществ или включения женщин в политический процесс самоуправления на местах, то вопросы состояния здравоохранения, образования или инфраструктуры в автономии остаются критически актуальными. И это, пожалуй, главный вывод, который можно сделать о десятилетии существования непризнанной автономии.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Подписанный в октябре 2019 г. российско-турецкий Сочинский меморандум в рамках Астанинского процесса политического урегулирования в Сирии зафиксировал статус-кво, в целом невыгодный для сирийских курдов. Значительные части самопровозглашенной автономии, включая Африн, оказались под турецкой оккупацией с неясной перспективой политического статуса этих территорий, на момент написания книги находящихся под формальным контролем ВПС. При этом на фоне последствий эпидемии COVID-19 введение ограничительных мер, связанных с разногласиями в Совбезе ООН по вопросам ТГМ в Сирии, оказало неблагоприятное воздействие на экономическую и гуманитарную ситуацию в ААСВС. До 2020 г. гуманитарные учреждения ООН использовали четыре пограничных пункта пропуска: Баб-эс-Салям и Баб-эль-Хава на границе с Турцией, Аль-Ярубия на границе с Ираком и Аль-Рамта на границе с Иорданией. Механизм позволял доставлять жизненно важную продукцию напрямую в те районы, которые заняты оппозицией, в обход правительства Башара Асада¹. При этом в июле 2022 г. Россия вновь наложила вето на проект о продлении трансграничной помощи Сирии на год, что было вызвано игнорированием в рамках действующего режима ТГМ интересов Дамаска по поддержке населения в обход центрального правительства при осуществлении такой трансграничной помощи. По сути, произошел конфликт между различными международно-правовыми подходами: R2P и концепции суверенизации оказания гуманитарной помощи.

¹ Россия и США наложили вето на проекты резолюций о помощи. РБК. 08.07.2022. URL: <https://www.rbc.ru/politics/08/07/2022/62c8686a9a79475f3a68fe0c> (дата обращения: 23.12.2022).

Что касается соглашения между руководством СДС и сирийскими правительственными войсками, то принятый в Сочи в 2019 г. российско-турецкий документ фактически закрепил новую реальность в северо-восточной части Сирии, связанную с более тесным сотрудничеством ААСВС с Дамаском, отношения с которым с начала ВВК варьировались от вооруженных столкновений с человеческими жертвами до совместных действий и альянсов по борьбе с ИГИЛ, а также турецкой военной интервенцией.

Проведенный в работе анализ показывает, что особенностью АССВС является двойственность её интерпретации как протогосударства. С одной стороны, это повстанческое государство со своей спецификой, чья антигосударственность направлена на противодействие экспансии и влиянию как из центра (Дамаска), которые ассоциируется для АССВС с государством, центральной властью, так и со стороны Турции, интерпретируемой сторонниками Рожавы как враждебное государство (однако этот подход не разделяется, например, арабской частью населения ААСВС). Противодействие ИГИЛ со стороны сирийских курдов было также одной из форм противостояния экспансии со стороны другого повстанческого государства, однако формирующегося в наиболее извращенной своей форме. В целом же феномен Рожавы как антигосударства определяется декларируемым отказом от потребности в государстве вообще как от концепта, что, однако, не лишает автономию характеристик протогосударственности.

Феноменология ААСВС заключается, на наш взгляд, в формировании параллельных «антигосударственных» структур управления в Сирии, имеющих признаки протогосударственности, но при этом отрицающих саму государственность. Ведущие курдские силы этого региона — курдская самооборона YPG и их политические сателлиты в лице Партии Демократический союз (ПДС), по сути, представляются негосударственными акторами, изначально мобилизованными на почве этноконфессионального партикуляризма, которые нередко выступают в виде связки сил самообороны с политической организацией. Их можно трактовать как «несуверенные единицы, которые обладают существенной экономической, политической или социальной силой и влиянием на национальном, а в ряде случаев на международном уровне»¹. Несмотря на политиче-

¹ Вертяев К. В. Сирийские курды как протогосударственный субъект. С. 22–42.

ские разногласия, они могут взаимодействовать с существующим центральным правительством, в том числе в рамках консociальной демократии.

Второй особенностью ААСВС остается её мобилизованность под курдским началом в рамках курдского национализма как с территориальными, так и экстерриториальными признаками. Целью сецессионистских ПГ является политическое самоопределение либо путем отделения, либо путем создания автономии в рамках режима децентрализации. «Политическое движение становится националистическим, когда оно выдвигает политические требования об отделении или автономии в регионе, который считается исторической родиной населения, где большинство населения принадлежит к одному и тому же, пусть и воображаемому сообществу»¹. Как справедливо утверждает Х. Озоглу, «не все автономные движения являются националистическими по определению»². Далее он пишет: «Националистические движения, требующие автономии, больше озабочены самоуправлением внутри такого сообщества, чем экспансией или удержанием территорий. Это определение важно для фиксации происхождения национализма на Ближнем Востоке»³.

Формирующееся на протяжении последних десяти лет протогосударство на северо-востоке Сирии не является курдским в узкоэтническом смысле, в своем официально декларируемом понимании. «Автономная Администрация Северной и Восточной Сирии» (ААСВС), декларативно считающая себя частью Сирии, имеет перспективы официального закрепления статуса в рамках республики Сирия, к чему стремятся силы, сплотившиеся вокруг ПДС, но на конвенциональной основе. Конвенциональность, с точки зрения руководства ААСВС, заключается в официальном закреплении автономного статуса федерации в составе Сирии либо иной формы реализации принципа децентрализации при сохранении Сирии как целостного государства. В рамках продолжающихся контактов между ААСВС и правительством Сирии последнее может пойти на то, чтобы включить курдский язык в сирийскую

¹ Заяц Д. В. Территориальные конфликты на современной политической карте мира: очаги и риски сепаратизма: дис. канд. геогр. наук. Моск. пед. гос. ун-т, 1999. С. 44.

² Özoğlu H. "Nationalism" and Kurdish Notables in the Late Ottoman — Early Republican Era. P. 386.

³ Ibid.

национальную учебную программу, или, например, рассматривать военную службу в YPG как аналогичную службе в сирийской армии (для получения статуса ветерана и военной пенсии), а также иных ходов, способных сыграть на руку тем, кто стремится к сохранению территориальной целостности Сирии.

Рожава возникла в 2012 г. как типично курдское повстанческое государство, однако глубоко инкорпорированное в структуру Сирии. Во всяком случае, именно к этому прилагают усилия её апологеты, пытаясь вживить эксперимент демократического конфедерализма в политическую ткань всего Заевфратья.

Рожава представляется, таким образом, «антигосударством» в том смысле, что сирийские курды прагматично использовали концепты лидера ПРК Абдуллы Оджалана о том, что национальное государство не является активом для получения международного признания, стирая грань между сепаратизмом и местным самоуправлением.

«Антигосударственная» идеология курдского движения в Сирии состоит в том, чтобы взять власть государства и вернуть её человеку, используя для этого коммуны как средство. Каждое сообщество внутри демократической автономии следует рассматривать как политическую и моральную единицу общества. Радикальная демократия рассматривается как противоположность государственной системе, в которой парламент реализует правила в отношении общества. Система коммун означает систему принятия решений, имеющих отношение к непосредственному бытию индивида, в первую очередь, социально-экономическому, обратившись при этом к «сберегающим» (экологическим) вариантам самоорганизации. Контуры такого органичного варианта отношения к среде просматриваются в самопровозглашенной автономии.

В целом такая коммуналистская концепция укладывается в характерный для Ближнего Востока поиск преодоления фрагментированности путем создания новых единств — общественных, национальных, субрегиональных, региональных¹. Однако её с трудом можно отнести к набирающим силу неомодернистским концептам общественного и государственного переустройства Ближнего Востока. Демократический конфедерализм отрицает саму идею государства, нации, являющимися

¹ Кузнецов В. А. Постсекулярный век неомодерна. Ближневосточный извод. Государство, религия, церковь. 2017. № 3 (35). URL: <https://doi.org/10.22394/2073-7203-2017-35-3-85-111>

краеугольными камнями теоретизированных представлений о модерне в политике в целом.

С другой стороны, можно сказать, что Сирийский Курдистан (Рожава, ААСВС) — это характерная для всего Ближнего Востока «организованная территория, виртуальная конструкция, создаваемая ради организации представлений, на основе и при помощи которых могут выстраиваться и воспроизводиться социальная государственность и (или) её часть»¹.

Внутренний вооруженный конфликт в итоге привел к формированию на севере Сирии самопровозглашенного де-факто автономного политического образования (НСА, ААСВС). При этом можно сказать, что Турция рассматривает Рожаву как повстанческое государство, угрожающее её территориальной целостности. Руководство ААСВС категорически отрицает территориальные претензии к Турции. Военная интервенция Турции в Сирию привела к де-факто оккупации Турцией территорий компактного и исторического проживания курдов Сирии (Африн, сектор RAATA) и формированию там подконтрольной Турции администрации ВПС.

Источником национальной мобилизации сирийских курдов явилась политика баасистских элит, а непосредственным триггером — бойня и восстание курдов в Камышлы в 2004 г. как ответ на вызовы арабо-суннитского доминирования в регионе. В результате ВВК, разразившегося в 2011–2012 гг., жители Рожавы, как и все жители Сирии, продолжают испытывать схожие трудности, связанные с воздействием неблагоприятных факторов, таких как эпидемия Covid-19 (2020–2021 гг.), политическая блокада внешних границ автономии с Турцией, а также сирийско-иракской границы, в том числе ввиду неурегулированности вопроса в ООН, а также продолжающейся с 2016 г. военной интервенции Турции на севере Сирии. Наряду с этим в ААСВС сохраняется недоверие к официальному Дамаску.

На примере курдских повстанческих государств мы видим противоречивое сочетание двух тенденций «курдизма»: с одной стороны, разобщенность и партикуляризм, с другой — стремление к интегративности². Важным стимулом этнонациональной мобилизации здесь становится

¹ Косолапов Н. А. Россия: территория в пространствах глобализирующегося мира // Мировая экономика и международные отношения. 2005. № 7. С. 4.

² Ближний Восток в поисках политического будущего / Науч. ред. В. Г. Барановский, В. В. Наумкин. М.: ИВ РАН, 2019. С. 331.

страх перед угрозой исчезновения группы, который в рамках теории символического выбора выступает в качестве «мифа-символа», выражающегося в исторической памяти в виде национальной трагедии (операция Анфаль, проводимая С. Хусейном в Ираке в конце 80-х, имевшая признаки геноцида курдов) либо национальной победы над силами, угрожавшими таким уничтожением (победа курдских сил самообороны в Кобани в 2014 г. в противостоянии с ИГИЛ).

Это позволяет говорить, что ААСВС — непризнанная самопровозглашенная автономия (НСА) в составе Сирии, существующая *fait accompli*, т. е. как свершившийся факт. С другой стороны, центральное сирийское правительство будет и дальше оспаривать степень автономизации ААСВС, на которую претендуют её сторонники. В этом смысле к Рожаве не применимы категории «оспариваемой государственности» (“contested statehood”), поскольку автономия не оспаривает на данный момент территориальную целостность Сирии. На момент написания книги Рожава оставалась «регионом неполной государственности» (“incomplete statehood”), где сирийское государство выполняет только часть своих функций; либо «регионом переданной государственности» (“abdicated statehood”), где государство оставляет часть своих обязательств местным группам и элитам¹.

Однако, если рассматривать Рожаву как часть Сирии в рамках конгломератно-сложного общества, то кто даст гарантии, что рано или поздно таким обществом-конгломератом не станет де-факто Курдистан, как устойчиво воображенное его жителями политическое конгломератно-сложное пространство, учитывая, что значительная часть сирийско-иракской границы находится сейчас под контролем двух курдских автономных образований? Этого нельзя исключать в первую очередь из-за склонности этнической (культурно-лингвистической или конфессиональной) группы с высокой внутренней мобилизационной идентичностью отвергать легитимность властей САР и искать иные способы региональной консолидации, что является одной из основ экзистенции повстанческого государства. Причины возникновения ПГ — это неудачи правящих режимов в создании общей для всего населения политико-национальной идентичности, когда верх берут клановость, трайбализм, этнический партикуляризм и ослабление в процессе глобализации

¹ Попов Ф. А. География сепсессионизма в современном мире. М., 2012.

и без того слабого государства. Отчасти это справедливо и в отношении и Сирии, и Ирака, где вновь созданные на обломках Османской империи государства унаследовали «доселе не существовавшие границы между ними, возникшие как разделительные линии-фронтьеры в процессе краха Османской империи, по сути, произвольно разделившие ареалы расселения местных этнических групп»¹. Однако повышение мобильности капитала и рабочей силы в условиях глобализации дает импульс развитию трансграничных регионов, основу которых составляет экономическое взаимодействие, а также, что немаловажно, сходная этническая и культурная идентичность, отличная от общегосударственной, что позволяет им сохраняться наплаву, то есть экономически и политически выживать. Так, значительная часть турецкого и иранского капитала, присутствующего в экономике Рожавы, представлена этническими курдами из указанных стран. Это происходит на фоне регионализации, тождественной интеграции, в то время как на внутригосударственном уровне идет регионализация идентичная деинтеграции, т. е. передача полномочий от центра регионам².

Что касается посреднической роли России в урегулировании внутреннего вооруженного конфликта в Сирии, то одной из главнейших причин инертности отношений РФ с ААСВС является отсутствие на этой территории легитимных (то есть признанных таковыми всем сообществом) лидеров, а их функции (во всяком случае, в отношениях с США) выполняют командиры сил YPG.

В целом же можно сделать вывод, что Сирийский Курдистан (Рожава, ААСВС), как НГА, может выполнять политические функции, которые бросают вызов авторитету или даже легитимности самого государства, в рамках которого они существуют. Они выполняют военные функции (самообороны, контроля территории), контроля внешних границ государства-конгломерата, дистрибуции, чаще всего возникая или актуализируясь в условиях военного времени или ВВК.

Хотя непризнанная автономия и обладает многими практическими характеристиками государства, ей не хватает авторитета и признания, предоставляемых правительству, даже если это правительство менее

¹ *Özoğlu H.* “Nationalism” and Kurdish Notables in the Late Ottoman — Early Republican Era. P. 383–409.

² *Schmitt-Egner P.* The Concept of “Region”: Theoretical and Methodological Notes on its Reconstruction // *European Integration*. 2002. Vol. 24. No. 3. P. 25–27.

способно управлять территорией, на которую оно претендует¹. Группы, сложившиеся на основе общей идентичности и социальной принадлежности, тяготеют к созданию жестко не связанных коалиций для сдерживания общего врага. Такие объединения остаются хрупкими и при первой же возможности рассыпаются для создания меньшей, но более сплоченной и эффективной коалиции². Можно предположить, что устойчивость к такому рассыпанию является одним из главных признаков протогосударственности, когда на стадии квазигосударства общество приобретает элементы политической централизации, выступая, в контексте Сирии, в форме альтернативного (параллельного) сирийского протогосударства. Этот процесс позволяет объединить ряд территорий вокруг одного центра, который порой первоначально не имеет политического значения, однако притяжение к нему может обуславливаться языковой, религиозной, этнической, даже кровной общностью, сходством образа жизни и обычаев, географической близостью³. В рамках демократического конфедерализма сирийских курдов такой центр может вообще отсутствовать ввиду формирования протогосударства, в котором этнически разнородное население (часто при внешней, показной сплочённости) консолидируется не только за счёт экспансии или при наличии внешнего врага (реального или пропагандируемого), но и за счет ограниченной донорской помощи, в контексте ААСВС со стороны США, при отсутствии явного общепризнанного лидера такого политического образования. Здесь нет провинции, периферии, поскольку каждая территориальная корпорация считает себя субъектом союза, независимым и самостоятельным в пределах своих границ. Общее политическое пространство сохраняется за счёт военного или иного давления субъекта, претендующего на роль центра этого социального образования. При этом власть в таком политическом образовании нередко носит харизматический, а в последующем традиционный (легитимно-традиционный)

¹ *Mampilly Z. C. Rebel Rulers: Insurgent governance and civilian life during war.* N. Y.–L.: Cornell University Press, 2011. P. 112.

² Ближний Восток в меняющемся глобальном контексте. М.: ИВ РАН, 2018. С. 307.

³ *Лукичев П. Н., Скорик А. П. Квазигосударственность: историко-теоретический концепт 20 лет спустя. Комментарий к ранее опубликованному концепту.* 2013. URL: <https://www.npi-tu.ru/index.php?id=2028> (дата обращения: 10.10.2020).

характер, когда само соблюдение законности становится традицией¹. По сути же эта система является общественным договором, в рамках которого идея гражданства отделяется от идеи государства и реализуется в Рожаве посредством демократической автономии.

Если же говорить о национальной сплоченности сирийских курдов, то нужно отметить, что на территории, которая после двух мировых войн XX в. стала государством Сирия, проживают многие этнические (арабы, курды, туркмены и ассирийцы) и религиозные группы (мусульмане, христиане, алавиты, исмаилиты, друзы). Сами курды также не образуют однородной группы, а раздроблены по территориальному и демографическому размежеванию. И некая универсальная надэтничность на почве эколибертарианского способа социально-экономического существования, безусловно, способна внести свою лепту в сглаживание и нивелирование общественно-политических конфликтов, традиционно характерных для Ближнего Востока.

Одним из главных заблуждений на протяжении всей истории становления курдского национального движения было то, что стадияльное развитие, прогресс, в конце которого виделось независимое курдское национальное государство, представлялись панацеей от всех бед, лишений и других неприятных аспектов бытия человеческого социума — таких как межклановая, межрелигиозная вражда, национальный гнет, запрет на использование родного языка и т. д. Специфика политического и социального развития внутри современного социума Сирийского Курдистана (Рожавы, ААСВС) может создать ложное впечатление, что растворение традиционного уклада в современном лишь вопрос времени. Для Востока в целом характерно то, что традиционное не обязательно превалирует над современным, но и существует с ним в особой гармонии, дополняя друг друга.

Политическая стабилизация Сирии в условиях, когда на всем Ближнем Востоке конфликты приведены в состояние заморозки, таит в себе мало-предсказуемые риски, в том числе и в результате спорадических вспышек насилия, как это произошло между движением ХАМАС (сектор Газа) и Израилем, когда юг страны подвергся самым массированным за всю историю конфликта ракетным обстрелам со стороны «повстанческого государства» в секторе Газа в мае 2021 г. Ответственность за противодействие

¹ Там же.

возникновению подобных вспышек насилия и вооруженных конфликтов в рамках НСА лежит в том числе и на местных силах самообороны, что позволяет говорить о способности квазигосударственных структур выполнять функции государства — в первую очередь в части обеспечения безопасности населения на подконтрольных территориях.

В рамках подобной военной демократии имплементируемый здесь принцип демократического конфедерализма — это в первую очередь вопрос о судьбе курдского этноса, его выживаемости, защиты как политико-культурной идентичности Сирии. В этом смысле революция Рожавы как социально-политического эксперимента ещё не окончена.

Решение курдской проблемы приобретает особое и самостоятельное значение в качестве одного из ключевых моментов в достижении политического урегулирования сирийского конфликта в целом, с учетом посредничества России, позиции Турции, США и способности нынешней центральной власти Сирии к адаптации новой политической реальности на северо-востоке страны.

Новая реальность на северо-востоке Сирии привела к росту трансграничных курдских связей и содействовала постепенной эволюции социально-экономических структур, помогающих усилению транснациональных (трансграничных) способов взаимодействия. Автономная администрация работает над укреплением своей «протогосударственной» власти, то есть выполнением государственных функций, включая управление, безопасность и предоставление коммунальных услуг. По этой причине перед лицом турецкого вторжения с севера администрация придает огромное значение открытию и развитию пограничных переходов с ИК и остальной частью Ирака, продолжая противодействовать усилению влияния сирийского правительства с юга и запада, автономная администрация рассматривает эти коридоры пока как единственный надежный путь для взаимодействия с внешним миром. Большая часть экспорта и импорта ААСВС, а также передвижения её жителей за пределы Сирии зависят от открытости этой границы. Автономная администрация и Региональное правительство Курдистана (KRG) в Ираке стремились формализовать управление общими пограничными переходами в рамках своих усилий по выполнению функций, ранее выполнявшихся Дамаском и Багдадом, пресекая контрабанду и незаконную деятельность, которые лишают их дополнительных средств для нужд автономии. Однако, поскольку приграничный регион продолжает оставаться зоной

институциональной нестабильности и влияния ВВК, политические партии и связанные с ними военизированные формирования соперничают за влияние и контроль на границе, а деятельность «серого» рынка продолжается, поддерживается, а в некоторых случаях даже спонсируется двумя основными административными властями. Это способствует укреплению межкурдских трансграничных связей.

Можно ли утверждать, что курдские политические конкуренты ДПК, ПСК, ПДС в рамках воображаемого единого Курдистана обладают единым представлением о судьбах и источнике власти такого гипотетического государства? Насколько правомочно говорить об отмирании рудимента «повстанческого государства» в самопровозглашенной автономии в Сирии? Как должна выглядеть и по каким законам будет строиться эта государственность? Такая биполярность может быть описана путем распознавания различных, но не обязательно всех характеристик, которые считаются критериями формирования государства. Однако, как отмечалось во Введении, биполярные модели имеют склонность к понятийной диффузии, приобретая некую многоплановость, и эти вопросы пока остаются открытыми. Как наглядно показывает опыт Рожавы, ПГ может формироваться не только как сецессионистский проект, но и как режим параллельного политического управления в регионе с формированием параллельной экономики.

Так, вопрос сближения, в том числе и экономического, сирийской Рожавы и Региона Курдистан в Ираке может рассматриваться как вполне ожидаемый. Например, это было наглядно продемонстрировано в 2020 г. во время эпидемии COVID-19, когда Региональное правительство поставляло в Рожаву (ААСВС) гуманитарную помощь и медицинское оборудование напрямую, в обход требований и условий осуществления ТГМ в Сирии на основе решений ООН.

Возможным выходом из ВВК в Сирии был бы вывод всех иностранных войск, находящихся на территории этой страны без санкции законного правительства. Однако при этом приходится констатировать, что ограниченный воинский контингент США в ААСВС по-прежнему видится многим жителям Рожавы в качестве элемента обеспечения их безопасности и гарантии от посягательств на «автономизм» сирийских курдов как со стороны Дамаска, так и Турции. В свою очередь, победив с помощью внешних союзников в борьбе с терроризмом и вооруженными отрядами оппозиции, центральные власти едва ли пойдут на создание

временного коалиционного правительства, не говоря уже о проведении внеочередных президентских выборов.

Боестолкновения в ходе ВВК, а также множественные турецкие интервенции на севере Сирии в 2018–2019 гг. привели к масштабным гуманитарным катастрофам, вызвав исход огромного числа беженцев и ВПЛ. К примеру, курдское население Африна, составлявшее около 78% местных жителей, уменьшилось в результате турецкой военной операции 2018 г. «Оливковая ветвь» до 25% (по оценкам разных наблюдателей). Эти и другие факторы не позволяют пока говорить о возможности формирования консоциальной демократии в Сирии, основанной на пропорционально-инклюзивном учете интересов всех слоев населения, в зависимости от этноконфессиональной принадлежности и (или) политических взглядов и предпочтений.

Таким образом, предпочтительным сценарием могло бы стать сохранение в Сирии конгломератно-сложного (многосоставного) общества, в рамках которого экономические связи поддерживали бы единство по контуру в рамках децентрализации, не ставящей под угрозу территориальную целостность государства, одновременно выступая в качестве связующих элементов гражданско-правовой самоидентификации. Примечательно, что именно эта форма близка, по сути, к видению местной администрации в рамках предлагаемой инициативы по разрешению сирийского кризиса (см. Приложение 2). При этом нельзя с уверенностью утверждать, что рудименты сецессионизма навсегда исчезнут в этническом Сирийском Курдистане и что его обитатели и представляющие их политические силы не будут воспринимать воображаемый ими Курдистан в качестве одного из главных атрибутов своего «автономизма».

Приложения

Приложение 1

ОБЩЕСТВЕННЫЙ ДОГОВОР ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ СЕВЕРНОЙ СИРИИ

29 декабря 2016 г.

Преамбула

Мы, народы Рожавы — Северной Сирии, в том числе курды, арабы, сирийцы, ассирийцы, туркоманы, армяне, чеченцы, черкесы, мусульмане, христиане, езиды, а также представители различных доктрин и сект, признаём, что национальное государство превратило Курдистан, Месопотамию и Сирию в центр хаоса, происходящего на Ближнем Востоке и принесшего нашим народам проблемы, серьёзные кризисы и страдания.

Тиранический режим национального государства, несправедливый по отношению к различным слоям сирийского народа, привёл страну к разрушению, к фрагментации её социальной ткани. Чтобы положить конец этой хаотичной ситуации, демократическая федеральная система провозглашается оптимальным решением для решения национальных, социальных и исторических проблем в Сирии.

Демократический федерализм Северной Сирии основан на географической концепции и административной и политической децентрализации; это часть единого сирийского демократического федерализма.

Консенсуальная демократическая федеративная система гарантирует участие всех лиц и групп на равных уровнях в обсуждении, решении и осуществлении управления. Она учитывает этнические и религиозные раз-

личия в соответствии с особенностями каждой группы на основе принципов взаимного сосуществования и братства народов. Она гарантирует равенство всех народов в правах и обязанностях, уважает Хартию прав человека и сохраняет межнациональный и международный мир.

В рамках согласованной демократической федеральной системы все слои населения, в особенности женщины и молодежь, должны формировать свои организации и демократические институты. Демократическая федеративная система гарантирует свободное осуществление любой политической, социальной и культурной деятельности и пользование всеми преимуществами свободной и равноправной жизни.

В этом договоре демократическая федеральная система Северной Сирии принимает физические и моральные ценности Ближнего Востока. Этот документ одобрен добровольным волеизъявлением всех жителей Северной Сирии и в соответствии с принципами демократической нации.

I. Общие принципы

Статья 1

Этот документ называется: «Общественный договор демократического федерализма Северной Сирии». Преамбула считается неотъемлемой частью настоящего договора.

Статья 2

Демократическая федеральная система Северной Сирии принимает экологическую и демократическую систему развития, а также провозглашает свободу и равноправие женщин.

Статья 3

Демократический федерализм Северной Сирии получает легитимность согласно воле народов и различных групп через свободные и демократические выборы.

Статья 4

Все языки на севере Сирии равны во всех сферах жизни, включая социальную, образовательную, культурную и административную деятельность. Каждый народ должен организовывать свою жизнь и управлять своими делами на своем родном языке.

Статья 5

Демократический федерализм Северной Сирии и его администрация должны иметь центр и особый флаг, наряду с демократическим федеральным флагом Сирии, и иметь герб, что регулируется законом.

Статья 6

Клятва

«Клянусь Всемогущим Богом и кровью мучеников соблюдать общественный договор и его статьи, защищать демократические права народов и ценности мучеников, защищать свободу, безопасность регионов Северной Сирии, демократический федерализм, сохранять федеративную Сирию и работать над достижением социальной справедливости в соответствии с принципом демократической нации».

Статья 7

Демократический федерализм Северной Сирии подразумевает федерализацию на основании кантонов, основанных на демократическом самоуправлении, которые зависят от демократических организаций идеологических, этнических, женских, культурных групп и всех социальных слоев.

Статья 8

Демократический федерализм Северной Сирии основан на организованном обществе и свободе личности. В этих рамках местные организации, группы и компоненты народов являются основой этого федерализма.

Статья 9

Демократическая, экологическая и общественная жизнь являются основой для построения экологического демократического общества, чтобы не наносить вред, не злоупотреблять природными ресурсами и не уничтожать природу.

Статья 10

Сосуществование должно быть установлено в рамках справедливой, свободной и демократической системы общества в соответствии с принципами демократической нации, которые полны духа братства между всеми народами и группами на севере Сирии.

Статья 11

Демократический федерализм Северной Сирии основан на принципе передачи земли, воды и ресурсов в государственную собственность; он принимает экологическую промышленность и социальную экономику; он не допускает эксплуатации, монополии и объективации женщин; он осуществляет медицинское и социальное страхование для всех лиц.

Статья 12

Демократический федерализм Северной Сирии принимает систему сопрезидентства во всех политических, социальных, административных и других областях. Он считает это основным принципом равного представительства обоих полов. Система сопрезидентства способствует организации и установлению демократической конфедеративной системы женщин как особого образования.

Статья 13

Свобода и права женщин, гендерное равенство должны быть гарантированы в обществе.

Статья 14

Женщины пользуются свободой воли в демократической семье, основанной на взаимной и равноправной жизни.

Статья 15

Молодёжь считается ведущей и действенной силой в обществе, и её участие гарантируется во всех сферах жизни.

Статья 16

Справедливое представительство всех этнических компонентов во всех административных учреждениях, связанных с федерализмом, должно быть гарантировано в соответствии с демографической реальностью региона.

II. Права и общие свободы

Статья 17

Демократический федерализм Северной Сирии должен соблюдать международную Декларацию прав человека и все связанные с ней Хартии прав человека.

Статья 18

Право на жизнь имеет важное значение и гарантируется в этом контракте, который не допускает применения смертной казни.

Статья 19

Человеческое достоинство должно быть защищено, и недопустимы психологические или физические пытки кого-либо; виновные должны нести наказание.

Статья 20

Народы, группы и слои общества имеют право свободно организовываться. Культурное угнетение и поглощение, истребление или оккупация считаются преступлением против человечности; сопротивление таким действиям считается законным.

Статья 21

Каждый кантон или группа имеют право решать свои дела, если это не противоречит настоящему договору.

Статья 22

Всем людям гарантируется свобода веры, совести и мысли, право на самоорганизацию и самовыражение.

Статья 23

Каждый имеет право участвовать в политической жизни, баллотироваться в качестве кандидата в советы и избираться в соответствии с законом.

Статья 24

Никто не может быть оскорблён или исключен на основании различия в цвете кожи, пола, расы, религии или убеждений.

Статья 25

Применение насилия, манипулирование и дискриминация в отношении женщин считаются преступлением, наказуемым по закону.

Статья 26

Женщины имеют право на равное участие во всех сферах жизни (политической, социальной, культурной, экономической, административной и других) и принимают решения по своим делам.

Статья 27

Молодёжь имеет право самоорганизовываться и занимать управленческие должности во всех сферах жизни с учетом своих особенностей.

Статья 28

Каждый подсудимый считается невиновным, пока не будет осужден по закону.

Статья 29

Частные места или дома не могут быть захвачены или обысканы, кроме как по распоряжению судебной власти или в случаях задержания на месте преступления.

Статья 30

Индивидуальная свобода не может быть ограничена без законного основания.

Статья 31

Право на самооборону является священным и не может быть ограничено. Закон гарантирует каждому право на судебное расследование.

Статья 32

Каждый имеет право жить в здоровом экологическом обществе.

Статья 33

Культурные, этнические и религиозные группы и составные части имеют право создавать свои формы самоуправления, сохранять свою культуру и создавать свои демократические организации. Никакая из составляющих не имеет права навязывать свои убеждения другим сторонам силой.

Статья 34

Образование должно быть бесплатным на всех этапах; начальное и среднее образование является обязательным.

Статья 35

Каждый гражданин имеет право на труд, здравоохранение, перемену места жительства и получение жилья.

Статья 36

Права всех работников на работе и в общественной жизни, а также поддержка их организаций должны гарантироваться и регулироваться законом.

Статья 37

Свобода средств массовой информации, печати и издательского дела гарантируется.

Статья 38

Каждый гражданин имеет право на получение и доступ к информации.

Статья 39

Все люди имеют право развивать и освещать свою культурную и художественную деятельность.

Статья 40

Каждый человек имеет право искать человеческое и политическое убежище; политический беженец не может быть возвращен в свою страну без его согласия.

Статья 41

Богатство и природные ресурсы находятся в государственной собственности; и их использование, управление и условия справедливого распределения регулируются законом.

Статья 42

Инвестиции должны осуществляться в специальные проекты, учитывающие экологический баланс, предоставляя необходимые услуги для экономического развития, направленные на удовлетворение социальных потребностей и способствующие активизации и налаживанию общественной экономической деятельности.

Статья 43

Право частной собственности гарантируется, если оно не противоречит общему интересу и регулируется законом.

Статья 44

Участие всех граждан в законной защите Демократического федерализма Северной Сирии или Демократического сирийского федерализма является правом и обязанностью с целью сдерживать любое нападение (агрессию).

Статья 45

Гарантируются права людей с особыми потребностями, обеспечивается достойное проживание инвалидов и пожилых людей.

Статья 46

Права ребенка охраняются законом; насильственный труд и манипулирование ребенком должны быть предотвращены.

III. Социальная система

Глава 1

Статья 47

Народы и группы в рамках Демократического федерализма Северной Сирии должны организовать свою свободную и демократическую общественную жизнь на основе формирования коммун, общественных институтов, союзов и собраний. На основе этих институтов должна развиваться и устанавливаться демократическая система общества.

Статья 48

Коммуны

Коммуна является существенной базовой организационной формой непосредственной демократии. Это система для принятия решений и управления в рамках своих организационных и административных границ. Она работает как независимый совет на всех этапах принятия решений.

Статья 49

Советы

Это социальные единицы, которые представляют людей для обсуждения и решения дел и формулируют политику, начиная с деревень, квар-

талов, городов и районов. Они защищают общество, обеспечивают его преемственность и реализацию его целей в политической, социальной, культурной и экономической областях. Они организуют общество, обеспечивая прямую демократию и устанавливая правила и принципы, относящиеся к демократической и свободной жизни.

Статья 50

Все советы формируются в соответствии со следующими принципами:

Советы состоят из достаточного количества избранных членов в зависимости от численности населения; 60% представителей избираются народом напрямую, а 40% избираются от имени компонентов населения, групп и социальных слоев. Это должно регулироваться специальным законом в соответствии с консенсуальной демократией.

1. Ни один член советов и исполнительных органов не может быть кандидатом на пост сопрезидента более двух сроков.

2. Совет села, района, города, области или района формируется из представителей, избранных демократическим путем в пределах их границ проживания этническими, религиозными, культурными группами, социальными слоями или общинами. Срок выборов определяется правилами процедуры советов.

3. Советы избирают в достаточном количестве членов районных и городских координационных советов, а также городских и районных исполнительных органов. Они избирают своих сопредседателей и организуют свою деятельность через комитеты.

4. Советы утверждают членов судебной системы и администрации внутренней безопасности и осуществляют надзор за ними.

Глава 2

Районные советы

Статья 51

Район в социально ориентированной системе Демократического федерализма Северной Сирии является продолжением города и включает его окрестности.

1. Окружной совет является органом законодательной власти, избирается свободным голосованием народов и групп и формируется в соответствии с законами о выборах. Он состоит из достаточного количества членов в соответствии с численностью населения и размером района.

2. Формирует политику всего округа и принимает необходимые решения.

3. Организует деятельность и формирует комитеты в соответствии с принципами демократической нации.

4. Избирает свой исполнительный совет.

5. Утверждает членов органов юстиции и местного управления безопасности района.

6. Следит за правосудием, внутренней безопасностью и административными системами в округе.

Статья 52

Исполнительный совет района

1. Он состоит из достаточного количества членов и двух сопредседателей, избираемых районным советом.

2. Он реализует решения и применяет политику, принятую районным советом. Он подотчетен районному совету и предоставляет ему отчёты о своей регулярной деятельности.

3. Организует и осуществляет свою деятельность через комитеты, состоящие из достаточного числа членов. Сопредседатели в каждом комитете координируют его деятельность. Сопредседатели комитетов должны быть из числа членов исполнительного совета округа.

Глава 3

Кантональная система

Статья 53

Кантон в Демократическом федерализме Северной Сирии — это самоуправляемая единица, состоящая из округа, нескольких округов или нескольких регионов, которые имеют одни и те же исторические, демографические, экономические и культурные характеристики и географически интегрированы.

Статья 54

Права, полномочия и обязанности кантонов

1. Кантоны демократического самоуправления в рамках Демократического федерализма Северной Сирии организуются и управляют своими делами в соответствии с принципами демократического самоуправления в политической, экономической, социальной областях, вну-

тренней безопасности, здравоохранении, образовании, обороны и культуры. Они пользуются правами и полномочиями, указанными в законах, закрепленных в Демократическом федерализме Северной Сирии.

2. Каждый кантон должен организовать себя в соответствии с принципами самодостаточности в экономическом секторе. Это поможет обеспечить общее социальное процветание и богатство Демократического федерализма Северной Сирии в соответствии с его силой и условиями; он получает свою долю из общего бюджета федерализма.

3. Все кантоны должны принять справедливое распределение подземных и наземных богатств в Демократическом федерализме Северной Сирии и Демократической федерации Сирии (нефть, вода, запасы полезных ископаемых, лес).

4. Каждый кантон имеет право строить и развивать свою систему правосудия при условии, что это не противоречит общественному договору Демократического федерализма Северной Сирии и договорам и хартиям международных прав человека.

5. Каждый кантон несет ответственность за организацию и укрепление своей системы внутренней безопасности.

6. Каждый кантон имеет право на законную защиту от иностранных нападений (агрессии), а также несет ответственность за защиту Демократического федерализма Северной Сирии и Демократической федерации Сирии.

7. Каждый кантон имеет право развивать и устанавливать дипломатические, экономические, социальные и культурные отношения с соседними народами и странами при условии, что они не противоречат общественному договору Демократического федерализма Северной Сирии и Демократического федерализма Сирии.

8. Составные части каждого кантона имеют право вести и устанавливать свою политическую, социальную и культурную жизнь, используя свои родные языки и культуры.

9. Принципы, правила и механизмы каждого пункта прав, полномочий и обязанностей кантонов, указанных выше, должны определяться отдельными и подробными законами.

Статья 55

Народное собрание в кантоне

1. Это представительное собрание народов и групп в каждом кантоне; он принимает законы, контролирует и формирует общую политику; его

избирательный срок составляет четыре года; и его механизм работы регулируется законом.

2. 40% членов ассамблеи кантона формируются из непосредственно и демократически избранных представителей этнического, религиозного, доктринального и культурного компонентов; это должно регулироваться законом. 60% представителей народа избираются на всеобщих выборах.

3. Первое заседание проводится на шестнадцатый день после объявления окончательных результатов по всем регионам высшей избирательной комиссией. Сопредседатели исполнительного совета созывают первую сессию избранного Народного собрания. Если первое собрание не проводилось по форс-мажорным причинам, сопредседатели исполнительного совета определяют другую дату в течение пятнадцати дней. Кворум должен быть 50%+1 от общего числа присутствующих. Первое собрание Народного собрания возглавляет старший участник; избираются сопредседатели и должностные лица; сессии открыты, когда это необходимо в соответствии с правилами их процедуры.

4. Срок полномочий Народного собрания может быть продлен на шесть месяцев в исключительных случаях по требованию четверти депутатов или совета при председателе собрания; требуется одобрение двух третей членов собрания.

5. Член собрания пользуется иммунитетом в течение всего срока своего членства в собрании; он/она не несет ответственности за свое мнение; он / она не может быть привлечен к ответственности без разрешения собрания, если только он не будет пойман с поличным на месте преступления, о чем должно быть проинформировано собрание.

6. Формирует политику и принимает решения, касающиеся социальной, экономической, внутренней безопасности, образования, здравоохранения и культуры в кантоне.

7. Избирает должность из шести членов, включая сопредседателей, для организации и управления деятельностью собрания.

8. Осуществляет мониторинг и надзор через свои комитеты.

9. Избирает сопредседателей исполнительного совета большинством в две трети голосов и поручает им сформировать исполнительный совет для его утверждения. Оно имеет право выразить недоверие исполнительному совету или любому из его членов.

10. Утверждает членов органов юстиции, внутренней безопасности, советов по средствам массовой информации, издательскому делу и информации и контролирует их деятельность.

11. Организует и проводит деятельность через комитеты, совет, проводит регулярные заседания и собирается по мере необходимости.
12. Работает в соответствии со своими правилами и процедурами.
13. Закрепляет и устанавливает законы в кантоне.
14. Утверждает общий бюджет кантона.
15. Утверждает общую политику и планы развития кантона.
16. Утверждает и объявляет всеобщую амнистию в кантоне.

Статья 56

Исполнительный совет кантона

1. В его состав входят сопредседатели, их заместители и несколько советов; он должен обеспечить справедливое представительство людей, групп и социальных слоев общества.
2. Исполнительная система в кантоне применяет решения народных собраний и органов юстиции и представляет им регулярные отчеты о своей деятельности.
3. Организуются через правления в соответствии с принципами демократической нации и соответствующим образом формирует свою коллективную исполнительную власть. Сопредседатели совета ставят задачи советам.
4. Правление представлено двумя содокладчиками, выбранными из числа членов исполнительного совета. Каждый совет состоит из достаточного количества членов и представителей в соответствии с его деятельностью.
5. Формирование и организация работы исполнительного совета, а также взаимоотношения между другими управлениями и учреждениями регулируются законом.
6. После того, как исполнительный совет сформирован и получил доверие, он выступает с заявлением, определяющим повестку дня на следующем этапе, и совет обязуется реализовать его в течение своего срока после одобрения его Народным собранием.

Глава 4

Конференция демократических народов

Статья 57

Конференция демократических народов представляет все народы, проживающие в рамках Демократического федерализма Северной Сирии. Это символ интеграции, братства, сосуществования и свободного

демократического союза народов Северной Сирии. В конференции участвуют курды, арабы, сирийцы, ассирийцы, армяне, туркоманы, черкесы, чеченцы. Из доктринальных и культурных групп в неё входят мусульмане, христиане и езиды. Она принимает во внимание исторические, демографические, географические, религиозные, доктринальные, этнические и культурные аспекты и особенности всех народов и групп; она формируется на основе их требований и воли.

Демократическая конференция народов обеспечивает право народов и групп на создание демократического самоуправления. Она обеспечивает вероисповедную, этническую и культурную свободу в соответствии с законом. Она создает демократическую систему в организации общества и дает ему возможность жить в экономическом и экологическом равновесии.

Демократическая народная конференция рассматривает организацию демократического самоуправления кантонов, групп и местных единиц как основу демократического федеративного устройства. Она направлена на объединение всех групп в рамках демократического федерализма Северной Сирии по их собственной воле.

Статья 58

Формирование и организация конференции демократических народов

1. Члены демократической народной конференции избираются один раз в четыре года народом в соответствии с Законом о выборах населением каждого кантона.

2. Демократическая народная конференция принимает законы и обычно представляет народы и группы в рамках Демократического федерализма Северной Сирии.

3. Члены конференции демократических народов избираются следующим образом: 40% из них избираются демократическим и прямым путем от имени этнических, религиозных, доктринальных и культурного компонентов общества в зависимости от состава населения, от социальных слоев, в зависимости от их организационного уровня в обществе согласно Закону о выборах. 60% представителей народа избираются прямым голосованием на всеобщих выборах.

4. Демократическая народная конференция управляется канцелярией председателя, состоящей из двух сопредседателей и четырех заместителей. Два кандидата на пост председателя и сопредседатели предлагаются для участия в конференции с согласия представителей групп и социальных

слоев на общей конференции. Сопредседатели избираются абсолютным большинством голосов, в то время как члены канцелярии председателя избираются половиной плюс один голос на общем собрании конференции.

5. Демократическая народная конференция работает через комитеты. Она дает окончательный проект резолюций и проектов, которые предлагаются собранию общей конференции. При необходимости она может формировать необходимые комитеты. Их деятельность осуществляется в соответствии с правилами процедурами.

Статья 59

Задачи конференции демократических народов

1. Избирает сопредседателей и канцелярию председателя конференции.

2. Избирает сопредседателей исполнительного совета большинством в две трети голосов и поручает ему сформировать исполнительный совет в месячный срок для его утверждения; имеет право выразить недоверие исполнительному совету или любому из его членов.

3. Формирует общую политику и решает стратегические задачи во всех сферах жизни общества.

4. Подготавливает или изменяет общественный договор по требованию четверти членов конференции и по согласованию с двумя третями её членов.

5. Объявляет состояние мира и войны в рамках Демократического федерализма Северной Сирии.

6. Принимает все законы, касающиеся Демократического федерализма Северной Сирии.

7. Контролирует советы через комитеты.

8. Конференция проводит очередные и внеочередные заседания, дает оценку своей деятельности, планирует будущую деятельность, обсуждает предложенные проекты и утверждает их.

9. Утверждает членов совета юстиции, системы внутренней безопасности, средств массовой информации, издательского и информационного совета, высшей избирательной комиссии и осуществляет надзор за их деятельностью.

10. Утверждает назначение и продвижение общего руководства военного совета и контролирует его деятельность.

11. Обсуждает и утверждает хартии и договоры, заключённые с межнациональными учреждениями, государствами или различными группами от имени и в рамках Демократического федерализма Северной Сирии.

12. Продление избирательного срока демократической народной конференции на шесть месяцев возможно в исключительных случаях по ходатайству четверти членов или президиума конференции и с согласия двух третей её членов.

13. Одобряет присоединение региона или кантона к системе Демократического федерализма Северной Сирии после принятия им Общественного договора.

14. Утверждает общий бюджет в рамках Демократического федерализма Северной Сирии.

15. Одобряет и предоставляет всеобщую амнистию в рамках Демократического федерализма Северной Сирии.

Статья 60

Задачи канцелярии председателя конференции

1. Представляет конференцию демократических народов в рамках Демократического федерализма Северной Сирии и отвечает за организацию, координацию, осуществление и надзор за всей деятельностью конференции.

2. Организует и контролирует общие собрания конференции.

3. Назначает и контролирует комитеты.

Статья 61

Исполнительный совет системы федерализма

1. Она сформирована достаточным количеством участников, и оба пола представлены в равной степени. Принято справедливое представительство народов, групп и социальных слоев в кантоне. Членство в исполнительном совете может быть представлено на 20% из тех, кто не является членом конференции.

2. Члены исполнительного совета избираются из числа кандидатов, предложенных советами кантонов из числа членов конференции. Другим членам предлагается заменить тех, кто не утвержден конференцией, принимая во внимание справедливое представительство кантонов.

3. Сопредседатели исполнительных советов кантонов имеют право при необходимости присутствовать на заседаниях исполнительного совета системы федерализма.

4. Сопредседатели исполнительных советов кантонов не имеют права быть кандидатами на пост сопредседателя исполнительного совета федерализма.

5. Сопредседатели представляют исполнительный совет и руководят его деятельностью.

Статья 62

Задачи исполнительного совета федерализма

1. Реализует решения и применяет политику, сформированную и утвержденную конференцией демократических народов в рамках Демократического федерализма Северной Сирии.

2. Ведёт дипломатическую деятельность от имени системы Демократического федерализма Северной Сирии.

3. Обеспечивает координацию и сотрудничество между кантонами в политической, экономической, социальной и культурной сферах.

4. Контролирует работу советов.

5. Предоставляет отчёты на конференции демократических народов в рамках Демократического федерализма Северной Сирии.

6. Исполнительный совет в рамках Демократического федерализма Северной Сирии организуется через правления и формирует свою исполнительную коллективную силу в соответствии с запросами демократической нации.

7. Каждый совет состоит не менее чем из шести членов, включая сопредседателей, которые контролируют и координируют его работу; они должны быть из членов исполнительного совета.

8. Правления исполнительного совета Демократического федерализма Северной Сирии контролируют, поддерживают и координируют работу кантональных правлений.

Глава 5

СМИ, издательское дело и информационная политика

Статья 63

1. Средства массовой информации, издательские и информационные учреждения организуются самостоятельно в соответствии с принципом свободного и демократического издательского дела и средств массовой информации. Необходимо способствовать развитию и поддержке средств массовой информации и издательских учреждений, а также обеспечивать свободную деятельность средств массовой информации в рамках закона; не допускать монополии в сфере средств массовой информации и издательского дела; осуществлять мониторинг и надзор

за реализацией свободы средств массовой информации в соответствии с правом общества получать новости и необходимую информацию. Необходимо обеспечить справедливую и равную финансовую поддержку для всех средств массовой информации и издательств в соответствии с правовыми рамками.

2. Учреждение состоит из достаточного количества членов, половина из которых избирается конференцией или советами кантонов, и в их состав входят представители компонентов и социальных слоев; а другая половина избирается национальными СМИ.

3. Гарантируется право осуществлять деятельность в соответствии с принципами медийного и издательского права. Она организуется в соответствии с сферами деятельности, формируется в комитеты и ведет деятельность в соответствии с принципами своих правил и процедур.

4. Народные собрания кантонов и Демократическая народная конференция контролируют эту деятельность.

Глава 6

Законные силы (само)обороны

Статья 64

Сирийские демократические силы — это вооружённые силы обороны в рамках системы Демократического федерализма Северной Сирии. Формируются на основе добровольного набора людей, с одной стороны, и целями самообороны — с другой. Им поручено защищать Демократический федерализм Северной Сирии и Демократическую федеративную Сирию от любого нападения или возможной внешней угрозы. Они обеспечивают защиту жизни и имущества граждан. Они организуются полунезависимым образом в соответствии с законом о системе военного найма. Их деятельность контролируется демократическим народным собранием и советом обороны.

Глава 7

Совет общественного договора (конституционный совет)

Статья 65

Совет по общественному договору состоит из судей, юристов и экспертов; их количество, метод отбора и работа совета определяются

законом и утверждаются двумя третями членов конференции демократических народов. При выборе членов совета общественного договора народная конференция принимает во внимание представительство всех общественных компонентов.

Статья 66

Задачи совета по общественному договору

1. Интерпретирует пункты общественного договора.
2. Следит за тем, чтобы законы, принятые народной конференцией, решения, принятые исполнительным советом, а также законы и решения, принятые советами кантонов, не противоречили друг другу.
3. Разрешает любые разногласия, связанные с применением настоящего договора, между конференцией демократических народов, исполнительным советом и советом правосудия.
4. Улаживает любые разногласия между федерализмом и кантонами или между кантонами.
5. Если какая-либо из сторон дала показания об оспаривании конституционности правового акта, примененного судом, и суд, рассматривающий возражение, счел эти доказательства достоверными и подлежащими вынесению решения, он прекращает дело и направляет доказательства в суд совета по общественному договору.
6. Утверждает результаты выборов и всеобщих референдумов.

Глава 8

Система правосудия

Статья 67

Демократическая система правосудия решает проблемы, связанные с правосудием и социальными правами, посредством участия и самоорганизации людей. Видение справедливости основано на моральных принципах демократического общества. Он направлен на построение общества, которое придерживается демократического подхода, видения и экологии, верит в свободу женщин и общественную жизнь и самоорганизуется на основе демократического общества. Службы правосудия осуществляются посредством общественного участия и организации демократически сформированных местных единиц.

Статья 68

Принципы справедливости

1. Социальная справедливость считается основой для организации и самозащиты общества. Это зависит от решения социальных проблем, связанных с правосудием в деревнях, кварталах и уездных коммунах. Проблемы (конфликты) решаются посредством диалога, переговоров и взаимного согласия.

2. Действия, причиняющие вред общественной жизни и окружающей среде, признаются преступлением. При совершении преступления потерпевшие имеют возможность защитить свои права. Общество имеет право оценивать ущерб, критиковать и вносить предложения, участвовать в принятии решений.

3. Наказания должны быть направлены на реабилитацию виновных, принуждение их к возмещению вреда, воспитание сознания, правильное включение их в общественную жизнь.

4. В отношении проблем, связанных с отношениями между народами, группами и социальными слоями, формируются механизмы правосудия и разрабатываются специальные методы решения при условии, что они не противоречат общественному договору или основным правам человека.

5. Что касается вопросов, связанных с общими интересами и безопасностью всех народов и групп, то они решаются в рамках системы правосудия, представляющей все общество.

6. Специальные женские организации и равноправное представительство женщин являются основой в сфере правосудия и его институциональной деятельности. Решения, связанные с женщинами, рассматриваются женской системой правосудия.

Статья 69

Способы организации и основы работы системы правосудия

Система правосудия состоит из комитетов по примирению, органов юстиции, комитетов по расследованию, совета правосудия и женского совета правосудия. Они являются основными институтами, действующими для достижения и установления социальной справедливости; их члены избираются народными советами.

1. Комитеты примирения разрешают конфликты и споры и добиваются мира и общественного согласия. Они организуются везде и на

всех уровнях по мере необходимости, от коммуны до кантона; их члены состоят из добровольцев и социально уважаемых людей.

2. Органы юстиции — это системы, которые организуются в городах, районах и там, где это необходимо, для устранения несправедливости в отношении общин и отдельных лиц и достижения справедливости. Члены предлагаются советами юстиции в кантоне, и за них голосуют народные собрания в округах. По мере необходимости в городах и районах формируются органы юстиции.

3. Следственные комитеты являются специализированными системами правосудия, которые расследуют и раскрывают преступления для достижения справедливости. Они выполняют свои задачи после того, как за них проголосовал и одобрил совет в районе их проживания.

4. Советы юстиции в кантонах организуют и контролируют органы юстиции в кантонах. Члены избираются Народным собранием кантона путем голосования. Они обеспечивают справедливое и демократическое представительство народов, групп и социальных слоев на основе квот для органов правосудия.

5. Совет правосудия в рамках Демократического федерализма Северной Сирии отвечает за надзор и мониторинг системы правосудия. Он предоставляет отчёты, проекты и проекты резолюций, касающихся деятельности правосудия, конференции демократических народов. Он обеспечивает взаимную координацию между кантонами. Члены предлагаются советами юстиции кантонов и голосованием.

6. Женский совет правосудия в демократическом федерализме Северной Сирии занимается всеми вопросами и делами, касающимися женщин и семьи. Он имеет право контролировать и координировать свои действия с судебными советами кантонов.

Глава 9

Высшая комиссия по выборам

Статья 70

1. Одна треть её членов должна быть предложена советом правосудия в рамках Демократического федерализма Северной Сирии; остальные две трети предложены представителями социальных групп и социальных слоев; все они должны быть одобрены демократической народной конференцией.

2. Комиссия состоит из достаточного и определенного числа членов. Она отвечает за планирование, организацию и проведение всенародных референдумов, регулируемых законом, избрание членов общего собрания демократической народной конференции, избрание членов народных советов в кантонах и всех законных и демократических выборов в соответствии с законом.

3. Высшая избирательная комиссия разрешает дела о возражениях против выборов, и её постановления не могут быть обжалованы; он работает в соответствии со своими правилами и процедурами.

4. Организует и формирует избирательные комиссии в кантонах. Одна треть его членов предлагается советом юстиции кантона, а остальные две трети — представителями социальных групп и слоев, что утверждается народными советами кантонов.

5. Избирательная комиссия в кантонах организует и формирует свои комитеты в округах в соответствии со своим регламентом.

6. Она может направлять своих членов в качестве наблюдателей на выборы политических партий и официальных учреждений в федеральных округах и кантонах.

IV. Общие принципы

Статья 71

Отношения между системами Демократического федерализма Северной Сирии и Демократического федерализма Сирии должны быть определены на всех уровнях в соответствии с согласованной демократической конституцией.

Статья 72

Все выборные администрации подлежат надзору со стороны избравших их органов. Избирательные системы имеют право в случае необходимости выразить недоверие своим представителям; это должно регулироваться законом.

Статья 73

Референдум проводится по всем решающим (значимым) вопросам, связанным с общественным интересом, таким как формулирование

общественного договора, заключение или аннулирование международных договоров или изменение формы (политической) системы.

Статья 74

Местные социальные группы имеют право возражать против решений общих систем, которые противоречат их интересам и не согласуются с их волей и целями, если возражение не разрешается общим консенсусом путем представления решений назначенным лицам для его утверждения.

Статья 75

В случае если решения кантонов или местных органов противоречат общим интересам или общественному договору, эти решения могут быть отклонены советом общественного договора.

Статья 76

Защита природы и экологический баланс должны поддерживаться в обществе.

Статья 77

Природные ресурсы являются общественным достоянием, они должны использоваться в соответствии с потребностями кантонов и это должно регулироваться законом.

Статья 78

Инвестирование иностранного капитала допускается в правовых рамках и с одобрения Демократической народной конференции и Народного собрания в кантоне.

Статья 79

Политические партии и движения могут создаваться, свободно организовываться и осуществлять свою деятельность в рамках закона.

Статья 80

Социальные институты и организации, такие как коллективы, ассоциации, синдикаты, союзы, палаты и другие, могут свободно организовываться в рамках законов Демократического федерализма Северной Сирии. Демократические организации социальных слоев и групп могут развиваться и поддерживаться во всех сферах.

Статья 81

Ни один член Демократической народной конференции и Народного совета в кантонах не может иметь право быть кандидатом более двух сроков подряд.

Статья 82

Возраст избирателей и кандидатов должен быть не менее восемнадцати лет для всех учреждений и советов федеральной системы. Условия выдвижения кандидатуры и избрания регулируются специальным законом.

Статья 83

Изменение общих принципов этого договора требует согласия народных собраний в кантонах и одобрения 75% членов Демократической народной конференции.

*Учредительное собрание системы
Демократического федерализма
Северной Сирии*

29.12.2016

Приложение 2

ИНИЦИАТИВА ПО РАЗРЕШЕНИЮ СИРИЙСКОГО КРИЗИСА

(принята Демократическим советом ААСВС

18 апреля 2023 г.)

Политический кризис, разразившийся в 2011 г., обернулся бурными народными волнениями и всплеском революционных настроений, охвативших общество. На протяжении более двенадцати лет поиски его решения не привели к ощутимым положительным сдвигам. Основываясь на нашей ответственности перед сирийским народом во всём многообразии его национальных и культурных традиций и в соответствии с принципами политического решения Демократического совета, направленного на всестороннее и мирное урегулирование кризиса, Автономная администрация Северной и Восточной Сирии (ААСВС), состоящая из демократических институтов, администраций, политических партий, сил и организаций, предлагает инициативу, которая могла бы положить конец страданиям миллионов сирийцев.

Сирийский кризис имеет политические, экономические и социальные последствия. Сотни тысяч сирийцев погибли. Многомиллионное население Джераблуса, Эль-Баба, Азаза, Идлиба, Африна, Рас-эль-Айна (Серекание), Эт-Телль-эль-Абьяда (Гре-Спи) и других районов Сирии было вынуждено покинуть свои дома, стать либо внутренне перемещёнными лицами (ВПЛ), либо беженцами. Большое количество сирийцев подвергается бесчеловечному обращению в некоторых странах, принимающих беженцев. Разрушительное землетрясение, произошедшее в Турции и Сирии 6 февраля 2023 г., значительно усугубило бедственное положение людей, особенно сирийских ВПЛ и беженцев. Правительство Турции, возглавляемое Партией справедливости и развития (ПСР) и Партией националистического движения (ПНД), дискриминирует сирийских беженцев, нуждающихся в оказании гуманитарной помощи.

Во всей Сирии большинство сирийцев живут в тяжелейших условиях и ежедневно сталкиваются с серьёзными проблемами, такими как нищета, безработица, расизм, незащищённость и нестабильность.

Последствия землетрясения приумножили лишения и усилили мучительную реальность.

Многонациональный сирийский народ не должен страдать от катастрофической гуманитарной ситуации. Его общины ждут срочного мирного решения, гарантирующего безопасность и демократическое будущее, способное обеспечить свободную и достойную жизнь в стране.

Всем ответственным политическим силам необходимо работать совместно, находясь в непрерывном диалоге, и предпринимать шаги для нахождения консенсуса.

Автономная администрация Северной и Восточной Сирии осознаёт свои обязательства перед всеми сирийцами, поэтому стремится к всестороннему содействию для установления мира и скорого выхода из кризиса, особенно принимая во внимание то, что международные площадки и инициативы, такие как Женевские мирные переговоры по Сирии, переговоры по Сирии в Астане, Конституционный комитет Сирии и другие, к сожалению, не дали существенных результатов. Позитивные изменения зависят от сложной совокупности условий и факторов. Возможно, предполагаемый эффект не был достигнут по следующим основным причинам:

- 1) отсутствие правильного анализа и диагностики сирийского кризиса;
- 2) отсутствие программы мирного и демократического решения;
- 3) отказ от участия активных сирийских сил в процессе диалога и руководство решениями, предлагаемыми из-за рубежа.

Кроме того, сирийские власти не смогли сыграть позитивную и эффективную роль, ведущую к политическому урегулированию сирийского кризиса. Они должны были с самого начала искать пути мирного разрешения и призывать все стороны к рассмотрению шагов выхода из нестабильности и смуты, но остались вне этого уравнения, что затянуло процесс и продлило жизнь кризису, усугубляющему страдания нашего народа.

Соответственно, решение сирийского кризиса необходимо искать внутри страны, и сирийскому правительству необходимо проявить ответственную позицию, принять меры, способствующие положительной результативности.

Очень важно, чтобы все политические силы (включая партии, женские и молодёжные организации) независимо от того, крупные они или малые,

имели право голоса и собственное мнение в определении перспектив сирийской администрации, а также в построении устойчивого успешного управления страной. Вопрос представленности и всеобщего участия несёт ключевое значение в достижении мира, согласия и стабильности.

Сирия — многонациональная и многоконфессиональная страна. Любое жизнеспособное решение должно вовлекать все группы в создание образа будущего и урегулирование сирийского кризиса.

Для этого надлежит уточнить следующие моменты:

1. Автономная администрация Северной и Восточной Сирии (AACBC) подтверждает единство сирийских земель и считает, что проблемы, с которыми сталкивается Сирия, могут быть решены только в рамках единства Сирии. В этом контексте и для достижения решения AACBC подтверждает свою готовность встретиться и вести диалог с сирийским правительством и всеми сирийскими сторонами для консультаций и обсуждений с целью выдвижения инициатив по поиску решения сирийского кризиса.

2. Сирийский кризис стал результатом отсутствия демократической и социальной политики и непризнания разнообразных этнических и религиозных общин Сирии. Каждая этническая и религиозная группа имеет свои особенности и право на равенство по факту гражданства. У всех сирийцев есть общие черты и разные культуры, которые необходимо признавать и уважать, чтобы обогатить национальную структуру Сирии. Поэтому любое демократическое решение должно признавать законные права всех религиозных и этнических общин, таких как арабы, курды, сирийцы, ассирийцы и другие. Коллективные права сирийских общин должны быть защищены, а демократические ценности и механизмы должны быть разработаны для построения административно-политической системы, основанной на демократии, плюрализме и децентрализации, обеспечивающей равные права для всех сирийцев без исключения.

3. Опыт подтвердил, что благодаря демократической системе, действующей в районах Северной и Восточной Сирии, все народы региона могут пользоваться одинаковыми правами и жить свободно в атмосфере безопасности и стабильности. Это также доказывает и то, что народы могут решать свои проблемы через органы самоуправления, осуществляющие непосредственный контроль граждан над управлением делами регионов, чтобы преодолевать препятствия общими стараниями.

Безусловно, социал-демократическая гармония и стабильность были достигнуты благодаря участию в управлении всех политических, культурных и общественных групп.

Мы считаем, что эта социальная, демократическая и экологическая модель, основанная на свободе женщин и защите окружающей среды и применяемая в наших регионах, способна стать опорой и одним из основных инструментов урегулирования кризиса в Сирии и, как следствие, приведёт к избавлению от проблем, причиняющих страдание сирийскому обществу.

4. Автономная администрация Северной и Восточной Сирии подчеркивает, что экономическое богатство и ресурсы должны быть справедливо распределены между всеми сирийскими регионами. Ресурсы в северной и восточной части Сирии, такие как нефть, газ и сельское хозяйство, как и прочие ресурсы в других регионах Сирии, принадлежат всем сирийцам. ААСВС подчеркивает необходимость достижения соглашения с сирийским правительством о совместном использовании ресурсов посредством диалога и переговоров.

Для удовлетворения основных потребностей населения и доставки помощи во все районы необходимо вновь открыть пограничный переход Аль-Ярубия (Таль-Кочер), а также другие пункты пропуска. Основная ответственность в этом отношении лежит на сирийском правительстве. Можно найти разумное решение, устраивающее все стороны и отвечающее интересам сирийцев.

5. С целью уменьшения проблем и ограничения рисков, с которыми сталкивается сирийский народ всех групп, перемещённых из регионов проживания или мигрировавших за пределы страны, и с намерением положить конец их человеческим страданиям Автономная администрация Северной и Восточной Сирии выражает свою готовность принять людей в пределах своих возможностей, как она принимала других сирийцев с самого начала своего создания. Соответственно, Автономная администрация Северной и Восточной Сирии примет необходимые в этом отношении меры.

6. Мы подтверждаем, что наша борьба и усилия в противостоянии терроризму были и продолжают для сдерживания террористических организаций ДАИШ (ИГИЛ) и других террористических объединений, а также для устранения их угрозы в отношении Сирии, региона и мира в целом. Мы взяли на себя ответственность предотвратить опас-

ность, исходящую от этих организаций. ААСВС, защищая общий мир от насилия, потеряла тысячи своих мужчин и женщин в борьбе с терроризмом.

7. Турецкое оккупационное правительство углубило кризис в Сирии, разрушило территорию страны и её единство, а также поддерживало террористические группировки, такие как ИГИЛ и прочие. Вмешательство турецкого правительства в Сирию направлено на то, чтобы отвлечь внимание от собственных внутренних кризисов и экспортировать свои проблемы на соседей посредством агрессии и использования террористических и наемных групп. Агрессивные действия турецкого государства привели к масштабным трагедиям и нарушениям прав человека, а также к изменению демографического состава нашего региона.

Причины всех проблем на сирийско-турецкой границе можно отнести к агрессивной политике коалиционного правительства Турции ПСР и ПНД, стремящегося влиять на внутреннюю политику Сирии и перекраивать политическую ситуацию в соответствии со своими интересами. Доводы и аргументы, которые выдвигает правительство Турции для оправдания своей враждебности к ААСВС, абсолютно далеки от действительности. Попытка покушения на главнокомандующего Сирийскими Демократическими Силами (СДС) в Сулеймании — ярчайшее тому подтверждение. У ААСВС нет вражды с турецким народом, турецкое государство должно прекратить оккупацию сирийских земель. Наш народ хочет жить в мире с турецким народом и всеми соседними странами. Но в силу объективных обстоятельств мы подтверждаем, что воспользуемся своим правом на законную защиту в случае любой турецкой агрессии против нашего народа и нашей земли.

8. Для разработки демократического и мирного решения по Сирии мы хотели бы обратиться к арабским странам, Организации Объединённых Наций и всем активным международным силам в сирийском вопросе и попросить их сыграть конструктивную роль в поиске общего решения с сирийским правительством, ААСВС и национально-демократическими силами.

9. Мы ещё раз подтверждаем, что для разрешения кризиса в рамках единства и целостности Сирии, а также для разработки и реализации политического решения во имя будущего Сирии и для защиты интересов сирийского народа у нас есть чёткий подход, который мы предлагаем всем сторонам для создания основы диалога и согласия.

Инициатива имеет общенациональную значимость. Мы приглашаем всех принять участие и внести в неё свой вклад на текущем этапе, консолидируя труд и усилия, направленные на преодоление разногласий и прекращение конфликта таким образом, чтобы это не противоречило Резолюции Совета Безопасности 2254 и всем соответствующим резолюциям ООН. Мы готовы обсудить все точки зрения, проекты решения и организацию необходимых процедур для всестороннего охвата вопроса и начала переговоров.

Для разрешения сирийского кризиса мы взяли на себя историческую и гуманитарную ответственность, полностью осознавая, что сотни тысяч наших людей погибли, миллионы граждан страдают от исключительно тяжёлых условий, и, исходя из этой ответственности, призываем сирийское правительство и все национально-демократические силы откликнуться на предлагаемую инициативу и совместно работать над поиском общего решения, которое положит конец мучениям сирийцев и поможет нам восстановить нашу Родину.

18.04.2023

Автономная администрация
Северной и Восточной Сирии

ЛИТЕРАТУРА

Андреев И. Л. Общинные структуры и некапиталистический путь развития. Владимир, 1973.

Аралов С. И. Воспоминания советского дипломата. 1922–1923. М.: Изд-во ИМО, 1960.

Арутюнян А. Э. Курдская проблема как фактор дестабилизации турецко-сирийских отношений // Курды Западной Азии (XX — начало XXI в.). Проблема курдского самоопределения. М.: ИВ РАН, 2012. С. 100–117.

Багиров А. Г. О курдах Сирии // Ближний и Средний Восток: история, экономика, политика. Ч. 1. Ин-т востоковедения АН СССР. 1987.

Бадини Р. Аль-Асад и курды: закон джунглей. М., 2004.

Балашов Ю. А. Проблемы разделенных народов и варианты их решения в международно-политическом континууме : автореф. дисс. канд. полит. наук. Нижний Новгород, 2008.

Ближний Восток в поисках политического будущего / науч. ред. В. Г. Барановский, В. В. Наумкин. М.: ИВ РАН, 2019.

Богатуров А. Д., Виноградов А. В. Анклавно-конгломератный тип развития. Опыт транссистемной теории // Восток — Запад — Россия. Сборник статей. К 70-летию академика Н. А. Симонии. М.: Прогресс-Традиция, 2002. С. 109–128.

Васильев Л. С. Протогосударство-чифдом как политическая структура. // Народы Азии и Африки. 1980. № 6. С. 157–175.

Вертяев К. В. Беженцы как негосударственные игроки. Иракский Курдистан и миграционный кризис (на примере провинции Дохук) // Восточная аналитика. 2021. Вып. 4.

Вертяев К. В. Курдский вопрос в политике Турции (конец XX — начало XXI века). М., 2007. 251 с.

Вертяев К. В. Политическое переформатирование у границ Турции: последствия операции «Оливковая ветвь» и оккупации сирийского Африна // Труды Института востоковедения РАН. Вып. 20. Политическая трансформация на мусульманском востоке: опыт Турции и других стран / отв. ред. И. Г. Саетов, Н. Ю. Ульченко. М.: ИВ РАН, 2019.

Вертяев К. В. Сирийские курды как протогосударственный субъект // Международные процессы. 2021. Т. 19. № 3 (66). С. 22–42.

Вертяев К. В. Протогосударственность региона Курдистан (Ирак): динамика и процесс национальной консолидации в условиях культурно сложного общества // Вестник ИВ РАН. 2020. № 4 (10).

Вертяев К. В. Политический аспект курдского вопроса на Ближнем Востоке: формирование двух форм протогосударственности в Сирии и Ираке // XXXI Международный конгресс по источниковедению и историографии стран Азии и Африки: Россия и Восток: к столетию политических и культурных связей Новейшего времени. 23–25 июня 2021 г.: материалы конгресса. СПб.: Изд-во Студия «НП-Принт», 2021. С. 322–323.

Вертяев К. В. Автономная администрация северо-восточной Сирии: феномен протогосударственности (к постановке проблемы) // Этно-социокультурные процессы в странах Азии и Африки: проблема идентичности. Сборник материалов международной научно-практической конференции молодых ученых. М.: ИСАА МГУ, 2020. С. 89–93.

Вертяев К. В., Жигалина О. И., Иванов С. М. Политические процессы в курдских ареалах стран Западной Азии. М.: ИВ РАН, 2013.

Вертяев К. В., Иванов С. М. Курдский национализм: История и современность. М.: Ленанд, 2015. 348 с.

Викторов В. Ю., Гусев А. А. Политология. М.: Директ-Медиа, 2016.

Гринин Л. Е. О стадиях эволюции государства. Проблемы теории // История и современность. Март 2006. № 1. С. 3–37.

Громыко А. Русский мир: понятие, принципы, ценности, структура. 26.03.2010. URL: <https://russkiymir.ru/publications/190922/>

Дюрре М. Самоопределение курдов Сирии: истоки, формы и международные перспективы // Вестник МГИМО-Университета. 2017. № 4 (55). С. 185. Режим доступа: URL: <https://doi.org/10.24833/2071-8160-2017-4-55-183-193>

Жигалина О. И. Мулла Мустафа Барзани. Политический портрет. М.: ИВ РАН, 2013. 240 с.

Жигульская Д. В. Восстание турецких курдов в Дерсиме (1937–1938 гг.) // Известия РГПУ им. А. И. Герцена. 2013. № 161. С. 19–24.

Заяц Д. В. Территориальные конфликты на современной политической карте мира: очаги и риски сепаратизма : дисс. канд. геогр. наук. Моск. пед. гос. ун-т, 1999.

Звягельская И. Д. Суверенитет и государственность на Ближнем Востоке — невыносимая хрупкость бытия // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2017. Т. 2. № 10. С. 91–109.

Жизнь без государства: революция в Курдистане. М.: Common place; Nevale, 2017. 366 с.

Иванов С. М. О курдской проблеме Сирии // Курды Западной Азии (XX — начало XXI в). Проблема курдского самоопределения. М.: ИВ РАН, 2012.

Иванов С. М. Курдский фактор в современной Сирии. Государство, общество, международные отношения на мусульманском Востоке / отв. ред. Белокреницкий В. Я., Ульянов Н. Ю. М.: ИВ РАН, 2014. С. 281–297.

Иванова И. И. Сирийский фактор в российско-турецких отношениях // Россия и Турция в новой мировой политической среде. М.: ИМИ МГИМО, 2015.

История Югославии. 1941–1996 гг. Учебно-методическое пособие СПГУ. 2011.

Кашанина Т. В. Происхождение государства и права. М.: Высш. шк., 2004. 325 с.

Киссинджер Г. Мировой порядок. М.: АСТ, 2015.

Колосов В. А., Себенцов А. Б., Туров Н. Л. Неконтролируемые территории в современном мире: теория, генезис, типы, динамика // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2021 Т. 14. № 1.

Косолапов Н. А. Россия: территория в пространствах глобализирующегося мира // Мировая экономика и международные отношения. 2005. № 7. С. 3–14.

Кропоткин П. А. Государство и его роль в истории. СПб., 1896.

Кропоткин П. А. Взаимопомощь как фактор эволюции. М.: Самообразование, 2011.

Кропоткин П. А. Речи бунтовщика. Гл. 13. Представительный образ правления. СПб.–М.: Голос Труда, 1921.

Кузнецов В. А. Постсекулярный век неомодерна. Ближневосточный извод. Государство, религия, церковь. 2017. № 3 (35). URL: <https://doi.org/10.22394/2073-7203-2017-35-3-85-111>

Кузнецов В. А., Звягельская И. Д. Проблемы государственности на Ближнем Востоке // Свободная мысль: международный общественный журнал. 2015. № 4 (1652). С. 18–31.

Кузнецов В. А., Салем В. Безальтернативная хрупкость: судьба государства-нации в арабском мире. Россия в глобальной политике. 13.03.2016. URL: <https://www.globalaffairs.ru/articles/bezalternativnaya-hrupkost-sudba-gosudarstvanaczii-v-arabskom-mire/>

Куликов Г. И. Курды Халебского вилайета Османской империи по донесениям Российского консула. 1913 год // Восточный архив. 2018. № 2 (38).

Лазарев М. С. Империализм и курдский вопрос (1917–1923). М.: Наука, 1989.

Лазарев М. С. Курдистан и курдский вопрос (1923–1945). М.: Вост. лит. РАН, 2005.

Лахути А. Курды и Курдистан. М.: Новый Восток, 1923. Кн. 4.

Лебский М. А. Курды. Потерянные на Ближнем Востоке. М.: Алгоритм, 2016.

Лебский М. А. Экономика Рожавы. 2014. URL: <https://prometej.info/ekonomika-rozhavy/>

Ленин В. И. Седьмой экстренный съезд РКП(б), 6–8 марта 1918 г. Политический отчет Центрального комитета. 7 марта // ПСС. Т. 36. Март–июль 1918. М.: Политиздат, 1974.

Лихачев К. А. Особенности развития терроризма в Республике Индии во второй половине XX века // Вестн. Волгогр. гос. ун-та. Сер. 4 : История. 2011. № 1 (19). С. 75–77.

Лукичев П. Н., Скорик А. П. Квазигосударственность: историко-теоретический концепт 20 лет спустя. Комментарий к ранее опубликованному концепту. 2013. URL: <https://www.npi-tu.ru/index.php?id=2028>

Маврина Ю. В. Концепция внешней политики Турции Ахмета Давутоглу // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. История. Международные отношения. 2014. Т. 14. Вып. 1.

Мазур О. А. Курдский вопрос в политическом конфликте в Сирии (после 2011 г.): дисс. канд. полит. наук. М.: ИСАА МГУ, 2016.

Мазур О. А. Курдский вопрос в политическом конфликте в Сирии. М.: Изд-во Ин-та Ближ. Востока, 2019.

Матвеев И. А. Национальная и общеарабская слагаемые политики Сирии на Ближнем Востоке (1946–2003). М.: Изд-во Ин-та Ближ. Востока, 2004.

Матвеев И. А. Политэкономика Сирии в конфликте: в 2 т. Т. 2: Трудный путь к восстановлению. М.: ИВ РАН, 2022.

Матвеев И. А. Сирия в конфликте. М.: ИВ РАН, 2020.

Минорский В. Ф. Турецко-персидская граница. Материалы по изучению Востока. Вып. 2. СПб., 1915.

Минорский В. Ф. Турецко-персидское разграничение // Петроград: Известия ИРГО, 1916. Т. 52, вып. 5. С. 12–46.

Мирзаян Г. Проблемы федералистского проекта для Сирии. 17.03.2016. URL: <http://www.foreignpolicy.ru/analyses/problemey-federalistskogo-proekta-dlya-sirii/>

Надеин-Раевский В. А. Экстремизм и терроризм в современной Турции // Пути к миру и безопасности. 2017. № 1 (52). С. 182–204.

Нарочинская Е. А. Государство и вызов сепаратизма: между сецессией, автономией и новым регионализмом. Перспективы. Электронный журнал. № 3. 2015. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/gosudarstvo-i-vyzov-separatizma-mezhdusetsessiey-avtonomiey-i-novym-regionalizmom>

Наумкин В. В. Глубоко разделенные общества Ближнего и Среднего Востока: конфликтность, насилие, внешнее вмешательство // Вестник Московского университета. Серия 25. Международные отношения и мировая политика. 2015. № 1. С. 66–96. URL: <https://rucont.ru/efd/485857>

Наумкин В. В. Модель не-Запада: существует ли государство-цивилизация? // Полис. Политические исследования. 2020. Т. 29. № 4. С. 78–93.

Наумкин В. В., Кузнецов В. А. К вопросу о типологизации негосударственных акторов на Ближнем Востоке // Мировая экономика и международные отношения. 2020. Т. 64. № 6. С. 104–113. URL: <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2020-64-6-104-113>

Новейшая история арабских стран Азии. 1917–1985. М.: Наука, 1988.

Оджалан А. Курдистанская действительность с XIX века по настоящее время и движение РПК. М.: Axina Welat, 1998. 376 с.

Оджалан А. В защиту народа. М.: Астрейя-Центр, 2007.

Оджалан А. Проблема преодоления капиталистического модернизма и демократизация. Цивилизация. Эпоха божеств в масках и безликих королей. Т. 1. М., 2011.

Оджалан А. Социология свободы. Т. 3. М.: Зебра-Е, 2013.

Озмаян М. С. Рожава в условиях пандемии — 2020 (Автономная администрация Северной и Восточной Сирии) // Мусульманский Ближний и Средний Восток: Современные процессы, история и историография. М.: ИВ РАН, 2021.

Патиев Ф. А. Курдские автономные районы современной Сирии. Курдский фактор в региональной геополитике. (Материалы круглого стола) / ред. Арбатов А. Г., М.: ИМЭМО РАН, 2015. С. 51–54.

Пакрадуни К. Неудавшийся мир. Мандат Ильяса Саркиса (1976–1982). М.: Прогресс, 1987.

Полититические процессы в курдских этноареалах стран западной Азии (Ираке, Турции, Сирии, Иране). М.: ИВ РАН, 2013.

Попов Ф. А. География сецессионизма в современном мире. М.: ИВ РАН, 2012.

Рамзи. Р. Сирия и региональная перестройка. 22.09.2022. URL: <https://ru.valdaiclub.com/a/highlights/siriya-i-regionalnaya-perestroyka/>

Розалиев Ю. Н. Мустафа Кемаль Ататюрк: Очерк жизни и деятельности / Ин-т всеобщ. истории РАН. М.: Изд. фирма «Вост. лит.», 1995.

Рудковская О. М. Формирование национальной интеллигенции Сирии во второй половине XX века : дисс. канд. ист. наук. М.: ИСАА МГУ, 2005.

Семенов Ю. И. Философия истории. URL: <https://history.wikireading.ru/283157>

Силаева З. В. Признание независимости спорных государств в современной мировой политике // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2011. № 7 (13): в 3-х ч. Ч. 1. С. 134–138.

Страбон. География в 17 книгах. Книги XI, XIII. М.: Ладомир, 1994.

Туровский Р. Ф. Политическая география. М.–Смоленск: Изд-во СГУ, 1999.

Флах А, Айбога Э, Кнапп М. Курдистан. Реальная демократия в условиях войны и блокады. М.: Радикальная теория и практика, 2016.

Цветы пустыни. 10 лет революции в Рожаве. М.: Напильник, 2022.

Чернышевский Н. Г. Критика философских предубеждений против общинного землевладения. Избранные философские произведения. Т. 2. М., 1960.

Шабаб М. Сираат аль-Мунадиль аль-Курди Сабри Осман (Апо). Бейрут, 2000.

Шараф-хан ибн Шамсаддин Бидлиси. Шараф-наме / перев., предисл., примеч. и прилож. Е. И. Васильевой. М.: Наука, 1967.

Шлыков П. В. Историческая динамика социальных протестов в Турции. // Вестник Московского университета. Серия 13. Востоковедение. 2015. № 4. С. 34–55.

A Small Key Can Open A Large Door: The Rojava Revolution. Strangers in a Tangled Wilderness, 2015. 190 p.

Adalet B. Wheat, Land, and Politics in Cold War Turkey // Rockefeller Archive Center Research Reports. Cornell University, 2017 (1–8).

Al S. Human Security Versus National Security: Kurds, Turkey and Syrian Rojava // Comparative Kurdish Politics in the Middle East. Actors, Ideas, and Interests. Palgrave Macmillan Cham, 2018.

Albarazi Z. The Stateless Syrians. N. Y. 2013. 131 p.

Albarazi Z. The Stateless Syrians // Tilburg Law School Research Paper. No. 011/2013. URL: <https://www.refworld.org/pdfid/52a983124.pdf>

Alderson A. The Structure of the Ottoman Dynasty. Oxford: Clarendon Press, 1956.

Al-Haj Saleh Y. The Impossible Revolution: Making Sense of the Syrian Tragedy. L.: C. Hurst & Co, 2017.

Allison B. Proxy War as Strategic Avoidance. A Quantitative Study of Great Power Intervention in Intrastate Wars, 1816–2010 // Midwest Political Science Association 76th Annual Meeting. April 2018. URL: https://www.researchgate.net/publication/323457828_Proxy_War_as_Strategic_Avoidance_A_Quantitative_Study_of_Great_Power_Intervention_in_Intrastate_Wars_1816-2010

Allsopp H. The Kurds of Syria: Political Parties and Identity in the Middle East. L.: I. B. Tauris, 2014.

Altuğ S., White B. T. Borders and State Power: The Turkish-Syrian Border in the 1920s and 1930s // Vingtième Siècle. Revue d'histoire. 2009. Vol. 103. Iss. 3. P. 91–104.

Anderson Ph. “Summer Madness”: The Crisis in Syria, August–October 1957 // British Journal of Middle Eastern Studies. 1995. Vol. 22. No. 1/2. P. 21–42.

Atatürk K. Nutuk. C. 3. Ankara, 1987.

Ataturk'un TBMM 5.Donem 3. Yasama yılının açış konuşması. Millet Meclisi Tutanak Dergisi. D. V, C. 20, Sa. 3. 01.11.1937. URL: https://www5.tbmm.gov.tr/tarihce/ataturk_konusma/5d3yy.htm

Aykan M. B. The Turkish-Syrian Crisis of October 1998: A Turkish View // Middle East Policy. 1999. Vol. 6. No. 4.

Baladi E. The number one party: The Kurdish political movement in Syria 10.05.2017. URL: <https://english.enabbaladi.net/archives/2017/05/kurdish-political-movement-syria/>

Balanche F. How to Preserve the Autonomy of Northeast Syria. TWI English. 15.03.2022. URL: <https://www.washingtoninstitute.org/policy-analysis/how-preserve-autonomy-northeast-syria>

Barth F. Principles of social organization in Southern Kurdistan. Universitets Etnografiske Museum Bulletin. No. 7. Oslo: Brødrene Jørgensen, 1953. 154 p.

Biehl J. Bookchin, Öcalan, and the Dialectics of Democracy // Challenging Capitalist Modernity. Alternative Concepts and the Kurdish Quest. Hamburg University, 2012.

Bishku M. Turkish-Syrian Relations: A Checkered History // Middle East Policy. 2012. Vol. 18. No. 3.

Bobick M. Sovereignty and the Vicissitudes of Recognition: Peoplehood and Performance in a De Facto State. PoLAR: Political and Legal Anthropology Review. May 2017. Vol. 40. No. 1. P. 158–170.

Bookchin M. Social Ecology and Communalism // AK Press. 2007.

Bookchin M. The meaning of confederalism. Green Perspectives. 03.11.1990. URL: http://dwardmac.pitzer.edu/Anarchist_Archives/bookchin/gp/perspectives20.html

Bozarslan M. Syria rejects Russian proposal for Kurdish federation. URL: 24.10.2016. <https://www.al-monitor.com/originals/2016/10/turkey-russia-mediates-between-kurds-and-assad.html>

Briy A. Rojava: statelessness in a time of pandemic. 19.05.2020 <https://www.opendemocracy.net/en/north-africa-west-asia/rojava-statelessness-time-pandemic/>

Casier M. Beyon Kurdistan? The Mesopotamia Social Forum and the appropriation and re-imagination of Mesopotamia by the Kurdish movement // Journal of Balkan and Near Eastern Studies. 2011. Vol. 13. No. 4. P. 417–432.

Cemgil C. The republican ideal of freedom as non-domination and the Rojava experiment:

Cengiz S. Why is the 1998 Adana pact between Turkey and Syria back in the news? 25.01.2019. URL: <https://www.arabnews.com/node/1441931>

Chukov V. Kurds — “External” and “internal” in Syria, Khaibun’s Organization and “Arab Security Belt” (Security Belt Forces). 5th International e-Conference on Studies in Humanities and Social Sciences. Belgrade: Center for Open Access in Science (COAS), 28 June 2020. P. 113–122. URL: <https://centerprode.com/conferences/5IeCSHSS/5IeCSHSS.pdf>

Claessen H. J. M., Skalnik P. (ed.) *The Early State*. The Hague: Mouton, 1978. 689 p.

Cordesman A. *The Arab-Israeli Military Balance. Conventional Realities and Asymmetric Challenges*. SCIS, 2010. 55 p.

Cumhuriyet Ansiklopedisi (CA). Cilt 4. Ankara, 2017.

Dawisha A. *The Second Arab Awakening: Revolution, Democracy, and the Islamist Challenge from Tunis to Damascus*. N. Y.–L.: W. W. Norton & Company, 2013. 251 p.

Demirel E. *Geçmişten Günümüze PKK ve Ayaklanmalar*. İstanbul, 2005.

Dinç P. *The Kurdish Movement and the Democratic Federation of Northern Syria: An Alternative to the (nation-) state model?* // *Journal of Balkan and Near Eastern Studies*. 2020. Vol. 22. No. 1. P. 1–21.

Disney D. B. *The Kurdish Nationalist Movement and External Influences*. Monterey, California: Naval Postgraduate School, 1980. 238 p.

Driver G. R. *Kurdistan and the Kurds*. Mount Carmel: G.S.I. Printing Section, 1919.

Duman Y. *Remembering the ‘Forgotten’ Kurds in Syria* // *E-International Relations*. 23.10.2024. URL: <https://www.e-ir.info/2014/10/31/remembering-the-forgotten-kurds-in-syria/>

Erkmen S. *Türkiye ve Suriyeli Kürtler: Güven Bunalımı, Tıkanmışlık ve Bir Arada Yaşama* // *Orta Doğu Analizi*. Kasım 2012. C. 4.

Finer H. *Dulles over Suez. The theory and practice of his diplomacy*. Chicago: Quadrangle Books, 1964.

Foucher M. *Fronts et frontières: un tour de monde géopolitique*. Paris: Fayard, 1991. 201 p.

Genç E. *Book Reviews: Thomas Schmidinger, Rojava: Revolution, War and the Future of Syria’s Kurds*, London: Pluto Press, 2018, 298 p. // *Kurdish Studies*. 2018. Vol. 6. No. 2. P. 246–263.

Gökcan Ö. *Türkiye Suriye İlişkilerinde Bir Kırılma Noktası: Ekim 1998 Krizi veya diğer bir ifade ile “ilan edilmemiş savaş”*. *Akademik İncelemeler Dergisi*. 2018. C. 13 (1).

Gunter M. *Out of Nowhere: The Kurds of Syria in Peace and War*. L.: Hurst & Company, 2014.

Gürel B., Küçük B., Taş S. *Land occupation as a form of peasant struggle in Turkey, 1965–1980* // *New Perspectives on Turkey*. 2022. Vol. 67. P. 4–31. URL: <https://doi.org/10.1017/npt.2022.3>

Halhalli B. Kurdish Political Parties in Syria: Past Struggles and Future Expectations. Comparative Kurdish Politics in the Middle East. Actors, Ideas, and Interests. 2018.

Harith H., Khadour K. The Making of the Kurdish Frontier: Power, Conflict, and Governance in the Iraqi-Syrian Borderland. 30.03.2021. URL: <https://carnegie-mec.org/2021/03/30/making-of-kurdish-frontier-power-conflict-and-governance-in-iraqi-syrian-borderlands-pub-84205>

Harris W. The Syrian Kurds. A house divided // Marine Corps University Journal. 2013. Vol. 4. No. 1.

Hetcher M. Internal Colonialism: The Celtic Fringe in British Development. University of California, 1975. 311 p.

Hirschler K. Defining the Nation: Kurdish Historiography in Turkey in the 1990s // Middle Eastern Studies. 2001. Vol. 37. No. 3. P. 145–160.

Hoffman M., Makovsky A. Northern Syria Security Dynamics and the Refugee Crisis. Washington, D.C.: Center for American Process, 26.05.2021. URL: <https://www.americanprogress.org/article/northern-syria-security-dynamics-refugee-crisis/>

Horowitz D. Patterns of Ethnic Separatism // Comparative Studies in Society and History. 1981. Vol. 23. No. 2. P. 165–195.

Isin E. Theorizing Acts of Citizenship. L.: Zed Books, 2008.

İsmet İnönü'nün TBMM'deki Konuşmaları. 1920–1973. Ankara, 1992.

Jongerden J., Akkaya A. The Kurdistan Workers Party and a New Left in Turkey: Analysis of the revolutionary movement in Turkey through the PKK's memorial text on Haki Karer // European Journal of Turkish Studies. 2012. No. 14. URL: <http://journals.openedition.org/ejts/4613>; <https://doi.org/10.4000/ejts.4613>

Jongerden J., Akkaya A. Democratic Confederalism as a Kurdish Spring: the PKK and the quest for radical democracy // M. M. A. Ahmed, M. M. Gunter (eds.). The Kurdish Spring: Geopolitical Changes and the Kurds. Bibliotheca Iranica: Kurdish Studies Series. 2013. No. 12. P. 163–185.

Jwaydeh W. Kurdish National Movement. Its Origins and development. Syracuse University Press, 2006.

Kaplan Ç. Öcalan: “Türkiye’nin Rojava siyaseti Kürde karşı savaş siyasetidir”. Evrensel. 23.09.2014. URL: <https://www.evrensel.net/haber/92546/ocalan-turkiyenin-rojava-siyaseti-kurde-karsi-savas-siyasetidir#.VEwZUfmsWsk>

Karabat A. Suriye Savaşları. İstanbul: Timaş Yayın Grubu, 2013.

Kaya Z., Lowe R. Curious question of the PYD-PKK relationship // The Kurdish Question revisited. Ed. by Shareef M., Stansfield G. Hurst Publishing, 2017.

Knapp M., Jongerden J. Communal Democracy: The Social Contract and Confederalism in Rojava // Comparative Islamic Studies. Vol. 10. No. 1 (2014). P. 87–109.

Knight D. B. Identity and Territory: Geographical Perspectives on Nationalism and Regionalism // Annals of the Association of American Geographers. 1982. Vol. 72. No. 4. P. 514–531.

Kolsto P. The Sustainability and Future of Unrecognized Quasi-States // Journal of Peace Research. 2006. Vol. 43. No. 6. P. 723–740.

Kongar E. Toplumsal Değişme kuramları ve Türkiye Gerçeği. İstanbul: Bilgi Yayınları, 1979.

Landis J. Shishakli and the Druzes: Integration and Intransigence // The Syrian Land: Processes of Integration and Fragmentation: Bilād al-Shām from the 18th to the 20th Century. Ed. by T. Philipp and B. Schäbler. Stuttgart: Franz Steiner Verlag, 1998.

Leezenberg M. Iraqi Kurdistan: A Porous Political Space // Anatoli. Les Kurdes: puissance montante au Moyen-Orient. 2017. No. 8.

Mahmoud R. Al-Kawaid al-Izhtimaiya Lil Ahzab al-Kurdish as Surya (The Social Foundations of the Syrian Kurdish Parties). Al-Jumhuriya. 04.08.2015. URL: <https://www.aljumhuriya.net/ar/33717>

Mampilly Z. C. Rebel Rulers: Insurgent governance and civilian life during war. N. Y.–L.: Cornell University Press, 2011.

Marcus A. Blood and Belief: The PKK and the Kurdish Fight for Independence. 2007. 363 p.

McColl R. W. The Insurgent State: Territorial Bases of Revolution // Annals of the American Association of Geographers. 1969. Vol. 59. No. 4. P. 613–631.

McDowall D. A Modern History of the Kurds. 3rd Edition. L.: I. B. Tauris, 2004.

McDowall D. A Modern History of the Kurds. 4th Edition. L.: I. B. Tauris, 2020.

McGee Th. The Stateless Kurds of Syria: Ethnic Identity and National I.D // Tilburg Law Review. 2014. Vol. 19. Iss. 1–2. P. 171–181.

Mutlu S. The Economic Cost of Civil Conflict in Turkey // Middle Eastern Studies. 2011. Vol. 47. No. 1. P. 63–80. URL: <http://www.jstor.org/stable/27920341>

Natali D. The Kurds and The State: Evolving National Identity in Iraq, Turkey and Iran. Syracuse University Press, 2005. 236 p.

Natil I. Turkey's Foreign Policy Challenges in the Syrian Crisis // *Irish Studies in International Affairs*. 2016. Vol. 27. No. 1.

Nazdar M. The Kurds in Syria // *A People Without a Country: The Kurds and Kurdistan*. Gerard Chaliand (ed.). L.: Zed Books, 1993. P. 194–201.

Niebuhr C. Reisebeschreibung nach Arabien und andern liegenden den Landern Ausgabe. Amsterdam, 1780.

Olson R. Ba'th and Syria, 1947–1982: The Evolution of Ideology, Party and State from the French Mandate to the Era of Hafiz Al Asad. New Jersey: The Kingston Press, 1982.

Özoğlu H. “Nationalism” and Kurdish Notables in the Late Ottoman — Early Republican Era // *International Journal of Middle East Studies*. 2001. Vol. 33. No. 3. P. 383–409. URL: <http://www.jstor.org/stable/259457>

Path K., Kanavou A. Converts, not ideologues? The Khmer Rouge practice of thought reform in Cambodia, 1975–1978 // *Journal of Political Ideologies*. 2015. Vol. 20. Iss. 3. P. 304–322. URL: <https://doi.org/10.1080/13569317.2015.1075266>

Pegg S. International Society and the De Facto State. L.: Routledge, 1998.

Petran T. Syria. N. Y.: Praeger, 1972.

Records of the Kurds: Territory, Revolt and Nationalism, 1831–1979. British Documentary Sources (Cambridge Archive Editions), 2016. Vol. 7.

Rondot P. (2 juin 1904–6 avril 2000) // *Etudes kurdes*. Novembre 2000. № 2.

Rondot P. Les Kurdes de Syrie // *La France méditerranéenne et africaine*. II/2. Paris: Sirey, 1939. P. 81–126.

Ross K. Communal Luxury: The Political Imaginary of the Paris Commune. L.–N. Y.: Verso, 2016.

Saeed S. The Kurdish National Movement in Turkey: From the PKK to the KCK. The University of Exeter, 2014.

Schmidinger T. The Battle for the Mountains of the Kurds: Self-Determination and Ethnic Cleansing in the Afrin Region of Rojava. Panel discussion. 25.11.2019. URL: <https://events.ceu.edu/2019-11-25/battle-mountain-kurds-self-determination-and-ethnic-cleansing-afrin-region-rojava>

Schmitt-Egner P. The Concept of “Region”: Theoretical and Methodological Notes on its Reconstruction // *European Integration*. 2002. Vol. 24. No. 3. P. 25–34.

Şeker S. Savaşın Günümüze Kadar Türkiye'nin Suriye Politikası. Değişim ve Devamlılık 2011–2022. İstanbul: T. C. Maltepe Üniversitesi, 2022. P. 47. URL: <https://>

openaccess.maltepe.edu.tr/xmlui/bitstream/handle/20.500.12415/10823/10530289.pdf?sequence=1&isAllowed=y

Şimşir B. Kürtçülük II. 1924–1999. Ankara, 2009.

Sinclair Ch, Kajjo S. The Evolution of Kurdish Politics // The Arab Revolts. Dispatches on Militant Democracy in the Middle East Indiana University Press. 2013. P. 177–187.

Slavoj Žižek Teaches at Kobane University. Bianet. April 21, 2021. URL: <https://bianet.org/english/world/242693-slavoj-zizek-teaches-at-kobane-university>

Stansfield G. The evolution of the political system of the Kurdistan region of Iraq // Between State and Non-State: Politics and Society in Kurdistan-Iraq and Palestine. 2017. P. 61–76.

“States as they are” or a new socio-political imagination? // Philosophy and Social Criticism. 2016. Vol. 42. Iss. 4–5. P. 412–426.

Stein G. Endkampf um Kurdistan? Die PKK, die Türkei und Deutschland. München: Aktuell, 1994. 220 p.

Sunar İ. State and Society in the Politic of Turkey’s Development. Ankara, 1974.

Szekely O. Proto-State Realignment and the Arab Spring // Middle East policy. 2016. Vol. 23. Iss. 1. P. 75–91.

Tejel J. States of Rumors: Politics of Information Along the Turkish-Syrian Border, 1925–1945 // Journal of Borderlands Studies. 2022. Vol 37. No. 1. P. 95–113.

Tejel J. Syria’s Kurds: History, Politics and Society, L.: Routledge, 2009.

Tejel J. The Kurdish Cultural Movement in Mandatory Syria and Lebanon: An Unfinished Project of “National Renaissance”, 1932–46 // Iranian Studies. 2014. Vol. 47. No. 5. P. 839–855.

Torelli S. M. (ed.). Kurdistan. An Invisible Nation. ISPI, 2016.

Toynbee A. Angora and the British Empire in the East // The Contemporary review 1923. No. 690.

Unal A. Mesopotamian Indigeneity: The Kurds and Democratic Confederalism Governance Model. Academia Letters. 2021. Article 1911. URL: <https://doi.org/10.20935/AL1911>

Ünal M., Uludağ P. Insisting on victory: Victory versus success in limited and asymmetric wars. Revista Científica General José María Córdova. 2019. Vol. 17. No. 28. P. 891–922. URL: <http://dx.doi.org/10.21830/19006586.522>

Usak H. Review of the book by Aliza Markus “Blood and Belief: The PKK and the Kurdish Fight for Independence”. 06.06.2011. URL: <https://kurdistantribune.com/blood-belief-pkk-kurdish-fight-for-independence/>

van Wilgenburg W. Relations among Syrian Kurdish parties hit new low. 07.02.2014. URL: <https://www.al-monitor.com/originals/2014/02/kurdish-party-relations-in-syria-reach-new-lows.html>

Van Dam N. The Struggle for Power in Syria: Politics and Society Under Asad and the Ba’th Party. L.: I. B. Tauris, 2011.

van Wildenburg W. (trans.). Social Contract of the Democratic Federalism of Northern Syria // Oxford: Co-operation in Mesopotamia Project for Solidarity Economy Association. Reposted from Wladimir van Wildenburg blog. 03.03.2017. URL: <https://mesopotamia.coop/social-contract-of-the-democratic-federation-of-northern-syria/>

Vanlı Ş. Suriye ve Lübnan’da Kürtler. Kürtler (güncel bir araştırma). Istanbul, 1994.

Vanly Ch. Kurdistan und die Kurden. Band 3. Pogrom, 1988.

Wallerstein I. World-Systems Analysis: An Introduction. Durham: Duke University Press, 2007.

Wedeen L. Acting “As If”: Symbolic Politics and Social Control in Syria // Comparative Studies in Society and History. 1998. Vol. 40. Iss. 3. P. 503–523. URL: <https://doi.org/10.1017/S0010417598001388>

White B. The Kurds of Damascus in the 1930s: Development of a Politics of Ethnicity // Middle Eastern Studies. Vol. 46. No. 6. November 2010.

Winter S. The Other Nahḍah: The Bedirxans, The Millîs and The Tribal Roots of Kurdish Nationalism in Syria // Oriente Moderno. 2006. Vol. 86. No. 3. P. 461–474.

Yanarocak H. The Ceaseless Conflict in Anatolia: The Kurds of Turkey and the Ethnic Turkish State. Tel-Aviv University, 2009.

Yayla A. Terrorism in Turkey. Ankara Üniversitesi Siyasal Bilgiler Fakültesi Dergisi // Temmuz-Aralık. 1989. C. XLIV. No. 3–4.

Yildiz K. The Kurds in Syria. The Forgotten People. L.: Pluto Press, 2005.

Yildiz U. Combatting commercial terrorists: the PKK case. Monterey, California: Naval Postgraduate School, 2015. URL: <http://hdl.handle.net/10945/47898>

Zaza N. Ma vie de Kurde, ou, Le cri du peuple kurde. Paris: P.–M. Favre, 1982.

Zisser E. The Kurds in Syria. Caught between the struggle for civil equality and the search for national identity // Kurdish Awakening, National Building in a fragmented Homeland. Austin, 2014.

Пресса и интернет-источники

«Ан-Нахар»

<https://web.archive.org>

middle-east-online.com

ru.wikipedia.org

The Near East

Washington Post

www.rojavainformationcenter.com

www.aa.com.tr

www.arabnews.com

www.arabstoday.net

www.dailysabah.com

www.foreignpolicy.ru

www.hurriyet.com.tr

www.interfax.ru

www.internationalistcommune.com

www.internationalistcommune.com

www.kurdwatch.org

www.left.ru

www.marefa.org

www.medyanews.net

www.mfa.gov.tr

www.nytimes.com

www.ohchr.org/en

www.presidency.gov.krd

www.rbc.ru

www.rudaw.net

www.tass.ru

Научное издание

РОЖАВА: ФЕНОМЕН КУРДСКОЙ АВТОНОМИИ В СИРИИ

Коллективная монография

Редакторы *И. С. Батышев, Н.А. Сидоркина*

Корректор *М. Я. Колесник*

Верстальщик *А. Б. Дунаева*

Оформитель *П. А. Трошина*

Общероссийский классификатор продукции ОК 034-2014 (КПЕС 2008):
58.11.12 — Книги печатные профессиональные, технические и научные

Подписано в печать 26.12.2023. Формат 60×90/16.

Усл. печ. л. 23,5. Уч.-изд. л. 20,2. Тираж 500 экз.

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт востоковедения Российской академии наук (ФГБУН ИВ РАН)
Научно-издательский центр, заведующий *А. О. Захаров*
107031, Россия, г. Москва, ул. Рождественка, д. 12

Архив-каталог книг ФГБУН ИВ РАН — на сайте <https://book.ivran.ru>
Сообщения об опечатках, ошибках и неточностях, обнаруженных в книгах,
изданных ФГБУН ИВ РАН, отправлять на адрес электронной почты izd@ivran.ru

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в типографии ООО «Амирит»

410004, Россия, г. Саратов, ул. Чернышевского, д. 88

Тел.: +7 (800) 700-86-33, +7 (8452) 24-86-33

E-mail: zakaz@amirit.ru. Вебсайт: <http://amirit.ru>